Н.В. Дризень

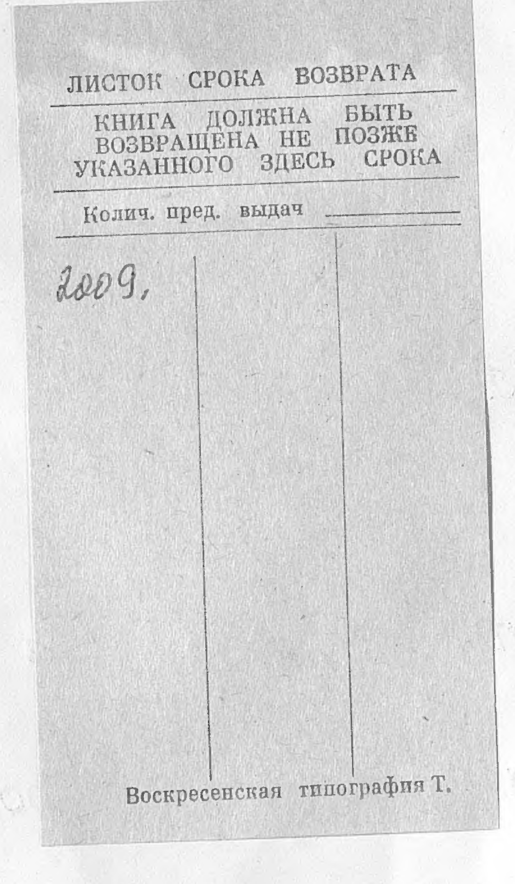
Стопятидесятилетие

императорских театров

Бар. Н. В. Дризенъ.

Стопятидесятилѣтіе Императорскихъ театровъ

(по новымъ архивнымъ свѣдѣніямъ).

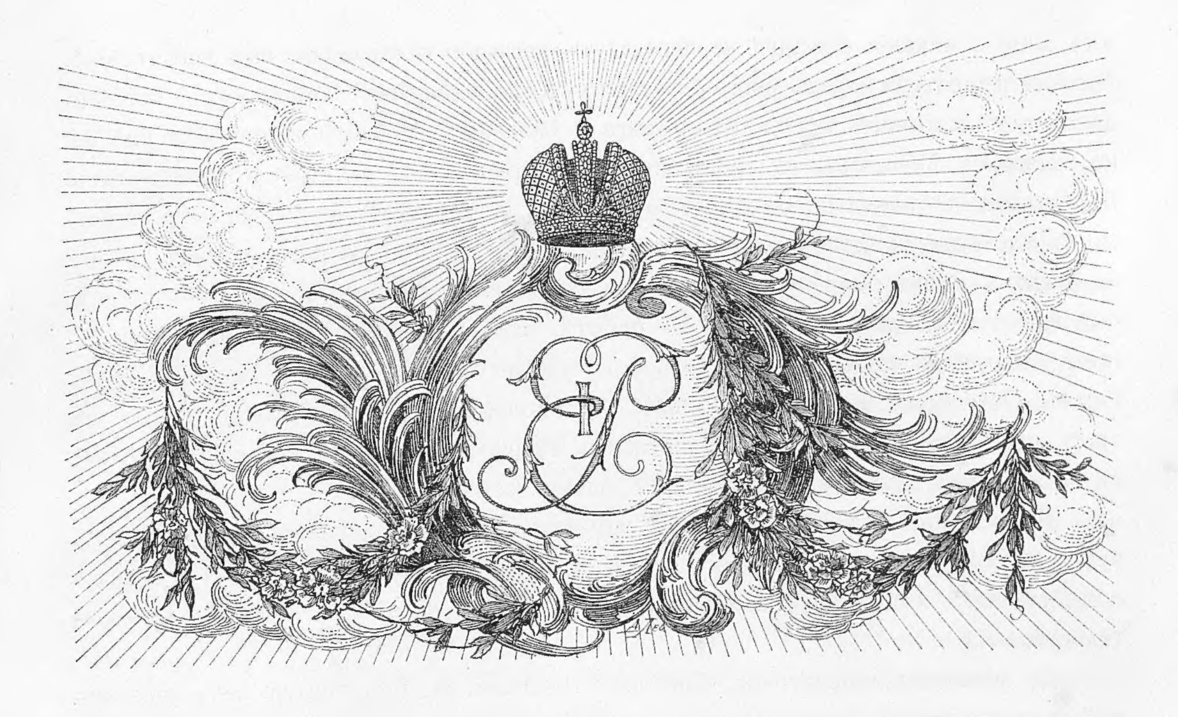

Бар. Н. В. Дризенъ.

Стопятидесятилѣтіе Императорскихъ театровъ.

Приложение к „Ежегоднику
импер-х театров". В. XV
Приложение. Сезон 1904-5 г.

Для огромнаго большинства русской публики 30-го августа 1756 г.—пустой звукъ. Между тѣмъ съ этого дня начинается офиціальное существованіе русскаго драматическаго театра. Съ этого дня государство считается съ нимъ, какъ съ постояннымъ учрежденіемъ. Съ этого дняпрежній скоморохъ, фигляръ легализуется въ русскаго актера. получаетъ права гражданства. Давно извѣстно, что въ семьѣ изобразительныхъ искусствъ, искусство сценическое наиболѣе совершенно. Въ то время, когда литература безсильна изобразить жизнь сразу, а развертываетъ ее постепенно, когда скульптура и живопись представляютъ эту жизнь въ застывшемъ видѣ, не будучи въ состояніи передать развитіе дѣйствія, въ это время драматическое искусство обладаетъ чудеснымъ свойствомъ слить эти качества воедино. Какъ живопись—оно воспроизводитъ внѣшность предметовъ, какъ скульптура—передаетъ ихъ объемъ, какъ литература—изображаетъ дѣйствіе, одухотворяя его живымъ словомъ. Естественно предположить, что такія преимущества театра должны поставить его жрецовъ, актеровъ, въ совершенно исключительныя условія творчества. Иное мы видимъ въ дѣйствительности. Самый обыкновенный писатель, художникъ или ваятель могутъ оставить реальные памятники своего существованія. Ихъ книга, картина, или статуя въ любой моментъ представятъ духовный образъ автора. Одна только личность актера отождествляется съ изображаемымъ имъ характеромъ. Ушелъ актеръ со сцены и ушло изображаемое

имъ лицо и никакія описанія не передадутъ наглядно оставленное имъ впечатлѣніе. Русская литература знаетъ много блестящихъ характеристикъ сценическихъ дѣятелей; достаточно вспомнить статьи Бѣлинскаго о Мочаловѣ. Убѣдили ли они кого нибудь, не знавшихъ Мочалова, въ громадномъ дарованіи этого актера? Конечно, нѣтъ! Бѣлинскому повѣрили на слово,—только всего. Между тѣмъ, какую массу эстетическихъ наслажденій доставилъ актеръ своей публикѣ. Сколько разъ заставлялъ онъ ее плакать, смѣяться, переживать самыя сложныя душевныя ощущенія. Наконецъ, онъ вдохновлялъ другихъ къ той же работѣ. Вѣдь Мочаловы, Щепкины, Каратыгины, Садовскіе—такіе же родоначальники художественныхъ школъ, какъ Пушкинъ, Гоголь, Островскій, Брюлловъ, Рѣпинъ, Антокольскій и проч. Разница только въ томъ, что образы однихъ пережили своихъ творцовъ, другіе же прожили короткій актерскій вѣкъ, завѣщавъ потомству блѣдныя воспоминанія...

Но не всегда значеніе актера исчерпывается его игрой на сценѣ. Исторія знаетъ примѣры, когда съ именемъ артиста связана извѣстная культурная миссія огромнаго общественнаго интереса. Празднуемый нами сегодня юбилей лучшее тому доказательство.

До воцаренія императрицы Елизаветы Петровны русскаго театра, какъ учрежденія не существовало вовсе. Нѣкоторые историки пытаются утверждать противное, ссылаясь на «комидѣйную хоромину» пастора Грегори въ 1672 г., или на публичный театръ въ Москвѣ при Петрѣ Великомъ (1702 г.), но эти примѣры, хотя обнаруживаютъ кое-какія стремленія создать постоянный театръ, однако дальше единичныхъ попытокъ не идутъ. Въ частности Петровскій театръ имѣетъ совершенно спеціальное назначеніе. По свидѣтельству профессора Тихонравова «театръ долженъ былъ служить Петру тѣмъ, чѣмъ была для него горячая, искренняя проповѣдь Ѳеоѳана Прокоповича: онъ долженъ былъ разъяснить всенародному множеству истинный смыслъ дѣяній преобразователя». Ярославской затѣѣ Ѳедора Волкова суждено было проявить совсѣмъ другія особенности. Прежде всего она изумляетъ глубокими *національными* чертами. Впервые, послѣ заѣзжихъ иностранцевъ, иниціатива театральнаго устройства принадлежитъ простому русскому человѣку, съумѣвшему привить ее средѣ, искони враждебной «скоморошьимъ забавамъ». Можно спорить о какихъ угодно фактахъ. Можно утверждать, подобно П. О. Морозову, что титулъ «основателя русскаго театра» принадлежитъ по времени дѣятелямъ болѣе ранней эпохи, но нельзя отрицать одного: театръ національный, театръ, какъ учрежденіе, созданъ Императрицей Елизаветой въ 1756 году и иниціатива его принадлежитъ Ѳедору Волкову и его сподвижникамъ.

I.

Двадцатилѣтнее царствованіе Елизаветы Петровны протекло не безъ славы для Россіи. Наше вліяніе на западную политику, побѣдоносные марши русскихъ войскъ за границу, внутреннее спокойствіе,—все это въ значительной степени усиливало значеніе Россіи среди прочихъ державъ. Подобные результаты должны быть поставлены въ заслугу Елизаветѣ. При наличности рѣзкихъ противоположностей въ характерѣ, она умѣла, когда нужно, быть твердой, а главное, знала, чего хотѣла. Но съ внѣшней, показной стороны это было веселое, легкомысленное существо, иногда поражавшее своими причудами. Костомаровъ разсказываетъ, что проходили цѣлые мѣсяцы, когда министръ (графъ А. П. Бестужевъ) могъ быть допущенъ къ докладу. Въ другомъ случаѣ Императрица собиралась два года отвѣчать французскому королю. Между тѣмъ «каждый вторникъ устраивался во дворцѣ маскарадъ, въ которомъ для забавы мужчины наряжались женщинами, а женщины—мужчинами», въ другіе же дни игрались спектакли. О любви Императрицы къ удовольствіямъ можно судить по тому, что лучшій портретъ ея изображенъ въ маскарадномъ костюмѣ. Своими увлеченіями она какъ будто старалась заглушить тяжелыя воспоминанія молодости, проведенной въ безпрестанной тревогѣ о собственной жизни. Въ это время при Дворѣ подвизались три артистическихъ труппы, по тогдашнему «компаніи»: французская, нѣмецкая и итальянская. Воспитанная французомъ Рамбуромъ, Елизавета чувствовала особенное тяготѣніе ко всему французскому, начиная съ блюдъ, кончая спектаклями. Французскія пьесы обставлялись особенно роскошно. Современникъ даетъ любопытное описаніе спектакля, бывшаго въ іюнѣ 1744 г. по случаю обрученія Наслѣдника престола Петра Ѳеодоровича съ Ангальтъ-Цербетской принцессой, будущей Екатериной Великой. По обычаю эпохи каждый спектакль заключался въ комедіи, балетѣ и какой нибудь пьесѣ, посвященной торжеству. Сначала, для открытія, была представлена «Принцесса Элидская, комедія героическая и любовная». О содержаніи ея хроникеръ почему то умалчивалъ. Затѣмъ слѣдовалъ балетъ, причемъ самое слово «балетъ» являлось настолько новымъ, что хроникеръ считалъ нужнымъ дать ему спеціальное объясненіе; «во французской землѣ балетомъ такое представленіе называютъ, въ коемъ комедіанты чувствованіи свои разными тѣлодвиженіями изображаютъ». Балетъ назывался «Балетомъ цвѣтовъ», «поелику въ немъ актрисы цвѣтками были». Имена участвующихъ въ балетѣ: Роза—Аксинья, Рененкулъ—Елизавета, Анемонъ—Граньякъ, Анемонъ—Аграфена, цвѣтки маргаритки и іасинсы—«три танцовщицы маленькія», Борей—Симонъ. «Театръ представлялъ

нѣкоторый цвѣтникъ, въ которомъ танцовщицы цвѣтками были и каждая изъ нихъ въ платье такого цвѣта одѣта была, какой представляла сама. Роза представляла своимъ другинямъ сладость, каковую она имѣетъ въ томъ, что живетъ подъ законами вѣтра Зефира, также и нетерпѣливость, чтобы скорѣе увидѣть своего любезнаго любовника. Но увеселеніе ея было приведено въ смятѣніе черезъ прибытіе вѣтра Борея, крайняго непріятеля. Увидѣвши Борея, всѣ цвѣтки схоронились. Роза старалась также отъ него убѣжать, но онъ за нею гнался такъ жестоко, что она, напослѣдокъ, увянувши, упала. Борей радовался своей мѣсти и, изъявивши свое чувство прелестнымъ танцемъ, ушелъ. Зефиръ, смотря на оплакуемое состояніе своей любезной Розы, сжалился надъ нею, началъ ее къ ожитію возбуждать, и отъ того мало по малу ожила. Прочіе цвѣтки собрались къ Розѣ и легкимъ своимъ танцемъ объявили радость, каковую они имѣютъ, что удалился Борей и что Зефиръ началъ царствовать». Не меньшій интересъ представлялъ слѣдующій номеръ спектакля, новая комедія въ одномъ дѣйствіи, стихами «сочиненная», «Зенеида», которая, по объясненію хроникера, «еще недавно трогала и забавляла весь французскій дворъ». Постановкой пьесы руководили г. Чулковъ и де-Сереньи. Наконецъ, какъ plat de resistance, дали особое театральное увеселеніе, нарочито для празднествъ составленное, подъ именемъ «Соединеніе любви и брака». Какъ всѣ пьесы подобнаго рода, она должна была дать иллюзію дѣйствительности, увы, не оправдавшейся впослѣдствіи. «Театръ представлялъ нѣкоторое мѣсто изъ садовъ Ея Императорскаго Величества, убранное для веселаго празднованія. Въ срединѣ стояло великое пальмовое дерево, которое доставало до самыхъ облаковъ. Съ одной стороны покрывало оно своими вѣтвями лавровое, а съ другой—миртовое. Пальма, которая значитъ—честь, великость, имперію, побѣду и торжество—посвящена была славѣ Ея Императорскаго Величества; лавръ, который значитъ—науку, достоинство, таланты, храбрость и завоеваніе—посвященъ былъ имени Ея Императорскаго Высочества, благовѣрнаго государя великаго князя; мирта же, которая значитъ—тихость, нѣжность, пріятность и красоту—посвящена была чести Ея Императорскаго Высочества, благовѣрной государыни великой княгини. На самомъ верху пальмоваго дерева видѣнъ былъ преискусно сдѣланный орелъ у котораго на грудяхъ, вмѣсто обыкновеннаго герба, изображено было солнце, окруженное сіяющими лучами, а въ срединѣ у него написано было вензелевое имя Ея Императорскаго Величества, съ надписью: Quid melius? Нѣкоторый шнуръ, убранный цвѣтами, протянутъ былъ изъ солнечныхъ лучей и казался, что связывалъ лавръ и мирту. Подъ пальмою стоялъ гименовъ жертвенникъ, надъ которымъ Гименъ и Любовь клялись сохранить ненарушимый миръ. Служившіе Гимену всѣ украшены были разными цвѣтками, окружали жертвенникъ. Венера и всѣ три граціи,

слѣдующія всегда за Любовью, стояли напереди театра и изъявили радость, ими отъ соединенія Гимена и Любви, чувствуемую. Сила представленія, «Соединеніе Любви и Брака» названнаго и всего болѣе зрителя увеселявшаго, въ семъ состояла: Венера и Ефрозина между собой разсуждали о великомъ днѣ пребыванія Брака въ мирѣ съ Любовью, соединяя съ симъ наиискреннѣйшее желаніе о благополучномъ соединеніи достойнаго принца съ наипрекраснѣйшею принцессою. По семъ Любовь и Бракъ, обязавшись клятвою жить въ ненарушимомъ мирѣ и совѣтѣ, обняли другъ друга и шли посреди театра утверждать свой союзъ. Пришедши же къ жертвеннику, Бракъ и Любовь обѣщались помириться, позабыть свою ссору и представить свою ревность предъ очами Государыни, которая въ сихъ странахъ владычествуетъ. «Чтобы каждый старался ей угодить, воскликнули они: ея милость превосходитъ еще сіяніе ея красоты, подданныхъ своихъ она есть матерь». Здѣсь вдругъ послышались звуки литавръ и трубъ, отчего Любовь и Бракъ пришли въ смятеніе, особено видя Марса и Венеру къ нимъ идущихъ. Однако же, не только имъ войны не объявили, но еще и увѣряли, что они торжествовать купно съ Бракомъ и Любовью торжественный сей день пришли. Марсъ повторилъ, что можно все своей власти подвергнуть, если соединить храбрость съ благоразуміемъ. Наисильнѣйшіе побѣдители, говорилъ Марсъ, рѣдко склоняютъ къ себѣ сердца чрезъ вопль и тревогу, а наша любезная самодержица умѣетъ своими щедрыми благодѣяніями надъ всеми сердцами быть царицею. Минерва съ своей стороны изъявила, что въ одной только мудрости находится истинная утѣха и что токмо благополучна та юность, желаніями коей она управляетъ. «Самый наивеличайшій изъ Императоровъ, имѣлъ токмо мой свѣтъ за проводника, продолжала Минерва, а его щедролюбивой дщери я всегда исполняла желаніе и теперь хочу удѣлить мою помощь». За симъ Любовь повторила за Минервою: да плещетъ вся вселенная силѣ красоты, да гремитъ все небо желаніями услажденнаго народа. Здѣсь музыка начала играть, игры и забавы совокупились на голосъ Брака и повели за собою всѣ народы царствъ и провинцій, которые имѣютъ счастіе быть подданными Ея Императорскаго Величества».— Въ заключеніе начались танцы, но предварительно Государыня пригласила къ себѣ артистовъ и поблагодаривъ за игру, повелѣла щедро ихъ наградить. Любопытно, что въ этомъ спектаклѣ чуть ли не впервые выступаетъ русская женщина, въ качествѣ актрисы, да еще танцовщицы. Послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе странно, что русская драматическая сцена только въ 1759 году обзавелась собственной актрисой (Т. М. Троепольской); до тѣхъ поръ роли женщинъ исполнялись переодѣтыми мужчинами. Къ сожалѣнію исторія не сохранила данныхъ о происхожденіи всѣхъ этихъ Аграфенъ и Аксиній. По всѣмъ вѣроятіямъ это были крѣпостныя

дѣвушки, можетъ быть учившіяся въ школѣ Ланде, извѣстнаго балетмейстера царствованія Анны Ивановны, обучавшаго танцамъ самую Елизавету *).

II.

Страстная любительница театральныхъ зрѣлищъ, Императрица «оставалась недовольной, когда замѣчала отсутствіе зрителей во время представленія».—«Въ оперномъ домѣ,—сказано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ,—отправлялась французская комедія, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества. Того же дня во время оной комедіи, Ея Императорское Величество изволила усмотрѣть, что смотрителей, какъ въ партерѣ, такъ и по этажамъ весьма мало, всемилостивѣйше указать соизволила: въ оперный домъ свободный входъ имѣть во время трагедій, комедій и интермедій обоего пола знатному купечеству, только бы одѣты были не гнусно». Забота о благопристойномъ одѣяніи въ театрѣ не мѣшаютъ ей дѣлать иногда исключенія, особенно если дѣло касается личныхъ свойствъ посѣтителей. Напримѣръ «штатскимъ женамъ лейбъ гвардіи штабъ и оберъ офицерскихъ чиновъ С.-Петербургскаго гарнизона», было повидимому неудобно сидѣть въ верхнемъ этажѣ и кромѣ того являться въ театръ разряженными. Замѣтивъ ихъ отсутствіе, Императрица разрѣшаетъ дамамъ спуститься въ партеръ, причемъ даетъ значительный просторъ ихъ туалету. «Точію бы оныя были въ шлафоркахъ, безъ мантиліи, безъ платковъ и безъ капаровъ, но въ пристойныхъ къ тѣмъ шлафоркамъ убранствахъ». Однако, театръ посѣщался слабо; требовались энергичныя мѣры, чтобы привлечь публику на представленіе; манкировали даже придворные. «Ея Императорское Величество собственною своею персоною изволила усмотрѣть, что въ партерѣ статсъ-дамы ни одной не имѣлось, указала къ нимъ госпожамъ статсъ дамамъ послать отъ высочайшей своей персоны спросить; не забыли онѣ, что сей назначенный день будетъ комедія? И съ онымъ Высочайшимъ соизволеніемъ къ статсъ-дамамъ посланъ ѣздовой конюхъ». Особенно ярко проявилась эта страсть къ театру въ заботахъ Елизаветы о постройкѣ опернаго дома. Въ 1749 г. оперный домъ сгорѣлъ. Петербургъ сразу лишился единственнаго театральнаго зданія. И вотъ Императрица приказываетъ не только возобновить театръ, но построить его въ наикратчайшій срокъ, въ какіе нибудь два мѣсяца. Для осуществленія такой задачи (театръ сначала предполагался камен-

*) Впрочемъ, имя танцовщицы Аксиньи (по фамиліи Сергѣевой) офиціально упоминается въ 1753 г. По Высочайшему повелѣнію приказано «въ оперномъ домѣ во время театральнаго дѣйствія въ балетѣ отнынѣ ее не употреблять» (Общ. Арх. Министерства Имп. Двора Оп. 36/16291 д. № 88)

ный) потребовалось мобилизовать всѣ наличныя техническія силы столицы, да кромѣ того использовать еще Москву! Архитектору Валеріани которому поручили постройку, разрѣшили брать живописцевъ «сколько, гдѣ въ казенныхъ и партикулярныхъ домахъ есть: изъ Артиллеріи, партикулярной верфи, Преображенскаго полка, придворной конторы, академіи наукъ, придворной шпалерной мануфактуры, Правительствующаго Сената, кадетскаго корпуса, конюшенной конторы, главною магистрата; мзъ домовъ: князя Александра Юрьевича Трубецкого, графа Петра Борисовича Шереметева, Сергѣя Павловича Егужинскаго, оберъ-коменданта князя Мещерскаго». Московская гофъ-интендантская контора прислала своего живописца Калугина съ тремя живописцами и двумя иконописцами. «Ѣхать вамъ со всякимъ поспѣшеніемъ, говорилось въ данной Калугину инструкціи, и надъ оными живописцами и иконописцами имѣть смотрѣніе, чтобы въ пути не пьянствовали и поспѣшили въ С.-Петербургъ со всякимъ поспѣшеніемъ и по прибытіи въ С.-Петербургъ явиться и оныхъ объявить въ канцеляріи отъ строеній немедленно». Не поступилась своими художниками только Правительствующаго Сената герольдмейстерская контора, и на требованіе канцеляріи отъ строеній отвѣтила: «тѣхъ требуемыхъ живописцевъ въ канцеляріи отъ строеній отослать невозможно, ибо, при рисованіи Ея Императорскаго Величества лейбъ-компаніи дипломовъ и гербовъ, живописныхъ мастеровъ находится малое число»; да уклонился еще отъ повинности «ни къ какому вѣдомству не принадлежащій», вольный художникъ, купецъ Иванъ Канатчиковъ, но его приказано г-ну полковнику Насонову «немедленно сыскавъ безъ всякихъ его оговорокъ, отдать Валеріани». Такимъ образомъ въ рукахъ Валеріани сосредоточилось 40 человѣкъ живописцевъ, да плотниковъ и другихъ рабочихъ, взятыхъ изъ разныхъ полковъ, 353 человѣка. Заинтересованная постройкой, Императрица обращаетъ вниманіе на каждую мелочь, разсматриваетъ планы, обсуждаетъ детали чертежей... 8-го августа (1750 г.) она приказываетъ «въ новомъ оперномъ домѣ подъ потолкомъ росписать блафонъ, а около онаго блафона, такожъ и въ другихъ пристойныхъ мѣстахъ вызолотить фальшивымъ золотомъ, такожъ въ верху въ потолкѣ сдѣлать отдушины пошире, въ удобныхъ мѣстахъ съ рѣшетками золоченными, въ непродолжительномъ времени». Другой разъ ее заботитъ вопросъ объ эстрадѣ (амвонѣ) и она высказываетъ желаніе сдѣлать эстраду по образцу старой, бывшей въ прежнемъ театрѣ: Высочайшимъ указомъ повелѣно «въ оперномъ домѣ внизу въ партерѣ сдѣлать... амвонъ съ пятью ступенями, на который могли бы ставиться три стула по примѣру тому, какъ прежде въ оперномъ домѣ амвонъ былъ, да изъ ложъ Ея Императорскаго Величества въ оной партеръ (на амвонъ) сдѣлать сходъ пристойнымъ образомъ прямо изъ ложи,

не выходя на воздухъ, а для постановленія на томъ амвонѣ стулья сдѣлать же отъ камеръ-цалмейстерской конторы для Ея Императорскаго Величества бархатной зеленой съ богатою золотою позументу выкладкою, а по дереву, чтобы была рѣзьба съ позолотою, а для Ихъ Императорскихъ Высочествъ малиновые штофные по борту съ позументомъ золотымъ, какъ и нынѣ на стульяхъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ выкладено, а амвонъ обить бархатомъ малиновымъ съ позументомъ, отъ той же камеръ-цалмейстерской конторы». Съ постройкой очень спѣшили, но окончили ее только къ осени 1750 года. 28-го ноября, въ день восшествія на престолъ Елизаветы Петровны состоялось торжественное ея открытіе. По этому случаю итальянскій композиторъ Бонеки далъ впервые свою новую оперу «Беллерфонтъ». Поспѣшность постройки должна была отразиться на качествѣ нѣкоторыхъ частей театральнаго механизма. Многія детали существенно хромали, по крайней мѣрѣ, на первое время. Въ журналѣ Высочайшихъ повелѣній отъ 31-го декабря 1750 г. записано: «Сего декабря 21-го дня во время Высочайшаго присутствія Ея Императорскаго Величества въ оперномъ домѣ при представленіи оперы въ машинныхъ дѣйствіяхъ учинились не малые стыдные замѣшательства, за что воспослѣдовалъ Высочайшій гнѣвъ Ея Императорскаго Величества, а театральный архитекторъ и живописецъ Валеріани, такожъ и машинистъ Карлъ Жибели представляли, что тѣ въ машинныхъ дѣйствіяхъ замѣшательства учинились отъ того, что при тѣхъ дѣйствіяхъ охтенскіе плотники обрѣтаются не одни, но присылаются отъ канцеляріи отъ строеній разные съ перемѣною, которыхъ въ скорости всему исправно обучить никакъ невозможно». Въ виду сего Высочайше повелѣно имѣть при театрѣ безсмѣнно двадцать человѣкъ плотниковъ, выборъ коихъ предоставленъ К. Жибели. Любопытно, что, наученная горькимъ опытомъ, Императрица принимаетъ строгія мѣры для предупрежденія пожара въ театрѣ. Въ такомъ духѣ написанъ одинъ изъ ея Указовъ Придворной конторѣ: «Сего генваря 6-го числа Ея Императорское Величество соизволила извѣстно учиниться, что для смотрѣнія бывшей того числа въ оперномъ деревянномъ домѣ, который близъ Лѣтняго саду, комической оперы, многіе пріѣзжали къ тому оперному дому знатные обоего пола и другія персоны съ зажженными факалами (факелами) и по пріѣздѣ тѣ факалы люди ихъ гасили объ стѣну того опернаго дому, а другіе тѣми факалами господъ своихъ изъ ложи провожали, отъ чего небезопасности чего Боже сохрани пожарнаго случаю». Для устраненія такихъ непорядковъ, подъ опасеніемъ «Высочайшаго гнѣва», предлагалось имѣть фонари, а «ежели паче чаянія впредь то учинено будетъ отъ чьихъ людей, за то оные люди браны будутъ подъ караулъ и жестоко наказаны неотмѣнно». Помимо общаго значенія подобныхъ мѣръ, они обнаруживали еще огромный интересъ къ предмету

увлеченія. Современные спектакли окружали сверхестественной роскошью (постановка оперы обходилась иногда свыше пяти тысячъ), порой же облекали какой то таинственностью, сродни священнодѣйствію. Напримѣръ, срепетовка оперъ хранилась въ строгомъ секретѣ, никто изъ постороннихъ на репетиціи не допускался: «Ея Императорское Величество указала ко дню Высочайшаго торжества коронованія Ея Императорскаго Величества (25-го апрѣля) пріуготовить оперу и когда оная сочиняться будетъ, такожъ и впредь ежели, когда оперы будутъ, то во время пробы тѣхъ оперъ, какъ въ оперный домъ, такъ и въ квартиры тѣхъ дѣйствующихъ персонъ, гдѣ они пробы чинить будутъ, кромѣ тѣхъ, находящихся въ дѣйствіи людей и кому неотмѣнно при томъ для исправленія быть надлежитъ, никого иного смотрителей отнынѣ не допускать и о томъ оперистамъ и протчимъ... объявить съ подписками, подъ опасеніемъ штрафа». Насколько извѣстно, подобныя мѣры не примѣнялись въ театрѣ въ самую строгую для театральной дисциплины эпоху, въ царствованіе Императора Николая Павловича...

III.

Въ то время, какъ оперный домъ строился и въ новомъ, возрожденномъ изъ пепла зданіи, собирались возобновить сценическія представленія, судьба готовила новый сюрпризъ державной покровительницѣ искусствъ. Въ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣ первомъ) существовалъ кружокъ «любителей россійской словесности», гдѣ кадеты, по словамъ современниковъ, читали другъ другу свои сочиненія и куда нерѣдко являлся извѣстный А. П. Сумароковъ съ стихотвореніями и переводами. Весьма естественно, что авторъ драматическихъ произведеній долженъ былъ внушить юнымъ со-членамъ (вѣроятно и поклонникамъ) мысль испробовать силы на сценическомъ поприщѣ, сначала въ итальянскихъ интермедіяхъ, а потомъ и на псевдо-русской комедіи, бывшей всегда въ распоряженіи Сумарокова. М. Н. Лонгиновъ точно устанавливаетъ дату перваго публичнаго кадетскаго спектакля. Это событіе относится не къ 1750 году, какъ утверждаютъ почти всѣ историки, а къ концу 1749 года. Играли трагедію Сумарокова «Хоревъ», причемъ труппа заключалась въ слѣдующихъ лицахъ: Бекетовъ, Свистуновъ, Мелиссино, Остервальдъ, Разумовскій, Бухвостовъ, Рубановскій, Гиршенденъ, Гельмерсенъ, Каницъ и Гохъ. Исполненіе комедіи было настолько хорошее, что 8-го февраля 1750 г. кадеты рискнули повторить спектакль въ новыхъ (переднихъ) покояхъ Зимняго Дворца, гдѣ, взамѣнъ сгорѣвшаго опернаго дома, былъ временно сооруженъ складной театръ. Затѣмъ «Хоревъ» сыграли еще два раза, въ томъ числѣ 30-го мая въ присутствіи

Императрицы и всего Двора во вновь открытомъ оперномъ домѣ. Успѣхъ новой труппы превзошелъ ожиданія. Въ теченіи 1750 года кадеты сыграли весь репертуаръ Сумарокова (трагедіи: «Хоревъ», «Синавъ и Труворъ», «Гамлетъ», «Аристона»; комедіи: «Трисотоніусъ», «Чудовище», «Пустая ссора»). Интересъ къ спектаклямъ былъ настолько великъ, что 29-го сентября послѣдовало Высочайшее повелѣніе профессорамъ Академіи Наукъ Ломоносову и Тредьяковскому сочинить по трагедіи. Оба профессора повелѣніе исполнили: Ломоносовъ написалъ трагедію о Мамаѣ («Темира и Селимъ»), которую кадеты исполнили 1-го декабря того-же года, а Тредьяковскій—трагедію «Дейдамія», которая не была сыграна вѣроятно потому, что «сія трагедія есть наипродолжительнѣйшая изъ всѣхъ русскихъ драматическихъ сочиненій, ибо въ ней находится двѣ тысячи триста тринадцать стиховъ двое-строчныхъ». Этаго мало. Юными актерами такъ дорожили, что боялись ихъ лишиться даже на то короткое время, когда, послучаю ледохода на Невѣ, оба берега были временно разобщены другъ съ другомъ. 17-го октября 1750 г. Ея Императорское Величество указала «кадетовъ, которые употребляются въ театральномъ дѣйствіи, когда по Невѣ рѣкѣ сало пойдетъ, тогда изъ кадетскаго корпуса перевесть на здѣшнюю сторону и онымъ для жительства... отвесть въ новомъ зимнемъ Ея Императорскаго Величества домѣ два покоя, которые отстоятъ въ проходныхъ сѣняхъ отъ Невы рѣки на правой сторонѣ противъ придворной конторы и на то время, сколько они при дворѣ Ея Императорскаго Величества жительство имѣть будутъ для ихъ кушанье и питье отпускать со двора Ея Императорскаго Величества».

По извѣстіямъ, собраннымъ г. Лонгиновымъ, кадетскіе спектакли продолжаются еще годъ; потомъ обстоятельства существенно мѣняются. Кадеты-артисты выходятъ въ офицеры. Новый комплектъ учащихся повидимому не увлекается уже театромъ, хотя въ качествѣ воспитателей остаются при корпусѣ три завзятыхъ театрала: Мелиссино, Свистуновъ и Остервальдъ. Но бѣда оказывается не велика. Кадетскій театръ сдѣлалъ свое дѣло. Онъ не только выдвинулъ нѣсколько талантливыхъ людей, введя въ постоянный обиходъ современнаго театра русскую драму, но, самое главное, оказалъ существенную поддержку едва нарождавшемуся генію Ярославскаго купца Ѳедора Григорьевича Волкова.

Преданіе разсказываетъ, что около этого времени, т. е. въ концѣ 1749 г. Волковъ по торговымъ дѣламъ былъ въ Петербургѣ и случайно попалъ на кадетскій спектакль. Вся обстановка театральнаго представленія произвела на него глубокое впечатлѣніе. «Увидя Никиту Афонасьевича Бекетова въ роли Синава, разсказывалъ онъ впослѣдствіи своему другу Дмитревскому, я пришелъ въ такое восхищеніе, что не зналъ, гдѣ былъ: на землѣ или на небесахъ. Тутъ родилась во

мнѣ мысль завести свой театръ въ Ярославлѣ». Отсутствіе сколько нибудь точныхъ данныхъ о Ярославскомъ театрѣ, не даетъ возможность возстановить, хотя приблизительно, то, чѣмъ онъ былъ при Волковѣ. Самъ Волковъ умеръ, не оставивъ послѣ себя какихъ либо свѣдѣній автобіографическаго характера. Сподвижникъ и другъ его И. Дмитревскій, говорятъ, описалъ это событіе, но рукопись его (возобновленная дважды) потерялась или сгорѣла. Такимъ образомъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ моментовъ исторіи русскаго самосознанія остался въ туманѣ, произвольно освѣщенный людьми, которые никогда не видѣли его, или слышали о немъ отъ третьихъ лицъ. Даже столѣтняя годовщина событія (1856 г.), обыкновенно вызывающая переборку стараго матеріала и появленіе новыхъ источниковъ, на этотъ разъ не внесла ничего положительнаго. До сихъ поръ неизвѣстно, что въ сущности представлялъ изъ себя Ярославскій театръ? Были ли это случайные спектакли, или вполнѣ организованная труппа? Какая была обстановка театра, что были за декораціи, аксесуары, кто и что играли? Одно несомнѣнно: весь характеръ театра, начиная съ хозяина его, Волкова, кончая послѣднимъ гвоздикомъ и занавѣсью, все было одушевлено необыкновенной любовью къ дѣлу, все было по времени свѣжо, оригинально и конечно талантливо! Иначе сенатскому экзекутору Игнатьеву, случайно заглянувшему въ Ярославль, не было причины восхищаться затѣей, а Петербургскимъ властямъ потребовать Ярославцевъ въ столицу.

Гораздо опредѣленнѣе становятся свѣдѣнія о Волковской труппѣ съ момента прибытія Ѳ. Волкова и его товарищей къ Невскимъ берегамъ. Во первыхъ извѣстенъ рапортъ генер.-прокурора князя Н. Ю. Трубецкаго Императрицѣ, устанавливающій дату прибытія Ярославцевъ въ Петербургъ. Это случилось 3-го февраля 1752 г. Затѣмъ пишущему эти строки удалось найти нѣсколько новыхъ данныхъ, освѣщающихъ обстановку Петербургской жизни комедіантовъ. Мѣстожительствомъ ихъ былъ временно назначенъ Смольный дворъ (нынѣ Смольный институтъ). «Ея Императорское Величество изволила указать, когда имѣютъ быть изъ Ярославля въ Санктъ-Петербургъ тамошніе жители для употребленія въ партикулярной комедіи, тогда для пріуготовленія про оныхъ кушанья повареныхъ лужителей и какой посуды сколько потребно будетъ отпускать отъ двора Ея Императорскаго Величества вотчинной канцеляріи по сообщенію. Что же касается до помѣщенія оныхъ къ жительству, оныхъ помѣстить отъ упомянутой собственной Ея Императорскаго Величества вотчинной канцеляріи въ Смольномъ домѣ и какъ кушаньемъ, такъ и питьемъ довольствовать отъ той же канцеляріи, какъ уже о томъ оной канцеляріи и дано знать». Въ другомъ указѣ приказано комедіантовъ «довольствовать чаемъ и кофіемъ», для чего опредѣлить особое лицо, «изъ кофишенскихъ помощниковъ». Къ дебюту Ярославцевъ готовятся «съ большимъ тщаніемъ»,

такъ какъ считаютъ нужнымъ измѣнить даже освѣщеніе театра. «А когда имѣетъ быть играна Ярославскими жителями комедія на имѣвшимся въ большой Морской нѣмецкомъ театрѣ, тогда какъ свѣчи сальныя, такъ и плошки сальныя же; а во время Высочайшаго Ея Императорскаго Величества присутствія восковыя свѣчи и плошки съ воскомъ, а для отопленія того театра, дрова отпускъ производить изъ вѣдомства главной дворцовой канцеляріи». Указаніе здѣсь на Нѣмецкій театръ, какъ мѣсто дѣйствія Волковской труппы, наводитъ на размышленія. Весьма вѣроятно, что первый дебютъ Ярославцевъ состоялся не 18-го марта, какъ утверждаютъ историки, а нѣсколько раньше. Собственно говоря, что могло задержать представленіе труппы на цѣлый мѣсяцъ? Несомнѣнно артисты пріѣхали въ Петербургъ съ готовымъ репертуаромъ, хорошо разученнымъ и срепетованнымъ дома. Къ числу такихъ пьесъ принадлежала и трагедія Св. Дмитрія Ростовскаго «О покаяніи грѣшнаго человѣка», выбранная для дебюта. Вотъ содержаніе этой пьесы, записанное со словъ Дмитревскаго кн. Шаховскимъ: «три дѣйствующихъ лица съ хорами, раздѣленными, какъ у древнихъ, на строфы и антистрофы, занимаютъ сцену, представляющую пустынный видъ. Грѣшникъ, въ одеждѣ, завѣшанной черными нашивками съ надписями его грѣховъ, представляется во все время дѣйствія, между ангеломъ-хранителемъ и врагомъ рода человѣческаго. Имъ содѣйствуютъ хоръ небесныхъ силъ и демоновъ; съ одной стороны земнородство грѣшника, поджигаемое геенскимъ огнемъ, воспаляется до неистовой радости; съ другой—боговдохновеніе, умиляемое воплощеннымъ словомъ, предается упованію на всеобщее милосердіе. Но одежда, обличающая дѣла грѣшника, поражаетъ его ужасомъ, ввергаетъ въ смертное отчаяніе, и богохульный ропотъ уже на устахъ его. Адъ, радуясь своей добычѣ, готовъ увлечь его въ мрачную бездну, какъ вдругъ сладкозвучное пѣніе ангельскаго лика, напоминающее прощеніе разбойника, укрощаетъ обуреваніе плоти. Страдалецъ, повергаясь на землю, возноситъ молитвой покаянія безсмертный духъ къ источнику благости. По мѣрѣ раскаянія и молитвы, надписи грѣховъ спадаютъ и, наконецъ, бѣлая одежда вполнѣ проясняется. Ангелы оглашаютъ небеса побѣдною пѣснью. Грѣшникъ изнемогаетъ тѣломъ и предаетъ Господу очищенную покаяніемъ душу. Свѣтлыя облака опускаются на умирающаго и возносятся отъ бездыханнаго тѣла, при торжественномъ пѣніи небесныхъ силъ и отчаянномъ завываніи подземныхъ духовъ».

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ наши артисты хворали У нихъ была горячка. По этому поводу состоялся Высочайшій указъ, о «неотпускѣ изъ Смольнаго дому ко двору Ея Императорскаго Величества огурцовъ и протчаго, пока болѣзнующіе горячкою Ярославскіе комедіанты совершенно отъ той болѣзни свободятся», Излѣченіе шло довольно медленно, такъ какъ еще 25-го мая Государыня «изустно изволила указать, находящихся въ Смольномъ

дворѣ Ярославскихъ комедіантовъ, совершенно-ль отъ болѣзни свободили и нѣтъ ли какой опасности сверхъ бывшаго отъ медицинской канцеляріи осмотру еще освидѣтельствовать Ея Императорскаго Величества тайному совѣтнику лейбъ-медикусу и главному директору надъ всѣмъ медицинскимъ факультетомъ Герману Рах. Бургаве».— Можетъ быть это обстоятельство помѣшало Императрицѣ тотчасъ исполнить свое намѣреніе: пополнить образованіе Ярославцевъ, помѣщеніемъ ихъ въ корпусъ «для обученія». Надобно замѣтить, что еще съ 12-го марта находились въ корпусѣ семь человѣкъ пѣвчихъ, «спадшихъ съ голосовъ». Какъ увидимъ дальше, ихъ также предназначали для комедіи. Во всякомъ случаѣ Ярославцы попали туда позже и разновременно: Ив. Дмитревскій и Алексѣй Поповъ въ сентябрѣ 1752 г., а братья Волковы, Өедоръ и Григорій, только въ февралѣ 1754 г., т. е. спустя почти полтора года. Исключеніе составляютъ: Иванъ Иконниковъ, Яковъ Поповъ, Гаврила Волковъ, Семенъ Куклинъ, Демьянъ Галикъ и Яковъ Шумскій, которымъ предложено, «ежели похотятъ», отправить обратно въ Ярославль. Они не поступаютъ въ корпусъ. Такъ какъ затѣмъ дѣйствіе надолго сосредоточивается въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, то не лишнее вкратцѣ охарактеризовать учрежденіе, столь смѣло и оригинально пріютившее «россійскихъ музъ».

IV.

Конечно, сильно ошибется тотъ, кто на Шляхетный корпусъ описываемаго времени станетъ смотрѣть глазами настоящаго. Ничего общаго по нравамъ, обычаямъ и порядку между Шляхетнымъ и нынѣшними корпусами не было и не могло быть. Шляхетный корпусъ созданъ былъ для приготовленія офицеровъ въ армію, но по недостатку общеобразовательныхъ заведеній, носилъ смѣшанный военно-гражданскій характеръ. Въ немъ одновременно съ военными науками, преподавались языки: латинскій, французскій, нѣмецкій, «ораторія» и т. п. При всемъ томъ корпусъ стоялъ очень высоко въ мнѣніи современниковъ и вполнѣ оправдывалъ эту репутацію. Въ описываемое время, т. е. отъ 1746 по 1759 г. директоромъ корпуса значился д. т. с. князь Н. Б. Юсуповъ, личность развитая и гуманная. При немъ кадеты получили доступъ ко двору, приглашались къ куртагамъ, баламъ, бывали и на представленіяхъ придворныхъ труппъ Сереньи и Гильфердинга. Это культурное значеніе корпуса, въ данный моментъ усугублялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ сказано было выше, при немъ въ качествѣ воспитателей остались ближайшіе сотрудники Сумарокова: Мелиссино, Остервальдъ и Свистуновъ. Имъ суждено было не только продолжать начатое дѣло, но развивая

его, довести до офиціальнаго признанія любительской затѣи государственной необходимостью. Въ архивѣ 1-го кадетскаго корпуса сохраняются любопытныя данныя, рисующія участіе этихъ лицъ въ корпусныхъ спектакляхъ. Однажды ставили «Синавъ и Труворъ», Сумарокова. Играли бывшіе пѣвчіе и Ярославцы (Ив. Дмитревскій и Поповъ). Сначала дѣло не клеилось. «Сего 1753 года іюня 17-го дня, писалъ Юсуповъ инспектору корпуса полковнику Зихгейму, посланнымъ отъ меня къ вашему высокоблагородію ордеромъ велено, чтобы господа поручики Мелиссино и Остервальдъ обучали находящихся при корпусѣ семь человѣкъ пѣвчихъ сверхъ обученія наукъ тражедіи, а какъ нынѣ обучаются мнѣ неизвѣстно. Того ради вашему высокоблагородію симъ подтвердить имѣю, дабы показанныхъ пѣвчихъ господа Мелиссино и Остервальдъ, такожъ и Свистуновъ непременно въ свободные послѣ классовъ часы тражедіи обучали, о чемъ и извольте меня еженедѣльно репортовать». Первый рапортъ помѣченъ 30-мъ октябремъ. Онъ совершенно просто объясняетъ причины неудачи. Артисты были лишены дарованія: «Сего октября 27-го дня по присланному въ оною канцелярію (кадетскаго корпуса) къ намъ ордеромъ, велено находящихся при корпусѣ семь человѣкъ пѣвчихъ сверхъ обученія наукъ, обучать тражедіи и о томъ канцелярію кадетскаго корпуса еженедѣльно репортовать. Того ради канцелярію Шляхетнаго кадетскаго корпуса черезъ сіе и репортуемъ, что въ силу прежняго ордера одна тражедія «Синавъ и Труворъ» къ обученію избрана и изъ пѣвчихъ токмо два человѣка явилися способны, а именно: Евстафій Сичкаревъ и Петръ Сухомлиновъ, а протчіе Лука Татищевъ, Козьма Пригорскій, Григорій Стрѣльченовъ, Павелъ Умановъ и Федоръ Максимовичъ къ представленіи тражедіи способности не имѣютъ. А понеже о находящихся въ ономъ корпусѣ двухъ Ярославцевъ о Иванѣ Дмитревскомъ и Алексѣѣ Поповѣ во ордерахъ не упомянуто, хотя и они прежде обучаемы были и нынѣ обучаются и имѣютъ склонность и способность, чего ради представляя, ожидаемъ резолюціи, повелено-ли будетъ оныхъ и впредь обучать». Затѣмъ въ дальнѣйшей перепискѣ имена Евстафія Сичкарева и Петра Сухомлинова больше не встрѣчаются; за то постоянно называютъ фамиліи Дмитревскаго и Попова, которые каждый разъ атестуются «прилежными». Въ концѣ концовъ очередной рапортъ 20-го декабря извѣщаетъ директора, что комедіанты «тражедію, называемую «Синавъ и Труворъ» совсѣмъ окончили и къ представленію оной въ состояніи находятся». Всего на разучиваніе пьесы пошло свыше шести мѣсяцевъ. Этотъ примѣръ показываетъ, что лавры, достававшіеся молодымъ режиссерамъ, заслуживались ими не даромъ. Ученики представляли изъ себя слишкомъ разношерстный, мало культурный и не дисциплинированный матеріалъ. Къ чести Ярославцевъ нужно сказать, что они своимъ поведеніемъ не давали повода къ нареканіямъ.

Иное представляли изъ себя бывшіе пѣвчіе. Корпусному начальству вѣроятно не разъ приходилось жалѣть, что добрая мысль Императрица создать образованныхъ актеровъ, вылилась въ такую форму. Для характеристики среды, въ которой вращались наши актеры, не лишнее привести нѣсколько случаевъ изъ корпусной хроники того времени. 12-го февраля въ 9 часовъ вечера исправлявшій должность караульнаго начальника «за гефрейтера» кадетъ Николай Татариновъ, обходя камеры, замѣтилъ, что въ спальнѣ, отведенной бывшимъ пѣвчимъ, горитъ огонь. Заставивъ погасить свѣчу, онъ ушелъ, но вернувшись обратно, спустя нѣкоторое время, увидѣлъ, что свѣча вновь зажжена, и такъ разъ пять. Потерявъ терпѣніе и рискуя самому отвѣчать за другихъ, Татариновъ пожаловался дежурному офицеру Свистунову. Свистуновъ сначала распорядился послать кадета обратно съ приказомъ немедленно погасить огонь, но, когда это не помогло и пѣвчіе отвѣтили посланному, что «они еще хотятъ ужинать», самъ отправился въ камеру. Тамъ онъ засталъ всѣхъ спящими, за исключеніемъ пѣвчаго Петра Власьева, которому онъ сталъ выговаривать, «для чего онъ противится и преслушнымъ является приказамъ». Но Власьевъ очевидно только ждалъ этого момента, чтобы наговорить офицеру грубости. «Оный пѣвчій, разсказывалъ впослѣдствіе Свистуновъ, принося мнѣ пустыя и непристойныя оправданія, на послѣдяхъ началъ съ пренебреженіемъ и неучтивостью отвѣтствовать, на что я ему сказалъ, что если онъ будетъ такъ противиться и грубо поступать, за то будетъ наказанъ, на которыя мои слова отвѣтствовалъ, что со мною сдѣлать вамъ нечего, да и не за что. Однако я велѣлъ погасить свѣчу насильно, а на другой день поутру, т. е. 13-го числа о вышеозначенномъ преслушаніи приказа онаго Власьева и противу меня неучтивствѣ Шляхетнаго кадетскаго корпуса господину подполковнику фонъ Зихгейму и репортовалъ, за что онъ г-нъ подполковникъ приказалъ мнѣ взять его Власьева подъ караулъ и письменно объ ономъ въ Канцелярію репортовать». Но дѣло этимъ не кончилось. Власьевъ оказался гораздо строптивѣе, чѣмъ можно было предполагать. Онъ рѣшительно заявилъ прибывшему за нимъ капралу, что не позволитъ себя взять, даже если придетъ его арестовать самъ подполковникъ. Въ концѣ концовъ пришлось употребить силу. Любопытно, что Власьевъ являлся только застрѣльщикомъ, но что духъ протеста былъ сродни всей компаніи. Онъ выразился въ томъ, что по возвращеніи кн. Юсупова изъ Москвы, пѣвчіе подали ему пространное прошеніе, въ которомъ жаловались на произволъ начальства. Свое непослушаніе они объясняли особеннымъ пристрастіемъ къ наукѣ. «Мы, писали пѣвчіе, наблюдая вашего сіятельства приказы во обученіи наукъ, прилагали елико возможные труды во оной со всякой непорочностью, какъ то и вашему сіятельству уповаемъ небезъизвѣстно, а какъ ваше сіятельство

изволили отъѣхать въ Москву, то мы особливую отмѣну и не имѣя за собой никакихъ причинъ почувствовали и крайнюю обиду претерпѣваемъ, потому что у насъ начали свѣчи гасить, что намъ много препятствуетъ наши науки продолжать». Недостатокъ свободнаго времени заставляетъ ихъ-де работать ночью, но это усердіе не только не поощряется, но еще карается начальствомъ. Въ заключеніе они дѣлали намекъ на правосудіе свыше: «Мы просимъ всенижайше ваше сіятельство по природному вашему великодушію насъ отъ таковыхъ нападковъ избавить и оное дѣло по здравому вашему разсужденію разсмотря, приказать запретить насъ обижать, ибо оные препятствія *есть ли милостивая Государыня изволитъ спросить у насъ о нашихъ наукахъ, понудитъ все оную подробно разсказать*». Но всѣ эти доводы не встрѣтили сочувствія директора, а угрозы даже, вѣроятно, возмутили его. Онъ приказалъ собрать пѣвчихъ и передъ фронтомъ объявить имъ выговоръ, съ предупрежденіемъ впредь не щадить ослушниковъ. «А ежели оные (т. е. пѣвчіе) впредь станутъ обращаться въ неприличныхъ и непорядочныхъ поступкахъ, то, несмотря ни на что, поступить такъ, какъ и со обращающимися въ таковыхъ же непослушаніяхъ и неприличныхъ поступкахъ кадетами чинится, безъ всякаго упущенія». Впрочемъ, нравственная распущенность нашихъ героевъ, приводила ихъ не только къ анти-дисциплинарнымъ поступкамъ, но къ кой-чему и посерьезнѣе. Напримѣръ, тотъ же самый Петръ Власьевъ, спустя годъ, попался въ кражѣ со взломомъ, преступленіи, окончившемся для него случайно благополучно. Дѣло это, причинившее много хлопотъ корпусному начальству и вѣроятно очень непріятное для него, весьма характерно бытовыми подробностями. Мы приведемъ его въ извлеченіи. «Сего декабря 2 числа (1755 г.), т. е. въ субботу пополудни часу во второмъ, — разсказываетъ слѣдствіе, — былъ онъ (Власьевъ) во вновь построенномъ Ея Императорскаго Величества зимнемъ домѣ, въ покояхъ его высоко-графскаго сіятельства господина оберъ-егермейстера Ея Императорскаго Величества, лейбъ компаніи капитанъ-поручика, генералъ-аншефа, лейбъ-гвардіи Коннаго полка подполковника дѣйствительнаго камергера и разныхъ орденовъ кавалера, графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, у племянника его сіятельства Осипа Федорова сына Мозголовскаго, для просьбы, чтобы онъ испросилъ объ немъ, дабы онъ Власьевъ, взятъ былъ ко двору Ея Величества». Это былъ одинъ лишь предлогъ, ибо какъ только Мозголовскій «поѣхалъ его сіятельство къ флигель-адъютанту Забережному, а ему, Власьеву, сказалъ: ты де побудь здѣсь и ежели его сіятельство меня изволитъ спросить, то донеси, что я къ оному Забережному поѣхалъ», тотчасъ Власьевъ, оставшись въ кабинетѣ одинъ, «нижній ящикъ отворилъ вилками, которыя были во ономъ же покоѣ на окошкѣ, и изъ онаго ящика взялъ табакерку золотую, осыпанную брилліантами, коихъ всѣхъ имѣлось семьдесятъ два брилліанта,

а ящикъ задвинулъ по прежнему». Однако, кража могла сейчасъ обнаружиться, да и въ корпусѣ, куда направился кадетъ, могли нѣсколько подозрительно взглянуть на вещи, слишкомъ необыкновенныя для простого пѣвчаго. Поэтому только черезъ три дня, въ отсутствіе товарищей, Власьевъ взламываетъ табакерку «полѣномъ», выбираетъ изъ нея бриллiанты ножемъ и, придя «въ камеру къ сержанту Сергѣю Наковальнику», показываетъ ему и сожителямъ его по комнатѣ, три изъ названныхъ бриллiантовъ, увѣряя, что послѣднiе купилъ «за три рубля на рынкѣ у торговки», съ тою цѣлью, «ежели послѣ продавать будетъ, чтобы знали, что они у него куплены». Затѣмъ предстояла самая хитрая вещь: сбыть краденое. Власьевъ имѣлъ кое-какiя знакомства въ торговомъ мiрѣ. Онъ сначала пошелъ къ армянину, справиться о цѣнѣ бриллiантовъ, а когда тотъ ему сказалъ, что они стоятъ 55 р., предложилъ ихъ купить «переводчику» Св. Сѵнода Григорью Полетикѣ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ (Полетика ходилъ совѣтываться съ знакомымъ «французениномъ») сдѣлка состоялась. Власьевъ уступилъ бриллiанты за 50 р., причемъ деньгами взялъ только 10 р., а остальное получилъ въ видѣ «клавикордъ», доставленныхъ къ нему въ «камеру» (?) немедленно. Между тѣмъ кража обнаружилась. Какъ это произошло, случайно-ли, или кто донесъ на Власьева, слѣдствiе не разсказываетъ, за то даетъ подробное описанiе ареста кадета. «А какъ онъ, Власьевъ, къ переводчику Полетикѣ посылалъ человѣка своего за вышеписанными деньгами, десятью рублями, то онъ, Полетика, черезъ того человѣка велѣлъ сказать, чтобы онъ самъ къ нему пришелъ, а по приходѣ его, онъ, Полетика, сказалъ ему, Власьеву: «оные де отданные отъ него ему бриллiанты не его, Власьева, потому, что онъ, Полетика, увѣдомился черезъ помянутаго французенина, что у его выс графскаго сiятельства графа А. Г. Разумовскаго пропала послѣ бытности твоей тамо золотая табакерка, осыпанная бриллiантами; и тѣхъ десяти рублевъ ему не отдалъ-а требовалъ, чтобы клавикорды его отдать обратно, кои и возвращены. Но, какъ онъ, Власьевъ, о покражѣ имъ оной табакерки ему, Полетикѣ, и тогда не сказалъ, то бывшiе тогда въ домѣ его выше рѣченные его высоко-графскаго сiятельства племянникъ Мозголовской и флигель-адъютантъ Забережневъ, вышедъ къ нему, Власьеву, изъ другого покоя, сказали: «Когда де ты не винишься, то мы объ оной въ корпусѣ объявимъ», и, взявъ его, Власьева съ собой, привезли въ корпусъ и объявили дежурному господину порутчику Фрейману». Разумѣется, немедленно былъ учиненъ допросъ. Власьевъ сознался въ кражѣ, объяснилъ, какъ было дѣло, причемъ добровольно вернулъ оставшiеся у него двадцать восемь бриллiантовъ, вмѣстѣ съ изломанной табакеркой, подтвердивъ собственною скрѣпою, «что напередъ сего, какъ въ покояхъ его высокографскаго сiятельства, такъ и нигдѣ никакихъ кражъ

не чинилъ». Тѣмъ дѣло и кончилось. Правда, Власьевъ около года просидѣлъ подъ стражей, и канцелярія корпуса, разсуждая, что «за такимъ порокомъ (онъ) далѣе при кадетскомъ корпусѣ съ дворянами сообщенія имѣть, стало быть, не достоинъ», требовала не только резолюціи «куда онаго Власьева повелѣно будетъ отослать, но даже въ концѣ концовъ самовольно отослала его въ Кабинетъ Ея Величества, тѣмъ не менѣе на донесеніи, сопровождавшимъ пѣвчаго, была положена слѣдующая резолюція: «подано въ 15 день ноября 1756 г. и представленный присемъ доношеніи пѣвчій Петръ Власьевъ отданъ подателю сего доношенія обратно, для содержанія его по прежнему въ кадетскомъ корпусѣ». Такимъ образомъ, случай съ Власьевымъ закончился почти ничѣмъ: провинившагося пѣвчаго сочли возможнымъ оставить въ корпусѣ на прежнихъ основаніяхъ. При такихъ условіяхъ приходится еще удивляться душевнымъ свойствамъ ярославцевъ, ихъ выдержкѣ и такту. Въ просмотрѣнныхъ мною дѣлахъ нѣтъ ни одного указанія на какую либо провинность или упущеніе по службѣ комедіантовъ. Они вели себя «отмѣнно», счастливо избѣгая дурнаго вліянія товарищей.

V.

Обращаясь къ внѣшнему обиходу Волкова и его друзей, мы встрѣчаемъ массу мелкихъ подробностей, рисующихъ современную жизнь кадета. Какъ и внѣ корпуса, ярославцы пользовались здѣсь полнымъ довольствомъ. Независимо того, что Волковы имѣли свои личныя средства, Императрица назначила имъ еще особое «жалованье на содержаніе»: Ѳедору по сто, а Григорію по пятидесяти рублей въ годъ *). На эти деньги предполагалось съ ногъ до головы одѣвать ярославцевъ, частью выдавая имъ вещи изъ казеннаго склада, а частью предоставляя покупать на сторонѣ. Въ одномъ дѣлѣ хранится «доношеніе» Ѳ. и Г. Волковыхъ, поданное ими вскорѣ послѣ опредѣленія въ корпусъ, 23-го марта 1755 г. Написанное писарской рукой, оно скрѣплено ихъ собственноручной подписью. «Потребно намъ нижепоименованнымъ на необходимыя разныхъ покупокъ бѣлья и обуви и другихъ вещей нужды, такожъ и на содержаніе служителей денегъ. А чего именно и насколько по цѣнѣ купить и за приторгованное нами надлежитъ заплатить, значитъ ниже сего реэстръ. Того ради канцелярію Шляхетнаго кадетскаго корпуса симъ покорно просимъ, дабы повелѣно было нижеозначенное число денегъ изъ принятой на насъ изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества суммы выдать; о семъ донести просятъ находящихся при Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ комедіанты Ѳедоръ и Григорій Волковы». Къ «доношенію» дѣйствительно приложены «реэстры», перечи-

*) Такое же содержаніе получали и прочіе комедіанты, не исключая пѣвчихъ.

сляющіе, что надобно комедіантамъ, т. е. бѣлье, чулки, сапоги, туфли, штаны бархатныя и козловыя, чай, сахаръ, помада и т. д. Говорятъ, вещи характеризуютъ человѣка. Менѣе даровитый, чѣмъ братъ, Григоріи Волковъ является гораздо расточительнѣе Ѳедора, а, главное, онъ падокъ на внѣшность, на украшенія. И бѣлья то у него больше, и чулокъ безконечное множество, и пряжки «томпаковыя» («съ композиціей» и «безъ композиціи») и «тулупъ мерлучшатый» и «епанча», а изъ «серьезныхъ вещей», соотвѣтствующихъ положенію артиста, всего «струны на скрипку» стоимостью 4 р. 50 к... Напротивъ, Ѳедоръ Волковъ гораздо умѣреннѣе въ своихъ тратахъ. Большая часть расходовъ идетъ у него на покупку «двухъ лексиконовъ французскихъ и грамматики» (4 р.); «шести печатныхъ тражедій» (4 р. 80 к.); «клавикордъ и струнъ» (5 р. 96 к.); «зеркала для тражедіи и обученія жестамъ» (10 р.) а то на «выкупъ имѣющихся въ закладѣ его книгъ» (9 р.). Одѣваются они, какъ кадеты; только не носятъ шпагъ. Кафтаны у нихъ «дикаго» цвѣта, съ шелковыми или гарусными петлями и пуговицами; чулки черные, «аглицкіе»; на головѣ—поярковая шляпа съ узкимъ золотымъ позументомъ.

Что дѣлали ярославцы въ корпусѣ, чему учились, чѣмъ наполняли свой досугъ? Относительно времяпрепровожденія Волкова и его товарищей въ корпусѣ, кромѣ архивныхъ источниковъ, есть еще свидѣтельство наиболѣе достовѣрнаго изъ біографовъ Волкова, Н. И. Новикова. По словамъ этого писателя, «онъ (Волковъ), будучи уже обученъ, упражнялся болѣе въ чтеніи полезныхъ книгъ для его искусства, въ рисованіи, музыкѣ и въ просвѣщеніи своего знанія всѣмъ тѣмъ, чего ему не доставало. Тамъ же, въ свободное отъ наукъ время, сдѣлалъ онъ самъ маленькій театръ, состоящій изъ куколъ, искуссно имъ самимъ сдѣланныхъ; но онъ не имѣлъ удовольствія сего своего предпріятія довести до окончанія. Однимъ словомъ въ бытность свою въ кадетскомъ корпусѣ употреблялъ онъ всѣ старанія выйти изъ онаго просвѣщеннѣйшимъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно». Этотъ отзывъ Новикова, за исключеніемъ свѣдѣній о кукольномъ театрѣ, вполнѣ подтверждается документами. Мы уже говорили, что современная программа кадетскаго корпуса должна была удовлетворять строгимъ требованіямъ военно-гражданскаго воспитанія. Сухопутный Шляхетный корпусъ былъ «единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было получить въ ту эпоху общее образованіе, не смотря на исключительную цѣль основанія его». Извѣстны случаи, когда кадеты съ ученической скамьи попадали прямо въ Сенатъ на секретарскія должности. Въ 1742 г. этого званія удостоились кадеты кн. Циціановъ, Калошинъ, Ляпуновъ и Поповъ, присланные отъ Академіи Наукъ съ аттестаціей. Профессора этой Академіи показали, что «кн. Циціановъ, Ляпуновъ и Поповъ во всей юриспруденціи, универсальной исторіи и географіи нарочито упрожнялись, по нѣмецки совершенно

говорятъ и во французскомъ и латинскомъ языкахъ доброе познаніе получили, въ ариѳметикѣ и геометріи нарочито искуссны, а Калошинъ въ натуральномъ и гражданскомъ правѣ настолько упражнялся, въ универсальной исторіи, географіи, ариѳметикѣ нарочитое искусство показалъ, по нѣмецки хорошо говоритъ и обратно съ него на россійскій переводитъ». Въ результатѣ Сенатъ ихъ опредѣлилъ: одного— въ юстицъ-коллегію, другого въ судный приказъ, а Циціанова съ Ляпуновымъ въ вотчинную канцелярію. Поставленные на одну доску съ будущими государственными дѣятелями, первые русскіе актеры добросовѣстно изучали предметы, которые по существу не имѣли прямого отношенія къ ихъ спеціальности. Но таковъ былъ смыслъ реформы Елизаветы. Новый актеръ долженъ былъ быть піонеромъ сценическаго искусства въ Россіи. При невѣжествѣ, косности и суевѣріи массы, требовалось въ лицѣ артиста дать прежде всего образованнаго человѣка, одновременно уравнявъ его въ правахъ съ прочими сословіями. Только при этихъ условіяхъ можно было разсчитывать поручить русскому актеру роль ментора и руководителя, т. е. создать ту атмосферу, которой не доставало русскому театру. Обращаясь къ программѣ обученія, надо замѣтить, что она была, по всѣмъ вѣроятіямъ, приспособлена для нашихъ комедіантовъ. Можетъ быть, имъ слѣдовало только пройти извѣстный курсъ, не касаясь такихъ спеціальныхъ предметовъ, какъ натуральное и гражданское право, «мораль Вольфская» и др. Они учились нѣмецкому языку (преподаватель проф. Іоганнъ Гречъ), французскому (адъюнктъ Людвигъ Бужо), латыни (Іоганнъ Рейхенбахъ); ариѳметикѣ и геометріи (Степанъ Назаровъ), исторіи и географіи (проф. Гречъ), рисованію (Рейнгардъ Швилло), и танцовальному искусству («подмастерье» Андрей Нестеровъ). Лучше другихъ занимались Ѳедоръ Волковъ и Иванъ Дмитревскій. Корпусные учителя, представлявшіе ежемѣсячные рапорты объ «успѣхахъ», не скупились на благопріятные отзывы объ этихъ двухъ ярославцахъ. Изучали ли они «латинское письмо», рѣшали ли сложныя геометрическія теоремы, рисовали ли «тушью ландшафты и фигуры», или по просту танцовали менуетъ, вездѣ напротивъ Волкова и Дмитревскаго стояли отмѣтки: «хорошо», «изрядно», «нарочито»... На обязанности учителей лежало между прочимъ опредѣленіе дальнѣйшихъ успѣховъ учащихся. Они должны были отвѣтить на вопросъ: «что о понятіи и прилежности наукъ» ученика и о «полезномъ успѣхѣ» его впредь, они заключаютъ. И съ этой стороны наши ярославцы не возбуждали, повидимому, сомнѣній. О нихъ просто говорилось: «полезенъ, понятенъ и впредь о успѣхѣ ожидать можно». Къ сожалѣнію, въ документахъ нѣтъ прямыхъ указаній на постановку какихъ либо спектаклей во время пребыванія Волкова въ корпусѣ. Неизвѣстно также, принималъ ли онъ участіе въ оперѣ Сумарокова «Цефалъ и Прокрисъ», сыгранной придворными пѣвчими 2-го мая

1755 г. Надо полагать, что спектакли были, ибо въ хозяйственныхъ отчетахъ корпуса этого времени часто встрѣчаются расходы спеціально театральнаго свойства. Заказываются, напр., декораціи: «садъ съ большимъ проспектомъ» и «двѣнадцатью кулистами», «облака», «дворъ съ проходными дверями и окошками», улица, площадь... Изготовляются костюмы: матросское платье, «минервино платье», платье для первыхъ танцовщиковъ, казацкое платье... Требуются аксесуары: каска, шишакъ съ перьями, докторская шапка, какая то странная комбинація подъ названіемъ «барашекъ съ травою» (?). Тратили на монтировку пьесъ сравнительно много. Напримѣръ, одному портному заплатили около 400 р., нѣкоторыя декораціи обходились въ 200 р. и дороже...

VI.

30-го августа 1756 г. состоялся извѣстный указъ Правительствующему Сенату. Онъ гласилъ слѣдующее: «Повелѣли мы нынѣ учредить русскій для представленія трагедій и комедій театръ, для котораго отдать Головинскій каменный домъ, что на Васильевскомъ островѣ, близъ кадетскаго дома. А для онаго повелѣно набрать актеровъ и актрисъ, актеровъ изъ обучающихся пѣвчихъ и ярославцевъ въ кадетскомъ корпусѣ, которые къ тому будутъ надобны, а въ дополненіе еще къ нимъ актеровъ изъ другихъ неслужащихъ людей, также и актрисъ приличное число. Дирекція того русскаго театра поручается отъ насъ бригадиру Александру Сумарокову». Одновременно было опредѣлено «статное» содержаніе театра. Первоначально ассигновано на него всего пять тысячъ рублей, изъ коихъ тысяча рублей выдавались Сумарокову сверхъ «бригадирскаго оклада» за «директорство». Однако, уже въ 1759 г этихъ денегъ не хватило; прибавили еще двѣ тысячи рублей, при этомъ театръ былъ переведенъ въ «вѣдомство придворной конторы» съ переименованіемъ артистовъ въ «придворныхъ комедіантовъ Ея Императорскаго Величества». Любопытно, что до 1759 г. съ публики взималась нѣкоторая плата за представленіе. Съ увеличеніемъ ассигновки, плата не только не увеличилась, но было приказано «партикулярныхъ смотрителей» впускать впредь «безденежно». Совершенно неизвѣстно, въ какомъ видѣ былъ использованъ Головнинскій домъ подъ театръ: устроена ли тамъ сцена, или просто комнаты бывшаго дворца приспособлены для помѣщенія комедіантовъ? Этотъ домъ имѣлъ свою исторію, въ нѣкоторомъ отношеніи довольно курьезную. Изъ указа 30-го августа мы знаемъ, что онъ помѣщался на Васильевскомъ островѣ, близъ Кадетскаго корпуса. По свѣдѣніямъ Штелина, онъ находился тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Академія Художествъ. Еще до поступленія ярославцевъ въ корпусъ въ 1752 г.

онъ предназначался для театральныхъ представленій. Въ 1754 г. на него обращено Высочайшее вниманіе по совершенно особому поводу. Во дворцѣ водились... крысы. «Ея Императорское Величество,—гласилъ указъ,—именнымъ своего Императорскаго Величества указомъ изволила указать для посаженія во вновь сдѣланные при Головнинскомъ Ея Императорскаго Величества домъ зимніе покои, набрать дворцовой канцеляріи кошекъ до трехсотъ и посадя оныхъ въ тѣ новосдѣланные покои въ немедленномъ времени прокармливать и какъ прикормлены будутъ, то въ тѣ покои распустить, чтобы оные по прикормленіи разбѣжаться не могли и то число кошекъ содержать всегда». Но кошки, вкусивши казеннаго пайка, оказались не на высотѣ положенія. Пришлось побудить ихъ дѣйствовать энергичнѣе, а для этого измѣнить пищевое довольствіе. «Ея Императорское Величество, именнымъ своего Императорскаго Величества указомъ изволила указать для находящихся въ аппартаментахъ Ея Императорскаго Величества кошекъ говядину и баранину не отпускать, а отпускать дичь. Того ради придворная контора во исполненіе онаго Ея Императорскаго Величества именного указа, приказали: обрѣтающимся на кормовомъ погребѣ офицерамъ дать ордеръ и велѣть для помянутыхъ котовъ донынѣ отпускаемую говядину и баранину въ отпускъ не производить, а вмѣсто онаго отпускать въ каждый день ряпчиковъ и тетеревей по одному, итого по два, и отдавать по прежнему, съ росписками». Наблюденіе за дѣятельностью котовъ возложено было на дежурныхъ камеръ-лакеевъ. Для «надзиранія дома» былъ назначенъ Алексѣй Дьяконовъ, «копіистъ лейбъ-компаніи», произведенный тогда же въ подпоручики.

24-го октября 1756 г. Сумароковъ потребовалъ отъ канцеляріи Шляхетнаго кадетскаго корпуса, чтобы, во исполненіе Высочайшаго указа, «благоволено было обучающихся въ корпусѣ пѣвчихъ и ярославцевъ къ нему прислать для опредѣленія въ комедіанты, ибо они всѣ къ тому надобны». Канцелярія корпуса 11-го ноября исполнила требованіе директора театра. Обучавшіеся въ корпусѣ пѣвчіе — Григорій Емельяновъ, Павелъ Ивановъ, Козьма Лукьяновъ, Өедоръ Максимовъ, Евстафій Григорьевъ, Лука Ивановъ, Прокофій Приказный, ярославцы—Өедоръ и Григорій Волковы, Иванъ Дмитревскій и Алексѣй Поповъ поступили въ вѣдѣніе Сумарокова. Таково было первоначальное ядро русской драматической труппы въ С.-Петербургѣ. Затѣмъ по частнымъ свѣдѣніямъ, обязаннымъ главнымъ образомъ г. Карабанову, этотъ составъ пополнился вскорѣ еще слѣдующими лицами: во-первыхъ, Гаврилой Волковымъ, Якововмъ Шумскимъ и Чулковымъ, которые, вопреки сдѣланному имъ предложенію (см. выше), будто бы остались въ Петербургѣ и на свободѣ изучали драматическое искусство; во-вторыхъ, пятью актрисами: Зориной, Авдотьей Михайловой, Маріей и Ольгой Ананьиными и Аграфеной Мусиной-Пушкиной. Къ сожалѣнію, отсутствіе точныхъ

свѣдѣній о данной эпохѣ не даетъ возможности судить о качествѣ труппы, размѣрахъ дарованія каждаго артиста, его амплуа и т. д. Сохранились разсказы только о главныхъ артистахъ: Ѳедорѣ Волковѣ, Иванѣ Дмитревскомъ, да еще о Яковѣ Шумскомъ. Ѳедоръ Волковъ, «душа» и организаторъ дѣла, вѣроятно, былъ наиболѣе талантливый изъ всѣхъ. По всѣмъ даннымъ онъ «былъ страстно преданъ искусствамъ». Онъ оставилъ послѣ себя опыты живописи, скульптуры, архитектуры, даже пѣсни, распѣваемыя современниками. Сравнительно мало успѣвшій сыграть въ своей жизни (онъ умеръ тридцати четырехъ годовъ отъ роду), Волковъ, говорятъ, поражалъ зрителей разнообразіемъ сценическаго дарованія и темпераментомъ. Онъ «съ равною силой игралъ трагическія и комическія роли, настоящій его характеръ былъ бѣшеннаго». Таковъ отзывъ Новикова. «Читая стихи своихъ ролей нѣсколько протяжно, нараспѣвъ, онъ своимъ звучнымъ и гармоническимъ голосомъ и исполненною страсти игрою, увлекалъ и соотечественниковъ и иностранцевъ». «Хотя Волковъ былъ актеръ-самоучка и не видалъ великихъ образцовъ драматическаго искусства, но иностранцы, видѣвшіе его игру, отзываются о немъ, какъ о великомъ актерѣ». Нѣсколько въ иномъ родѣ былъ сподвижникъ Волкова, Ив. Дмитревскій. Повидимому онъ превосходилъ своего товарища образованіемъ и сценическимъ опытомъ. Судя по отзывамъ, это былъ въ полномъ смыслѣ слова европейскій актеръ. Насколько Дмитревскій умѣлъ перерождаться въ изображаемые имъ типы, свидѣтельствуетъ довольно распространенный анекдотъ о знакомствѣ его съ Гаррикомъ. Однажды Дмитревскій въ сопровожденіи своего пріятеля французскаго артиста Лекена поѣхалъ въ Лондонъ для свиданія съ знаменитымъ англійскимъ трагикомъ. Для Дмитревскаго, по словамъ Ѳ. А. Кони, игра Гаррика была «академіей искусства». Онъ уничтожался передъ нимъ, благоговѣлъ, плакалъ. Однажды, за обѣдомъ у Гаррика рѣчь зашла о сценическомъ притворствѣ: Гаррикъ могъ краснѣть и блѣднѣть по желанію; вслѣдъ за веселымъ смѣхомъ у него лились обильныя слезы. Вдругъ Дмитревскій задрожалъ, залепеталъ невнятныя слова и блѣдный, какъ саванъ, безъ чувствъ упалъ въ кресло. Всѣ кинулись ему помогать, но Дмитревскій вскочилъ, захохоталъ и вывелъ ихъ изъ заблужденія. Этотъ случай поразилъ Гаррика и онъ уговорилъ его сыграть что нибудь на сценѣ и устроилъ нарочно домашній спектакль у одной герцогини... Дмитревскій выбралъ «Беверлея» (мѣщанскую трагедію, переведенную имъ же самимъ съ французскаго) и сыгралъ его съ такимъ совершенствомъ, что Гаррикъ совсѣмъ забылъ, что онъ на сценѣ, и такъ пристально впился въ нашего актера, что не обратилъ вниманія на стоявшую на столѣ свѣчку, зажегъ себѣ манжеты и насмѣшилъ всѣхъ зрителей».—Спеціальность Дмитревскаго была трагедія, но и въ роляхъ резонеровъ въ комедіяхъ онъ

былъ неподражаемъ. «Въ трагедіи,—пишетъ П. И. Сумароковъ,—лучшими ролями его почитались Самозванецъ, Ярбъ и Синавъ. Онъ постигалъ во всей силѣ характеръ представляемыхъ имъ лицъ и дополнялъ игрою своею недостатки автора. Напримѣръ, въ Дмитріи Самозванцѣ онъ являлся глазамъ зрителей облокотившимся на тронъ и закрытымъ мантіею: симъ мрачнымъ положеніемъ освѣщалъ онъ, такъ сказать, темныя мысли перваго монолога. Въ Синавѣ читалъ онъ длинный монологъ, когда ему представляется тѣнь брата, подвигаясь со стуломъ своимъ назадъ, какъ будто преслѣдуемый ею, и оканчивалъ приподнимаясь на цыпочки. Сіе простое движеніе производило удивительное дѣйствіе на зрителей: всѣ трепетали отъ ужаса... Въ Амфитріонѣ, перемѣнивъ красный платокъ на бѣлый, онъ такъ измѣнялся, что его не узнавали, и во все время поддерживалъ свое превращеніе». Повидимому это былъ актеръ больше внѣшнихъ, чѣмъ внутреннихъ признаковъ; тонкій наблюдатель, мимъ, умѣвшій найти типичныя стороны предмета, выдвинуть ихъ на первый планъ, мастеръ деталей, обстановки, словомъ то, чѣмъ такъ славился въ былые дни покойный В. В. Самойловъ... Наконецъ, Яковъ Даниловичъ Шумскій, если уступалъ товарищамъ по силѣ чувства, за то съ успѣхомъ дополнялъ ихъ, какъ выдающійся комикъ. Мольеръ, а позднѣе Фонвизинъ находили въ немъ рѣдкаго исполнителя. Особенно типиченъ былъ Шумскій въ роли Еремѣевны въ «Недорослѣ»; публика, по обычаю того времени, выражала ему свое удовольствіе «метаніемъ» кошельковъ.

VII.

Переходя затѣмъ къ репертуару перваго постояннаго русскаго театра, мы касаемся области, больше другихъ разработанной въ исторической литературѣ. Во первыхъ, существуетъ систематизированная сводка пьесъ, которыя въ данную эпоху шли на русской сценѣ. Благодаря имъ, можно съ большей или меньшей вѣроятностію установить, когда, гдѣ и сколько разъ играли извѣстныя произведенія. Во вторыхъ, сохранившіеся памятники современной драматургіи и отзывы о нихъ критики даютъ довольно ясное понятіе, какіе вкусы господствовали въ это время въ публикѣ. Конечно, во главѣ репертуара должны были прежде всего стать пьесы директора театра, Сумарокова. Сумароковъ много сдѣлалъ для русской сцены. Я по крайней мѣрѣ, не знаю другого человѣка, который бы въ эту эпоху проявилъ столько преданности и вниманія къ родному искусству. Кадетскіе спектакли несомнѣнно ему обязаны своимъ существованіемъ. Не безъ его вліянія, вѣроятно, были вызваны съ береговъ Волги ярославцы, эти варяги русскаго театра. Наконецъ, мысль создать постоянный русскій театръ непремѣнно была подсказана самимъ Сумароковымъ и

осуществлена при его участіи. Конечно, это еще не причина оправдывать господство извѣстныхъ пьесъ на сценѣ, когда все достоинство автора заключается въ томъ, что онъ хозяинъ театра. Но этого упрека нельзя бросить Сумарокову-драматургу. Актеры не насиловали свое мнѣніе, когда разыгрывали его пьесы, авторъ не навязывалъ себя публикѣ, пользуясь своимъ положеніемъ въ театрѣ. Онѣ дѣйствительно нравились и имѣли успѣхъ. Само по себѣ значеніе Сумарокова въ исторіи XVIII в.—настолько общее мѣсто, что по этому поводу не можетъ существовать двухъ различныхъ мнѣній. Сумароковъ былъ сынъ своего вѣка и въ этомъ его несчастіе и оправданіе. Не нужно забывать, при какихъ условіяхъ жили и работали писатели данной эпохи. Народъ представлялъ изъ себя темную, безличную массу, иногда проявлявшую свою индивидуальность бурными протестами въ духѣ Стеньки Разина или Емельки Пугачева. Интеллигенціи въ точномъ смыслѣ этого слова не существовало вовсе. Нѣчто похожее обнаруживалось при Дворѣ, больше изъ подражанія иностранцамъ, но, по странной случайности, какъ то миновало писателей. Я уже не говорю о В. К. Тредьяковскомъ. Не оцѣненный по достоинству писатель, впервые примѣнившій тоническій размѣръ въ нашемъ стихосложеніи, влачилъ жизнь бѣднаго родственника, едва терпимаго въ гостинной. Немногимъ лучше было положеніе Ломоносова и Сумарокова. Пользуясь служебной подчиненностью одного, болѣзненнымъ самолюбіемъ другого, ихъ натравливали другъ на друга, и гдѣ же? Въ домѣ русской Государыни, въ учебной комнатѣ Наслѣдника Престола! Нужно удивляться, какъ при такихъ условіяхъ находились еще нѣжные цвѣта на палитрѣ современнаго художника. Правда, обстоятельства опредѣляли само собой характеръ и направленіе литературной дѣятельности. Избѣгая свѣта, готоваго ежеминутно безъ причины насмѣяться и обидѣть, Ломоносовъ съ головой уходилъ въ науку и только по временамъ покупалъ свою свободу торжественными одами, эклогами и диѳирамбами. Сумароковъ не могъ этого сдѣлать. Слишкомъ живой человѣкъ отъ природы и не ученый по призванію, онъ не довольствовался ролью безстрастнаго зрителя: ему хотѣлось практической дѣятельности. Окружающее давало широкое поле для наблюденій. Реформы Великаго Петра, настроившіе на другой ладъ русскую жизнь, не измѣнили древняго русскаго человѣка. Въ угоду настоящаго времени онъ надѣвалъ нѣмецкій камзолъ, но подъ нимъ тщательно скрывалъ прежній тулупъ и косоворотку. Привычки остались тѣ же, вкусы не облагородились. Этотъ разительный контрастъ между убогой дѣйствительностью и кажущимся перерожденіемъ, разумѣется, требовалъ своего лѣтописца, не могъ обойтись безъ него. Такъ родилась сатира, сначала робкая и неуклюжая при Кантемирѣ, потомъ осмѣлевшая и болѣе культурная при Сумароковѣ и послѣдующихъ писате-

ляхъ. Въ сущности, если произведенія Сумарокова есть смыслъ въ настоящее время разсматривать, то только со стороны сатирическаго элемента, въ нихъ заключающагося. Тогда и трагедіи «россійскаго господина Расина» пріобрѣтаютъ интересъ нѣсколько большій, чѣмъ историческій. Какъ ни подчинялся Сумароковъ чужой указкѣ по части формы, онъ и въ узкихъ предѣлахъ своей спеціальности старался быть самостоятельнымъ. Извѣстенъ споръ его съ литераторами относительно «Гамлета». На упреки Третьяковскаго въ заимствованіи, онъ гордо отвѣчалъ: «Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паденія, на Шекспирову трагедію едва-едва походитъ». И по существу онъ былъ правъ; только близорукость и недоброжелательство литературнаго врага могли смѣшать геніальную трагедію Шекспира съ шаблоннымъ произведеніемъ русскаго драматурга. Свою самостоятельность Сумароковъ понималъ не какъ стремленіе сказать во что бы то ни стало «новое слово». Трагическій образъ датскаго принца ничего не говорилъ его «смятенной» душѣ. Weltschmerz Гамлета разбивался объ узкую односторонность русскаго человѣка, недовольнаго своей средой и переносящаго это недовольство на все остальное. Для него значеніе писателя отождествлялось съ вѣчнымъ протестомъ, въ его пониманіи, это сначала прокуроръ, а потомъ уже художникъ. Онъ и на трагедію смотрѣлъ только съ этой точки зрѣнія. По его мнѣнію, она должна —

Принудить чувствовать чужія намъ напасти
И къ добродѣтели направить наши страсти.

Такая задача автора, конечно, обособляла его произведенія. Лишній трудъ искать здѣсь даже намёка на художественную правду. Онъ только представитель извѣстнаго воззрѣнія писателя, но отнюдь не живой, поэтическій образъ. Въ такомъ же духѣ всѣ остальные трагическіе герои, всѣ эти Кіи, Хоревы, Гостомыслы, Семиры и т. д. Вывѣска, рекомендующая ихъ въ качествѣ «правителей россійскаго престола», кіевскихъ князей или персидскихъ вельможъ,—одна лишь формальность. Съ такимъ же успѣхомъ они могли бы быть испанскими грандами, французскими разносчиками, итальянскими lazzaroni и т. п. Стройность произведенія отъ этого не нарушилась бы. То, что французы называютъ couleur local, не существуетъ вовсе въ произведеніяхъ Сумарокова. Авторъ вкладываетъ въ уста Полонія такія вещи, которыя, вѣроятно, не снились настоящему Полонію:

Кому прощать Царя? Народъ въ его рукахъ.
Онъ Богъ, не человѣкъ въ надверженныхъ странахъ.
Когда кому даны порфира и корона,
Тому вся правда власть и нѣтъ ему закона.

Въ сущности это только предлогъ, чтобы высказать современный взглядъ на истинное призваніе Монарха. Онъ выражается въ отвѣтѣ Гертруды, матери Гамлета:

Не симъ есть праведныхъ наполненъ умъ царей:
Царь мудрый есть примѣръ всей области своей,
Онъ правду паче всѣхъ подвластныхъ наблюдаетъ,
И всѣ свои на ней уставы созидаетъ,
То помня завсегда, что кратокъ смертныхъ вѣкъ.
Что онъ въ величествѣ такой же человѣкъ.

Въ другихъ произведеніяхъ однородныя мысли (о патріотизмѣ, о любви къ ближнему, о тщетѣ власти) высказываются отъ лица Годомысловъ, Ярополковъ, персидскаго царія Дарія, независимо отъ того, возможны ли были такіе взгляды въ эпоху, когда жили эти люди. Особенно типична въ этомъ отношеніи жалоба дочери кіевскаго князя Семиры на свое происхожденіе. Родовитость и знатность обязываютъ княжну быть осторожной въ своихъ увлеченіяхъ и не поддаваться страстямъ:

Отъ знатной крови я на свѣтѣ изведена,
Должна ль я тако быть страстьми побѣждена,
Чтобъ дѣлали они премѣны тѣ въ Семирѣ,
Какія свойственны другимъ дѣвицамъ въ мірѣ?
Гдѣ жизни хвальные примѣры находить,
Коль въ княжескихъ сердцахъ пороки будутъ жить?
Иль преимущество имѣемъ предъ другими
Одними титлами лишь только мы своими?

Понятно, для насъ, воспитанныхъ на другихъ образцахъ литературнаго творчества, такіе пріемы кажутся тяжелыми, скучными, дѣтски наивными... Но не такъ смотрѣли на трагедію наши пращуры и прабабки. Въ ихъ глазахъ это былъ единственный протестъ противъ царившаго безправія, единственное средство публично осудить систему, отдавшую Россію въ руки иноземныхъ правителей, временщиковъ, казнокрадовъ и т. д. Недаромъ одинъ изъ наиболѣе свѣдующихъ и образованныхъ людей половины XVIII в., Андрей Болотовъ, сознается, что заучивалъ наизусть цѣлыя страницы «Хорева», другой же современникъ указываетъ на воспитательное значеніе произведеній Сумарокова. «Воспитаніе много обязано покойному Сумарокову, говоритъ онъ: онъ много успѣлъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ въ разсужденіи умягченія нравовъ, и вкусъ къ театру, конечно отъ его пера исправленъ».

VIII.

Но наибольшей силы Сумароковская сатира достигла только въ комедіи. Трагическій жанръ плохо гармонировалъ съ кипучей натурой писателя. Строгіе контуры эллинской драмы мѣшали ему отъ высокихъ чувствъ и мыслей спускаться къ повседневной жизни. А между тѣмъ, въ ней и заключалось все дѣло. Мы уже опредѣляли словами Сумарокова значеніе трагедіи. Она должна была научить людей, стремясь къ добродѣтели, быть чуткими къ чужому горю. Задачи комедіи были иныя, онѣ прямо били въ цѣль:

Свойство комедіи, издѣвкой править нравъ:
Смѣшить и пользовать прямой ея уставъ.
Представь бездушнова подъячева въ приказѣ,
Судью, что не пойметъ, что писано въ указѣ.
Представь мнѣ щоголя, кто тѣмъ вздымаетъ носъ,
Что цѣлый мыслитъ вѣкъ о красотѣ волосъ:
Который родился, какъ мнитъ онъ для амуру;
Чтобъ гдѣ нибудь къ себѣ склонить такую-жъ дуру.
Представь латынщика на диспутѣ его,
Который не совретъ безъ Ерго ничего.
Представь мнѣ гордова, раздута, какъ легушку,
Скупова, что готовъ въ удавку за полушку.
Представь картежника и т. д. и т. д.

Изъ этого перечня видно, что Сумароковъ довольно широко понималъ задачи сатирика и бытописателя. Другой вопросъ, какъ онъ справлялся съ подобной программой. Нельзя согласиться съ нѣкоторыми критиками, что комедіи Сумарокова лишены вовсе оригинальности и внутренняго содержанія. Оригинальны онѣ были уже потому, что представляли изъ себя первую попытку этого рода въ русской литературѣ. Конечно, нельзя ихъ сравнить съ позднѣйшими комедіями, напр., фонъ-Визина, но вѣдь всякому овощу свое время. Разсматривая произведенія исключительно съ точки зрѣнія соотношенія ихъ къ волнующимъ общество интересамъ, нужно признать, что между комедіями Сумарокова и «Недорослемъ» и «Бригадиромъ» такое же разстояніе, какъ между этими комедіями и «Горе отъ ума» и «Ревизоромъ», потомъ между послѣдними комедіями и комедіями Островскаго и т. д. Совершенно справедливо замѣчаетъ біографъ Сумарокова, г. Буличъ: «русское общество было тогда еще слишкомъ молодо для сознанія себя и только болѣе художественная и болѣе

зрѣлая комедія фонъ-Визина соотвѣтствуетъ нѣкоторымъ образомъ, хотя и не вполнѣ, тому понятію о комедіи, по которй ее называютъ «зеркаломъ общества». Наконецъ, и пожалуй самое главное, Сумароковъ уступалъ названнымъ авторамъ силою таланта. Въ комедіяхъ его не чувствуется глубины психологическаго анализа, интрига построена на какомъ нибудь отдѣльномъ фактѣ, нѣтъ общей, связывающей пьесу идеи, краски блѣдны, комическія положенія отсутствуютъ. Однако, сравнительно съ трагедіей, Сумароковъ здѣсь дѣлаетъ огромный шагъ впередъ. Общественное положеніе дѣйствующаго лица всегда въ большей или меньшей степени соотвѣтствуетъ его характеру. Языкъ проще, мысль яснѣе. А въ нѣкоторыхъ комедіяхъ дѣлается даже попытка изобразить бытовыя особенности своего времени. Напр., въ комедіи «Рогоносецъ по воображенію» есть очень живой, совершенно во вкусѣ нынѣшнихъ водевилей, разговоръ барина со слугой. Къ барину, жестокому ревнивцу, напрашивается въ гости графъ Кассандръ, герой пьесы. Предупредить о своемъ посѣщеніи онъ посылаетъ егеря. Слѣдуетъ сцена между егеремъ и бариномъ Викуломъ:

Викулъ. Что ты другъ мой?

Егерь. Я присланъ отъ графа Кассандра, къ вашему сія... къ вашему превосхо... къ вашему высоко... какого сударь вы чина?

В. Что тебѣ братецъ до моего чина? Какова ни есть.

Е. Я присланъ отъ графа Кассандра къ вашему высокоблаго... Вить вы сударь имѣете майорскій чинъ?

В. Нѣтъ, братецъ.

Е. Я присланъ отъ графа Кассандра къ вашему благо... Да вить вы сударь дворянинъ?

В. Хотя и не богатой... Да зачѣмъ и отъ кого ты присланъ?

Е. Я присланъ отъ графа Кассандра къ вашему здоровью: графъ приказалъ вамъ нижайшій отдать поклонъ (кланяется въ землю).

В. Это ужъ очень низко.

Е. Нижайшаго поклона ничего нѣтъ ниже: а что всенижайшій поклонъ, этого я уже и не понимаю.

В. Что тебѣ еще приказано?

Е. Такъ же и сожите... такъ же и супру... Какъ сударь, деревенскихъ дворянъ жены титулуются?

В. Титулуй какъ хочешь; да что графу до моей жены?

Е. То дѣло, чтобы засвидѣтельствовать ей свое почтеніе.

В. Да онъ ее и не знаетъ.

Е. Онъ сосѣдъ вашъ, такъ ему извѣстно имя вашей сожите... супру... Ну, какъ ни есть?

В. Почему извѣстно?

Е. Потому что она здѣшняя помѣщица.

В. Нѣтъ братецъ, помѣщикъ я, а не она. А ей принадлежитъ только седьмая часть изъ недвижимаго моего имѣнія, и то еще тогда достанется ей, ежели она меня переживетъ.

Е. Мнѣ приказано и ей отдать нижайшій поклонъ.

В. Хорошо, другъ мой, я ей этотъ поклонъ отнесу.

Е. Вы сударь человѣкъ не молодой; такъ вамъ надо спины поберегать. Я думаю, что вы ненастье чувствуете?

В. Говори, другъ мой, то зачѣмъ ты присланъ, покороче.

Е. Графъ Кассандръ, ѣздивъ со псовою охотою, къ вамъ на перепутьѣ будетъ.

В. Милости прошу, кланяйся его сіятельству...

Бичуя порокъ гдѣ бы онъ ни проявлялся, Сумароковъ достигалъ особенной виртуозности, когда рѣчь заходила о ненавистныхъ ему подъячихъ, лихоимцахъ, ябедникахъ и т. п. Тогда самый характеръ выраженій пріобрѣталъ какой-то боевой оттѣнокъ; чувствовалось, что это были тѣ мѣста, которые электризовали зрительную заллу, вызывали апплодисменты... Въ такомъ родѣ нѣкоторыя сцены изъ «Опекуна» и «Лихоимца», лучшихъ комедій Сумарокова. Приведемъ одно мѣсто изъ «Опекуна», гдѣ Чужехватъ (главное дѣйствующее лицо пьесы) развиваетъ свою теорію условной честности. Сцена начинается съ того момента, когда Чужехватъ, взбѣшенный, объявляетъ, что у Пасквина, его слуги украли крестъ: «А онъ жалуется, да изъ дому вонъ хочетъ». На это возражаетъ Сострата, дочь Чужехвата: «Кража та сударь обыкновенное здѣсь ремесло, и кажется можно уже привыкнуть къ этому здѣшнихъ людей бездѣльству, и поменьше гнѣваться». Но Чужехватъ съ этимъ не согласенъ. «Не о томъ дѣло, что они крадутъ, говоритъ онъ; пускай бы крали, не касаяся господскому и не у своихъ; такъ бы въ домѣ помаленьку прибавлялось; а у своего украсти, такъ это изъ кармана въ карманъ перекладывать, да шумъ дѣлать, а мнѣ безпокойство. Пускай бы крали; кто безъ грѣха и кто бабѣ не внукъ; а хотя бы по слабости что и у своихъ товарищей тихонько взять, да надобно концы хоронить, чтобы и не подумали, что свой взялъ. Тому то я ихъ учу, да дурака, хотя вѣкъ учи, такъ не научишь. А объ этомъ говорю ли я, чтобы не крали; вить они не на каторгѣ; для чего у нихъ волю отнимать? Кража не великая вина, потому что она страсть общая слабости человѣческой. Машна дѣло первое на свѣтѣ; пуста машна, пуста и голова. Давать ради Христа спасительное, неужели просить ради Христа. Честь, да честь! Какая честь, коли нечего ѣсть. До чести ли тогда, когда брюхо пусто. Пуста мошна, пусто и брюхо.

— Изрядное нравоученіе! замѣчаетъ Сострата.

— Конечно изрядное! продолжаетъ Чужехватъ. Такъ лучше по твоему поступить нравоученію? Намнясь видѣлъ я, какъ честной то по вашему и безчестной, а по моему разумной и безумной принималися. Безчестный атъ, по вашему, пріѣхалъ; такъ ему стулъ, да еще въ хорошенькомъ домѣ: все ли въ добромъ здоровьи? Какова твоя хозяюшка? дѣтки? Что такъ запалъ? Ни къ намъ не жалуешь, ни къ себѣ не зовешь? А всѣ вѣдаютъ то, что онъ чужимъ и не праведнымъ разжился. А честнова та человѣка дѣтки пришли милостыни просить, которыхъ отецъ ѣздилъ до Китайчетава царства и былъ въ Камчатномъ государствѣ и объ этомъ государствѣ написалъ повѣсть. Однако сказку то его читаютъ, а дѣтки то его ходятъ по міру, а у дочекъ то его крашенинныя бостроки, да и тѣ въ заплатахъ, даромъ то, что отецъ въ Камчатномъ былъ государствѣ. И для того то, что они въ крашенинномъ таскаются платьѣ, называютъ ихъ крашенниниками»...

И представитель благороднаго начала въ комедіи, Сострата, не находитъ другого источника помочь бѣдѣ, какъ обратиться къ царскому милосердію! «Можетъ быть такихъ людей дѣти по міру таскаться и перестали». Чрезвычайно характерны Сумароковскія описанія современнаго суда, ненавистныхъ ему подъячихъ. Судебнымъ дѣятелямъ посвящены нѣсколько страницъ въ комедіи «Чудовищи». Мужъ съ женою поспорили и жена дала сожителю пощечину. Дѣло перенесли въ судъ, или, какъ называетъ авторъ, въ особую «пощечинною коммиссію». Сумароковъ рисуетъ картину судебнаго засѣданія: «Я не знаю, говоритъ одинъ судья другому, сильны ли вы въ дѣлахъ приказныхъ, а я все служилъ въ солдатствѣ и въ Приказъ посаженъ недавно, такъ я въ дѣлахъ то не очень еще силенъ; развѣ вы въ нихъ знающи»? Товарищъ отвѣчаетъ: «Я вѣкъ свой изжилъ въ Приказахъ; только безъ этакова человѣка, каковъ нашъ протоколистъ, и я ничего не сдѣлаю, это не судейская должность, чтобы знать право. Наше дѣло оговаривать и вершить дѣла; знать права—то дѣло секретарское». Судья, весь вѣкъ изжившій въ Приказахъ, показываетъ однако свою опытность, находитъ разнорѣчіе въ показаніяхъ истца, который одинъ разъ сказалъ, что жена дала ему пощечину, въ другой разъ сказалъ, что оплеуху. Защитникъ истца, ябедникъ Хабзей, говоритъ судьѣ: «Въ этомъ разнствія не имѣется, понеже оплеуха и пощечина, такъ какъ помѣстье и вотчина, за едино пріемлются». Наконецъ, была еще область, обширная и благодарная для воздѣйствія сатиры: я говорю о просвѣщеніи. Извѣстно, что Россія первой половины XVIII в. не изобиловала источниками образованія. Энергичная работа Петра Великаго въ насажденіи новыхъ формъ русской жизни, къ сожалѣнію, пресѣклась съ его ранней кончиной. Онъ успѣлъ только намѣтить главные пункты общеобразовательной про-

граммы, которую должны были выполнить его преемники, если бы они были такъ же талантливы и энергичны, какъ онъ самъ. Къ вступленію на престолъ Елизаветы школъ было очень мало. Тѣ, которыя существовали, «не отвѣчали ни общимъ требованіямъ здраваго преподаванія, ни ближайшимъ потребностямъ русскаго образованія». Послѣднимъ объясняется отчасти, что правительству, для пополненія кадровъ учащихся, приходилось иногда насильно «загонять въ ученіе»; охотниковъ до схоластики было немного. Воцареніе Елизаветы дало повидимому толчекъ просвѣщенію. Послѣ безобразій предшествующаго періода, одно появленіе на престолѣ дочери Петра Великаго «создавало надежды, что возвратятся времена національной славы». По замѣчанію историка, «новое поколѣніе русскихъ людей, выведенное Елизаветою на верхъ, должно было постараться уничтожить мнѣніе, что безъ помощи иностранцевъ Россія не можетъ быть управляема, не можетъ поддержать своего значенія, даннаго ей отцомъ Елизаветы, а необходимое средство для этого было образованіе. Алексѣй Разумовскій посылаетъ молодого брата своего учиться за границу; вице-канцлеръ графъ Воронцовъ ѣдетъ за границу, какъ для поправленія здоровья, такъ и для образованія; молодой Иванъ Шуваловъ въ образованіи, въ сближеніи съ учеными, писателями готовить себѣ знаменитое мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія». Центромъ интеллигентнаго паломничества становится Франція, Парижъ, ибо оказывается, что «нѣмцы, столь гордые своимъ учительскимъ характеромъ въ Россіи, у себя дома рабски подчиняются вліянію французскому». Но медаль имѣетъ обратную сторону. Западное ученіе, спасительное для умовъ крѣпкихъ, способныхъ разобраться въ чужомъ и противопоставить ему свое, хорошее, оказываетъ плохую услугу умамъ менѣе развитымъ. Заимствованіе для такихъ людей вопросъ моды, хорошаго тона. Внѣшній блескъ замѣняетъ имъ доброкачественность предмета. Это хорошій объектъ для сатиры. Молва, окрестивъ такихъ людей петиметрами, тѣмъ самымъ опредѣлила не только ихъ внутреннее убожество, но также и отсутствіе патріотизма, заставляющее ихъ завѣдомо преувеличивать все иностранное. Образчикомъ, какъ осмѣивалъ подобное увлеченіе Сумароковъ, можетъ служить одна сцена въ комедіи «Пустая ссора». Разговариваютъ петиметръ Дюлижъ и щеголиха Деламида, дочь хозяина дома:

Деламида. Я думала, что вы уже ушли.

Дюлижъ. Я не думалъ, что я васъ сегодня еще увидѣть удостоюсь.

Дел. Это для васъ, чтобы меня видѣть не очень велико.

Дюл. Всего больше сударыня.

Дел. Вы такъ мнѣ флатируете, что ужъ не возможно.

Дюл. Вы мнѣ не повѣрите, что я васъ адорирую.

Дел. Я этого сударь не меритирую.

Дюл. Я думаю, что вы довольно ремаркированы быть могли, чтобъ я опре де васъ, всегда въ конфузіи.

Дел. Что вы дистре, такъ это можетъ быть отчего другого.

Дюл. Я все, кромѣ васъ, мепризирую.

Дел. Я этой пансе не имѣю, чтобъ я и впрямь въ вашихъ глазахъ емабль была.

Дюл. Треземабль, сударыня, вы какъ день въ моихъ глазахъ.

Дел. И я васъ очень естимую, да для того я и за васъ нейду; когда бъ вы и многіе калите имѣли, мнѣ бъ васъ больше естимовать было ужъ нельзя.

Дюл. А для чего, развѣ бы вы любить меня не стали?

Дел. Дворянской дочери любить мужа, ха, ха, ха. Это посацкой бабѣ прилично!

Дюл. Противъ этого спорить нельзя, однако ежели бъ вы меня изъ одоратера здѣлали своимъ амантомъ, то бъ это было пардонабельно.

Дел. Пардонабельно любить мужа! ха, ха, ха; вы ли полно это говорите, я бъ не чаяла, чтобъ вы такъ не резонабельны были...

IX.

Таковы были основныя пьесы репертуара новаго театра. Какъ было выше сказано, онѣ имѣли большой успѣхъ и постоянно повторялись. Затѣмъ изъ оригинальныхъ произведеній, извѣстна лишь «Танюша, или счастливая встрѣча», комическая опера Дмитревскаго, музыка Ѳ. Волкова. Она впервые шла 27-го ноября 1756 г. Весь остальной репертуаръ заключался въ пьесахъ иностранныхъ авторовъ, главнымъ образомъ Мольера. Комедіи его «Тартюфъ», «Скопиновы обманы», «Школа мужей», «Скупой», «Мизантропъ», «Мѣщанинъ въ дворянствѣ», «Жоржъ Данденъ» шли въ переводахъ, Кропотова, Елагина, Чаадаева и Свистунова. Кромѣ того играли Гольберга «Гордость и бѣдность», а изъ авторовъ менѣе извѣстныхъ комедіи Лафона «Три брата солюбовники» и Сенъ-Фуа «Граціи». Послѣдняя пьеса въ переводѣ Нартова. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о судьбѣ нашихъ артистовъ. Въ 1759 г. Ѳ. Волкову пришлось временно покинуть своихъ товарищей. Онъ вмѣстѣ съ Я. Шумскимъ, по Высочайшему повелѣнію былъ командированъ въ Москву для устройства тамъ придворнаго театра по примѣру Петербургскаго. Поѣздка эта была не изъ удачныхъ. Къ этому времени, когда Волковъ попалъ въ Москву, мѣстнымъ театромъ вѣдалъ извѣстный «оперистъ», или содержатель комической оперы Лока-

телли, сформировавшій свою труппу изъ актеровъ бывшаго Университетскаго театра, когда то игравшаго подъ руководствомъ Хераскова. У насъ нѣтъ документовъ, объясняющихъ, почему не удалась миссія Волкова. Едва ли возможно предполагать препятствія со стороны матеріальныхъ средствъ. Поручая Волкову такую заботу, вѣроятно обставляли ее приличными условіями. Не могло быть причиной неуспѣха и отсутствіе актеровъ. Извѣстно, что Волковъ вернулся въ Петербургъ съ лучшими силами Локателіевской труппы, въ томъ числѣ знаменитой впослѣдствіи драматической артистки Т. М. Троепольской. Вѣрнѣе, что Волкову удалось основать постоянный театръ, но за дѣйствіемъ привиллегіи, данной Локателли «содержать домъ изъ его кошту, для представленія смотрителямъ комическихъ его сочиненій оперъ», придворный русскій театръ, временно не значился существующимъ. По крайней мѣрѣ мы нигдѣ не нашли какихъ либо денежныхъ ассигновокъ на этотъ предметъ. Затѣмъ о Волковѣ ничего не слышно до 1762 г., когда фортуна изъ области кулисъ неожиданно увлекаетъ его на арену политической дѣятельности. Волковъ съ братомъ Григоріемъ принимаютъ участіе въ дворцовомъ переворотѣ, ознаменовавшимъ восшествіе на престолъ Императрицы Екатерины II, а Ѳедоръ Григорьевичъ, кромѣ того, по свѣдѣніямъ, больше, впрочемъ, иностраннаго происхожденія, участвуетъ еще въ перипетіяхъ мрачной Ропшинской трагедіи. По странной случайности исторія не сохранила никакихъ свѣдѣній о политической роли Волковыхъ въ переворотѣ 28-го іюня. Извѣстно только, что за услуги, оказанныя Екатеринѣ при вступленіи ея на престолъ, въ числѣ сорока лицъ, которые «по ревности для поспѣшенія народнаго, побудили самымъ дѣломъ Ея Величества сердце милосердное къ скорѣйшему принятію престола россійскаго и спасенію такимъ образомъ нашего отечества отъ угрожавшихъ оному бѣдствій», братья Волковы возведены въ дворянское достоинство съ пожалованіемъ семисотъ душъ крестьянъ. Въ эту же эпоху было поручено Ѳ. Волкову устройство грандіознаго маскарада, которымъ долженъ былъ завершиться рядъ блестящихъ празднествъ, по случаю коронаціи Императрицы въ Москвѣ. «Маскарадъ сей, пишетъ очевидецъ его А. Т. Болотовъ, имѣлъ цѣлію своею осмѣяніе всѣхъ обыкновеннѣйшихъ между людьми пороковъ, а особливо мздоимныхъ судей, игроковъ, мотовъ, пьяницъ и распутныхъ и торжество надъ ними наукъ и добродѣтели: почему и названъ былъ «Торжествующею Минервою». И процессія была превеликая и предлинная: везены были многія и разнаго рода колесницы и повозки, отчасти на огромныхъ саняхъ, отчасти на колесахъ, съ сидящими на нихъ многими и разнымъ образомъ одѣтыми и что нибудь представляющими людьми и поющими приличныя и для каждаго предмета сочиненныя сатирическія пѣсни. Передъ каждою такою раскрашенною, распещренною и раззолоченою повозкою, везомою

множествомъ лошадей, шли особые хоры—гдѣ разнаго рода музыканты, гдѣ разнообразно наряженныхъ людей, поющихъ громогласно другія веселыя и забавныя особаго рода стихотворенія, а индѣ шли огромные исполины, а индѣ удивительные карлы. И все сіе распоряжено было такъ хорошо, украшено такъ великолѣпно и богато и всѣ пѣсни и стихотворенія пѣты были такими пріятными голосами, что неиначе, какъ съ крайнимъ удовольствіемъ на все то смотрѣть было можно». Программа была написана стихами Херасковымъ, а хоры сочинены Сумароковымъ. Волковъ былъ душою этой оригинальной процессіи. Сидя верхомъ на конѣ, онъ направлялъ шествіе и дѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія. Но этотъ маскарадъ стоилъ жизни его распорядителю: на немъ онъ простудился и 4-го апрѣля 1763 г., на тридцать пятомъ году жизни скончался. Эту смерть, неожиданную для всѣхъ близкихъ, почтилъ элегіей къ Дмитревскому А. П. Сумароковъ. Она начиналась слѣдующимъ четверостишіемъ:

Пролей со мной потокъ, о Мельпомена, слезный,
Восплачь и возрыдай и растрепли власы:
Представился мой другъ, прости мой другъ любезный!
На вѣки Волкова пресѣклися часы...

Въ противоположность Волкову, жизнь Дмитревскаго протекла спокойно, исключительно въ сферѣ театральныхъ интересовъ. До 1783 г., пользуясь высокимъ званіемъ «перваго россійскаго придворнаго театра актера», онъ ѣздилъ за границу, изучалъ иностранные театры, совершенствовался въ собственной игрѣ. Затѣмъ на тридцать первомъ году службы въ 1783 г., его назначаютъ въ «надзиратели спектаклямъ къ Россійскому театру», что въ сущности равносильно должности инспектора. Это время совпадаетъ съ учрежденіемъ особаго комитета «для управленія зрѣлищами и музыкой», который по склонности той эпохи все облекать въ нравоученія, издаетъ обширнѣйшую инструкцію, предусматривающую разнообразныя обязанности актеровъ. По мысли одного изъ параграфовъ этой инструкціи (§ 14) «желательно, чтобы всѣ члены театра, который долженъ быть училищемъ благонравія, вели себя съ такой благопристойностью, чтобы впечатлѣніе добродѣтели и благонравія, которыя возбудить старались авторы своими сочиненіями, не истреблялись черезъ непорядочные ихъ поступки, вслѣдствіе чего дирекція освобождается отъ своихъ обязательствъ противъ тѣхъ, которые дерзнутъ своими подлыми поступками причинять безчествіе театру, съ самой той минуты, когда они отъ кого послѣдуютъ». Въ томъ же году, Дмитревскій значится по архивнымъ документамъ «россійскихъ актеровъ инспекторомъ», а 7-го марта 1784 г. ему поручаютъ «обучать находя-

щихся при театральной школѣ учениковъ и ученицъ декламаціи и дѣйствованію». Сцена и педагогическая дѣятельность не мѣшаютъ Дмитревскому отдавать досуги литературѣ. Извѣстно, что онъ дважды составлялъ «Исторію россійскаго театра», каждый разъ по какой то непростительной небрежности затеряной или сгорѣвшей. Затѣмъ онъ переводилъ наиболѣе популярныя комедіи изъ современнаго иностраннаго репертуара, а также помогалъ митрополиту Евгенію въ составленіи его знаменитаго «Словаря писателей». Закатъ его дней Академія Наукъ почтила совершенно необычной для русскаго актера наградой. Она избрала его своимъ членомъ, причемъ на долю Дмитревскаго выпала честь произнести похвальное слово А. П. Сумарокову, признанное Академіей «весьма удовлетворительнымъ, какъ по чистотѣ слога, такъ и по содержащимся въ немъ, весьма искуссно обработаннымъ предметамъ и мыслямъ». Онъ умеръ въ 1821 г., глубокимъ старцемъ, 87 лѣтъ отъ роду.— Наконецъ, изъ состава актеровъ перваго призыва, театральные архивы сохранили еще кое какія данныя объ одномъ Я. Д. Шумскомъ. Подобно Дмитревскому онъ всю свою жизнь провелъ въ артистической средѣ, продолжая играть даже въ отставкѣ, на пенсіи. Въ журналѣ комитета «для управленія зрѣлищами» есть любопытная подробность, отмѣченная 13-го января 1791 г. Тамъ значится, что «состоящему на пенсіонѣ Якову Шумскому, игравшему роль Созіи (изъ «Амфитріона», Мольера) отдать сборъ, полученный 12-го января, при представленіи «Амфитріона», четыреста тридцать шесть рублей, вслѣдствіе донесенія, Ея Величеству отъ дирекціи сдѣланнаго». Такъ чествовало молодое поколѣніе стараго ветерана сцены, отдавшаго ей свое блестящее дарованіе. С. Т. Аксаковъ видѣлъ Шумскаго, когда уже тотъ былъ въ глубокой старости (въ 1811 г.). «Я нашелъ его (Шушерина) въ залѣ, очень радушно угощающаго завтракомъ какого то сѣденькаго, худенькаго, маленькаго, но бодраго старичка. Это былъ актеръ Шумскій, современникъ обоихъ Волковыхъ и Дмитревскаго. Шушеринъ мнѣ говорилъ, что Шумскій старше ихъ всѣхъ и что ему тогда было за сто лѣтъ... Онъ нѣсколько разъ въ годъ захаживалъ на перепутьѣ къ Шушерину, чтобы отдохнуть и позавтракать, а какъ это всегда случалось довольно рано поутру, то я его никогда и не видывалъ. Шушеринъ утверждалъ, что Шумскій былъ необыкновенный актеръ на роли слугъ (прежде это было важное амплуа), молодыхъ повѣсъ и весельчаковъ изъ простого званія. Я былъ радъ, что мнѣ удалось видѣть Шумскаго. Я съ любовью и уваженіемъ смотрѣлъ на этотъ славный обломокъ нашего первоначальнаго театра, замѣчательнаго сильными талантами, такъ чудно пощаженный временемъ. Шумскій былъ веселъ, живъ и словоохотенъ. Онъ проговорилъ со мною часа два. Безъ сомнѣнія его талантъ былъ чистый инстинктъ, или, пожалуй, вдохновеніе. Вѣрный почти общему свойству долго за-

(piecè de circonstance) съ назначеніемъ преміи въ 500 руб., независимо отъ авторскихъ правъ, передавъ въ этотъ конкурсъ и пьесу Григорьева, но съ отмѣной третьей картины; для сужденія же о достоинствѣ пьесъ, которыя будутъ представлены, составить особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ Вашего Высокопревосходительства изъ находящихся здѣсь извѣстныхъ литераторовъ и другихъ лицъ, по по моему избранію». 22-го іюня въ газетахъ «Спб. Вѣдомости», «Сѣверная Пчела» «Русскій Инвалидъ» появилось объявленіе дирекціи театровъ. Оно гласило слѣдующее: «*Конкурсъ для драматическихъ сочиненій по случаю столѣтняго юбилея русскаго театра*».

30-го августа нынѣшняго года исполнится сто лѣтъ существованія русскаго театра *). Дирекція Императорскихъ театровъ, въ слѣдствіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, предлагаетъ гг. русскимъ литераторамъ написать пьесу, именно для этого событія (une piéce de cirsonstance). Для разсмотрѣнія такихъ пьесъ, утверждается при Дирекціи Императорскихъ театровъ комитетъ изъ находящихся въ С.-Петербургѣ извѣстныхъ литераторовъ и другихъ лицъ, которымъ и ввѣрится выборъ лучшаго изъ присланныхъ на конкурсъ драматическихъ сочиненій. Избранное комитетомъ сочиненіе будетъ представлено въ день столѣтняго юбилея русскаго театра, 30-го августа, на петербургской или московской сценѣ. За избранную такимъ образомъ пьесу назначается премія въ *пятьсотъ* рублей серебромъ, независимо отъ выгодъ и правъ, которыя обыкновенно предоставляются авторамъ пьесъ, исполняемыхъ на Императорскихъ театрахъ. Только тѣ пьесы допустятся на конкурсъ, содержаніе которыхъ будетъ имѣть непосредственное отношеніе къ празднуемому событію, по какому бы плану и въ какомъ бы объемѣ не были они написаны. Пьесы должны быть доставлены не позже 1-го августа, въ канцелярію Директора Императорскихъ театровъ, въ С.-Петербургъ, съ означеніемъ на пакетѣ, что въ немъ находится драматическое сочиненіе, предназначенное для конкурса. Эти сочиненія должны присылаться безъ надписи именъ авторовъ, съ эпиграфомъ или девизомъ; имена же авторовъ должны находиться въ особенныхъ, приложенныхъ къ пьесѣ наглухо заклеенныхъ пакетахъ. Пьесы, которыя окажутся неудобными къ представленію будутъ возвращаться авторамъ, по предъявленіи ими девизовъ или эпиграфовъ».

Судя по тому, сколько пьесъ было доставлено въ дирекцію, нужно думать, что мысль Императора Александра II обратиться къ общественному мнѣнію, встрѣ-

---

*) Извѣстно, что указъ Императрицы Елизаветы Петровны объ учрежденіи Императорскаго театра, обнародовано 30-го августа 1756.

Примѣчаніе объявленія.

тила сочувствіе среди писателей. Всѣ пьесы были снабжены девизами, многія присланы даже изъ провинціи. Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ, заманчивыя по заглавію: «Двѣ розы, или обращикъ истинной любви», драматическая передѣлка въ 5 д.; «Столѣтіе въ лицахъ», комедія въ 1 д.; «Лучъ помощи», аллегорическое представленіе въ 2 сценахъ; «Возстаніе мертвыхъ», драматическое представленіе; «Олимпъ въ частяхъ, или торжество искусствъ», драматическая фантазія въ 2 д. и 4 сценахъ; «Предразсудки противъ театра и 30-го августа 1756 г.», комедія въ 2 д. и т. д. и т. д. Всего на конкурсъ было представлено свыше 20 пьесъ. Между тѣмъ Гедеоновъ усиленно хлопоталъ о сформированіи комитета, лично отказываясь въ немъ предсѣдательствовать «за многочисленностью прямыхъ обязанностей по службѣ». Впрочемъ, предсѣдателя скоро нашли; это былъ Степанъ Петровичъ Жихаревъ, старый знакомый дирекціи, не разъ участвовавшій въ театральныхъ комиссіяхъ, извѣстный авторъ «Записокъ современника». Онъ согласился взять на себя роль руководителя и дѣйствительно вскорѣ комитетъ былъ собранъ. Онъ состоялъ изъ семи лицъ, не считая предсѣдателя. Вотъ ихъ имена: А. В. Никитенко, П. С. Ѳедоровъ, И. И. Лажечниковъ, А. А. Краевскій, И. А. Гончаровъ, А. Н. Майковъ, А. Г. Ротчевъ. Любопытно, что совмѣстная работа писателей на общественномъ поприщѣ потребовала особой тактики предсѣдателя. Жихаревъ ее подробно объяснялъ въ своемъ письмѣ на имя В. И. Панаева, правителя канцеляріи Адлерберга: «Представивъ на усмотрѣніе графа Владиміра Ѳедоровича списокъ избранныхъ мною литераторовъ для засѣданій въ извѣстномъ комитетѣ, спѣшу извѣстить васъ, многоуважаемый Владиміръ Ивановичъ, что при выборѣ ихъ я имѣлъ въ виду единственно пользу, какую мнѣнія и сужденія ихъ въ предстоящемъ дѣлѣ принести могутъ. Составить комитетъ было не такъ легко: кромѣ отсутствія многихъ писателей изъ С.-Петербурга, нѣкоторые изъ наличныхъ находятся между собою въ такихъ отношеніяхъ, что за безпристрастное сужденіе ихъ въ столь важномъ дѣлѣ, каково есть признаніе достойнѣйшей одной изъ представленныхъ 22-хъ пьесъ, поручиться было нельзя. Теперь эти препятствія кажется устранены и ропоту сочинителей не будетъ причины». Комитетъ засѣдалъ почти мѣсяцъ (отъ половины августа до половины сентября), наконецъ 15-го сентября представилъ министру Двора свое заключеніе. Его писалъ Жихаревъ: «Сіятельнѣйшій графъ, обращался онъ къ Адлербергу, комитетъ, имѣя окончательное сужденіе о достоинствѣ прочитанныхъ и разсмотрѣнныхъ имъ юбилярныхъ пьесъ, единогласно призналъ изъ нихъ достойнѣйшею объявленной преміи комедію въ 3 дѣйствіяхъ подъ заглавіемъ «30-го августа 1756 г.», подъ девизомъ» «чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ». Основой содержанія сей пьесы автору послужило учрежденіе Императрицею Елизаветою Петровной русскаго

театра. Въ это событіе искуссно введены подробности частнаго быта того времени, а нѣкоторыя историческія лица, какъ то: Сумарокова, Волкова, Третьяковскаго и Дмитревскаго очерчены довольно вѣрно. Женитьба послѣдняго на актрисѣ Пушкиной, составляетъ интригу пьесы. Удачное построеніе плана, отчетливость въ изображеніи характеровъ и постоянная веселость, господствующая въ пьесѣ, придаетъ ей занимательность въ чтеніи и нѣтъ сомнѣнія, что она при искуссной игрѣ лучшихъ нашихъ актеровъ еще болѣе выиграетъ на сценѣ. По вскрытіи мною въ присутствіи Г. Г. Членовъ комитета на основаніи отношенія ко мнѣ Вашего Сіятельства отъ 1-го текущаго сентября, конверта, авторомъ сей пьесы оказался: графъ Соллогубъ. Между тѣмъ отдавая гр. Соллогубу полную справедливость, комитетъ не могъ не обратить вниманія на одну вкравшуюся въ нее истическую невѣрность, не важную въ отношеніи къ искусству, но замѣтную потому, что она касается указа объ учрежденіи театра. Вводя чтеніе сего указа на сцену, авторъ приписываетъ происхожденіе его участію будто бы Государыни и И. И. Шувалова (не графа, котораго онъ ошибочно смѣшиваетъ съ гр. И. И. Шуваловымъ), въ женитьбѣ Дмитревскаго и въ поступленіи актрисы Пушкиной на сцену, тогда какъ указъ этотъ состоялся вслѣдствіе одного постояннаго желанія Императрицы учредить въ обѣихъ столицахъ театръ и возродившейся въ то время къ нему страсти большей части знатныхъ придворныхъ особъ, окружавшихъ Императрицу. Посему комитетъ полагалъ бы нужнымъ до принятія на сцену пьесы гр. Соллогуба, предъявить ему замѣчаніе объ означенной невѣрности и предложить исправить ее, для чего потребуется измѣнить только нѣсколько фразъ». Затѣмъ Жихаревъ обращался къ двумъ другимъ пьесамъ, признанныхъ изъ числа остальныхъ «достойными уваженія» Это были: во первыхъ, «Столѣтній юбилей русскаго театра», драматическій прологъ въ 1 д. въ стихахъ подъ девизомъ «Faciunt meliore potentis», во-вторыхъ—комедія въ 2 д. «Предразсудки противъ театра и 30-го августа 1756 г.», подъ девизомъ «Недоросль, Ябеда, Ревизоръ, Горе отъ ума»—«Первая изъ нихъ, прологъ совершенно соотвѣтствуетъ цѣли юбилярнаго спектакля, настоящая piecè de circonstance, которая могла бы служить приличнымъ введеніемъ къ одобренной комитетомъ пьесѣ, сочиненія графа Соллогуба, не составляющей полнаго юбилярнаго спектакля, сколько по своей краткости, столько же и по отсутствію въ ней того великолѣпія и, должно прибавить, увлеченія, какія для торжественныхъ представленій въ семъ родѣ необходимы на сценѣ,—между тѣмъ, какъ авторъ пролога имѣлъ счастливую идею поэтически прослѣдилъ исторію русскаго театра въ діалогѣ, олицетворенныхъ имъ драмы и комедіи, кои поочередно приводятъ на память зрителя въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ блистательныя эпохи нашего театра. При нѣкоторыхъ

громкихъ именахъ, способствовавшихъ основанiю и процвѣтанiю театра и при исчисленiи классическихъ пьесъ отечественнаго репертуара, открывается на сценѣ второй занавѣсъ и театръ представляетъ или бюсты знаменитыхъ лицъ, или сцены и живыя картины изъ самихъ пьесъ. Все это въ совокупности съ бойкими, сильными и смѣлыми стихами о назначенiи и нравственномъ влiянiи театра, должно произвести на сценѣ эфектъ необыкновенный и послужить прекраснымъ введенiемъ къ цѣлому спектаклю, а вкратцѣ изложенная исторiя нашего театра, можетъ приготовить не свѣдующихъ въ ней зрителей къ полному уразумленiю слѣдующей затѣмъ пьесы графа Соллогуба, которая отъ того получитъ большiй и живѣйшiй интересъ». Однако, и эта пьеса, по словамъ Жихарева, передъ постановкой нуждается въ нѣкоторыхъ исправленiяхъ, впрочемъ больше детальнаго свойства: «достаточно будетъ измѣнить по возможности въ изложенiи исторiи театра нѣсколько небрежныхъ, прозаическихъ стиховъ, привести въ хронологическiй порядокъ имена нѣкоторыхъ знаменитыхъ лицъ, подвизавшихся на сценѣ и для сцены, присовокупить къ нимъ другiя имена, заслуживающiя благодарнаго воспоминанiя потомства, а иныя, упомянутыя авторомъ и не имѣющiя на то большого права, исключить,— и прологъ приведенъ будетъ въ возможное совершенство». Нѣсколько иное впечатлѣнiе произвела вторая пьеса. По отзыву комитета она оказалась слабѣе первой, хотя въ смыслѣ «расположенiя плана и въ отдѣлкѣ большей части сценъ», обнаружились достоинства, которыя комитетъ «не могъ оставить безъ вниманiя», но которыя (объ этомъ не говорили) не давали ему правъ еще рекомендовать пьесу для постановки. Такимъ образомъ остановились на пьесѣ гр. Соллогуба и на прологѣ «Столѣтнiй юбилей русскаго театра», авторомъ которой, по вскрытiи конверта, оказался писатель Владимiръ Зотовъ. Въ заключенiе Жихаревъ рѣшался высказать свое личное мнѣнiе о программѣ юбилейнаго спектакля. Онъ находилъ, что представленiе одной пьесы Соллогуба совершенно не достаточно; эта комедiя «при всѣхъ своихъ достоинствахъ не вполнѣ удовлетворитъ ожиданiямъ публики». Гораздо цѣлесообразнѣе поставить обѣ пьесы вмѣстѣ, комедiю и прологъ, т. е. «начать спектакль съ пролога и окончить его пьесою графа Соллогуба», тогда спектакль будетъ «не только полнымъ и блистательнымъ, но и капитальнымъ для самой театральной кассы, ибо нѣтъ сомнѣнiя, что онъ выдержалъ бы нѣсколько десятковъ представленiй при полныхъ сборахъ»—«Обѣ пьесы какъ нарочно созданы одна для поддержанiя другой, замѣчалъ онъ въ концѣ, а потому я полагалъ бы справедливымъ назначить премiю и автору «пролога», предоставивъ ему равно и пользованiе правами автора на основанiи существующихъ для одноактныхъ пьесъ правилъ». Съ этимъ мнѣнiемъ согласился и министръ Императорскаго Двора. Онъ не только допустилъ обѣ пьесы

въ одинъ спектакль, но еще испросилъ для Зотова вторую премію по конкурсу. Затѣмъ на имя Адлерберга поступило особое ходатайство гр. Соллогуба. Объясняя, что онъ уѣзжаетъ въ «дальній путь» и на этомъ основаніи не можетъ присутствовать на юбилейномъ торжествѣ, Соллогубъ просилъ министра принять во вниманіе слѣдующія его соображенія: «Юбилей Россійскаго театра, говорилъ онъ, есть праздникъ отечественнаго слова, праздникъ народный. Дѣятели въ немъ—представители нашей словесности, литературы и актеры. Смѣю полагать, что и самый спектакль долженъ быть образцовый, сообразный съ важностью случая. Литераторы уже исполнили свою обязанность. Очередь за актерами. Мнѣ бы казалось, что участіе въ торжественномъ спектаклѣ для актеровъ, могло бы быть отличіемъ, предоставленнымъ первоклассным актерамъ, образующимъ между собою состязаніе по примѣру литераторовъ. Въ написанной мною пьесѣ десять главныхъ ролей. Пять изъ нихъ я думалъ бы довѣрить петербургскимъ артистамъ, а пять—московскимъ, командированнымъ въ Петербургъ только для дня торжественнаго юбилея». Попутно онъ вспоминалъ и о главномъ виновникѣ торжества—о Ѳ. Г. Волковѣ «У артиста Щепкина находится его портретъ, который, сколько кажется, весьма было бы кстати, при юбилеѣ выписать и оставить на всегда въ одной изъ боковыхъ залъ театра». Этотъ проектъ Соллогуба былъ отосланъ на заключеніе директора театровъ, но не встрѣтилъ его сочувствія. Гедеоновъ находилъ, что такой проектъ прежде всего неудобенъ практически. На переѣздъ московскихъ артистовъ и на пребываніе ихъ въ Петербургѣ потребуется около недѣли, въ теченіе коего времени Москва останется безъ «первоклассныхъ сюжетовъ». Затѣмъ по отъѣздѣ москвичей, придется все равно ихъ роли передать петербургскимъ артистамъ, что вызыветъ вѣроятно съ одной стороны неудовольствіе послѣднихъ, а съ другой—невольное сравненіе у публики, можетъ быть не въ пользу петербуржцевъ. По его мнѣнію, помирить это обстоятельство можно слѣдующимъ образомъ: «настоящій юбилей столѣтія театра празднуется не съ того времени, какъ устроился, или открылся театръ С.-Петербургскій или Московскій, но со дня состоянія Высочайшаго указа объ учрежденіи въ Россіи театра Императорскаго, слѣдовательно празднество сіе можетъ и должно быть одновременно въ той и другой столицѣ, поелику театры ихъ есть обще Императорскіе». Поэтому онъ полагалъ торжественные юбилейные спектакли дать одновременно въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, назначивъ въ послѣдней для большаго эфекта новый Большой театръ. Относительно портрета Волкова онъ не встрѣчалъ препятствій, если только Щепкинъ согласится отдать его дирекціи, но находилъ, что, выставивъ портретъ Волкова, не нужно забыть и Дмитревскаго, какъ «первоначальнаго русскаго актера и наставника многихъ артистовъ тогдашняго

времени». Съ этимъ мнѣніемъ согласился и министръ; согласился онъ также съ послѣдующимъ замѣчаніемъ Гедсонова, что въ пьесѣ Соллогуба упоминаются слова, не соотвѣтствующія данной эпохѣ, а именно говорится «артистъ», вмѣсто слова «комедіантъ», хотя слово «комедіантъ», по мнѣнію Адлерберга, употребляется теперь «совсѣмъ въ другомъ смыслѣ». Дѣло было уже почти слажено, когда явилось непредвидѣнное осложненіе. Театральная цензура въ эту эпоху сосредоточивалась въ рукахъ Шефа жандармовъ, онъ же начальникъ III отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи. Въ 1856 г. эту должность занималъ кн. Долгоруковъ, вообще довольно гуманный цензоръ. Онъ написалъ Адлербергу письмо, въ которомъ указывая на «Прологъ» Зотова и соглашаясь, что «эта пьеса написана съ замѣчательнымъ дарованіемъ», считалъ, однако, что она содержитъ въ себѣ «многіе стихи весьма рѣзкіе, коихъ произношеніе на сценѣ, по цѣли ихъ содержанія», онъ находилъ бы «не удобнымъ». При этомъ Долгоруковъ препровождалъ текстъ пьесы, съ отмѣченными на немъ синимъ карандашемъ зазорными стихами и просилъ министра самому высказаться, какъ поступить съ пьесой? Адлербергъ не противорѣчилъ Шефу жандармовъ. Въ резолюціи, которую онъ набросалъ на письмѣ Долгорукова, онъ привелъ кстати свой взглядъ на произведеніе Зотова. «Вообще нахожу, писалъ онъ, что хотя оно и имѣетъ нѣкоторыя достоинства въ отношеніи литературномъ, т. е. въ отношеніи мыслей и изложенія ихъ, но на театрѣ, кромѣ величайшей скуки никакого эфекта не происходитъ, а постановка будетъ стоить дорого». Тѣмъ не менѣе Долгорукову было отвѣчено, что автору «Пролога» при условіи вовсе не ставить его пьесу, предложено выкинуть рѣзкія мѣста и замѣнить ихъ новыми, цензурными. Какъ и слѣдовало ожидать, Зотовъ подчинился требованію начальства. Считая нецензурныя мѣста «лирическими» и до содержанія пьесы непосредственно не относящимися, онъ просилъ только «для связи» и перехода «отъ послѣдняго монолога комедіи, послѣ картины изъ «Ревизора» къ окончанію пьесы», прибавить слѣдующія стихи:

Но въ будущемъ комедіи веселой
Блистательная участь предстоитъ,
И выведетъ комедія на сцену
И странности, и слабости людей.

Впрочемъ, этимъ не кончились злоключенія бѣднаго автора. При новомъ пересмотрѣ его пьесы, министръ, а затѣмъ директоръ театровъ, пришли къ согласному выводу, что совершенно излишними въ «Прологѣ» и не «изящными» съ эстетической точки зрѣнія, являются вставныя номера, живыя картины изъ «Ревизора» (сцена,

гдѣ обнаруживается обманъ Хлестакова), «Недоросля» и т. д. Авторъ былъ такъ напуганъ этими замѣчаніями, что повидимому окончательно растерялся. Судя по рапорту Гедеонова отъ 6-го ноября, онъ соглашался выкинуть не только эти сцены, но еще другія, какъ то: изъ «Дмитрія Донского», «Жизнь за царя», «Встрѣча незванныхъ» и пр. *). И все подъ тѣмъ же предлогомъ, что эти сцены не имѣютъ прямого отношенія къ его произведенію!

XI.

Наконецъ 15-го ноября, Гедеоновъ рапортовалъ министру, что пьесы гр. Соллогуба и Зотова «почти срепетованы и въ скоромъ времени могутъ быть поставлены на сцену». Одновременно онъ представлялъ программу спектакля и просилъ назначить день празднованія. Программа заключалась въ пяти отдѣленіяхъ:

1. Торжественная увертюра одного изъ современныхъ композиторовъ.

2. Прологъ г. Зотова «30-го августа 1856 г.», оканчивающійся гимномъ «Боже, царя храни», который пропоютъ артисты русской оперной труппы и воспитанники и воспитанницы театральнаго училища.

3. Увертюра одного изъ старинныхъ композиторовъ.

4. Комедія гр. Соллогуба «30-го августа 1756 г.» съ музыкальными антрактами старинныхъ композиторовъ.

5. Большой дивертисментъ, составленный изъ первыхъ сюжетовъ балетной труппы, исключительно русскихъ подданныхъ.

Для Московскихъ театровъ эта программа измѣнялась только въ отношеніи «Пролога». По предложенію Гедеонова, вмѣсто комедіи Зотова, должны были сыграть «какую либо пьесу изъ лучшихъ авторовъ времени основанія театра въ Россіи». Государь утвердилъ программу и назначилъ днемъ спектакля день тезоименитства Наслѣдника 6-го декабря. Вотъ какъ современникъ-очевидецъ описываетъ это событіе **): «6-го декабря, наконецъ, отпраздновалось столѣтіе русской сцены особымъ представленіемъ, даннымъ въ Большомъ театрѣ. Спектакль этотъ соединялъ разомъ въ себѣ нѣсколько интересовъ, между которыми первымъ былъ самъ торжественный случай, вызвавшій представленіе; вторымъ—составъ самого представленія—пьесы, вызванныя конкурсомъ, первымъ литературнымъ конкурсомъ въ Россіи. Хотя спектакль и не былъ тѣмъ, что называютъ любители фрунцузскихъ словъ spectacle gala, однако онъ собралъ цвѣтъ петербургской публики. Зала Боль-

*) Картины эти въ дѣйствительности не были исключены.

**) «Отечеств. Записки» 1857 г. январь, соврем. хроника, стр. 31—35.

шого театра, освѣщенная a giorno сверху до низу, съ своею позолотою, хрусталемъ и живописью представляли зрѣлище великолѣпное. Около осьми часовъ въ театръ прибыли Государь Императоръ съ Государынею Императрицею и прочими членами Августѣйшаго семейства, и оркестръ грянулъ, написанную г. Кожанскимъ на этотъ случай интродукцію, въ которой господствуетъ мотивъ старинной русской пѣсни: «Слава Богу на небѣ, слава». За интродукціею слѣдовалъ прологъ г. Зотова «30-го августа 1856 года, столѣтній юбилей Русскаго театра». Сцена представляла храмъ драматическаго искусства, съ пылающимъ посреди его жертвенникомъ. На заднемъ занавѣсѣ красовались имена извѣстнѣйшихъ драматическихъ писателей и композиторовъ всѣхъ временъ и народовъ. Драма и комедія, въ видѣ двухъ женщинъ, представленныхъ госпожею Орловою и Самойловою, сходятся въ храмѣ, чтобы въ день торжественнаго юбилея припомнить жизнь и заслуги русской сцены въ теченіе минувшаго столѣтія. Начавъ съ первыхъ зародышей театра, онѣ поочередно вспоминаютъ важнѣйшія эпохи нашей сцены, вспоминаютъ сценическихъ писателей, артистовъ и артистокъ драматическихъ, оперныхъ и балетныхъ». Далѣе хроникеръ останавливался на характерѣ воспоминаній, удачно иллюстрированныхъ живыми картинами изъ различныхъ оперъ, трагедій и комедій стараго репертуара. «Каждому чѣмъ нибудь замѣчательному драматическому писателю посвящается хоть одно слово въ этихъ воспоминаніяхъ; главнѣйшіе же дѣятели русской сцены очерчены довольно рельефно. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ комедія о Гоголѣ:

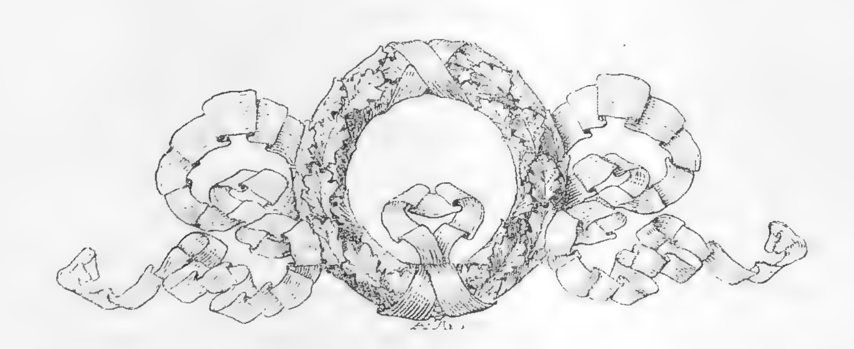
Онъ живъ межъ насъ, хотя въ могилѣ ранней
Надежды наши схоронилъ.
Онъ тѣмъ великъ, что низкіе пороки
Насмѣшкой безпощадною казнилъ.
Онъ русскую комедію прославилъ
И заклеймилъ испытанныхъ плутовъ,
Суда людей бояться онъ заставилъ
Отъявленныхъ воровъ и наглецовъ.
Его языкъ былъ рѣзокъ, безпощаденъ,
Общественныхъ онъ язвъ не прикрывалъ,
Но смѣло ихъ предъ свѣтомъ обнажалъ.
Пусть этотъ видъ былъ грустенъ, безотраденъ
И судъ слѣпцовъ на комика возсталъ—
Еще не всѣми понятъ онъ, а много-ль
У насъ такихъ писателей, какъ Гоголь?

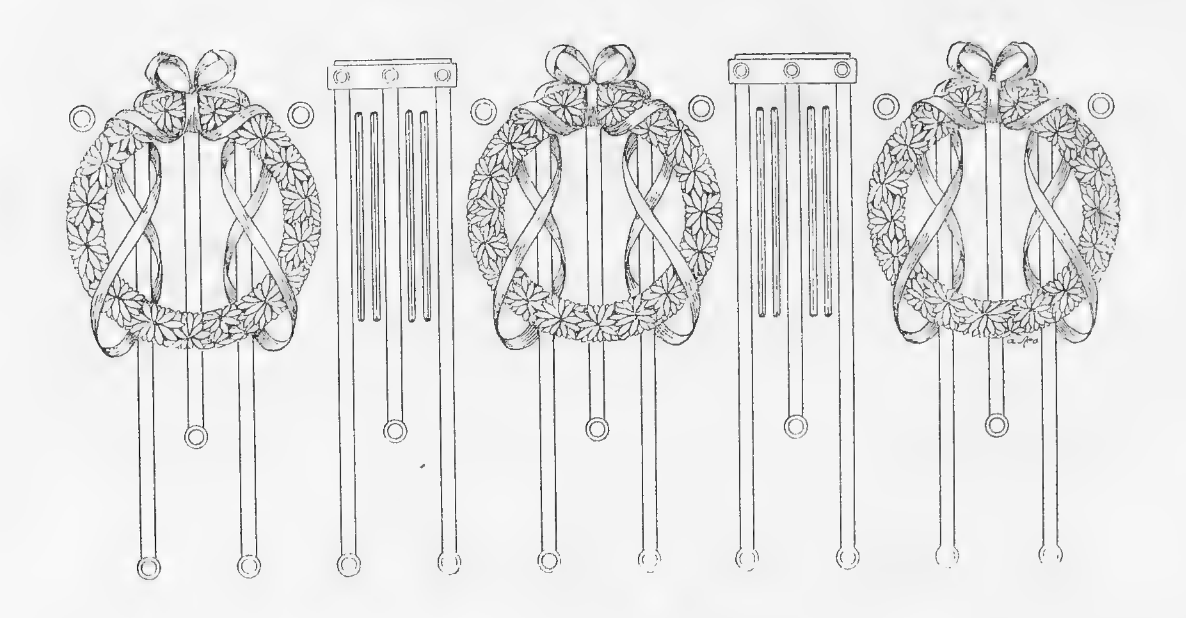
Кто русскій духъ полнѣе разгадалъ?
Кто былъ нужнѣй? Нѣтъ явится нескоро
Второй творецъ второго «Ревизора»...

Эти слова, потомъ опредѣленіе значенія Грибоѣдова и нѣкоторыя другія мѣста, а также живыя картины вызвали громкія рукоплесканія; но самою торжественною минутою въ представленіи пролога было, безъ сомнѣнія, его окончаніе. Послѣ заключительныхъ словъ, призывающихъ благоденствіе на Государя Императора, задній занавѣсъ поднялся и ярко освѣщенная картина представила окруженныя цвѣтами группы нимфъ и геніевъ, среди которыхъ блестѣли на щитахъ годы, граничащіе столѣтіе русскаго театра. При этомъ артисты и артистки драматической и оперной труппъ, въ старинныхъ національныхъ костюмахъ, вышли на авансцену и раздался народный гимнъ. Всѣ зрители встали съ своихъ мѣстъ; гимнъ, по востребованію публики, былъ повторенъ два раза и громкое «ура» слилось съ послѣдними его звуками. Г-жа Самойлова, а особенно г-жа Орлова хорошо читали свои тирады, хотя голоса обѣихъ артистокъ слишкомъ слабы для ролей подобнаго рода». Затѣмъ рецензентъ обращался къ главной пьесѣ спектакля, къ произведенію гр. Соллогуба. Онъ повидимому не принадлежалъ къ числу поклонниковъ автора «Тарантаса». «Новая комедія, замѣчалъ онъ, носитъ въ себѣ достоинства и недостатки другихъ сценическихъ сочиненій того же автора, которыя очень напоминаютъ собою людей весьма приличной наружности, весьма прилично и сообразно времени и мѣсту одѣтыхъ, говорящихъ вещи весьма приличныя вообще и данному случаю въ особенности; которые очень полезны въ обществѣ для составленія карточныхъ партій, танцевъ и домашнихъ спектаклей; которые, если ничего не скажутъ особенно умнаго и оригинальнаго, то не скажутъ ничего и неприличнаго, и, наоборотъ очень, часто и очень кстати передадутъ какой нибудь анекдотъ, или шутку, или остроту»... Такой приговоръ, произнесенный, къ слову сказать, въ журналѣ, хозяинъ котораго (А. А. Краевскій) засѣдалъ въ комитетѣ, представляется незаслуженнымъ графомъ Соллогубомъ. Пьеса его, конечно, не классическое произведеніе, но содержаніе ея, характеръ, наконецъ, хорошій литературный языкъ вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ подобнаго рода сочиненій. По моему мнѣнію, она съ большимъ интересомъ читается и по сіе время. Во всякомъ случаѣ, комедія Соллогуба давала благодарный матеріалъ актерамъ, что уже противорѣчитъ замѣчанію хроникера, утверждавшаго, что «пьесу не могли оживить и игра артистовъ, хотя г. Самойловъ былъ очень хорошъ въ роли Сумарокова, г. Максимовъ І-й—актеромъ Волковымъ, а г-жа Ѳедорова—Грушей Пушкиной».

Юбилейный спектакль окончился балетнымъ дивертисментомъ, въ которомъ, согласно программѣ, «участвовали только русскія танцовщицы», въ томъ числѣ—г-жи Богданова, Прихунова, Снѣткова, Суровщикова (Петипа) и проч. проч.

Источники: Общій Архивъ Министерства Императорскаго Двора: Высочайшія повелѣнія за 1751—59 гг.; Архивъ Дирекціи Императ. театровъ.—Общій Архивъ Главнаго штаба (Москов. отдѣленіе); Архивъ I кадет. корпуса.—Т и х о н р а в о в ъ, Н. С. сочиненія, т. 2, 1898 г., стр. 93—119; А. Н. П ы п и н ъ, Ист. рус. литер., т. III, 1899 г., стр. 461; Б у л и ч ъ, Н. Сумароковъ и соврем. ему критики, Спб. 1854 г.; А. П. С у м а р о к о в а сочиненія т. III—VI, 1781 г.; Г о р б у н о в ъ, И. Сочиненія, т. 2, стр. 402 и дальше; С. Т. А к с а к о в ъ, Сочиненія, т. III, стр. 98—100; М. И. С у х о м л и н о в ъ, Ист. рус. Акад. Н., вып. VII; К а р а б а н о в ъ, Исторія перваго кад. корп; Л. Н. М а й к о в ъ, Очерки изъ ист. лит.; Современныя вѣдомости, альманахи, камеръ-фурьерскій журналъ и пр.

Столѣтіе организаціи Императорскихъ Московскихъ театровъ.

(Опытъ историческаго обзора).

А. Введеніе.

Глава I.

Краткій очеркъ исторіи театра въ Москвѣ до учрежденія тамъ Императорскихъ театровъ.

Съ новымъ 1906 годомъ, или точнѣе: 29-го декабря 1905 года, исполнилось столѣтіе со дня учрежденія Императорскихъ театровъ въ Москвѣ.

Москва—колыбель русскаго театра. Первымъ пѣстуномъ его въ этой колыбели является Царствующій Домъ Романовыхъ, который въ теченіе почти двухъ съ половиною столѣтій и до нашихъ дней сохраняетъ за собою драгоцѣнное значеніе наиболѣе высокаго и щедраго мецената русской сцены.

До второй половины XVII столѣтія москвичи еще не знали театра, но были уже немного ознакомлены съ западно-европейской оркестровой музыкой. Первую оркестровую игру услышалъ московскій народъ 2-го мая 1606 года, при торжественномъ въѣздѣ въ Москву невѣсты Лжедмитрія, Марины Мнишекъ. Когда Марина проѣхала третью городскую стѣну и выѣхала на площадь передъ Кремлемъ, съ помоста, нарочно устроеннаго для торжества, раздались звуки флейтъ, трубъ и литавръ.

Въ то же время музыканты, помѣщенные надъ Кремлевскими воротами, играли на различныхъ инструментахъ [1]). Та же музыка играла и на свадьбѣ Лжедмитрія и Марины, 8-го мая 1606 года, помѣщаясь въ роскошно убранной палаткѣ, гдѣ пировали новобрачные. Музыкантовъ этихъ привезъ въ Москву изъ Польши воевода Сандомірскій; между ними были поляки, итальянцы, нѣмцы и брабантцы [2]). Празднества свадьбы Лжедмитрія должны были ознакомить москвичей также и съ маскарадомъ, который готовился въ честь царя на воскресенье 18-го мая, но не состоялся, такъ какъ въ субботу 17-го мая Лжедмитрій былъ убитъ. Припасенныя для маскарада маски были вытащены народомъ на площадь, къ нагому трупу самозванца, съ кликами черни: «вотъ боги, которымъ молился разстрига!» [3]).

Въ литературѣ высказывалось предположеніе о попыткѣ Лжедмитрія завести въ Россіи, съ помощью прибывшихъ съ нимъ въ Москву іезуитовъ, даже драматическія представленія. Такую попытку усматриваетъ, между прочимъ, П. О. Морозовъ [4]), въ извѣстіи хронографовъ «о сотвореніи ада на Москвѣ рѣкѣ Ростригою». Едва ли такое предположеніе почтеннаго ученаго имѣетъ прочное основаніе, такъ какъ этотъ адъ, составлявшій, по мнѣнію П. О. Морозова, часть декорацій для духовной пьесы и сожженный впослѣдствіи вмѣстѣ съ тѣломъ самозванца, оказывается, по сообщенію Массы [5]), моделью подвижной крѣпости на колесахъ, изготовленной по заказу самозванца, для дѣйствія противъ татаръ и наведенія страха на нихъ и на лошадей ихъ. Это остроумное изобрѣтеніе Лжедмитрій велѣлъ выставить на льду Москвы рѣки, а взводу польскихъ всадниковъ приказалъ осаждать крѣпость и брать ее приступомъ. Крѣпость была прекрасно сдѣлана и вся раскрашена: на дверяхъ были изображены слоны, на верхнихъ окнахъ—входъ въ адъ, извергавшій пламя, нижнимъ окнамъ былъ приданъ видъ чортовыхъ головъ, изъ которыхъ стрѣляли небольшія пушки. «Москвитяне, пишетъ Масса [6]), назвали эту крѣпость «адскимъ чудовищемъ» послѣ смерти Лжедимитрія, котораго они считали чародѣемъ, говорили, что онъ на время заперъ тамъ черта, впослѣдствіи сожженнаго вмѣстѣ съ крѣпостью».

---

[1]) Сказаніе Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи. Спб. 1874 г., стр. 186.

[2]) Ibid. стр. 193.

[3]) Ibid. стр. 200.

[4]) Исторія русскаго театра до половины XVIII столѣтія П. О. Морозовъ. Спб. 1889 г., стр. 114.

[5]) Ученый географъ, голландецъ, жившій въ Москвѣ 8 лѣтъ, во время царствованія Бориса Годунова, Лжедмитрія и Василія Шуйскаго и бывшій очевидцемъ событій, сопровождавшихъ кратковременное пребываніе самозванца въ Москвѣ.

[6]) Сказаніе Массы и Геркмана стр. 170.

Инструментальная музыка пришлась русскимъ по вкусу, но получила весьма малое развитіе. Олеарій [7]), бывшій съ посольствомъ въ Россіи, въ періодъ времени отъ 1637 г. до 1639 г., такъ пишетъ объ отношеніи русскихъ къ музыкѣ: «Русскіе не допускаютъ въ церквахъ своихъ ни орга́новъ, ни какихъ либо другихъ музыкальныхъ инструментовъ, такъ какъ, по понятіямъ ихъ, инструменты, не имѣющіе ни тѣла ни духа, не могутъ хвалить Бога... Впрочемъ до́ма, въ особенности же на пирахъ, русскіе очень любятъ музыку и уважаютъ это искусство. Нынѣшній патріархъ, замѣтивъ, что они начинаютъ злоупотреблять ею, распѣвая разнаго рода скандалезныя пѣсни по кабакамъ, шинкамъ и на улицахъ, приказалъ сначала разбивать находимые въ такихъ мѣстахъ инструменты, а также у всѣхъ тѣхъ, кои попадались съ ними на улицахъ, а потомъ совершенно запретилъ инструментальную музыку. По его приказанію немедленно собрали всѣ инструменты, какіе только можно было найти, въ Москвѣ, нагрузили ими пять возовъ, свезли все это за Москву рѣку и сожгли. Только однимъ нѣмцамъ позволено было у себя въ домахъ заниматься музыкою, да еще боярину Никитѣ Ивановичу (Романову), другу нѣмцевъ, который держитъ у себя позитивъ (positiv) (?) и разнаго рода другіе инструменты, такъ какъ патріархъ ему одному только не можетъ запретить этого увеселенія» [8]).

Тоже отрицательное отношеніе къ себѣ со стороны духовенства встрѣчали всякаго рода увеселенія и зрѣлища въ Россіи. Еще митрополитъ Кириллъ, въ соборныхъ правилахъ 1274 года, говоритъ: «Пакы же увѣдихомъ бесовская еще держаще обычая треклятыхъ эллинъ, въ божественныя праздники позоры нѣкакы бесовскыя творити, со свистаніемъ и съ кличемъ и съ воплемъ съзывающе нѣкы скаредныя пьяницы» [9]). Поученіе священнослужителямъ 1499 года категорически повелѣваетъ: «аще будутъ на брацѣ или въ пиру позоры каковы, отходи прежде видѣнія!» [10]). Очевидно эти «позоры», т. е. зрѣлища, о которыхъ говоритъ духовенство, не шли далѣе скоморошьей пляски и пѣсни и имѣли мало общаго съ театромъ въ европейскомъ смыслѣ. Почти до конца XVII вѣка можно указать лишь на 5 русскихъ людей, которымъ удалось ознакомиться съ западными драматическими представленіями, а именно: на Авраамія Суздальскаго, который въ 1487 г., во время путешествія на знаменитый флорентійскій соборъ проѣздомъ былъ въ Любекѣ, видѣлъ представленіе «дѣйства»

---

[7]) Олеарій-Адамъ Эльшлегеръ, магистръ философіи Лейпцигскаго университета, родился въ Саксоніи въ 1599 году.

[8]) О состояніи Россіи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. Перев. А. Михайлова. Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи 1859 года (Н. В. Калачова), кн. 6-я, стр. 15.

[9]) Русскія достопамятности т. I, стр. 114.

[10]) Акты историческіе т. I, № 1091, II.

Благовѣщенія [11]); на посланниковъ царя Михаила Өеодоровича Проестева и Матвѣева, присутствовавшихъ въ Польшѣ на придворномъ спектаклѣ, гдѣ видѣли «комедію, а по русски потѣху» [12]); далѣе, на русскаго посланника во Флоренціи Лихачева, видѣвшаго тамъ въ 1659 году представленіе трехъ комедій миөологическаго и аллегорическаго содержанія [13]) и наконецъ—на Потемкина, посланника во Францію, который въ 1668 году смотрѣлъ въ Парижѣ комедіи: «Игра любви и фортуны» и «Амфитріонъ» [14]).

Еще въ 1648 году царь Алексѣй Михаиловичъ особой грамотой велитъ преслѣдовать со всякою строгостью «хари» (маски), скоморошьи игры, пляски, пѣсни и музыку на всякихъ «бѣсовскихъ гуденныхъ сосудахъ» и даже тѣхъ женокъ и дѣвокъ, которыя «на доскахъ скачутъ», накладываютъ личины и «межъ себя нарядя бѣсовскую кобылку водятъ» [15]).

А черезъ 20 лѣтъ послѣ изданія такой грамоты, въ палатахъ самого царя гудитъ музыка и даются театральныя представленія.

Поворотъ совершился быстро, но не скачкомъ, а постепенно. Расположеніе къ увеселеніямъ было въ характерѣ царя Алексѣя, ставившаго правиломъ: «Дѣлу время, а потѣхѣ часъ». Приливъ въ Россію иностранцевъ, а главное—симпатичное отношеніе къ Западу со стороны близкихъ къ царю людей, бояръ Матвѣева (женатаго на шотландкѣ Гамильтонъ) и Ртищева, подготовили Алексѣя Михаиловича къ новшествамъ вообще и въ частности къ допуску театральныхъ зрѣлищъ. Не малое вліяніе въ этомъ отношеніи имѣла конечно и вторая супруга царя Алексѣя, Наталія Кирилловна Нарышкина, выросшая въ домѣ А. С. Матвѣева и получившая воспитаніе на заморскій образецъ. Царя успѣли заинтересовать разсказами о представленіи комедій, которыя, какъ надо думать, разыгрывались любителями иноземцами въ нѣмецкой слободѣ. Алексѣй Михаиловичъ обратился за совѣтомъ къ своему духовнику, протопопу Андрею Савинову, который разрѣшилъ царю театральную потѣху, опираясь на примѣръ зрѣлищъ при Византійскомъ дворѣ. Устройство потѣхи было рѣшено. Матвѣеву былъ рекомендованъ человѣкъ, способный «строить комедіи», въ лицѣ магистра Грегори, пастора церкви въ нѣмецкой слободѣ, завѣдывавшаго также школой при этой церкви. Іоганнъ Готфридъ Грегори, уроженецъ Мерзебурга, по русскому тексту грамоты курфюрста Саксонскаго—«Майстеръ Яганъ Готфритъ Григорьевъ Мартысбургенской», проживалъ въ Москвѣ

---

[11]) Русская Вивліоөика т. 17, стр. 179.

[12]) Исторія Россіи Соловьева т. IX, стр. 201.

[13]) Русская Вивліоөика т. 4, стр. 350.

[14]) Веселовскій, старинный театръ въ Европѣ. Москва 1870 г., стр. 310.

[15]) Описаніе архива старыхъ дѣлъ г. Иванова, стр. 296.

въ 1658 году, въ качествѣ школьнаго учителя, затѣмъ учился въ Іенѣ, гдѣ получилъ званіе магистра, поставленъ въ Дрезденѣ пасторомъ, послѣ чего въ 1662 году вернулся въ Москву. Взявъ трудное порученіе устроить для царя комедійное дѣйство, Грегори собралъ дѣтей служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ, въ числѣ 64 человѣкъ, и сталъ готовить съ ними на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ трагикомедію объ Эсѳири и Артаксерксѣ [16]). Въ тоже время послѣдовало такое царское распоряженіе: «180 (1672) іюня 4-й день. Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михаиловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, указалъ иноземцу, магистру Ягану Готфриду учинить комедію и на комедіи дѣйствовать изъ Библіи книгу Эсѳирь и для того дѣйства устроить хоромину вновь, а на строенье тое хоромины и что въ нее надобно покупать изъ Приказу Владимірскія чети. И потому Великаго Государя Указу комедійная хоромина построена въ селѣ Преображенскомъ со всѣмъ нарядомъ, что въ тое хоромину надобно» [17]). Этотъ несомнѣнно первый въ Москвѣ и въ Россіи театръ, составляя особую постройку внѣ дворца, имѣлъ небольшіе размѣры: въ квадратѣ 10 саж. при высотѣ 6 аршинъ и былъ огороженъ заборомъ со створчатыми воротами. Стѣны и полы были обиты войлокомъ, а по войлоку убраны краснымъ и зеленымъ сукномъ и коврами. Царское мѣсто, впереди другихъ, было обито краснымъ сукномъ, а остальнымъ зрителямъ предоставлены простыя деревянныя скамьи. Сцена была отдѣлена отъ зрительнаго зала брусомъ съ перилами. Занавѣсъ, или, какъ его называли, «шпалеръ» (spalier) устроенъ раздвижной на мѣдныхъ кольцахъ по желѣзному пруту. Сцена и зрительный залъ освѣщались сальными свѣчами, закрѣпленными въ доскахъ. Декораціи, или рамы перспективнаго письма, изготовлены были «перспективнаго дѣла» мастеромъ, голландцемъ, Петромъ Ниглисомъ. 17-го октября 1672 г. [18]) состоялось въ Преображенскомъ театрѣ первое представленіе «Артаксерксова дѣйства», продолжавшееся 10 часовъ. Царь остался въ восхищеніи отъ спектакля и щедро одарилъ Грегори и актеровъ. Въ скоромъ времени на представленіи «Эсѳири» въ Преображенскомъ, кромѣ придворныхъ, присутствовали также и Государыня Царица и Государи царевичи и Государыни царевны. Для царицы и царевенъ были устроены особыя мѣста, огороженныя частой рѣшеткой, скрывавшей сидящихъ отъ глазъ публики. Въ 1673 году «генваря въ 22-й день Великій Государь Царь... указалъ надъ оптекою, что на дворцѣ въ палатахъ построить какъ быть комедійному дѣйству» [19]), а 23-го января, по Указу Царя и «по приказу

[16]) П. О. Морозовъ. Исторія русскаго театра, стр. 126—135.

[17]) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній 1860—1861 гг., кн. VI, стр. 16 (Матеріалы о театральныхъ представленіяхъ въ XVII вѣкѣ).

[18]) П. О. Морозовъ. Исторія русскаго театра, стр. 134.

[19]) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній 1860—1861 гг., кн. VI, стр. 17.

окольничего Артамона Сергѣевича Матвѣева, перевезены изъ села Преображенскаго изъ комедійной хоромины рамы перспективнаго письма къ Москвѣ и внесены въ палаты, что надъ оптекою, а для вносу, тѣ большія и середнія рамы во дворѣ не прошли, перетерты и построены сдвижными... а за желѣзо и за дѣло по уговору кузнецу Сенкѣ Трофимову три рубля десять алтынъ» [20]). Декораціи перевезены были на 10 подводахъ. Такимъ образомъ устроился уже второй придворный театръ и спектакли чередовались между селомъ Преображенскимъ и Московскимъ кремлевскимъ дворцомъ. Въ придворныхъ спектакляхъ необходимую музыку исполнялъ оркестръ наскоро обученныхъ, вѣроятно, дворовыхъ людей боярина Матвѣева.

Въ половинѣ 1673 года, Грегори дано порученіе обучать «комедійному дѣлу» мѣщанскихъ и подъяческихъ дѣтей изъ Новомѣщанской слободы, набранныхъ въ «Его Царскаго Величества жомедіанты». Первая русская театральная школа открыта 16-го іюня 1673 года. Содержаніе школы было весьма скудное и вызвало челобитную къ Царю, со стороны учениковъ, «подъячишки Васки Мешалкина съ товарищи» о томъ, что «корму имъ не учинено» и они «по вся дни ходя къ магистру (въ Нѣмецкую слободу) и учася у него, платьишкомъ ободрались и сапожишками обносились, а пить ѣсть нечего». «Пожалуй насъ холопей своихъ: вели, Государь намъ свое Великаго Государя жалованье на пропитанье, поденный кормъ, учинить, чтобы намъ холопемъ твоимъ, будучи у того комедійнаго дѣла голодной смертью не умереть. Царь Государь смилуйся». Такъ заканчивается челобитная. Резолюція вышла такая: «По указу Великаго Государя... велѣно давать Великаго Государя жалованья поденнаго корму комедіантамъ мѣщанскимъ дѣтямъ 26-ти человѣкамъ съ того числа, какъ почали быть въ ученьи у магистра и впредь, покамѣсть въ ученьи побудутъ по четыре деньги человѣку въ день» [21]).

Репертуаръ Грегори разнообразился: послѣ «Эсѳири», даны были комедіи объ «Іудиѳи», о «Товіи», «Малая прохладная комедія о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ объ Іосифѣ», а затѣмъ репертуаръ перешелъ къ пьесамъ свѣтскаго содержанія: «Темиръ-Аксаково дѣйство или малая комедія о Баязетѣ и Тамерданѣ» и «Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ». По свидѣтельству Рейтенфельса [22]), на маслянницѣ, вѣроятно 1673 года, былъ даже данъ балетъ, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Орфей и танцовали двѣ пирамиды, украшенныя цвѣтными огнями.

Въ іюлѣ 1675 г. Грегори умеръ и во главѣ театра въ Москвѣ поставленъ былъ Степанъ Чижинскій, «Львовскаго повѣту, шляхетскій сынъ, благочестивыя вѣры грече-

[20]) Ibid. стр. 21.
[21]) П. О. Морозовъ. Исторія русскаго театра, стр. 138.
[22]) De rebus Moscovit. 106.

скаго закону», и въ теченіе 8 мѣсяцевъ, до самой смерти Алексѣя Михаиловича продолжалъ вести комедійную школу, въ которой состояло уже 80 человѣкъ, съ увеличеннымъ, до 1 алтына на ученика, поденнымъ кормомъ. Со смертью царя Алексѣя Михаиловича, послѣдовала опала и ссылка боярина Матвѣева; театръ надъ аптекарской палатой очищенъ, школа актеровъ закрыта и «комедіи при дворѣ минули». Но театръ успѣлъ уже пустить корни: за царскимъ дворомъ потянулись и боярскіе, при которыхъ также формировались драматическія труппы и оркестры изъ дворовыхъ людей; въ свое время были извѣстны домашніе театры бояръ: Матвѣева, Милославскаго, кн. Одоевскаго, кн. Голицына и боярыни Арсеньевой. Кромѣ того давались изрѣдка представленія учениковъ въ Славяно-Греко-Латинской академіи въ Москвѣ, гдѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ разыгрывались духовныя комедіи Симеона Полоцкаго [23]), инціатора школьной духовной драмы въ Москвѣ.

При царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ не было данныхъ для возобновленія театра; самъ царь былъ равнодушенъ къ зрѣлищамъ, да и политическія обстоятельства, церковные и стрѣлецкіе мятежи и внѣшнія войны, отодвигали на задній планъ всякаго рода увеселенія.

Царь Петръ Алексѣевичъ, ознакомленный съ театромъ въ заграничныхъ своихъ путешествіяхъ, любитель всякаго рода потѣхъ, маскарадовъ и зрѣлищъ, пожелалъ возобновить бывшія при его отцѣ комедійныя дѣйства. Театръ для Великаго Преобразователя не былъ, конечно, потребностью; но онъ и не служилъ для него исключительно забавой. Петръ I поддерживалъ театръ, какъ атрибутъ современной культуры, какъ сподручный способъ прививки въ Россіи, на ряду съ ассамблеями и съ бритьемъ бородъ, западно-европейской моды, а кстати,—какъ удобный пріемъ для публичнаго прославленія «викторій» молодого русскаго оружія. Къ его времени отъ театра и школы Грегори не осталось и слѣда. Приходилось начинать все съизнова. Въ 1702 году Петръ Великій послалъ за границу венгерца, капитана Ягана Сплавскаго и выписалъ черезъ него изъ Данцига странствующую нѣмецкую труппу, антрепренера Іогана-Христіана Кунста, получившаго съ пріѣздомъ въ Россію громкій титулъ «Directeur von ihro Zarischen majesteten Hof Komoedienten» [24]). Съ Кунстомъ былъ заключенъ контрактъ на ангажементъ его и «его дѣйствующихъ людей», съ годовымъ жалованіемъ 6.000 ефимковъ (около 4.200 р.). При этомъ Кунстъ обязался

---

[23]) Симеонъ Петровскій Ситіановичъ Полоцкій, іеромонахъ, наставникъ царевича Θеодора Алексѣевича, авторъ многихъ духовныхъ драматическихъ произведеній, родился 16-го декабря 1628 г., прибылъ въ Москву въ 1664 г., умеръ въ 1682 г.

[24]) П. Пекарскій. Актеры въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Современникъ 1858 г., № 2, стр. 186.

«яко вѣрному рабу надлежитъ, его Царскаго Величества всѣми вымыслами и потѣхами увеселять, и для того всегда бодръ, трезвъ и готовъ быти» [25]).

Труппа Кунста состояла изъ него самого, его жены и 7-ми актеровъ и исполняла спектакли, сперва въ домѣ генерала Франца Яковлевича Лефорта, въ Нѣмецкой слободѣ, а затѣмъ въ спеціально построенной по приказанію царя на Красной площади въ Кремлѣ «Комедійной храминѣ». Въ тоже время были выписаны царемъ изъ Гамбурга семь музыкантовъ. Кунсту было также поручено обучать комедійному дѣлу 17 человѣкъ изъ «русскихъ ребятъ, какихъ чиновъ сыщутся къ тому дѣлу удобныхъ». Царь положилъ ученикамъ жалованіе, «смотря по персонамъ: за кѣмъ дѣла больше,—тому дать больше» [26]). Кунстъ взялся ихъ обучать «всякимъ комедіямъ съ добрымъ радѣніемъ и со всякимъ откровеніемъ» и за это получилъ въ прибавку къ жалованію еще 500 рублей въ годъ [27]). Ученики Кунста явились первыми профессіональными актерами въ Россіи, а комедійная хоромина на Красной площади—первымъ русскимъ публичнымъ, общедоступнымъ, театромъ.

Театральная хранима, построенная изъ дерева, была роскошно, для того времени, обставлена декораціями (перспективами), «махинами», «летаніемъ» и костюмами. Постройка театра была окончена въ 2 мѣсяца, въ декабрѣ 1702 года. Въ храминѣ были устроены «театрумъ и хоры и лавки, и двери, и окна; а внутри ея потолокъ подбитъ и кровля покрыта, а снаружи обита тесомъ» [28]). Мѣста въ театрѣ установлены по четыремъ цѣнамъ: 10, 6, 5 и 3 копѣйки. Входные билеты назывались «ярлыками», печатались на толстой бумагѣ и продавались въ «чюланахъ» при театрѣ. Средній сборъ театра, былъ около 8 рублей при 120 человѣкахъ зрителей. Въ лѣтнее время, при дневныхъ спектакляхъ, сборъ доходилъ до 24 рублей, при 400-хъ зрителяхъ, а осенью понижался до 1½ р. (при 25 зрителяхъ), благодаря тому, что спектакли были вечерніе и публикѣ приходилось платить двойной сборъ при проѣздѣ въ Кремлевскія ворота. Въ виду этого, 5-го января 1705 г. царь указалъ: «Комедіи на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ дѣйствовать и при тѣхъ комедіяхъ музыкантамъ на разныхъ инструментахъ играть въ указные дни въ недѣлѣ, въ понедѣльникъ и четвергъ и смотрящихъ всякихъ чиновъ людямъ россійскаго народа ходить повольно и свободно, безъ всякаго опасенія, и въ тѣ дни воротъ городовыхъ по Кремлю, по Китай-городу и по Бѣлу-городу въ ночное время до 9-го часу ночи не запирать и съ проѣзжихъ указанной по воротамъ пошлины не имать, для того, чтобы смотрящіе

[25]) П. О. Морозовъ. Исторія русскаго театра, стр. 201.
[26]) Ibid., стр. 204.
[27]) П. Пескарскій. Актеры въ Россіи при Петрѣ Великомъ, стр. 187.
[28]) П. О. Морозовъ. Исторія русскаго театра, стр. 203.

того дѣйствія ѣздили въ комедію охотно» [29]). Но этой мѣрой доходы театра не повысились и театръ постепенно падалъ. Труппа русскихъ молодыхъ актеровъ, скудно обставленная въ матеріальномъ отношеніи, но по французскому образцу снабженная шпагами, также не оправдала ожиданій царя, сразу же заявивъ свою безшабашность и принося не мало хлопотъ Посольскому приказу, въ вѣдѣніи котораго состояла. Въ 1705 году Посольскій приказъ доносилъ [30]) боярину Головину [31]) (въ походъ) начальнику Посольскаго приказа, а слѣдовательно высшему распорядителю театральнаго дѣла о томъ, что «ученики комедіанты русскіе безъ указу ходятъ всегда со шпагами, и многіе не въ шпажныхъ поясахъ, но въ рукахъ носятъ и непрестанно по гостямъ въ нощныя времена ходя пьютъ. И всякіе задоры съ торговыми и иныхъ чиновъ людьми чинятъ, придираясь къ безчестью, чтобы съ нихъ что взять нахально. И взявъ съ тѣхъ людей взятки мирятся не дожидаясь по тѣмъ дѣламъ указу, а инымъ торговымъ людямъ бороды рѣжутъ для такихъ же взятковъ... А въ Посольскомъ Приказѣ тѣмъ комедіантамъ вышеупомянутыхъ непристойныхъ дѣлъ чинить заказываютъ, однако же они такъ приказъ презираютъ и чинятся во всемъ непослушны, а именно въ вышеупомянутыхъ причинахъ явились комедіанты: Василій Теленковъ (онъ же Шмага пьяный) да Романъ Аммосовъ, взявъ въ ряду у торговаго человѣка у Иванова сына Палунина сукна и не хотя денегъ платить, били челомъ въ Ратушѣ, мимо Посольскаго Приказу, въ безчестьѣ и въ томъ волочили на многое время и потомъ, нѣчто съ него взявъ, помирились». По этому докладу, въ которомъ не малую роль играла оскорбленная компетентность самого Приказа, послѣдовало такое распоряженіе Головина: «Комедіанта пьянаго Шмагу, взявъ въ Приказъ высѣките батоги; да и впредь его, также и иныхъ, буде кто изъ нихъ, комедіантовъ, явится въ какомъ плутовствѣ».

Въ концѣ 1703 года Кунстъ умеръ, труппа его была отпущена на родину, а въ управленіе театромъ и школою, въ мартѣ 1704 года, вступилъ золотыхъ дѣлъ мастеръ Отто (у русскихъ Артемій) Фюрстъ, человѣкъ нерадивый, безпорядочной жизни и не умѣвшій ладить съ русскими актерами. Въ труппѣ Фюрста на женскихъ роляхъ явились, между прочимъ, двѣ нѣмки: дѣвица фонъ Вилихъ, получавшая 150 р. въ годъ и актриса Паганкова, жена генеральнаго доктора Паггенкампфъ, съ

[29]) Ibid., стр. 207.

[30]) П. Пекарскій. Актеры въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Современникъ 1858 г., № 2, стр. 187.

[31]) Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, род. 1650 г., ближній бояринъ, посольской канцеляріи начальный Президентъ, Первый министръ, Великій канцлеръ, въ 1699 г. первый кавалеръ орд. св. Андрея Первозваннаго, въ 1700 г. генералъ-адмиралъ и генералъ-фельдмаршалъ, въ 1701 г. первый изъ русскихъ сдѣланъ графомъ Россійской Имперіи. Умеръ въ 1706 году.

жалованіемъ 300 р. въ годъ [32]). Отто Фюрстъ, впослѣдствіи, пришлось быть распорядителемъ на пышныхъ похоронахъ Головина въ 1706 году и участвовать въ церемоніи, для которой были выданы изъ театра «латы добрыя вся воинскія одежды и съ поручи и съ руками» [33]).

Съ переѣздомъ Петра Великаго въ Петербургъ дѣла театра на Красной площади стали приходить въ полный упадокъ и въ 1707 году спектакли на немъ совсѣмъ прекратились, а явился театръ на Яузѣ, въ Большомъ госпиталѣ, гдѣ на святкахъ и на масляницѣ давали спектакли ученики Хирургической школы, поступавшіе въ школу изъ воспитанниковъ Славяно-Греко-Латинской академіи, а слѣдовательно знакомые съ театральными представленіями [34]).

Въ тоже время въ селѣ Преображенскомъ возникъ домашній театръ царевны Наталіи Алексѣевны, поощряемый Царемъ Петромъ и снабжаемый декораціями и костюмами съ упраздненнаго театра на Красной площади. Въ описяхъ перевезеннаго изъ этого театра инвентаря [35]) упоминаются: «арапское платье», «фартукъ добрый на подобіе объяри серебряной», «кафтанъ шитый стеклами, самый дорогой», «двѣ епанчи королевскія, окладены кружевомъ мишурнымъ, обѣ крашенинныя», «корона бѣлаго желѣза», «двѣ бороды волосяныхъ» и прочее.

Въ Преображенскомъ театрѣ, имѣвшемъ значеніе исключительно придворнаго, давались пьесы историческаго содержанія, какъ напримѣръ: комедіи «Юлій Кесарь» и «Сципіо Африканъ вождь Римскій», а также и потѣшныя, напримѣръ: «Драгыя смѣяныя» («Les précieuses ridicules») и «О докторѣ битомъ» («Médecin malgré lui»). Сама царевна Наталья Алексѣевна сочиняла пьесы духовнаго и свѣтскаго содержанія, переработывая въ драматическую форму сюжеты, либо изъ Четьи Минеи, какъ напримѣръ: «Комедія о св. Евдокіи», либо изъ принесенныхъ изъ Польши популярныхъ романовъ, какъ напримѣръ: «Петръ златые ключи», или комедія «о Евдонѣ и Берѳѣ». Послѣ смерти царевны Наталіи Алексѣевны въ 1717 году, всѣ комедіянтскія книги сданы были въ с.-петербургскую типографію и за неимѣніемъ мѣста сложены въ амбарѣ на Петербургской сторонѣ, вмѣстѣ съ другими книгами и съ запасами конопляннаго масла. Наводненія, масло и крысы уничтожили этотъ драгоцѣнный матеріалъ по исторіи искусства; сохранилась только опись этихъ книгъ отъ 1723 года [36]).

---

[32]) П. Пекарскій. Актеры въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Современникъ 1858 г., № 2, стр. 190.

[33]) Ibid., стр. 191.

[34]) П. О. Морозовъ. Исторія русскаго театра, стр. 209.

[35]) П. Пекарскій. Современникъ, 1858 г., № 2, стр. 191.

[36]) Ibid., стр. 192.

Со смертью Петра Великаго театръ въ Москвѣ заглохъ. Есть лишь отрывочныя свѣдѣнія о домашнихъ спектакляхъ въ 1722 году въ селѣ Измайловѣ, дирижируемыхъ герцогиней Мекленбургской Екатериной Іоанновной, дочерью царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи Ѳеодоровны, проживавшей во вдовствѣ въ селѣ Измайловѣ. Въ спектакляхъ этихъ, на ряду съ профессіональными актерами, участвовали въ комедіяхъ и «благородныя дѣвицы» [37]). По свидѣтельству камеръ-юнкера Берхгольца, приглашавшагося на спектакли Герцогини Екатерины Іоанновны, Измайловскій театръ былъ устроенъ очень изящно, но зрительный залъ освѣщался со сцены и при опущенномъ занавѣсѣ публика сидѣла въ потемкахъ, которыми нѣкоторые изъ присутствовавшихъ пользовались для воровскихъ цѣлей,—у самого Берхгольца украли тамъ кошелекъ съ деньгами. На этомъ театрѣ, между прочимъ, впервые появляются печатныя афиши, которыя разносили по квартирамъ приглашенныхъ на спектакль лицъ сами артисты. Слѣдуетъ замѣтить, что спектакли въ домашнихъ театрахъ какъ царевны Наталіи въ Преображенскомъ, такъ и въ Измайловѣ у царицы Прасковьи, давались исключительно на русскомъ языкѣ [38]).

При Екатеринѣ I и въ послѣдующее царствованіе театральное дѣло въ Москвѣ ничѣмъ себя не проявило. Существовали, вѣроятно, лишь домашніе театры богатыхъ помѣщиковъ.

Въ 1730 году, при торжествахъ коронованія Императрицы Анны Іоанновны, московская публика впервые увидѣла представленіе Дрезденской оперы, лучшій персоналъ которой, итальянскіе пѣвцы, музыканты и танцовщики, были отправлены въ Москву польскимъ королемъ Августомъ II къ роскошнымъ празнествамъ коронованія Императрицы [39]).

Съ воцареніемъ Императрицы Елисаветы Петровны, театральному дѣлу въ Россіи открылась новая эра. Елисавета Петровна была любительница театра и зрѣлищъ. Ко дню ея коронованія, въ 1741 году, былъ построенъ въ Москвѣ близъ Яузы, противъ императорскаго дворца, большой театральный залъ на 5000 человѣкъ, гдѣ 29-го мая 1741 года данъ былъ великолѣпный итальянскій спектакль: опера «Clemenzo di Tito», аллегорическая интермедія «La Russia afflita et riconsolata» и балетъ «Радость народа, появленіе Астреи на россійскомъ горизонтѣ и о возстановленіи золотаго вѣка», сочиненіе знаменитаго тогда балетмейстера Фузано, служившаго еще при дворѣ Анны Іоанновны [40]). Хоры въ оперѣ исполнялись придворной капеллой.

---

[37]) Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца. Переводъ И. Аммона, изд. А. Н. Кошелева. Москва, 1858 г., 2, стр. 317.

[38]) П. О. Морозовъ. Исторія русскаго театра, стр. 213.

[39]) М. И. Пыляевъ. Старая Москва, стр. 116.

[40]) Пименъ Араповъ. Лѣтопись русскаго театра. Спб., 1861 г., стр. 44.

Придворный театръ продолжалъ развиваться въ Петербургѣ, но долгое время въ заботахъ о театрѣ Москва оставалась обдѣленной. Въ 1756 году, 30-го августа, послѣдовало учрежденіе Россійскаго театра въ Петербургѣ, подъ дирекціей бригадира А. П. Сумарокова, а въ 1757 году, съ открытіемъ университета въ Москвѣ, директоръ его Мелиссино открылъ при немъ театръ изъ студентовъ. Въ 1759 году, по желанію Императрицы, былъ основанъ въ Москвѣ Русскій театръ, для чего [41]) были посланы въ Москву актеры Өедоръ Волковъ и Яковъ Шушеринъ. Театръ былъ поставленъ, по произведенному уже опыту Мелиссино, въ вѣдѣніе Московскаго университета, подъ управленіемъ директора университета М. М. Хераскова. Театръ этотъ просуществовалъ недолго, онъ не имѣлъ постоянной труппы,—актерами являлся смѣняющійся составъ студентовъ. Между этими студентами отличались въ спектакляхъ, извѣстные впослѣдствіи: Я. И. Булгаковъ, Д. И. Фонъ-Визинъ, П. И. Страховъ, также будущіе актеры Ивановъ, Калиграфовъ и Плавильщиковъ. Въ 1761 году [42]) Университетскій театръ закрылся и многіе артисты, какъ напримѣръ актрисы Троепольская и Авдотья Михайлова, перешли на Петербургскую сцену. Въ 1758 году явилась въ Москвѣ комическая итальянская опера антрепренера Жіованни-Батисто Локателли, которому была дана привиллегія отъ Сената. Спектакли Локателли открылись въ январѣ 1759 года въ оперномъ домѣ у Красныхъ воротъ. Дѣла Локателли пошли въ Москвѣ плохо, несмотря на то, что ему было предоставлено въ Москвѣ «пристойное мѣсто» для постройки театра и дана ссуда въ 10.000 рублей изъ Московскаго Дворянскаго банка [43]). Въ 1760 году Локателли оказался должникомъ Петербургскаго управленія Императорскихъ театровъ въ суммѣ 13.500 рублей.

Въ короткое царствованіе Императора Петра III при дворѣ высказывалось расположеніе къ нѣмецкому театру и антипатія къ французскому. 22-го марта 1762 года генералъ-прокуроръ Глѣбовъ объявилъ Сенату именной указъ Императора о дозволеніи иностранцу Іогану Нейгофу, съ женою Іоганою Элеонорою, «содержать въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Ревелѣ и Ригѣ вольныя комедіи и о дачѣ ему на оныя привиллегіи». [44]).

Съ восшествіемъ на престолъ Императрицы Екатерины II театральное дѣло въ Россіи особенно оживилось. Въ Москвѣ это оживленіе прежде всего проявилось при роскошныхъ празднествахъ коронованія Императрицы, въ 1762 году. Императрица

[41]) Театръ въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Ежегодникъ Императорскихъ театровъ 1895—1896 гг. Приложеніе 3-е, стр. 86.

[42]) Ibid., стр. 56.

[43]) Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ, сост. В. П. Погожевъ, А. Е. Молчановъ и К. А. Петровъ. Изданіе дирекціи Императорскихъ театровъ. Спб., 1892 г., вып. I, отд. II, стр. 54.

[44]) Ibid., стр. 62.

оставалась послѣ коронаціи всю зиму въ Москвѣ и на маслянницѣ 1762 года былъ данъ грандіозный маскарадъ:—«Торжествующая Минерва», въ которомъ, согласно объявленію, «изъявится гнусность пороковъ и слава добродѣтели» [45]). Маскарадъ продолжался три дня, съ 10 часовъ утра и до поздняго вечера. Въ маскарадѣ принимали участіе болѣе 4000 человѣкъ и 200 колесницъ, запряженныхъ, каждая, отъ 12 до 24 волами. Маскарадъ, объѣхавъ Нѣмецкую слободу, двигался по новой Басманной до Бѣлаго города и возвращался по старой Басманной, черезъ Ехаловъ и Салтыковскій мосты [46]). Устраивалъ маскарадъ актеръ Ѳ. Г. Волковъ; программу его онъ выработалъ въ сотрудничествѣ съ Сумароковымъ. Маскарадъ этотъ стоилъ жизни актеру Волкову, который сильно простудился, распоряжаясь шествіемъ и черезъ два мѣсяца скончался. Во время пребыванія Императрицы въ Москвѣ исполнялись лишь придворные спектакли. Второй рядъ празднествъ устроила Екатерина II въ Москвѣ въ 1774 году, по случаю заключенія мира съ турками. Празднества состояли, главнымъ образомъ, изъ народнаго гулянья, которое открылось на Ходынкѣ 21-го іюля и продолжалось нѣсколько дней. На Ходынскомъ полѣ были возведены разныя постройки въ турецкомъ вкусѣ, крѣпости и потѣшный дворецъ; устроенъ былъ базаръ, а также кофейни съ даровымъ угощеніемъ, и театры съ даровыми спектаклями. Для Императрицы была построена особая галлерея съ театромъ, гдѣ была дана опера, сочиненія самой Императрицы, «Иванъ Царевичъ», а въ одной изъ крѣпостей, съ названіемъ «Азовъ», исполнялась послѣ обѣда французская комедія [47]). Заботы Императрицы Екатерины II о процвѣтаніи театра въ Петербургѣ, выразившіяся, тотчасъ по вступленіи ея на престолъ, ангажементомъ французской труппы и поощреніемъ оперы, балета и маскарадовъ, распространялись на развитіе театральнаго дѣла вообще въ Россіи и на оказаніе пособій частнымъ театральнымъ предпріятіямъ въ столицѣ и въ провинціи. По приказанію Императрицы придворная контора передала не употребляющіеся въ дѣло гардеробъ и декораціи придворныхъ театровъ въ безплатное пользованіе Императорской академіи художествъ, «для употребленія вновь за подобное при оной академіи театральное представленіе», а также въ распоряженіе новогородскаго губернатора Сиверса [48]). Императрица принимала также мѣры къ развитію и подготовкѣ русскихъ сценическихъ дѣятелей западно-европейской школой. Такъ, въ 1764 году, послѣдовало распоряженіе Императрицы о командированіи за границу, для усовершенствованія, придворнаго танцовщика

---

[45]) М. П. Пыляевъ. Старая Москва, стр. 18.

[46]) Театръ въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Н. Селиванова. Ежегодникъ Императорскихъ театровъ 1895—1896 гг. Приложеніе III, стр. 101.

[47]) Ibid., стр. 57—58.

[48]) Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ. Вып. I, отд. II, стр. 83 и 84.

Тимофея Бубликова и живописца Ивана Фирсова [49]). Въ то же время Императрица Екатерина II находила справедливымъ обложеніе денежнаго сбора съ театральныхъ зрѣлищъ, кѣмъ бы они ни устраивались, общеполезнымъ налогомъ. 1-го сентября 1763 года послѣдовалъ Высочайшій манифестъ, съ приложеніемъ Высочайше утвержденнаго проекта генералъ-поручика Бецкаго, «объ учрежденіи въ Москвѣ Воспитательнаго дома, съ особливымъ Госпиталемъ для неимущихъ родильницъ». Въ § 16 этого проекта значилось: «отъ публичныхъ позорищъ т. е. комедій, оперъ, баловъ и всякихъ игралищъ за деньги, брать четвертую часть дохода въ Воспитательный домъ» [50]). Этотъ размѣръ налога въ 25% впослѣдствіи, при Императорѣ Павлѣ I, указомъ 22 февраля 1798 года, пониженъ для Императорскихъ театровъ до 10%, т. е. въ пользу Воспитательнаго дома взыскивалось со спектаклей дирекціи лишь 1/10 часть сбора [51]). Надо думать, что на практикѣ высокая норма налога въ 25% сбора съ частныхъ театровъ не соблюдалась и Воспитательный домъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, входилъ въ частныя соглашенія съ антрепризой.

По свѣдѣніямъ М. И. Пыляева, въ началѣ царствованія Екатерины II, въ Москвѣ уже былъ вольный московскій театръ, содержавшійся итальянцемъ Бельмонти и находившійся, какъ надо думать, въ домѣ Локателли у Краснаго Пруда. Репертуаръ его состоялъ изъ русскихъ пьесъ, итальянскихъ оперъ и интермедій.

Съ 1766 года по 1769 годъ антрепризу русскаго театра принялъ на себя полковникъ Н. С. Титовъ и давалъ спектакли въ Головинскомъ деревянномъ театрѣ, близъ Слободскаго дворца, построеннаго при Елизаветѣ Петровнѣ. Въ его труппѣ играли, между прочимъ, актеры: Померанцевъ, Калиграфовъ и Базилевичъ. Титову приходилось выдерживать конкурренцію антрепризы итальянцевъ Бельмонти и Чути, имѣвшимъ привиллегію на балы, маскарады, комедію и оперу. Титовъ вошелъ въ долги и 19 марта 1769 года дана была пятилѣтняя привиллегія Бельмонти и Чути на русскій театръ. Казна отвела имъ мѣсто для постройки театра между Покровскими и Мясницкими воротами, но они отказались отъ него и, съ разрѣшенія главнокомандующаго графа Салтыкова, устроили спектакли въ домѣ графа С. И. Воронцова, на Знаменкѣ. Послѣ нихъ антреприза театра перешла къ иностранцу Гроти [52]), взявшему къ себѣ въ компанію князя Урусова.

Въ 1776 году была дана десятилѣтняя привиллегія, начиная отъ 16-го іюля 1776 года, на содержаніе въ Москвѣ русскаго театра большому любителю театра,

49) Ibid., стр. 77 и 82.
50) Ibid., стр. 64.
51) Ibid., стр. 501.
52) Театръ въ царствованіе Императрицы Екатерины II Н. А. Селиванова. Ежегодникъ Императорскихъ театровъ 1895—1896 гг. Приложеніе книга III, стр. 102—103.

московскому губернскому прокурору князю П. В. Урусову. Условія привиллегіи были таковы: 1) исключительное право князя Урусова на содержаніе въ теченіе 10 лѣтъ всякаго рода театральныхъ зрѣлищъ въ Москвѣ; 2) обязанность князя Урусова уплачивать Воспитательному дому, по предварительному съ нимъ соглашенію, 3100 р. въ годъ; 3) обязательство князя Урусова построить на свой счетъ, въ пятилѣтній срокъ, каменный театръ со всѣми принадлежностями и съ такимъ внѣшнимъ убранствомъ, чтобы онъ могъ служить украшеніемъ города и сверхъ того, былъ бы удобенъ для приличныхъ маскарадовъ, комедій и комическихъ оперъ [53]). Князь Урусовъ, получивъ привиллегію, благодаря покровительству главноначальствующаго города Москвы князя Волконскаго, взялъ себѣ въ компанію англичанина М. Е. Медокса. На первое время они арендовали театръ въ домѣ графа Воронцова, на Знаменкѣ, который въ февралѣ 1780 года сгорѣлъ, во время представленія трагедіи «Дмитрій Самозванецъ». Потерпѣвъ убытки отъ пожара въ суммѣ до 80,000 руб., князь Урусовъ уступилъ свою привиллегію за 28,000 руб. Медоксу.

Михаилъ Егоровичъ Медоксъ [54]), человѣкъ ученый, предпріимчивый, отличный механикъ, страстно любившій театръ и поплатившійся впослѣдствіи за эту любовь своимъ благосостояніемъ, энергично взялся за принятое имъ московское театральное дѣло: заложилъ за 50,000 рублей принадлежавшее ему въ Москвѣ имущество и принялся за выполненіе обязательства по постройкѣ каменнаго театра. Долго не медля, Медоксъ купилъ мѣсто у князя Лобанова-Ростовскаго на Петровской улицѣ, въ приходѣ церкви Спаса, что въ Копьѣ (теперь уже упраздненной, но существовавшей до 1824 года) и такъ рѣшительно принялся за постройку, что вмѣсто условленнаго пятилѣтняго срока, окончилъ ее въ 5 мѣсяцевъ, но при этомъ задолжалъ Опекунскому Совѣту. Построенный Медоксомъ каменный театръ, по мѣсту называвшійся «Петровскимъ», въ настоящее время, послѣ двукратнаго пожара и перестроекъ, существуетъ подъ именемъ Императорскаго Московскаго Большого театра. Проектъ и планы театра составлены были архитекторомъ Розбергомъ, который производилъ работы и по постройкѣ. По смѣтѣ архитектора театръ долженъ былъ стоить 80,000 рублей, въ дѣйствительности же онъ обошелся около 130,000 руб. [55]).

---

[53]) Историческая справка о Большомъ театрѣ В. А. М. Москва, 1900 г., стр. 1.

[54]) М. Е. Медоксъ родился въ Англіи въ 1747 г., по происхожденію еврей, былъ профессоромъ математики въ Оксфордскомъ университетѣ, прибылъ въ Россію въ 1766 г., былъ преподавателемъ физики и математики Цесаревича Павла Петровича, затѣмъ переселился въ Москву. (М. Михайловскій. «Юбилей Московскаго Большого театра». Ежегодникъ Императорскихъ театровъ 1899—1900 гг.. стр. 214).

[55]) Театръ въ царствованіе Императрицы Екатерины II, Ежегодникъ Императорскихъ т. 1895—1896 г. Приложеніе III, стр. 105.

Размѣры театра были такіе: длина 32 саж., ширина 20 саж. и высота 8 саж. [56]). Театръ вмѣщалъ въ себѣ 110 ложъ, партеръ и галлереи. Ложи были закрытыя, какъ бы отдѣльными комнатами. Подлѣ оркестра были отведены мѣста, называвшіяся «табуретами», для постоянныхъ посѣтителей, въ большинствѣ: любителей и собственниковъ своихъ крѣпостныхъ театровъ, которыхъ въ 90-хъ годахъ насчитывалось въ Москвѣ до 15-ти [57]). Для маскарадовъ была пристроена особая круглая зала, роскошно отдѣланная зеркалами. Зрительный залъ, по идеѣ самого Медокса, освѣщался сверху 42 хрустальными люстрами. Къ залу примыкали нѣсколько гостиныхъ. 30-го декабря 1780 года въ «Московскихъ вѣдомостяхъ», въ замѣткѣ объ открытіи Петровскаго театра, объявлялось Медоксомъ такъ: «что же до желаемой безопасности публичнаго сего дому касается: то въ разсужденіи оной кажется взяты всѣ возможныя мѣры и ничего не упущено, что могло бы служить къ совершенному доставленію оной. Почтенная публика, которая удостоитъ сегодняшнее открытіе помянутаго театра, сама въ томъ удостовѣриться можетъ, когда она увидитъ двѣнадцать разныхъ дверей для подъѣзду, три каменныя лѣстницы, ведущія въ партеръ и ложи, и сверхъ того еще двѣ лѣстницы деревянныхъ». Цѣна мѣстамъ была назначена: въ креслахъ—2 руб., въ мѣстахъ за креслами—1 руб. Входъ въ маскарадъ, охотно посѣщавшійся тогда высшимъ обществомъ, стоилъ 1 рубль мѣдью. Ложи сдавались въ абонементъ и абонентъ имѣлъ ключъ отъ ложи, которую украшалъ, оклеивалъ обоями и освѣщалъ за свой счетъ и по своему усмотрѣнію. Петровскій театръ былъ торжественно открытъ прологомъ «Странники», сочиненнымъ на этотъ случай Аблесимовымъ. Московскій главнокомандующій, князь Долгоруковъ-Крымскій, остался очень доволенъ театромъ, оказалъ вниманіе Медоксу, предложивъ чинамъ полиціи имѣть къ нему почтеніе и уваженіе и охранять его отъ непріятностей. Онъ выхлопоталъ Медоксу продолженіе привиллегіи еще на 10 лѣтъ, т. е. до 1796 года.

Первоначальная труппа Медокса въ Петровскомъ театрѣ была очень невелика и состояла изъ 13 актеровъ, 9 актрисъ, 4 танцовщицъ, 3 танцоровъ съ балетмейстеромъ и 13 музыкантовъ. На жалованье артистамъ драмы расходовалось 12,139 р. 50 к. въ годъ. Самый большой окладъ, 2,000 руб. въ годъ, назначенъ былъ актеру Померанцеву [58]). Кромѣ того для артистовъ были отведены квартиры вблизи театра. При постановкѣ пьесъ, Медоксъ совѣтовался съ любителями театра, постоянными посѣтителями его; всегда приглашалъ ихъ на генеральныя репетиціи и сужденіямъ

[56]) «Московскія вѣдомости», 1780 г. 30 декабря № 105.
[57]) Особенную извѣстность получилъ тогда театръ графа Шереметева.
[58]) Старая Москва. М. И. Пыляевъ, стр. 126.

ихъ объ исполненіи пьесъ придавалъ большое значеніе. Эта группа любителей, знатоковъ и цѣнителей сценическаго искусства составляла московскую своеобразность. И для публики московской и для антрепренера, и для артистовъ—она играла роль камертона; къ ея вкусамъ поддѣлывался и выборъ репертуара и сценическая игра. Своеобразность эта сохранила нѣкоторое значеніе и въ послѣдствіи, при первоначальномъ существованіи Императорскаго театра въ Москвѣ и сыграла не малую роль въ его постановкѣ и развитію. Пьесы въ театрѣ Медокса исполнялись безъ суфлера. Историкъ русскаго театра Ѳ. А. Кони, въ своихъ «воспоминаніяхъ о Московскомъ театрѣ при М. Е. Медоксѣ» [59]), почерпнутыхъ изъ записокъ С. Н. Глинки, А. О. Малиновскаго и разсказовъ старожиловъ, такъ пишетъ о его театрѣ: «Медоксъ существовалъ одними только сборами,... весь репертуаръ Медокса ограничивался тридцатью піесами и только семидесятью спектаклями въ годъ. Піесы были прекрасно выбраны, отлично поставлены и превосходно исполнены. Причина, почему на театрѣ Медокса давали такъ мало спектаклей, зависѣла отъ его безпристрастія, любви къ искусству и уваженія къ публикѣ. Онъ смотрѣлъ на театръ, не какъ на простую забаву, а какъ на училище, въ которомъ народъ могъ почерпать свое образованіе. Порядокъ пріема піесъ былъ слѣдующій. Когда сочинители или переводчики доставляли въ дирекцію піесу, то Медоксъ составлялъ совѣщательный комитетъ изъ главныхъ актеровъ. Если на этомъ комитетѣ большинство голосовъ рѣшало принять піесу, содержатель театра удалялся предоставляя каждому актеру, съ общаго согласія, выбрать себѣ роль, по силамъ и таланту. Потомъ онъ опять возвращался съ вопросомъ: во сколько времени піеса можетъ быть поставлена на сцену? Срока, опредѣленнаго артистами, онъ никогда не убавлялъ, а иногда даже, смотря по піесѣ, увеличивалъ его. Оттого никто не запомнитъ, чтобы на театрѣ Медокса какая нибудь піеса была дурно слажена, плохо распредѣлена или нерачительно поставлена. Каждый артистъ являлся въ своемъ характерѣ, въ роли, которая соотвѣтствовала его средствамъ и нравилась ему. Каждый отдѣльно былъ превосходенъ, совокупность (ensemble) цѣлой піесы изумительна. Кромѣ большого Петровскаго театра, былъ тогда въ Москвѣ еще другой театръ, лѣтній въ воксалѣ. Тутъ играли только маленькія комическія оперы, въ одномъ и въ двухъ дѣйствіяхъ, и такія же комедіи. За представленіемъ слѣдовалъ балъ или маскарадъ, который заключался прекраснымъ ужиномъ. И все это тогда не превышало пяти рублей. Въ саду воксала Медоксъ предполагалъ выстроить другой театръ для простого народа, на которомъ бы представляли однѣ піесы народныя и патріотическія», но мысль его не осуществилась.

---

[59]) «Пантеонъ» 1840 г., № 2, стр. 90—92.

Всѣ данныя были къ тому, чтобы Петровскій театръ процвѣталъ. Но залогъ имущества и постройка театра запутали денежныя дѣла Медокса. Не малый матеріальный ущербъ принесло Медоксу недоброжелательное отношеніе къ нему со стороны И. И. Бецкаго. Опекунскій совѣтъ задумалъ свою театральную антрепризу въ Москвѣ и изъ этого возникъ процессъ у Медокса съ Воспитательнымъ домомъ, оспаривавшимъ его театральную привиллегію. Въ тоже время измѣнились къ Медоксу отношенія московскаго начальства и публики. Въ 1792 году Медоксъ подалъ жалобу князю Прозоровскому, московскому главнокомандующему, прописывалъ въ ней всѣ свои услуги публикѣ, учрежденіе при театрѣ школы для 30-ти мальчиковъ и дѣвочекъ, выставлялъ понесенные убытки и просилъ князя оказать ему содѣйствіе въ сложеніи взноса $^1/_{10}$ части сборовъ Опекунскому Совѣту. Князь Прозоровскій, относясь вообще доброжелательно къ Медоксу, въ резолюціи своей на прошеніи Медокса обрисовалъ однако Петровскій театръ такъ: «Фасадъ вашего театра дуренъ; нигдѣ нѣтъ въ немъ архитектурной пропорціи, онъ представляетъ скорѣе груду кирпича, чѣмъ зданіе. Онъ глухъ, потому что безъ потолка и весь слухъ уходитъ подъ кровлю. Въ сырую погоду и зимой въ немъ бываетъ течь, сквозь худую кровлю; вездѣ вѣтеръ ходитъ и даже окна не замазаны; вездѣ пыль и нечистота. Онъ построенъ не по данному и Высочайше конфирмованному плану, внизу нѣтъ сводовъ, нѣтъ опредѣленныхъ входовъ; въ большую залу одинъ входъ и выходъ; въ верхній этажъ ложъ одна деревянная лѣстница; въ верху нѣтъ бассейна, отчего можетъ быть большая опасность въ случаѣ пожара. Кругомъ театра, вмѣсто положенной для разъѣзда улицы—деревянное мелочное строеніе. Внутреннее убранство театра весьма посредственно; декораціи и гардеробъ худы. Зала для концертовъ построена дурно; въ ней нѣтъ резонанса; зимой не топятъ, оттого всѣ сидятъ въ шубахъ; когда топятъ угарно. Актеровъ хорошихъ только и есть два или три старыхъ; нѣтъ ни пѣвца, ни пѣвицы хорошихъ, ни посредственно танцующихъ, ни знающихъ музыку. Повѣрить нельзя, у васъ *капельмейстеръ глухой* и *балетмейстеръ хромой.* Изъ школы вашей не вышло ни пѣвца, ни пѣвицы, ни актера, ни актрисы порядочныхъ. Въ выборѣ пьесъ вы неудачны» [60]). Медоксъ волей не волей пошелъ на сдѣлку съ Опекунскимъ Совѣтомъ, вслѣдствіе которой ему пришлось принять въ обученіе танцамъ, музыкѣ и декламаціи 104-хъ питомцевъ Воспитательнаго дома и давать спектакли еще въ другомъ театрѣ, устроенномъ при Воспитательномъ домѣ [61]). Продолженіе привиллегіи не помогло Медоксу, онъ заложилъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ и Петровскій театръ, и имуще-

[60]) «Репертуаръ и Пантеонъ», 1844 года кн. 4-я. Матеріалы для исторіи русскаго театра. Медоксъ и старинный московскій театръ, стр. 116.

[61]) Ежегодникъ Императорскихъ театровъ 1895—1896 гг. Приложеніе II, стр. 105—110.

ство свое и даже самого себя. «Другого средства я не нахожу, какъ предать, и предаю я самъ себя, со всѣми моими заведеніями и со вступающими отъ нихъ доходами, въ полную волю и управленіе почтеннаго Опекунскаго Совѣта», такъ писалъ Медоксъ въ своемъ прошеніи Опекунскому Совѣту. Управленіе театромъ осталось за Медоксомъ, которому Опекунскимъ Совѣтомъ назначено жалованье 5,000 руб. въ годъ и квартира; на расходы по театру ассигновано 27,000 рублей, съ отобраніемъ театральнаго сбора въ пользу Опекунскаго Совѣта [62]).

Непрочность положенія московскихъ театровъ озабочивала Императрицу Екатерину II, поручавшую еще въ 1790 г. московскому главнокомандующему, князю Прозоровскому, привести театральныя представленія въ Москвѣ въ лучшее состояніе. Князь предлагалъ Московскому Благородному собранію принять театръ въ свои руки, Медоксъ со своей стороны соглашался продать театръ и привиллегію за 350,000 р. Но сдѣлка не осуществилась.

Въ 1796 г. привиллегія Медоксу на театръ была продолжена еще на 2 года. Послѣ чего театръ перешелъ на нѣкоторое время въ завѣдываніе Московскаго Воспитательнаго дома, который поступилъ уже въ вѣдомство Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Отъ имени Воспитательнаго дома театральною частью распоряжался Г. С. Карновичъ [63]).

Въ 1804 году былъ учрежденъ особый Комитетъ по московскимъ театральнымъ дѣламъ, а театромъ управлялъ отъ Воспитательнаго дома князь Волконскій [64]). По ходатайству этого Комитета, въ 1805 году, послѣдовалъ Высочайшій указъ о займѣ изъ средствъ Воспитательнаго дома 300,000 руб., изъ нихъ погашенъ долгъ самому Воспитательному дому въ 191,366 руб. и удовлетворены претензіи 46 частныхъ кредиторовъ Медокса. Самому же Медоксу, въ виду его несомнѣнныхъ заслугъ въ театральномъ дѣлѣ, назначена Императрицею Маріей Ѳеодоровной пожизненная пенсія въ 3,000 руб. въ годъ [65]).

Уже въ началѣ 1800-хъ годовъ, какъ говоритъ въ своихъ запискахъ извѣстный театралъ С. П. Жихаревъ, въ Москвѣ ходили упорные слухи объ учрежденіи въ первопрестольной, по примѣру Петербурга, Императорскихъ театровъ, сформированныхъ изъ состава частныхъ московскихъ труппъ. Въ то время существовали уже въ Москвѣ, кромѣ русскаго также французскій и нѣмецкій частные театры. 22-го октября 1805 года, передъ представленіемъ оперы «Днѣпровская русалка», по неосторожности гардеробмейстера, сгорѣлъ Петровскій театръ въ Москвѣ. Бывшая

[62]) Ibid стр. 110.
[63]) Старая Москва стр. 135.
[64]) Записки С. П. Жихарева. 1891, стр. 12.
[65]) Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. 1895—1896 гг. Приложеніе II, стр. 112.

труппа Медокса, послѣ пожара должна была перенести представленія русскаго театра въ тѣсныя помѣщенія другихъ театральныхъ залъ, а именно съ 12-го ноября 1805 года въ театръ князя Волконскаго на Самотекѣ [66]), а съ 17-го декабря 1805 года въ театръ въ домѣ Пашкова на Моховой [67]). Воспользовавшись неустойчивымъ и затруднительнымъ положеніемъ московской театральной антрепризы, главный директоръ Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ, оберъ-гофмаршалъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, 29-го декабря 1805 года вошелъ со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о присоединеніи московскихъ театровъ къ Императорской дирекціи и «о возобновленіи и учрежденіи въ немъ труппъ», по соглашенію съ начальствомъ города Москвы. Уважая традицію, по которой московскій главнокомандующій являлся съ давняго времени высшимъ представителемъ правительственнаго меценатства въ столицѣ, А. Л. Нарышкинъ не нашелъ возможнымъ обойти московское начальство въ вопросѣ объ организаціи Императорскихъ театровъ въ первопрестольной столицѣ. Въ тоже время онъ, справедливо, разсчитывалъ и на сочувствіе московскаго общества къ переходу театра въ придворное вѣдомство, заявившее уже себя въ Петербургѣ щедрымъ покровительствомъ сценѣ. Поэтому и во всеподданнѣйшемъ докладѣ 29-го декабря о московскомъ театрѣ, Нарышкинъ оправдывалъ свое ходатайство «предполагая неизбѣжность онаго (т. е. учрежденія театра) въ столь многолюдной столицѣ по сдѣланной уже привычкѣ къ сему полезнѣйшему, имѣющему благодѣтельное вліяніе на всеобщее просвѣщеніе и нравы, роду увеселеній и съ одной стороны соображаясь съ видами казенныхъ выгодъ и учрежденія онаго во всякомъ отношеніи на прочныхъ и приличныхъ столицѣ основаніяхъ, съ другой, будучи твердо увѣренъ, что тамошняя публика не только желаетъ, но и особеннымъ почтетъ счастьемъ возстановленіе необходимо нужнаго для нея сего заведенія подъ лестнѣйшимъ титуломъ Императорскаго» [68]).

---

[66]) «Московскія вѣдомости». 1805 года, стр. 2295.

[67]) Ibid стр. 2425.

[68]) В. П. Погожевъ «Опытъ краткаго историческаго обзора организаціи Императорскихъ театровъ съ 1756 г. по 1881 г.», стр. 267. Эта историческая работа помѣщена въ III томѣ изданнаго въ 1900 г. дирекціей Императорскихъ театровъ «Проекта законоположеній объ Императорскихъ театрахъ», составленнаго В. П. Погожевымъ. III томъ составляетъ приложеніе къ упомянутому проекту и заключаетъ въ себѣ три слѣдующіе историческіе очерка того же автора: I «Историческій очеркъ порядка разсмотрѣнію драматическихъ пьесъ и музыкальныхъ произведеній, представляемыхъ въ русскій репертуаръ Императорскихъ театровъ». II «Историческій очеркъ порядка вознагражденія Императорскими театрами русскихъ авторовъ и композиторовъ» и III упомянутый уже выше «Опытъ краткаго историческаго обзора организаціи Императорскихъ театровъ съ 1756 г. по 1881 годъ». Для краткости, въ настоящемъ трудѣ, при ссылкахъ на упомянутыя историческія работы, мы будемъ именовать ихъ, послѣдовательно, по номераціи очерковъ: «Историч. очерки. I, II и III».

По всеподданнѣйшему ходатайству А. Л. Нарышкина послѣдовало Высочайшее соизволеніе Императора Александра I.

Такимъ образомъ, 29-го декабря 1906 года истекло столѣтіе учрежденія Императорскихъ Московскихъ театровъ, почти ровно на 50 лѣтъ отставшаго отъ времени учрежденія таковыхъ же въ Петербургѣ.

За первый вѣкъ своего существованія Московскій Императорскій театръ сослужилъ не малую службу въ области развитія главнымъ образомъ русской драмы. Въ Московскомъ Маломъ театрѣ создалась почтенная, такъ называемая «Щепкинская», школа сценическаго исполненія драматическихъ произведеній. Московскій театръ явился лучшимъ истолкователемъ произведеній Грибоѣдова, Гоголя, Островскаго и другихъ корифеевъ русскаго драматическаго творчества. На протяженіи 100 лѣтъ работа Московскаго драматическаго театра обезсмертила имена артистовъ Сандунова, Мочалова, Щепкина, Садовскаго, Шумскаго, Самарина, Львовой-Синецкой, Васильевой, Медвѣдевой, Акимовой, Ѳедотовой и Ермоловой, которыми можетъ справедливо гордиться и Москва и русское драматическое искусство.

Исторія перваго столѣтія дѣятельности Императорскихъ Московскихъ театровъ, исторія его художественной жизни репертуара и артистовъ, не входитъ въ скромныя задачи настоящаго труда и должна составить предметъ особаго солиднаго изслѣдованія. Въ настоящемъ историческомъ обзорѣ мы ограничиваемся лишь сводкой архивныхъ свѣдѣній о развитіи организаціи Императорскихъ Московскихъ театровъ, за первый вѣкъ ихъ существованія.

Обзоръ этотъ мы располагаемъ по тремъ слѣдующимъ періодамъ:

Первый періодъ, тридцати-шести-лѣтній, отъ 1806 г. до 1842 года, т. е. отъ учрежденія Императорскихъ театровъ въ Москвѣ до окончательнаго возсоединенія ихъ съ общей дирекціей Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ.

Второй періодъ, тридцати-девяти-лѣтній, отъ 1842 г. до 1881 года, т. е. до реформы всѣхъ Императорскихъ театровъ, послѣдовавшей со вступленіемъ на престолъ Императора Александра III, и наконецъ послѣдній:

Третій періодъ, двадцати-пяти-лѣтній, отъ 1881 г. до 1906 года, охватывающій организацію реформированнаго театра до нашихъ дней.

Во все первое столѣтіе своего существованія Императорскіе Московскіе театры идутъ въ колеѣ за Петербургскими, въ большей или меньшей степени, отражая на себѣ какъ свѣтлыя, такъ и темныя стороны организаціи послѣднихъ. Это является первой характерной чертой исторіи Московскихъ театровъ. Въ нѣкоторые промежутки времени, иногда весьма продолжительные, индивидуальность Московскихъ театровъ проявляется въ положительномъ смыслѣ, благодаря счастливому

подбору артистическихъ силъ русской драмы. Таковы эпохи: Мочалова и Щепкина, и позднѣе эпоха Самарина, Шумскаго и Садовскаго.

Оригинальнымъ въ организаціонномъ смыслѣ является лишь первый періодъ Московскихъ театровъ отъ 1806 г. до 1842 г., въ которомъ черезъ цѣлый рядъ перемѣщеній правящаго центра (Дирекція въ Петербургѣ, Комитетъ, Московскій генералъ-губернаторъ, Министръ Императорскаго двора и опять Дирекція въ Петербургѣ), Московскій театръ совершаетъ свое перевоплощеніе, изъ традиціоннаго до того времени въ Москвѣ—вольнаго театра, въ театръ казенный и до нѣкоторой степени придворный; изъ родного дѣтища московской интеллигенціи, вымуштрованнаго и выхоленнаго безкорыстными любителями сценическаго искусства—въ пасынка Петербургской академіи театральнаго дѣла, каковымъ Московскій театръ оставался вплоть до царствованія Императора Александра III.

Второй характерной чертой прошлаго Московскихъ театровъ является то, что, несмотря на разнообразіе его дѣятельности въ различныхъ родахъ сценическаго искусства: драмы, оперы и балета, впечатлѣніе и память публики о Московскомъ театрѣ сосредоточивается исключительно на русской драмѣ. Только, какъ исключенія, вспоминаются имена танцовщицы Асенковой, инспектора музыки Верстовскаго, а также администраторовъ Кокошкина и Загоскина и итальянскихъ оперныхъ гастролеровъ 70-хъ годовъ XIX столѣтія.

Принимая въ свои руки формированіе Московскихъ Императорскихъ театровъ А. Л. Нарышкинъ до нѣкоторой лишь степени считался со своеобразностями московскихъ театральныхъ традицій и со скромными, въ особенности на первое время, рамками постановки въ Москвѣ филіала Петербургской дирекціи. Но въ принципахъ и нормахъ организаціи театра онъ, естественно, не могъ идти далѣе того, что выработала практика петербургскаго управленія придворными театрами.

Въ виду этого, для возможно полнаго освѣщенія обстановки организаціи Императорскихъ Московскихъ театровъ, при наличности изложеннаго въ настоящей главѣ бѣглаго обзора частнаго Московскаго театра, мы считаемъ необходимымъ очертить, хотя бы вкратцѣ, историческую физіономію Петербургскаго театральнаго управленія, какъ прототипа вновь образованнаго въ 1806 году театральнаго учрежденія въ Москвѣ. Очеркъ историческаго развитія въ Петербургѣ тѣхъ нормъ и положеній, къ которымъ пришлось приспособляться Московскому театру, in statu nascendi его, составляетъ предметъ слѣдующей главы.

Глава II.

Обзоръ прошлаго организацiи Петербургскихъ придворныхъ театровъ до 1806 года.

Первый театръ въ только что основанномъ Петербургѣ, былъ устроенъ еще при Петрѣ Великомъ, попеченiемъ той же инициаторши придворнаго Преображенскаго театра, царевны Натальи Алексѣевны. Театръ этотъ былъ придворный, помѣщался въ особомъ деревянномъ домѣ на Мойкѣ и держался того же репертуара, что и Преображенскiй.

При Екатеринѣ I и при Петрѣ II театръ не встрѣчалъ поощренiя, но со временъ Анны Iоанновны сталъ входить въ моду. Въ 1735 году была выписана ко двору итальянская труппа, съ капельмейстеромъ Арайя и съ балетомъ, а въ 1738 году, приглашена нѣмецкая труппа изъ Лейпцига. Въ 1740 году, при Аннѣ Леопольдовнѣ, нѣмецкiй театръ былъ закрытъ и выписана французская труппа Сериньи.

При Елизаветѣ Петровнѣ было уже два придворныхъ театра: одинъ въ Зимнемъ Дворцѣ, а другой—«Оперный домъ», передѣланный изъ Манежа и помѣщавшiйся у Казанскаго моста на «проспектѣ близъ кирки» [69]). Въ 1750 г., къ коронацiи Елизаветы Петровны, былъ вновь выстроенъ «Комедiантсткiй оперный домъ» [70]), близъ «Еловой рощи». Репертуаръ придворнаго театра того времени былъ 3-хъ видовъ: а) спектакли французской драмы труппы Сериньи; б) итальянская опера въ оперномъ домѣ и в) спектакли нѣмецкой труппы Аккермана, въ нѣмецкомъ «комедiяльномъ домѣ» на Большой Морской.

Во всю эту эпоху, до 1750 г., придворные театры не составляли особаго придворнаго учрежденiя. Труппы находились въ управленiи отдѣльныхъ антрепренеровъ, съ которыми вѣдалась Придворная контора. Расходы на содержанiе зрѣлищъ оплачивались изъ «соляныхъ» суммъ, а расходы по ремонту и по содержанiю театральныхъ зданiй лежали на «Канцелярiи строенiй Дворцовъ и Садовъ Ея Величества». Историкъ С. М. Соловьевъ, не безъ иронiи, пишетъ такъ: «въ 1747 году явилось первое драматическое произведенiе Сумарокова «Хоревъ»,—«Хоревъ» былъ напечатанъ, его учили наизусть и декламировали, но на сценѣ его не видали: въ Россiи еще не было русскаго театра. При дворѣ была опера, гдѣ «пѣли дѣвки итальянки и кастратъ» и былъ нѣмецкiй театръ» [71]). 8-го января 1750 года впервые разъиграна

---

[69]) П. Араповъ. «Лѣтопись русскаго театра», стр. 42, со ссылкой на статью «комедiальные и театральные дома» въ описанiи Петербурга В. Рубана 1779 г.

[70]) Архивъ дирекцiи Императорскихъ театровъ, вып. I, т. III, стр. 365.

[71]) С. Соловьевъ. Исторiя Россiи, кн. V, стр. 871.

во дворцѣ русская трагедія «Хоревъ» Сумарокова; исполнителями ея явились кадеты сухопутнаго корпуса. Сумароковскому же перу принадлежала и первая русская лирическая опера «Цефалъ и Прокрисъ», съ музыкой Арайи, исполненная въ 1755 году. Къ этому времени сталъ уже извѣстенъ Өедоръ Григорьевичъ Волковъ, основатель перваго русскаго театра въ Ярославлѣ. 12-го января 1752 года труппа Волкова была выписана въ Петербургъ и нѣкоторые артисты изъ нея оставлены при дворѣ. 30-го августа 1756 года послѣдовалъ указъ Императрицы Елисаветы Петровны объ учрежденіи Россійскаго театра подъ управленіемъ Сумарокова. Этотъ первый публичный русскій театръ былъ открытъ въ Головинскомъ домѣ (гдѣ нынѣ Академія художествъ), на Васильевскомъ островѣ, близъ кадетскаго корпуса. Публика допускалась въ театръ за деньги и сборъ дѣлился между актерами и музыкантами. Расходы на русскій театръ, въ суммѣ 5.000 р. въ годъ, покрывались не средствами Двора, а изъ Статсъ-Конторы. Черезъ три года, однако, въ 1759 году управленіе Россійскимъ театромъ перешло въ вѣдѣніе Придворной Конторы, представленія переведены на два дня въ недѣлѣ въ придворный театръ при Лѣтнемъ дворцѣ и рѣшено «впредь партикулярныхъ смотрителей (т. е. публику) впускать бездежно» [72]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и годовой отпускъ суммъ на театръ, по 7.000 рублей въ годъ, опредѣленъ изъ средствъ Высочайшаго Двора.

Въ 1761 году Сумароковъ былъ уволенъ, а затѣмъ послѣдовалъ четырехлѣтній промежутокъ заброшенности русскаго театра, въ теченіе царствованія Петра III и начала царствованія Екатерины II. Императрица Екатерина II въ первое время болѣе интересовалась придворнымъ французскимъ театромъ и итальянской оперой. Въ 1765 году управленіе русскимъ театромъ поручено было камеръ-юнкеру Бибикову, а затѣмъ въ 1766 году послѣдовало объединеніе всѣхъ труппъ въ общей дирекціи Ивана Перфильевича Елагина, составившаго «Статъ всѣмъ къ театрамъ и къ камеръ, и къ бальной музыкѣ принадлежащимъ людямъ» [73]), конфирмованный Императрицею Екатериной II 13-го октября 1766 г. Въ этотъ первый театральный штатъ вошли: 1) опера итальянская (9 человѣкъ, на 15.400 руб.) и камеръ-музыка (32 человѣка, на 22.000 руб.), 2) балетъ (42 человѣка, на 24.000 руб.), 3) «бальные», т. е. бальная музыка [74]) (42 человѣка, на 9.200 руб.), 4) французскій театръ (23 человѣка, на 21.000 руб.), 5) россійскій театръ (21 человѣкъ, на 10.500 руб.) и 6) «принадлежащіе къ театру люди и мастеровые» (46 человѣкъ, на 10.010 руб.).

[72]) Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ, вып. I, отд. II, стр. 57.

[73]) Ibid. стр. 86—90.

[74]) Изъ нихъ 19 человѣкъ входили и въ составъ 32 человѣкъ камеръ-музыки, получая дополнительное вознагражденіе.

Пятое мѣсто въ этомъ перечнѣ и сравнительно малый размѣръ денежнаго отпуска, до нѣкоторой степени указываютъ на второстепенное значеніе въ то время русскаго театра въ ряду другихъ. Утвержденнымъ Императрицей штатомъ 1766 года впервые трактуется вопросъ о театральной школѣ и о пенсіяхъ артистамъ. Зачатку театральной школы назначенъ скромный бюджетъ въ 2.000 рублей въ годъ, опредѣляемыхъ на «содержаніе ребятъ» при русскомъ театрѣ и на подготовку 8 балетныхъ артистовъ и 8 музыкантовъ. Вопросу о пенсіяхъ посвящено примѣчаніе къ штату, по которому опредѣляются годовыя пенсіи: опернымъ артистамъ отъ 100 р. до 200 р. и балетнымъ отъ 75 р. до 250 р., тѣмъ и другимъ за 10-тилѣтнюю выслугу, музыкантамъ отъ 50 р. до 150 р. тѣмъ «кто до старости здѣсь дослужится» и русскимъ актерамъ 200 р. послѣ отставки, «ибо они, какъ россійскіе, должны до смерти имѣть свое пропитаніе здѣсь». Артистамъ французской труппы «пенсіоновъ не опредѣляется, потому что актеръ и актриса могутъ играть до самой глубокой старости, а къ концу изъ большого жалованья предоставлять на пропитаніе, развѣ кто изъ нихъ вѣчно въ Россіи останется, таковымъ дать противъ музыкантовъ», т. е. до 150 р. въ годъ. Всѣмъ прочимъ служащимъ пенсіоны по штату не назначены.

Новому штату, опредѣлявшему весь годовой отпускъ на театры (по прежнему изъ соляныхъ суммъ, т. е. изъ средствъ придворнаго вѣдомства) суммой въ 138.410 р. пришлось вѣдаться съ контрактами прежняго времени, по которымъ оклады жалованья оказались выше штатныхъ. Отсюда явилось превышеніе бюджета, обиды артистамъ и затрудненія въ примѣненіи штата на практикѣ. Императрица Екатерина, со свойственной ей находчивостью, разрѣшила это затрудненіе слѣдующимъ указомъ Придворной конторѣ отъ 20-го декабря 1766 года [75]). «До свѣдѣнія Нашего дошло, что по причинѣ конфирмованнаго Нами стата для оркестра и театра, многіе почитаютъ себя обиженными изъ принадлежащихъ къ театру и музыкѣ; того ради, чрезъ сіе повелѣваемъ господину Елагину самому, такъ какъ сочинителю того стата, привести все по оному въ прямое дѣйствіе, дабы онъ тѣмъ самымъ могъ доказать совершенство онаго учрежденія передъ Нами, а для того и конторѣ повелѣваемъ все принадлежащее къ тому—ему Елагину препоручить въ Дирекцію».

Эта дата «20-го декабря 1766 года» имѣетъ особое историческое значеніе для всѣхъ Императорскихъ какъ петербургскихъ, такъ и московскихъ театровъ въ двоякомъ отношеніи.

Во первыхъ, съ этого момента, въ ряду придворныхъ и правительственныхъ учрежденій является одно новое—«Дирекція Императорскихъ театровъ», такъ какъ

[75]) Ibid, стр. 90.

приведеннымъ указомъ театры изъяты изъ вѣдѣнія Придворной конторы и управленіе ими поставлено самостоятельнымъ вѣдомствомъ, имѣющимъ свой опредѣленный бюджетъ. Начальникъ этого вѣдомства, какъ мы увидимъ далѣе, уполномоченъ на непосредственные доклады Императрицѣ. Въ виду сказаннаго, начало исторіи Дирекціи Императорскихъ театровъ, какъ государственнаго учрежденія, слѣдуетъ по справедливости исчислять не съ 30-го августа 1756 года, а десятью годами позже—съ 20-го декабря 1766 года [76]).

Во-вторыхъ, повелѣніемъ Императрицы 20-го декабря 1766 г. «привести въ прямое дѣйствіе», завѣдомо несоотвѣтственный фактическому финансовому состоянію театровъ «статъ», положено начало исторической ошибкѣ въ регулированіи экономической жизни всѣхъ Императорскихъ театровъ. Ошибка заключалась въ законодательномъ опредѣленіи денежнаго отпуска на театры въ размѣрѣ ниже дѣйствительной потребности и привело, съ одной стороны, къ хроническому дефициту театровъ, а съ другой—къ хроническому же снисходительному отношенію правительства къ передержкамъ. До 1882 года, въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ, повтореніе этой ошибки носило фатальный характеръ. Всѣ, вновь вступавшіе въ управленіе Императорскими театрами, лица и даже коллегіи, прежде всего принимались за учрежденіе экономіи, сокращая рамки театральнаго бюджета, но вскорѣ же плакались на недостатокъ денежнаго отпуска отъ казны, а затѣмъ путались въ передержкахъ и долгахъ. Дефицитамъ постоянно и неуклонно противупоставлялся рядъ различныхъ, смѣнявшихъ другъ друга, мѣропріятій и реформъ, знаменующихъ собою неустанную борьбу двухъ трудно примиримыхъ въ капризномъ театральномъ дѣлѣ началъ. Съ одной стороны—стремленіе къ блестящей постановкѣ театра, а съ другой—преслѣдованіе экономическихъ задачъ. Исторія Императорскихъ театровъ, даже до настоящаго времени испещрена свѣдѣніями объ учрежденіи и работахъ разнаго рода комиссій и комитетовъ, призываемыхъ въ критическіе моменты къ вооруженію для той же борьбы. Въ этой, почти полуторастолѣтней борьбѣ, затрачено масса силъ и энергіи, утоплено много добрыхъ и талантливыхъ начинаній, загублено изрядное число недюжинныхъ административныхъ репутацій, но... побѣдителемъ въ ней, за рѣдкимъ исключеніемъ, всегда оставались долги и передержки Дирекціи.

Въ текстѣ самаго указа 20-го декабря звучитъ нотка скептицизма и даже раз-

---

[76]) Такимъ образомъ отправные моменты въ исторіи Императорскихъ театровъ слѣдовало бы по годамъ установить такъ: 1) Учрежденіе Придворныхъ (иностранныхъ) театровъ—1735 г. 2) Учрежденіе (Императорскаго) Россійскаго театра—1756 г. 3) Учрежденіе Дирекціи Императорскихъ театровъ—1766 г. 4) Учрежденіе публичныхъ Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ—1783 г. 5) Учрежденіе Императорскихъ московскихъ театровъ — 1806 г. и 6) Окончательное установленіе общей Дирекціи Императорскихъ (петербургскихъ и московскихъ) театровъ—1842 г.

драженія Императрицы, по отношенію къ Елагинскому «Стату», но указъ этотъ вполнѣ, повидимому, соотвѣтствовалъ личнымъ самонадѣяннымъ желаніямъ Елагина. Первые доклады его Императрицѣ [77]) полны розовыхъ надеждъ урегулировать дѣло путемъ добровольныхъ соглашеній, не требуя прибавки ассигнованія и не увольняя никого изъ артистовъ. «Первые два или три года, писалъ Елагинъ, крайнюю претерпѣвать буду нужду, однако въ послѣдующія лѣта не только недостатокъ минется, но и всегда запасная при театрахъ оставаться будетъ сумма для пріобрѣтенія лучшихъ и искуснѣйшихъ людей». Въ тоже время, залогомъ успѣха Елагинъ ставилъ свободу его въ распоряженіи театрами и суммами, «Чего ради, писалъ онъ, всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество прошу Всемилостивѣйше дозволить мнѣ въ положенной по стату на спектакели суммѣ обращаться по моему благоизобрѣтенію и, не слѣдуя канцелярскимъ обрядамъ, счеты весть купеческимъ порядкомъ, равно какъ и распоряженіе во всемъ дѣлать, какъ я заблагоразсужу, имѣя единственно только въ виду, чтобы спектакли за сію опредѣляемую сумму привести въ лучшее состояніе и тѣмъ пріобрѣсть какъ Всевысочайшее Вашего Величества благоволеніе, такъ и всей публики удовольствіе». Но благоизобрѣтенія И. П. Елагина оказались неудачными и мечты его не осуществились. Уже съ января 1767 года послѣдовалъ цѣлый рядъ ходатайствъ Елагина о дополнительныхъ ассигнованіяхъ на театры, составъ которыхъ въ 1773 году увеличился выпиской французской комической оперы, съ особымъ штатомъ и бюджетомъ въ 22.400 р.; а позднѣе учрежденіемъ итальянской оперы-буффъ. Затруднительность финансоваго положенія театровъ заставила Елагина въ 1779 году покинуть театральную службу. На должность Директора театровъ вмѣсто Елагина, назначенъ былъ т. с. Василій Ильичъ Бибиковъ, оставившій въ 1782 г. дирекцію съ долгомъ въ 94.000 рублей.

12-го іюля 1783 года Императрица признала нужнымъ учредить особый «Комитетъ или Собраніе» [78]) для управленія зрѣлищами и музыкой, а подчиненную комитету должность Директора театровъ поручить камеръ-юнкеру Мятлеву. Такимъ образомъ послѣдовала первая реформа Дирекціи Императорскихъ театровъ, разработанная статсъ-секретаремъ Императрицы Александромъ Андреевичемъ Безбородко и кабинетъ-секретаремъ Александромъ Васильевичемъ Храповицкимъ, человѣкомъ близко стоявшимъ къ театральному дѣлу, благодаря исключительной обязанности ставить на сцену собственныя драматическія произведенія Императрицы и сочинять къ нимъ хоры и куплеты [79]).

---

[77]) Ibid., стр. 91—92.
[78]) Ibid., стр. 112—118.
[79]) П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, стр. 90.

Учрежденіе комитета принесло съ собой также учрежденіе въ Петербургѣ публичнаго театра съ продажею билетовъ на спектакли и учрежденіе русской оперы. Публичные спектакли открылись: 18-го августа 1783 г. въ деревянномъ театрѣ на Царицыномъ лугу у Лѣтняго сада, зданіе котораго со всѣми принадлежностями было куплено Дирекціей отъ содержателей русскаго театра Книпера и Дмитревскаго за 25.000 рублей; и 24-го сентября 1783 года въ Большомъ театрѣ, каменное зданіе котораго было построено архитекторомъ фонъ-Бауэромъ, «между Мойкой и Екатерининскимъ каналомъ близъ Коломны». Этотъ Большой театръ (нынѣ зданіе СПБ. консерваторіи), отслужившій русскому искусству болѣе 100 лѣтъ, открытъ былъ 24-го сентября 1783 года представленіемъ итальянской оперы «Il mondo della luna» и закончилъ свое существованіе въ 1886 году спектаклемъ 23-го февраля, въ которомъ Императорской русской оперной труппой была поставлена опера Бизе «Карменъ».

Комитетъ былъ учрежденъ изъ 6 лицъ: предсѣдателя и 5 членовъ, изъ нихъ одинъ—Директоръ театровъ. Указъ объ учрежденіи Комитета въ общихъ чертахъ опредѣлилъ объемъ, условія и порядокъ его дѣятельности, по расширенной противъ Елагинскаго штата программѣ управленія одновременно придворными и публичными театрами. Мы останавливаемся на нѣкоторыхъ подробностяхъ указа 12-го іюля 1783 года, въ виду того, что установленные имъ порядки и нормы сохранили долю значенія и для Московскихъ Императорскихъ театровъ, въ первое время ихъ существованія. Болѣе или менѣе систематическое законодательное регулированіе собственно Московскаго театральнаго управленія послѣдовало лишь въ 1808 году.

Указомъ 12-го іюля 1783 года на Комитетъ возложено содержаніе 6 труппъ: 1) Театръ Россійскій, «который долженъ быть не для однѣхъ комедій и трагедій, но и для оперъ». 2) Серьезная итальянская опера, пѣвцы которой исполняютъ концерты при Дворѣ; 3) Итальянская комическая опера; 4) Балетъ; 5) Театръ французскій и 6) Театръ нѣмецкій. При театрѣ должны содержаться: 1) оркестръ «какъ для концертовъ при Дворѣ, такъ и для всѣхъ означенныхъ зрѣлищъ достаточный»; 2) «всѣ вообще для того (т. е. для театра) потребные люди и вещи» и 3) школа, «въ которой Россійскіе обоего пола должны учиться и приготовляемы быть къ театру Россійскому, къ музыкѣ, къ танцованію и къ разнымъ мастерствамъ, при театрѣ необходимо нужнымъ». Для оперъ и концертовъ Дирекціи предоставлено заимствовать пѣвчихъ «изъ Придворной церковной музыки» и на обязанность ея «капельмейстера» возложено такъ обучать способныхъ пѣвчихъ, «чтобы въ случаѣ надобности можно было ихъ употребить въ операхъ, особливо же когда Россійскія (оперы) умножатся». Представленія на городскихъ театрахъ за деньги установлены:

зимой—ежедневныя, на одномъ изъ театровъ, а лѣтомъ—два или три раза въ недѣлю. Кромѣ того, на обязанности Комитета лежало устройство придворныхъ спектаклей, а именно: 1) два раза въ недѣлю концерты при Дворѣ, 2) два спектакля въ недѣлю въ городѣ, или за городомъ, 3) еженедѣльно, по воскресеньямъ, инструментальная и вокальная музыка для куртага, 4) такая же музыка при столѣ, въ торжественные дни и 5) исполненіе безплатно большихъ спектаклей на Большомъ театрѣ, шесть разъ въ году, а именно: въ новый годъ, на масленницѣ и, «послѣ четырехъ [80]) праздниковъ Нашихъ», какъ сказано въ Указѣ. Для этихъ спектаклей должны ежегодно изготовляться четыре новыя оперы: двѣ серьезныя и двѣ комическія съ балетами. Указъ, между прочимъ, разъяснилъ, что «входъ въ Придворный театръ зависитъ отъ распоряженій, по волѣ Нашей, оберъ-гофмаршала и гофмаршала, а ни Комитетъ, ни Директоръ въ него не вступаются, но на Дирекцію театровъ возлагается особенная забота о разнообразіи Придворныхъ зрѣлищъ, «дабы, вмѣсто забавы, не наскучить». Дирекціи предоставлено, для прирощенія доходовъ, давать въ театральныхъ залахъ маскарады и балы, а также концерты и ораторіи. Такимъ образомъ эпоху Комитета 1783 г. можно по справедливости признать временемъ наибольшаго развитія дѣятельности Дирекціи Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ, если не по количеству спектаклей, то по разнообразію представленій, концертовъ и прочихъ увеселеній и по объему репертуара, къ выполненію котораго были привлечены 6 труппъ и оркестры. Но Комитету предоставлено, съ Высочайшаго каждый разъ соизволенія, сдавать театръ на откупъ, впрочемъ, «кромѣ Большой оперы, которая одному Двору принадлежитъ и кромѣ національнаго театра, о коемъ исправленіи всемѣрно стараться должно». При этомъ особымъ пунктомъ Указа воспрещено Дирекціи «присвоять себѣ исключительное право на зрѣлища и позволяется всякому заводить благопристойныя для публики забавы, держася только государственныхъ узаконеній и предписаній въ Уставѣ полицейскомъ». Надо здѣсь замѣтить, что провозглашенному Указомъ 1783 года принципу свободы частныхъ зрѣлищъ суждено было не долгое существованіе. Уже въ началѣ XIX вѣка, Дирекція коренными образомъ, какъ увидимъ далѣе, отступила отъ него. Этотъ принципъ Екатерины II дождался своего возстановленія лишь въ царствованіе Императора Александра III.

Указъ 12-го іюля установилъ слѣдующія три мѣры поощренія артистовъ, а между прочимъ и авторовъ: а) Рекомендовано, для развитія талантовъ, посылать русскихъ актеровъ, музыкантовъ и танцовщиковъ за границу, съ назначеніемъ пособій на проѣздъ и содержаніе, б) «для одобренія талантовъ, паче же въ природ-

[80]) Слѣдуетъ понимать, вѣроятно: день рожденія, день тезоименитства Императрицы, день ея восшествія на Престолъ и день коронованія.

ныхъ (т. е. русскихъ) авторахъ и актерахъ, дозволяется Директору, съ согласія Комитета, давать въ пользу ихъ бенефиціи или зрѣлища, а именно: 1) для сочинителей комедій, трагедій и оперъ, коихъ труды пріобрѣли въ публикѣ хвалу и удовольствіе; 2) для капельмейстеровъ или сочинителей музыки, за такіе же успѣхи и 3) для актеровъ, оказавшихъ искусство въ ремеслѣ своемъ». Это постановленіе знаменательно въ исторіи театра въ двоякомъ отношеніи: съ одной стороны, какъ первая регламентація авторскаго вознагражденія, признающая за общественнымъ мнѣніемъ официальное значеніе въ области оцѣнки художественныхъ произведеній, съ другой стороны, какъ законодательное же установленіе въ системѣ бенефисовъ источника того зла, съ которымъ Дирекціи театровъ приходилось бороться, чуть ли не до настоящаго времени. Наконецъ, в) установлены пенсіи для тѣхъ служившихъ на театрѣ лицъ, которыя, послѣ продолжительной службы, «не будутъ въ состояніи продолжать дальше труды ихъ». Пенсіи назначаются «не иначе, какъ по выслуженіи прилежномъ и безотлучномъ, въ совершенной исправности и послушаніи, десятилѣтняго времени», русскимъ подданнымъ—въ размѣрѣ половины годового оклада жалованья, а иностранцамъ—въ размѣрѣ $^1/_3$ его. Источникомъ оплаты пенсій назначенъ штатный отпускъ изъ Кабинета Ея Величества, а для накопленія средствъ на уплату пенсій въ будущемъ—опредѣлено образовать особый капиталъ, отчисленіемъ $^2/_3$ ежегодныхъ остатковъ отъ театральныхъ доходовъ, «которые и отсылать въ банкъ Воспитательнаго дома, дабы современемъ проценты съ сего капитала составили доходъ въ пенсіи. Остатки отъ процентовъ да причтутся въ приращеніе онаго». На практикѣ, какъ увидимъ, вмѣсто остатковъ получились дефициты и образованіе капитала не осуществилось.

Общій порядокъ театральнаго управленія установленъ, по указу 12-го іюля, въ такомъ видѣ: вся внутренняя администрація театра поручена Директору, «но безъ согласія Комитета не можетъ Директоръ ни принять никого на службу, ни отпустить изъ оной и сдѣлать какую либо прибавку въ окладѣ, а о всемъ томъ предлагаетъ Комитету и поступаетъ, какъ въ ономъ опредѣлено по большинству голосовъ». Равнымъ образомъ всякая выдача денегъ производиться «за руками Комитета и Директора». Иными словами, Директоръ лишенъ всякой самостоятельности и роль его сведена лишь къ исполнительнымъ функціямъ.

Управленіе труппами поручено особому, по каждой, инспектору или надзирателю. Должность эта возложена: по балету—на балетмейстера, а по оркестру—на капельмейстера. Составъ внутренней театральной администраціи опредѣленъ изъ казначея и при немъ бухгалтера, изъ расходчиковъ, покупщиковъ и «смотрителей гардероба и магазейна».

Собранія Комитета назначены не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, что слѣдуетъ признать довольно наивнымъ, если принять во вниманіе кипучую театральную жизнь въ работѣ 6-ти труппъ, при связанныхъ рукахъ Директора, и то обстоятельство, что, по тому же указу, Комитетъ «имѣетъ должности смотрѣть, чтобы суммы, на содержаніе зрѣлищъ и музыки опредѣленной, и доходовъ отъ того получаемыхъ, довольно было на всѣ нужныя издержки». Комитетъ обязанъ отъ времени до времени свидѣтельствовать театральную казну, а казначейскія книги опредѣлено представлять вмѣстѣ съ документами въ «Кабинетскую счетную экспедицію» на ревизію.

Въ театральномъ хозяйствѣ Указъ обращаетъ особенное вниманіе на содержаніе и учетъ гардероба и декорацій, «учреждая при случаѣ зрѣлищъ, образомъ пристойнымъ и для казны сходнымъ, что и какимъ образомъ употребить, или, что вновь сдѣлать или передѣлать слѣдуетъ, не уважая тутъ ничьихъ прихотей», очевидно уже и въ то время являвшихся больнымъ мѣстомъ нервной артистической жизни.

Намѣтивъ общій порядокъ театральнаго управленія Указъ 12-го іюля далъ Комитету 4 спеціальныхъ порученія:

1) Разобрать наличный персоналъ артистовъ и служащихъ, съ опредѣленіемъ— кто нуженъ и кто безполезенъ и безполезныхъ отпустить «способомъ добровольныхъ съ ними сдѣлокъ», исчисливъ необходимый расходъ.

2) Выработать штатъ, съ умѣренностью въ назначеніи окладовъ, которые, по замѣчанію Указа, «въ послѣднее время безъ всякой пропорціи были возвышены». Но Указъ допускаетъ нѣкоторый запасъ въ ассигнованіи, т. е. что «для вѣрнаго исчисленія суммъ и излишнее число людей написано будетъ».

3) Издать, на основаніи «общаго положенія», подробныя правила: а) о каждой части вѣдомства Комитета, б) о должностяхъ различныхъ людей, и в) о штрафахъ за нерадѣніе, неисправность и непослушаніе.

4) Сочинить и издать образцы контрактовъ или договоровъ, «въ коихъ обязательства всякаго подробно, ясно и однообразно выражены быть должны, такъ, чтобы вся разность могла только состоять въ цѣнѣ и въ срокѣ, отъ одного до четырехъ лѣтъ».

Въ общемъ, учрежденіе Комитета, какъ выяснится въ дальнѣйшемъ, не дало хорошихъ результатовъ, но Указъ Императрицы Екатерины II, 12-го іюля 1783 г., и высказанные въ немъ съ высоты Престола взгляды на искусство вообще, на проведеніе національности въ немъ, на свободу антрепризы и на практическую постановку театра—остаются почтеннымъ памятникомъ въ исторіи русской культуры.

Первоначальный составъ Комитета, по произведенной 24-го октября 1783 г. [81]) разверсткѣ между членами его завѣдыванія отдѣльными частями Дирекціи, опредѣлился въ слѣдующемъ видѣ: управленіе русской труппой принялъ на себя предсѣдатель Комитета А. В. Олсуфьевъ, французской труппой—А. И. Дивовъ, нѣмецкой труппой—П. И. Мелиссино, музыкой—князь Н. А. Голицынъ, итальянской оперой и балетомъ—Директоръ театровъ, П. В. Мятлевъ и театральной школой—П. А. Соймоновъ. На первыхъ порахъ Комитетъ ретиво принялся за дѣло и въ теченіе 1783 г. собирался почти черезъ день, въ составѣ не менѣе 4 членовъ, каждый разъ составляя протоколъ, съ записью внесенныхъ вопросовъ и постановленныхъ рѣшеній. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Комитета было открытіе абонемента въ Большомъ и Маломъ театрахъ [82]). Въ октябрѣ 1783 года учреждается первое изданіе афишъ Императорскихъ театровъ, въ 800 экземплярахъ [83]), подъ названіемъ «печатныхъ зрѣлищамъ листочковъ» съ опредѣленіемъ 8 разнощиковъ афишъ по городу и съ предоставленіемъ имъ ливреи придворныхъ истопниковъ. Въ заботахъ объ улучшеніи художественной части, на первое мѣсто ставится попеченіе о русскомъ театрѣ, особенно объ оперѣ, въ которой, надо замѣтить, музыка занимала второе мѣсто за текстомъ. Въ августѣ 1783 года составъ русской труппы былъ увеличенъ приглашеніемъ семи артистовъ «изъ воспитанниковъ Сиропитательнаго дома», т. е. изъ составленой при домѣ «Вольной россійской труппы», между прочимъ, Крутицкаго съ женой, Алексѣя Волкова и А. Милевской. Въ 1785 году приглашены съ московскаго россійскаго театра [84]) шесть артистовъ, между ними супруги Померанцевы и Шушеринъ.

Большое вниманіе было также обращено П. А. Соймоновымъ на театральную школу. Въ ней былъ произведенъ экзаменъ, послѣ котораго 16 лишнихъ воспитанниковъ уволены и розданы въ обученіе «тѣмъ мастерамъ, коихъ искусству они первоначальное образованіе уже имѣютъ», а именно: 10 изъ нихъ къ музыкантамъ, а 6 къ парикмахерамъ [85]). Преподаваніе «декламаціи и дѣйствованія» поручено знаменитому актеру Дмитревскому, назначенному въ тоже время «Надзирателемъ спектакелямъ» въ русскомъ театрѣ. Опредѣлены надзиратели и надзирательницы въ школу; вмѣсто прежней «мадамы»—учреждена должность «гофмейстера», т. е. эконома школы и даже составленъ новый штатъ школы, къ сожалѣнію не сохранившійся въ архивѣ Дирекціи.

[81]) Архивъ Императорскихъ театровъ. Вып. I, отдѣлъ II, стр. 231.
[82]) Ibid., стр. 133, 135.
[83]) Ibid., стр. 146.
[84]) Ibid., стр. 297.
[85]) Ipid., стр. 151.

Съ теченіемъ времени, энергія Комитета стала падать, засѣданія происходили рѣже и въ составѣ не болѣе уже 2-хъ членовъ. Самые протоколы стали замѣняться краткими резолюціями. При отсутствіи отвѣтственности отдѣльныхъ лицъ, щедрый на прибавки артистамъ Комитетъ началъ путаться въ дѣлахъ и задерживать срочные платежи. Въ тоже время и въ публикѣ явилось недовольство на неакуратность Дирекціи въ выполненіи назначенныхъ по афишамъ спектаклей. Неакуратность эта повидимому носила хроническій характеръ и жалобы на нее доведены были до свѣдѣнія Императрицы, вслѣдствіе чего, 2-го декабря 1785 года [86]), Комитетъ получилъ слѣдующее предписаніе: «Ея Императорское Величество съ крайнимъ неудовольствіемъ увѣдомиться изволила, что со стороны Комитета, для управленія зрѣлищами учрежденнаго, не соблюдается должнаго къ публикѣ уваженія въ томъ, что нерѣдко объявляются при спектакляхъ балеты и всякъ положася на добрую вѣру Комитета, платитъ деньги, а потомъ видитъ, что объявленіе учиненное отъ онаго не исполняется. Угодно потому Ея Величеству строжайше подтвердить Комитету, чтобъ впредь подобныя его объявленія непремѣнно и съ крайней точностью исполняемы были, дабы инако публика себя въ обманъ не почитала; съ тѣмъ притомъ, что ежели чего противу объявленію дано не будетъ, то при выходѣ изъ театра зрителямъ деньги, ими заплаченныя, могли бы быть возвращены».

Къ началу 1786 года, фактически, Комитетъ уже изсякъ—въ немъ оставались всего два члена: князь Голицынъ и генералъ Мелиссино, самъ просившій объ увольненіи его изъ Комитета. 14-го февраля 1786 года [87]) послѣдовалъ рескриптъ Императрицы на имя С. Ф. Стрекалова объ упраздненіи Комитета и о назначеніи Стрекалова самостоятельнымъ Директоромъ театровъ.

Первый опытъ коллегіальнаго управленія театрами былъ, самой Императрицей, признанъ неудачнымъ. Комитетъ, какъ гласитъ рескриптъ ея, несмотря «на пособія заплатою долговъ прежней Дирекціи и заведеніемъ дохода съ даваемыхъ для публики зрѣлищъ, не предуспѣлъ въ исполненіи возложеннаго на него Указомъ 12-го іюля 1783 года; но паче умножилъ долги и недостатки свои». Изъ всѣхъ порученій Императрицы, по составленію штатовъ и положеній, Комитетъ выполнилъ лишь одно, а именно издалъ 1-го января 1784 года, и то на нѣмецкомъ языкѣ, «Gesetze der Comität für die zu dem Hoftheater allhier gehörende Glieder» [88]), переведенныя на русскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Узаконенія Комитета для принадлежащихъ къ Придворному театру». Этотъ первый въ Русскомъ театрѣ артистическій дисциплинарный

[86]) Ibid., стр. 300.
[87]) Ibid. стр. 305.
[88]) Ibid. стр, 153—159,

уставъ, который имѣлъ силу въ Дирекціи театровъ, вѣроятно до второго десятилѣтія XIX вѣка, состоялъ изъ 16 параграфовъ и заключалъ въ себѣ по преимуществу многословныя теоретическія разсужденія, нравственныя пожеланія и постановленія о подчиненности и поведеніи артистовъ. Такъ, напримѣръ, въ § 14 узаконенія сказано: «желательно, чтобы всѣ члены театра, который долженъ быть училищемъ благонравія, вели всегда съ такой пристойностью, чтобы впечатлѣніе добродѣтели и благонравія, которыя возбудить старались авторы своими сочиненіями, не истреблялись чрезъ непорядочные ихъ поступки». Установленіе сценическаго порядка ограничено опредѣленіемъ срока для изученія ролей, назначеніемъ трехъ репетицій для каждой пьесы и штрафовъ за опозданіе и неявку на пробы и на спектакль, а также за нарушеніе порядка: «если кто дерзнетъ обижать другого ругательными словами или употреблять другія наглости во время пробы или представленія». Штрафы установлены либо опредѣленной суммой, напримѣръ два рубля за получасовое опозданіе на пробу, либо удержаніемъ жалованья за недѣлю, или за мѣсяцъ. Особое значеніе отведено требованію отъ артистовъ «порядочнаго и приличнаго ролямъ собственнаго гардероба, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не принадлежитъ къ числу характерныхъ платьевъ». Артистамъ на первыя роли рекомендовано дѣлать сценическія указанія второстепеннымъ артистамъ, «а какъ таковымъ способомъ удобнѣйше достигнуть можно до желательнаго въ представленіи искусства, то и нельзя сомнѣваться, чтобы всякій, имѣющій прямую склонность къ своей должности, не соотвѣтствовалъ охотно всему тому, что отъ него требоваться будетъ». Эта фраза, дурной переводъ съ нѣмецкаго, затрогиваетъ, впервые, серьезный вопросъ о сценическомъ ансамблѣ. Въ нѣмецкомъ оригиналѣ положенія сказано такъ: «Da auf diese Weise das Ensemble am leichtesten erreicht werden kann, so erwartet man billig, dasz jeder für seine Kunst eingenommene Schauspieler sich willig zu dem bequemen werde, was desfalls von ihm gefordet werden könnte».

Для справедливой оцѣнки дѣятельности перваго тетральнаго Комитета, слѣдуетъ принять къ учету слѣдующія обстоятельства. Театръ, съ установленіемъ допуска зрителей за деньги сдѣлавшійся публичнымъ, оставался въ тоже время Придворнымъ, а потому театральной администраціи пришлось считаться не только со вкусами Двора, но и съ требованіями столичной публики вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ и экономическія заботы театра раздвоились. До 1783 года эти заботы ограничивались соблюденіемъ расходовъ въ точныхъ рамкахъ назначеннаго отъ Двора отпуска; съ введеніемъ-же продажи билетовъ, размѣръ денежныхъ средствъ Дирекціи сдѣлался неопредѣленнымъ, ставъ въ зависимость отъ гадательной цифры поступленія сборовъ. Сборы ввели незнакомый прежнему театральному управленію новый эле-

ментъ въ административныя соображенія Комитета. Сборы-же повліяли и на объемъ дѣятельности театровъ и на характеръ репертуара и на установленіе состава труппъ и вознагражденія артистовъ.

Для взиманія сборовъ строятся и открываются новые городскіе театры. Въ репертуарѣ стремятся къ разнообразію и къ роскоши въ постановкѣ пьесъ, хотя-бы и безъ особыхъ достоинствъ, но способныхъ привлечь массы зрителей. Скромный Елагинскій штатъ 1767 года, съ двадцатью лишь артистами русской труппы и съ тридцатью балетными, отходитъ въ область преданій. Разнообразіе репертуара заставляетъ увеличивать составъ труппы какъ для усиленія сценическихъ массъ, такъ и для дифференцированія амплуа. Соотвѣтственно расширенію репертуара и состава артистовъ увеличивалась и стоимость постановокъ и численность монтировочнаго персонала. Наконецъ, операція взиманія сбора съ публики и контроля поступленія сборовъ вызвала учрежденіе спеціальныхъ должностей, для храненія и учета суммъ и для контроля правильнаго занятія мѣстъ публикою, что явилось новымъ накладнымъ расходомъ Комитета. Между тѣмъ Елагинскій бюджетъ въ 138,410 р., несмотря на расширеніе дѣятельности театровъ, въ расчетѣ на сборы, былъ увеличенъ лишь на 36,000 рублей, т. е. до суммы 174,000 рублей. Расчетъ не оправдался и Комитетъ, за два года дѣятельности, накопилъ долгъ около 204,000 рублей, иначе говоря средній годовой дефицитъ оказался въ 102,000 рублей или въ почтенномъ размѣрѣ около 60% годового бюджета.

При Дирекціи С. Ф. Стрекалова, державшагося режима Комитета, долгъ возросъ уже до 577,368 рублей. Стрекаловъ былъ уволенъ и 3-го марта 1789 года въ управленіи Дирекціи послѣдовалъ новый опытъ: учреждено двоевластіе Директоровъ Соймонова и Храповицкаго [89]). Но и этотъ опытъ не принесъ благихъ результатовъ: составъ театровъ достигъ цифры 400 человѣкъ и кромѣ того на Дирекціи лежала уплата пенсій 33 лицамъ. Театральную карьеру Соймонова и Храповицкаго внезапно пресѣкла извѣстная исторія Лизаньки Урановой, ухаживанію за которой графа Безбородко покровительствовали оба Директора [90]).

[89]) П. Араповъ. «Лѣтопись русскаго театра», стр. 108—109.

[90]) По свѣдѣніямъ П. Арапова (лѣтопись Русскаго театра стр. 108—109), заимствованнымъ изъ записокъ В. В. Храповицкаго, настойчивость ухаживанія гр. Безбородко явилась препятствіемъ въ возникшемъ романѣ юной воспитанницы театральной школы Елизаветы Урановой и молодого актера Силы Сандунова. 11-го февраля 1791 г. Елизавета Уранова, при представленіи въ эрмитажѣ оперы «Федулъ», лично подала Императрицѣ жалобу по своему дѣлу, результатомъ которой была свадьба Лизаньки съ Сандуновымъ 14-го февраля, въ дворцовой церкви. Кстати здѣсь замѣтить что романъ талантливой четы Сандуновыхъ имѣлъ весьма прозаическое окончаніе. Въ запискахъ С. П. Жихарева (Русскій Архивъ 1891 г., кн. I, прилож. стр. 219), подъ 1806 годомъ читаемъ: «у Сандуновыхъ между собою начинаетъ быть неладно,

12-го февраля 1791 года послѣдовало увольненіе Соймонова и Храповицкаго и того же 12-го февраля Директоромъ надъ зрѣлищами былъ назначенъ князь Николай Борисовичъ Юсуповъ.

Другъ просвѣщенія! Изящности любитель!
Россіи вѣрный сынъ! вельможей образецъ!

Такъ написано Ѳ. Кокошкинымъ, въ посвященіи, сдѣланномъ на гравюрѣ портрета князя Юсупова [91]). Управляя театрами лишь восемь лѣтъ, князь Юсуповъ заявилъ себя прекраснымъ администраторомъ и хозяиномъ. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на финансовую часть, испросилъ единовременный отпускъ на театры 100,000 рублей и самъ, при надобности, не стѣснялся ссужать Дирекцію деньгами. Вскорѣ по вступленіи въ должность князь Юсуповъ учредилъ театральную Контору для установленія порядка въ администраціи и хозяйствѣ. Затѣмъ онъ завелъ приходо-расходныя книги, описныя книги имуществу и ежемѣсячную ревизію суммъ. 17-го іюля 1797 года князь Юсуповъ издалъ «Планъ управленія театра» [92]), имъ самимъ составленный и представляющій собой инструкцію театральной конторѣ. Въ этой инструкціи подробно изложены обязанности должностныхъ лицъ администраціи: бухгалтера, казначея «купчины», т. е. чиновника для закупокъ, «махиниста», портного мастера, гардеробмейстера и бутафора. Планъ князя Юсупова, имѣвшій нѣкоторое время руководящее значеніе и для Московскаго театральнаго управленія, заканчивался слѣдующимъ общимъ указаніемъ: «прочія обязанности, пользѣ и интересамъ театра служащія, должна контора самымъ аккуратнѣйшимъ образомъ разыскивать и, поставляя надлежащія онымъ правила, на самой хозяйственности основанныя, стараться обязана избѣгать и самомалѣйшаго расточенія, взыскивать неослабно изъ упущавшихъ должности, о неисправляющихся-же представлять ко мнѣ. Расходы денежные единственно зависятъ отъ моего повелѣнія».

Особое попеченіе проявилъ князь Юсуповъ по отношенію къ театральной школѣ. Онъ вновь привлекъ къ дѣятельности состоявшаго уже на пенсіи актера Дмитревскаго и назначилъ его «Главнымъ режиссеромъ во всѣхъ театральныхъ ча-

подъ предлогомъ обоюдной невѣрности, но настоящая причина ссорѣ заключается въ томъ, что мужъ, выстроивъ на общій капиталъ бани, записалъ ихъ на свое имя. По сему случаю, жена прибѣгла къ покровительству князя Юрія Владиміровича Долгорукаго и просила его посредства». Sic transit gloria mundi! Лавры талантливыхъ супруговъ Сандуновыхъ давно уже истлѣли, а Сандуновскія бани до сихъ поръ извѣстны въ Москвѣ.

[91]) Д. А. Ровинскій. Подробный словарь гравированныхъ портретовъ. СПб., 1889. Т. II, стр. 1868.

[92]) Архивъ Д. И. Т., отд. II, стр. 474.

стяхъ», какія ему впредь отъ князя Юсупова приказаны будутъ. 27-го октября 1791 года князь Юсуповъ рекомендовалъ [93]) всѣмъ инспекторамъ труппъ, актерамъ и воспитанникамъ обращаться къ Дмитревскому «во всѣхъ случаяхъ, кои до блага Россійскихъ зрѣлищъ касаются, дабы національный нашъ театръ, всеобщимъ со всѣхъ сторонъ усердіемъ и прилежностью подкрѣпляемый, могъ приносить часъ отъ часу больше удовольствія Высочайшему Двору и почтенной публикѣ». Обязанности Дмитревскаго были назначены: 1) въ главномъ надзираніи надъ всѣми Россійскими зрѣлищами; 2) въ обученіи «всѣхъ тѣхъ, кои достаточнаго еще искусства въ представленіи не имѣютъ»; 3) въ учрежденіи второй Россійской драматической труппы «изъ тѣхъ-же самыхъ людей, кои нынѣ въ службѣ находятся», и 4) «въ надзираніи и порядочномъ учрежденіи школы». 17-го іюня 1792 года реформировано женское отдѣленіе театральнаго училища [94]),—воспитанницы, въ числѣ 14 человѣкъ, отданы на пансіонъ г-жи Казасси, съ платой по 110 р. за каждую.

Въ томъ-же 1792 году вся школа была реформирована по плану А. Казасси [95]), представленному имъ въ особой запискѣ, наивной по изложенію, но интересной въ смыслѣ раціональнаго и практичнаго опредѣленія задачъ театральной школы конца XVIII и начала XIX вѣка, и имѣвшей въ свое время значеніе при организаціи Московскаго театральнаго училища.

«Воспитанники театральные, писалъ А. Казасси [96]), всѣ вообще должны учиться музыкѣ, танцовать, по русски порядочно читать и писать, также, если заблагорасудите,—и по французски. Училище таковое можетъ быть полезно для Дирекціи, о чемъ предложить честь имѣю,—мы сами были такъ воспитаны. Всѣ обучаются музыкѣ и танцовать и нѣкоторые по склонности, обучались пѣть и искусству актера—и такимъ образомъ, съ небольшимъ 40 человѣкъ составляли цѣлую труппу. Оное было такъ: если кто изъ воспитанниковъ занималъ роль въ комедіи или оперѣ, и послѣ которыхъ долженъ быть балетъ, то, переодѣвшись, онъ и въ балетѣ танцуетъ; если-же онъ не

---

[93]) Ibid., стр. 400.

[94]) Ibid., отдѣлъ II, стр. 408.

[95]) Антоній Казасси [Antonio Casassi], своеобразный и интересный типъ театральнаго фактотума XVIII вѣка. Вотъ его curriculum vitae: въ 1780 г.—танцовщикъ фигурантъ, въ 1786 г.—бутафоръ, въ 1788 г.—«смотритель при сборахъ и при раздачѣ входныхъ билетовъ въ театры», въ 1789 г.—опять танцовщикъ, въ 1791 г.—компетентный консультантъ въ организаціи театральной школы, въ 1792 г.—смотритель городскихъ театровъ и содержатель столоваго довольствія воспитанницъ, въ 1796 г.—поставщикъ дровъ для Дирекціи, въ 1797 г.—опять бутафоръ и поставщикъ лошадей для Дирекціи, въ 1798 г.—поставщикъ освѣщенія въ каменномъ театрѣ, въ 1799 г.—титулярный совѣтникъ, въ 1802 г. арендаторъ 4-хъ свѣчныхъ лавокъ отъ Дирекціи и въ 1803 г.—Директоръ частной итальянской оперы въ Петербургѣ. (Архивъ Дирекціи Императорскихъ театровъ, отдѣлъ III, стр. 7).

[96]) Архивъ Дирекціи Императорскихъ театровъ, отдѣлъ II, стр. 411.

занятъ былъ нынѣшній спектакль ни въ комедіи, ни въ балетѣ, въ такомъ случаѣ онъ играетъ въ оркестрѣ на томъ инструментѣ, на которомъ обучается,—и, такимъ образомъ, заняты они будутъ всегда. И такъ, разсудите, если воспитанникъ обучался искусству актера и найдется неспособнымъ то, можетъ быть, будетъ изрядно танцевать; если-же онъ и тутъ не успѣетъ, то ужъ, конечно, онъ будетъ музыкантъ; и такимъ образомъ, можетъ Дирекція дойти до того, что будетъ воспитывать въ школѣ не по напрасну, и что, конечно, выдетъ на жалованье порядочный человѣкъ, а не повѣса, потому что во время бытности своей онъ въ училищѣ почти не имѣлъ празднаго времени. И для того по утру должны всѣ воспитанники обучаться по русски два часа, потомъ танцевать два часа, послѣ обѣда музыкѣ два часа и искусству актера два-же часа, а праздное время можетъ быть имъ также полезно, потому что они по охотѣ будутъ между собою играть симфоніи или что нибудъ другое, а иногда и погулять можно; а какъ они меньше праздны, то меньше и замысловъ худыхъ будетъ. И такъ какъ-бы учители могли ходить и чтобъ не всякій день въ одни часы ходили учители, можно сдѣлать таблицу, которую при семъ и прилагаю [97]). На все-же оное не болѣе будетъ выходить, какъ и теперь, но будетъ порядокъ совершенно. А чтобы оное всегда порядкомъ шло, то Дирекція можетъ посылать иногда нечаянно въ оное училищѣ осмотрѣть, каково, и порядочно-ли ихъ содержатъ и ходятъ-ли учители порядочно въ свои классы; а надзиратель, который ихъ содержитъ, долженъ каждый мѣсяцъ рапортовать, сколько и какой учитель классовъ своихъ прогулялъ. А посылать нечаянно смотрѣть такъ, напримѣръ: ежели господинъ баронъ Ванжуръ [98]) нынѣ, а въ другой разъ можете другого, какъ заблагоразсудить изволите; и такимъ образомъ, можно порядокъ завести единожды и навсегда, а содержаніе все одно и не прибавится. Если-же, чего воспитанники знать не должны, изъ нихъ кто неспособенъ найдется въ сихъ наукахъ, то таковой, по крайней мѣрѣ, будетъ умѣть хорошо читать и писать,—такъ можно помѣщать оныхъ на такія мѣста, если они порядочнаго поведенія,

[97]) Таблица эта такова:

Дни.	Русскій учитель. часы.	Танцмейстеръ. часы.	Музыка. часы.	Искусству актера. часы.	По французски. часы.
Понедѣльникъ	9—10	11—12	3—4	5—6	7—8
Вторникъ	11—12	9—10	5—6	3—4	—
Среда	3—4	5—6	9—10	11—12	—
Четвергъ	5—6	3—4	11—12	7—8	9—10
Пятница	7—8	9—10	3—4	5—6	—
Суббота	11—12	5—6	9—10	3—4	7—8

[98]) Баронъ Эрнестъ Ванжуръ исполнялъ обязанности казначея конторы. (Архивъ Дирекціи Императорскихъ театровъ, отдѣлъ III, стр. 3).

напримѣръ: въ контору для письма, въ нотные копіисты и прочія должности. Если кто, напримѣръ, въ оныхъ должностяхъ бралъ жалованіе 300 рублей, а воспитанникъ будетъ опредѣленъ на такое мѣсто,—то ему на первый случай не должно дать такого жалованія, можно половину, а если онъ порядочно послужитъ, то тогда можно ему нѣсколько прибавить такожъ и о тѣхъ, которые будутъ успѣвать, не должно ихъ талантъ на первый случай возвышать много, потому что онъ, забывшися будетъ о себѣ думать много, что вы можете усмотрѣть и нынѣ».

На запискѣ Казасси кн. Юсуповъ написалъ: «Оный планъ апробую во всѣхъ пунктахъ». 1-го сентября 1794 года кн. Юсуповъ издалъ [99]) «Опредѣленіе, заключающее въ себѣ подробное распоряженіе, какимъ образомъ театральные питомцы мужескаго пола должны быть отнынѣ и впредь содержаны въ школѣ». На основаніи этого опредѣленія установлены четыре предмета обученія: музыка, танцы, русскій языкъ и «акціи». Двадцать учениковъ музыкантовъ соединены съ 7 воспитанниками танцовщиками. Учреждены ученическіе спектакли, разрѣшенъ воспитанникамъ частный заработокъ музыкальной игрой въ клубахъ, «въ партикулярныхъ, но не низкихъ балахъ». Постановлено сборы театровъ въ первыя числа каждаго мѣсяца обращать на содержаніе школы.

Труды князя Юсупова по заведенію порядковъ, по улучшенію дѣла и по экономіи не пропали даромъ. Интересъ къ театрамъ въ публикѣ поднялся, а съ нимъ и сборы театровъ. Такъ средній сборъ возвысился, за время управленія князя Юсупова, по русской труппѣ съ 433 р. до 624 р. за спектакль, а по французской труппѣ съ 433 р. до 1.076 р. за спектакль. Въ тоже время уменьшилась и задолженность Дирекціи, а въ 1798 году опредѣлился даже остатокъ по бюджету въ 4.178 р. 4-го февраля 1799 г. [100]) князь Юсуповъ оставилъ должность Директора театровъ и на его мѣсто былъ назначенъ графъ Николай Петровичъ Шереметевъ, управлявшій театрами короткое время, всего семь недѣль. 28-го марта 1799 года [101]) на должность Главнаго Директора театровъ назначенъ былъ оберъ-гофмаршалъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, «русскій баринъ и просвѣщенный любитель искусства, взысканный особымъ довѣріемъ Императора», какъ говоритъ о немъ П. Араповъ [102]). Нарышкинъ не пользовался репутаціей хорошаго хозяина. Въ запискахъ С. П. Жихарева читаемъ: «Оберъ-гофмаршалъ, графъ Толстой до такой степени бережливъ въ расходахъ по управленію и содержанію дворца, что Государь Импе-

[99]) Архивъ Дирекціи Императорскихъ театровъ, отдѣлъ II, стр. 430—433.
[100]) Ibid., отд. III, стр. 21.
[101]) Ibid., стр. 11.
[102]) Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, стр. 138.

раторъ Александръ I иногда смѣется надъ нимъ и одинъ разъ въ шутку назвалъ его скрягою. «Такъ не угодно ли будетъ Вашему Величеству поручить должность мою А. Л. Нарышкину», отвѣчалъ графъ Толстой. Государь изволилъ расхохотаться» [103]). Ѳ. В. Булгаринъ въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ пишетъ о Нарышкинѣ такъ: «Имѣя основательныя понятія обо всѣхъ искусствахъ, будучи даже истиннымъ знатокомъ музыки и живописи, любя и зная литературу, Александръ Львовичъ былъ, такъ сказать, созданъ на званіе Директора театровъ. Онъ смотрѣлъ на вещи свысока и видѣлъ во всемъ одно изящное, и оттого хозяйственная машина театральнаго управленія двигалась медленно. А. Л. Нарышкинъ былъ вѣжливъ, деликатенъ съ артистами, не фамильярничалъ съ ними, но обходился ласково, по барски, покровительствовалъ имъ, гдѣ и какъ могъ, входилъ въ ихъ положеніе, мирилъ или дружилъ между собою, и былъ настоящимъ отцемъ великаго семейства артистовъ и литераторовъ. «Господа, прошу васъ», въ устахъ А. Л. Нарышкина значило болѣе всѣхъ строжайшихъ приказаній. «Господа, я не доволенъ», приводило въ отчаяніе, болѣе нежели штрафы и аресты. Слово: «благодарю» возбуждало восторгъ» [104]). Тяготясь хозяйственною частью, Нарышкинъ уже 31-го октября 1799 года испросилъ учрежденія должности Управляющаго Дирекціею, на которую назначенъ былъ статскій совѣтникъ С. И. Пущинъ, а съ 1802 года въ помощь Директору назначены: по хозяйственной части и по управленію труппами—бригадиръ Аполлонъ Александровичъ Майковъ, а по управленію репертуарной частью—князь Александръ Александровичъ Шаховской.

Управленіе А. Л. Нарышкина, въ значительной мѣрѣ благодаря князю Шаховскому, отмѣчено подъемомъ репертуарной части. Большую пользу дѣлу принесло формированіе княземъ Шаховскимъ «молодой труппы» драматическихъ артистовъ, спектакли которой давались по пониженнымъ цѣнамъ, въ театрѣ въ домѣ Кушелева. Этой мѣрой была осуществлена, между прочимъ, мысль князя Юсупова, проведенная въ его предписаніи отъ 27-го октября 1791 года. Театральный дѣятель начала XIX вѣка, Р. Зотовъ, въ своихъ автобіографическихъ запискахъ писалъ по поводу этой труппы слѣдующее [105]): «молодые актеры, не участвуя въ спектакляхъ, никогда не пріобрѣтутъ необходимой опытности для развитія своего дарованія. Есть, конечно, для практическаго ученія театръ въ театральной школѣ. Но какая бываетъ публика въ этихъ спектакляхъ?—свои товарищи, начальники и приглашенныя ими лица, которыя должны все хвалить. Сами играющіе чувствуютъ, что между этою публикою

[103]) Записки С. П. Жихарева. Москва, 1891 г., стр. 379.
[104]) Пантеонъ 1840 г.
[105]) Р. Зотовъ. Театральныя воспоминанія. Спб. 1860 г., стр. 19.

и настоящею—неизмѣримая разница, и одобреніе послѣдней приноситъ имъ во сто разъ больше удовольствія, нежели всѣ ласки и панегирики своихъ офиціальныхъ лицъ. Чтобы соединить все это, князь Шаховской придумалъ составить отдѣльную труппу, которая и давала спектакли за дешевѣйшую цѣну. Публика заранѣе знала, что идетъ смотрѣть полудѣтскій театръ и не имѣла права требовать первоклассныхъ талантовъ и классическихъ пьесъ. И, однако же, зрители всегда были чрезвычайно довольны. Маленькія комедіи, водевили, оперетки разъигрывались тутъ очень мило и большая часть «молодыхъ» актеровъ сдѣлались потомъ украшеніемъ большой сцены; очень жаль, что подобное учрежденіе было потомъ брошено: и театръ и публика потеряли отъ этого».

При Нарышкинѣ, въ 1800 году, пополненъ балетъ, выпиской изъ графства Шкловскаго четырнадцати «тансеровъ и тансерокъ», крѣпостныхъ людей генералъ-маіора Неранчича [106]). Въ 1800 году пріобрѣтенъ отъ антрепренера Мире Нѣмецкій театръ, во главѣ котораго поставленъ извѣстный Н. С. Коцебу, которому поручена хозяйственная и художественная часть этого театра. Съ того же 1800 года начались преобразованія театральнаго училища: учреждена должность Инспектора надъ школою, гувернера, «гувернанши» и эконома; комплектъ танцовальной школы «малолѣтнихъ» увеличенъ до 50 человѣкъ [107]) и установлены слѣдующіе предметы обученія въ школѣ: Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, географія, исторія, миѳологія, французскій языкъ, «акція», декламація, пѣніе и игра на клавикордахъ и на скрипкѣ. Выборъ преподавателей по научнымъ предметамъ, повидимому, не былъ особенно тщателенъ, такъ какъ обученіе, напримѣръ, ариѳметикѣ поручено было надзирателю школы, бывшему въ тоже время и учителемъ танцевъ.

Распоряженія по хозяйственной части сосредоточивались при Нарышкинѣ, главнымъ образомъ, на упорядоченіи вопроса о продажѣ театральныхъ билетовъ. «Къ удаленію неустройствъ, а болѣе для вѣрности сбора», учреждено было въ театрахъ оберъ-офицерское дежурство, съ помощью унтеръ-офицеровъ воинской команды. Продажа билетовъ установлена днемъ въ конторѣ Дирекціи, а вечеромъ въ театрѣ. При этомъ рекомендовано [108]), «въ разсужденіи продажи креселъ поступать такъ, чтобы первый ярусъ заниманъ былъ полными генералами, а второй ярусъ генералитетомъ и другими чиновниками; слѣдственно и продавать оные, для удобности, сперва отъ оркестра, а потомъ отъ третьяго яруса, затѣмъ и въ другихъ ярусахъ».

Изъ отдѣльныхъ распоряженій по театрамъ, послѣдовавшихъ по волѣ Импе-

[106]) Архивъ Дирекціи Императорскихъ театровъ, отд. II, стр. 593.
[107]) Ibid., отд. III, стр. 12.
[108]) Ibid., отд. II, стр. 595.

ратора Павла I, надо отмѣтить слѣдующіе три: 1) въ 1799 г. запрещены спектакли въ кануны праздниковъ; 2) въ 1800 году повелѣно кончать спектакли не позже 8 часовъ вечера и 3) въ томъ же 1800 году предписано [109]) «всѣмъ служащимъ господамъ актерамъ и музыкантамъ, въ сходственность Высочайшему изволенію, отнынѣ носить мундиры, а статскимъ—кафтаны, а имѣютъ позволеніе—и шпаги».

Результатъ малой хозяйственности въ управленіи Нарышкина не заставилъ себя долго ждать. Въ 1803 году Нарышкинъ докладывалъ о недостаточности отпуска суммъ въ Дирекцію. Вслѣдствіе этого, Высочайшимъ повелѣніемъ Императора Александра I, отъ 18-го августа 1803 года, была учреждена особая комиссія [110]) изъ министра финансовъ графа А. Дашкова, управляющаго Кабинетомъ Его Величества Д. Гурьева и Главнаго Директора А. Нарышкина. На обязанность комиссіи возложено: «1) подробно разсмотрѣть настоящее состояніе Дирекціи; 2) открыть причины недостатковъ, вовлекающихъ Дирекцію въ долги; 3) опредѣлить сумму долговъ; 4) пріискать средства къ уплатѣ долговъ, безъ новаго обремененія казны и публики; 5) положить прочное основаніе къ хозяйственному управленію театровъ, и 6) изысканныя мѣропріятія представить на Высочайшее воззрѣніе». Первымъ плодомъ трудовъ этой комиссіи явился, Высочайше утвержденный 14-го ноября 1803 г., всеподданнѣйшій докладъ комиссіи, съ семью приложеніями. Первое мѣсто въ этихъ приложеніяхъ занимаетъ «Штатъ театральной Дирекціи», заключающій въ себѣ, между прочимъ, интересное опредѣленіе амплуа артистовъ.

Описаніе этого штата, а также позднѣйшихъ, разработанныхъ комиссіей, 12 положеній, имѣетъ прямое отношеніе къ исторіи Московскихъ Императорскихъ театровъ и войдетъ въ слѣдующую главу настоящаго труда.

Закончивая очеркъ исторіи организаціи Петербургскихъ театровъ, до времени учрежденія Московскихъ, мы упомянемъ лишь о томъ Высочайшемъ Указѣ Императора Александра I, который послѣдовалъ въ ноябрѣ 1803 года, за утвержденіемъ всеподданнѣйшаго доклада и проектовъ комиссіи. Текстъ этого указа [111]) заключается слѣдующими словами: «При всѣхъ пособіяхъ, кои театральная Дирекція получаетъ, удостовѣрены Мы совершенно, что она, ограничa себя въ опредѣленной вновь суммѣ, употребитъ все свое стараніе и силы не только оборотиться въ оной, но еще и сохранить изъ того нѣкоторые остатки въ запасъ на всякіе неожиданные расходы и менѣе всего не допустить себя до новыхъ какихъ либо долговъ, кои, сверхъ

[109]) Ibid., стр. 578.
[110]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 269.
[111]) Ibid., стр. 276.

исчисленныхъ выше сего самою Дирекціею и на расплаты ей назначенныхъ, отнынѣ болѣе ни подъ какимъ видомъ приняты не будутъ».

Будущее не оправдала ни увѣренности Императора Александра I въ хозяйственной экономіи, ни расчета на сдѣланную театральному управленію острастку. Высочайше разрѣшенный тѣмъ же указомъ отпускъ 207.500 рублей, на покрытіе накопившихся къ 1803 году долговъ Дирекціи, не улучшилъ финансоваго положенія Петербургскихъ театровъ. Выданное пособіе лишь начало собою рядъ дальнѣйшихъ отпусковъ на тѣ же потребности покрытія долговъ Дирекціи.

Изъ приведеннаго историческаго очерка развитія организаціи Императорскихъ Петербургскихъ театровъ до 1806 года, обстановка учрежденія Императорскихъ Московскихъ театровъ обрисовывается въ такомъ видѣ: неустроенная и матеріально необезпеченная Петербургская метрополія учреждаетъ и устраиваетъ свою колонію въ Москвѣ. Всего три года прошли со времени учрежденія Коммиссіи 1803 года съ задачей «положить прочное основаніе къ хозяйственному управленію театровъ». Къ концу 1803 года Коммиссія успѣла выработать только штатъ петербургскихъ театровъ, административные же, репертуарные и хозяйственные порядки покоились на указѣ 12-го іюля 1783 года, въ общихъ чертахъ регулировавшемъ дѣятельность Комитета для управленія зрѣлищами и музыкой, да на Юсуповскомъ «Планѣ управленія театрами» 1797 г., опредѣлявшемъ дѣятельность театральной конторы. Наиболѣе разработаннымъ къ тому времени въ организаціи оказывался лишь вопросъ о театральной школѣ, которому, съ добраго почина П. А. Соймонова, отводилось особенное вниманіе всѣхъ театральныхъ администраторовъ. Взаимнодѣйствіе трехъ главныхъ элементовъ театральнаго дѣла: репертуара, администраціи и хозяйства оставалось для петербургскихъ Императорскихъ театровъ столь же невыясненнымъ, какъ и для Медоксовскаго театра въ Москвѣ. Тотъ и другой въ началѣ XIX вѣка были въ одинаковомъ разстройствѣ. По справедливости, неурядицы Медоксовскаго дѣла могли найти оправданіе во внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, какими явились, съ одной стороны—непосильность хорошей столичной антрепризы для небогатаго частнаго предпринимателя, безъ постороннихъ пособій, а съ другой—недоброжелательное отношеніе Воспитательнаго дома. Такихъ оправданій въ неурядицахъ не имѣла петербургская Дирекція Придворныхъ театровъ, пользовавшаяся въ широкихъ размѣрахъ различными преимуществами и цѣлымъ рядомъ экстраординарныхъ денежныхъ пособій, помимо опредѣленнаго годового отпуска отъ казны.

Условія постановки театральнаго предпріятія въ Москвѣ, скромныя, но своеобразныя требованія, предъявляемыя къ театру московской публикой, едва ли достаточно были изучены и оцѣнены такимъ непрактичнымъ администраторомъ, ка-

кимъ былъ А. Л. Нарышкинъ. Для него очевидны были только два факта: большой спросъ въ Москвѣ на театръ и разстройство въ данное время театральнаго дѣла въ Москвѣ, вслѣдствіе пожара Петровскаго театра, которое давало случай руководителямъ петербургской сцены раздвинуть свою компетенцію. Надо предполагать, что не малое значеніе въ рѣшимости А. Л. Нарышкина на докладъ объ учрежденіи московскихъ театровъ имѣлъ пріѣздъ въ Петербургъ артистовъ погорѣвшаго Медоксовскаго театра талантливыхъ супруговъ: Елизаветы Семеновны и Силы Николаевича Сандуновыхъ, восторженно принятыхъ петербургской публикой [112]); первой въ роли Лесты въ «Днѣпровской русалкѣ», а второго въ роли Скапина въ «Скапиновыхъ обманахъ». Мало взвѣшивая съ финансовой стороны свои предпріятія вообще, петербургская Дирекція и съ учрежденіемъ московскаго филіала выступила безъ разработаннаго плана, что можно видѣть изъ текста всеподданнѣйшаго доклада А. Л. Нарышкина, единственнаго документа по инвеституръ московскаго театра. Вообще новаторы театральной организаціи, фатальнымъ образомъ, во все время существованія Императорскихъ театровъ, точно бы завѣдомо и систематично избѣгали заглядывать какъ въ будущее своихъ нововведеній, такъ и въ прошлое отжившихъ уже порядковъ. Во всей исторіи Дирекціи Императорскихъ театровъ красной чертой проходитъ полное пренебреженіе этой самой исторіей и отрицаніе ея поучительности. Даже въ 1856 году, когда праздновалось столѣтіе Россійскаго театра, никому въ голову не пришло ознаменовать юбилей критической оглядкой на истекшее столѣтіе. Между тѣмъ къ сочиненію пьесы для юбилейнаго спектакля привлечено было творчество цѣлаго ряда лицъ и даже былъ образованъ особый Комитетъ «извѣстныхъ словесниковъ», въ качествѣ жюри на конкурсѣ этихъ пьесъ. Императорскій театръ въ исторіи своей организаціи является чѣмъ то въ родѣ клиническаго больного, надъ которымъ производятся всякіе врачебные опыты различныхъ системъ и формъ управленія. Каждый изъ смѣняющихъ другъ друга врачей русскаго «комедійнаго дѣла», отнюдь не интересуясь исторіей болѣзни, поспѣшно ставилъ свой діагнозъ, каждый открывалъ свою Америку и писалъ рецептъ, который безслѣдно зарывался въ архивѣ. Излюбленной, но и безуспѣшной панацеей болѣзней театральнаго дѣла большею частью являлись разнаго рода коллегіи, пристраивавшіяся къ дѣлу театральной реорганизаціи. Особенное разнообразіе въ опытахъ управленія пришлось испытать на себѣ московскимъ театрамъ и именно въ первый періодъ ихъ существованія до 1842 года, который мы и раздѣляемъ на этомъ основаніи на четыре слѣдующія эпохи:

1) Первоначальная эпоха формированія московскихъ театровъ съ 1806 года по 1812 г.

[112]) П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, стр. 172.

2) Эпоха переходнаго состоянія московскаго театральнаго Управленія отъ 1812 г. до 1822 года, во время отечественной войны и затѣмъ подъ вѣдѣніемъ особаго Комитета Главной Дирекціи.

3) Эпоха самостоятельнаго существованія Московской Дирекціи, подъ главнымъ начальствомъ Московскаго Генералъ-Губернатора, отъ 1822 г. до 1826 г.

4) Эпоха (отъ 1826 г. до 1842 г.) отдѣльнаго существованія московской Дирекціи въ вѣдомствѣ министерства Императорскаго Двора, основаннаго со вступленіемъ на престолъ Императора Николая I.

Б. Первый періодъ.

(1806 г.—1842 г.).

Глава 3-я.

Организаціонная эпоха московскихъ театровъ съ 1806 г. до 1812 г.

Какъ мы уже упомянули выше, организаціонная эпоха московскихъ театровъ не оставила слѣдовъ опредѣленнаго плана въ учрежденіи этихъ театровъ. Скудный матеріалъ для выясненія основъ этой организаціи даютъ: прежде всего, приведенный въ первой главѣ настоящаго труда всеподданнѣйшій докладъ А. Л. Нарышкина, 28-го декабря 1805 года, а затѣмъ только что конфирмованный въ 1803 году штатъ петербургской театральной Дирекціи, со всеподданнѣйшимъ докладомъ, при которомъ онъ былъ представленъ. Докладъ А. Л. Нарышкина намѣчаетъ, въ общихъ лишь чертахъ, три опорные пункта организаціи новаго учрежденія: во первыхъ, соображеніе съ видами казенныхъ выгодъ, иначе говоря расчетъ на доходы съ московскихъ театровъ; во 2-хъ, «учрежденіе театра во всякомъ отношеніи на прочныхъ и приличныхъ столицѣ основаніяхъ», т. е. принципъ, провозглашеніе котораго было до нѣкоторой степени самонадѣянно со стороны представителя учрежденія, только что попавшаго въ опеку особой Коммиссіи, для установленія его собственной прочности. Третьимъ условіемъ организаціи докладъ ставилъ соглашеніе съ начальствомъ Москвы въ вопросѣ «возобновленія и учрежденія въ Москвѣ труппъ», что конечно было необходимо Дирекціи, въ видахъ обезпеченія ей авторитетнаго содѣйствія въ новомъ предпріятіи. Руководящее значеніе всеподданнѣйшаго доклада Коммиссіи 14-го ноября 1803 года и штата петербургской Дирекціи относилось къ слѣдующимъ тремъ вопросамъ:

а) Къ организаціи театральной конторы. Управленіе театрами по штату раздѣлялось на двѣ вѣтви — репертуарную и хозяйственную. Члену конторы, завѣдывающему репертуарною частью подчинены труппы и репертуаръ, на немъ же

лежитъ цензурованіе пьесъ. На члена конторы по хозяйственной части возложено «входить во всѣ подробности экономіи и непосредственно распоряжаться оною», а также вѣдать бухгалтерію, монтировочную часть и школу [113]).

б) Къ опредѣленію амплуа артистовъ, которое, согласно тексту росписанія квартирнаго довольствія артистамъ, намѣчалось слѣдующимъ перечнемъ: въ драмѣ, трагедіи и комедіи, для актеровъ—первая роль, молодой любовникъ, второй любовникъ, благородный отецъ, «демикарактерный», комическій резонеръ и грубый комикъ, первый и второй слуга, комическій мужичекъ и простакъ, конфидантъ и аксессуаръ; для актрисъ—первая роль, молодая любовница и первая кокетка, вторая любовница и дуэнь молодой, роль невинныхъ, благородная мать и демикарактеръ, комическая старуха и роль «декарактеръ», первая служанка и рѣзвая роль, и вторая служанка. Въ оперѣ (которая, кстати сказать, совершенно игнорировала въ то время дѣленіе артистовъ по голосамъ): для актеровъ—первый и второй любовники, благородный отецъ, первый и второй буфъ-слуга, комическій мужикъ и простакъ и аксессуаръ; для актрисъ—первая любовница, молодая любовница, вторая любовница, роль невинныхъ, служанка и аксессуаръ. Въ балетѣ: для танцовщиковъ—первый «въ серьозномъ родѣ», первый и второй «демикарактерные», «примѣтныя» роли, первый и второй гротескъ, корифей и фигурантъ; для танцовщицъ—первая въ «серьозномъ родѣ», первая и вторая «демикарактерныя», «примѣтныя роли», первая и вторая гротескъ, корифея и фигурантка [114]). Приведенный перечень амплуа очевидно перенятъ съ французскаго театра, мѣстами даже безъ перевода словъ на русскій языкъ. Франція—родина терминологіи артистическихъ амплуа. Они разнообразились на всякіе лады: то общими опредѣленіями по характеру ролей, какъ въ приведенномъ спискѣ, то по именамъ извѣстныхъ артистовъ, исполнявшихъ тѣ или другія роли, какъ напримѣръ: les Laruette, les Trial, les Dugason, les Déjaset, то по значенію персонажей: les rois, les princesses, les valets, les paysans, les petits-maîtres, les financiers, les soubrettes. Иногда амплуа получали названія, по особенностямъ костюма для роли, какъ напримѣръ: les rôles de baguette (оперная королева), les rôles à manteau (первыя роли, благородные отцы), les rôles à tablier (мастеровой, всегда съ кожанымъ фартукомъ), les rôles à corset (крестьянки въ комической оперѣ, всегда въ корсетѣ и въ короткой юбкѣ). Иногда наконецъ роли назывались тѣми именами, которыми авторы нарекали, по преимуществу, извѣстные типы въ своихъ пьесахъ, такъ напримѣръ: les Colins—любовники комической оперы, les Frontins—лакеи, les Margots—дуэньи комической оперы. Франція, въ особенности въ провинціи, очень

113) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 271.
114) Ibid., стр. 275.

консервативна въ охранѣ существованія амплуа. Перечень, напримѣръ, амплуа въ театрѣ города Нанта въ 1829 г. весьма близокъ къ приведенному выше списку амплуа русскаго театра [115]). Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь кстати образецъ интереснаго текста контракта Дирекціи Императорскихъ театровъ съ иностранными артистами, въ который вошло и обозначеніе нѣкоторыхъ амплуа, практиковавшихся въ 1808 г. Текстъ этотъ взятъ изъ подлиннаго печатнаго бланка [116]), сохранившагося въ дѣлахъ Дирекціи и заполненнаго условіемъ ангажемента къ московскому театру французской актрисы Бюрсей [117]).

Théâtre Français Impérial de Moscou. Tragédie, comédie, opéra, etc. . . . . etc.

Moi soussigné, Alexandre de Narichkine, Grand Chambellan de sa Majesté Impériale, conseiller privé actuel, Grand Général de l'ordre de St. Jean de Jérusalem, Directeur général des spectacles de sa Majesté Impériale, Membre de l'Académie des beaux-arts; chevalier des ordres de St. André, St. Alexandre Nevsky, St. Anne de la première classe et Grande Croix de St. Jean de Jérusalem, suis convenu qu'à commencer du jour de son entrée en Russie, les talents de Madame Aurore Bursay appartiendront exclusivement à la Direction Impériale pendant la durée de son engagement, qui finira trois années aprés à pareille époque. En conséquence, j'engage Madame Aurore Bursay pour jouer sur les théâtres de la Direction à ma volonté, comme aux heures et aux jours que j'indiquerai, les rôles de duègnes nobles et caricatures, dits de mesdames Gouthier et Deforges, Cretu, Verteuil et tous ceux annexés à ses emplois (sic!) idem mères Dugason idem mères dans le vaudeville et dans la comédie, les rôles de premières soubrettes—qui lui seront distribués, ainsi que tous ceux qui pourront lui convenir, sans que sous aucun prétexte (même celui d'emploi) ils puissent être refusés, la Direction se réservant le droit de distribuer les nouvelles pièces à sa volonté, et même sans avoir égard aux emplois. Pour prêter généralement tous ses talents pour le bien et l'utilité de la Direction Impériale; pour suivre la troupe en tout ou en partie, partout où il me plaîra de la faire conduire, sans qu'elle puisse exiger d'autres dédommagements, que d'être voiturée ainsi que ses équipages comme d'usage. Pour se trouver à toutes les assemblées, répétitions et répertoires indiqués par la Direction, et ce sous peine des amendes portées par le Réglement du spectacle; pour se fournir tous les habits nécessaires à ses rôles et ses emplois excepté les costumes étrangers, qui, d'après l'usage, sont fournis par le magasin,

115) Arthur Pougin. Dictionnaire historique et pittoresque du Théâtre et des arts qui s'y rattachent. Paris. 1885, p. 327.

116) Общій Архивъ Министерства Императорскаго Двора. Дирекція Театровъ. Дѣло 1812 г. № 253.

117) Впослѣдствіи извѣстной директрисы недолговѣчнаго Наполеоновскаго Императорскаго театра въ Москвѣ, въ 1812 году.

et dans ce cas, se contentera de ceux qui lui seront présentés, et se conformera à tous les réglements établis ou à établir pour la police et le bon ordre du spectacle; de paraître dans toutes les pièces à spectacles chaque fois qu'elle en sera requise et de remplir sous les ordres du Directeur général de Moscou les fonctions de directrice de la troupe d'opéra. Et pour la fidèle exécution de toutes ces causes, moi Alexandre de Narichkine, je m'engage à donner à Madame Aurore Bursay la somme de quatre mille roubles et une réprésentation dépayée par an, qui lui sera payée par le régisseur proposé par moi, par portions égales et par tierceaux (sic!) ainsi que d'usage, pendant la durée de son engagement. Voulant que le présent ait même force et valeur comme ayant passé par les actes publiés. Il lui sera en outre accordé la somme de quatre cents roubles pour les frais de voyage, et pareille somme pour son voyage de retour.

Fait double à Cassel en 24 Août 1808 au nom de son Excellence, dont je suis fondé de pouvoir. »————« Aurore Bursay».

Русскіе Императорскіе театры держались амплуа до 1882 года, когда комиссія (гг. А. Н. Островскій, А. А. Потѣхинъ и Д. В. Аверкіевъ), разрабатывавшая основанія реформы художественной части Императорскихъ театровъ, постановила упразднить дѣленіе артистовъ по амплуа.

в) Третій вопросъ, затронутый докладомъ комиссіи 1803 года, имѣвшій отношеніе косвенно къ организаціи Московскихъ театровъ, касался указанія Дирекціи экономическихъ пріемовъ, далеко не отвѣчающихъ административной этикѣ вообще и въ частности взглядамъ на значеніе театра, завѣщаннымъ Императрицею Екатериною II, въ ея указѣ отъ 12-го іюля 1783 года. Однимъ изъ пріемовъ рекомендуется Дирекціи не совсѣмъ корректный обходъ закона о пенсіяхъ артистамъ, а именно:—не возобновлять съ актерами, танцовщиками и музыкантами контрактовъ болѣе трехъ разъ на трехлѣтіе, «уважая, какъ совершенно откровенно говоритъ докладъ, тѣ выгоды, что Дирекція не обязана уже будетъ испрашивать имъ пенсіоны и что поступающіе на мѣсто ихъ другіе актеры, своею новостью, болѣе привлекутъ публику и тѣмъ умножатъ и доходы Дирекціи» [118]). Другой экономическій пріемъ заключался въ исходатайствованіи для Дирекціи—«дабы отъ нынѣ навсегда было предоставлено въ пользу ея исключительное право на содержаніе маскарадовъ и прочихъ такихъ собраній (кромѣ концертовъ), въ коихъ по билетамъ, у дверей покупаемыхъ, открываются входы» [119]). Исключительнымъ правомъ на маскарады Московская Дирекція широко воспользовалась съ первыхъ шаговъ своего существованія. Высочайшее же соизволеніе, послѣдовавшее на ходатайство по этому поводу

[118]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки III, стр. 271.
[119]) Ibid., стр. 272.

комиссіи 1803 года, послужило, какъ увидимъ далѣе, къ установленію за Дирекціей, въ послѣдствіи, привиллегіи на столичныя зрѣлища вообще и даже привело къ эксплоатаціи Дирекціей разрѣшенія частныхъ увеселеній, какъ особой доходной статьи.

Чтобы заключить весь кругъ установленныхъ до 1806 года законодательныхъ нормъ, регулирующихъ театральную жизнь, съ которыми приходилось считаться вновь учрежденной Московской Дирекціи, мы находимъ умѣстнымъ вкратцѣ очертить теперь же историческое развитіе до 1806 года вопроса о пріемѣ пьесъ въ репертуаръ Императорскихъ театровъ и связаннаго съ нимъ вопроса объ авторскомъ вознагражденіи драматурговъ и композиторовъ.

Въ первое полустолѣтіе существованія русскаго придворнаго театра, съ 1756 года, отношенія между авторами и театромъ были настолько элементарны, что вопросъ объ установленіи особаго порядка предварительнаго разсмотрѣнія пьесъ не могъ и возникнуть. Лица, завѣдывавшія театрами и инспекторы труппъ, очевидно, несли на себѣ трудъ и отвѣтственность по пріисканію и выбору подходящихъ для придворнаго театра пьесъ. Задача выбора едва-ли была особенно обременительна, если принять во вниманіе, что перу русскихъ авторовъ принадлежало не болѣе 20% тогдашняго репертуара. Имена Сумарокова, Екатерины II, Княжнина, Лукина, Фонъ-Визина, Аблесимова, Плавильщикова, Титова, Капниста и немногихъ другихъ, исчерпываютъ списокъ оригинальныхъ драматическихъ писателей второй половины XVIII вѣка. Къ тому же многія произведенія того же Сумарокова, Плавильщикова, Лукина, Титова и другихъ, считавшіяся оригинальными, въ сущности, являлись вольной передѣлкой иностранныхъ пьесъ. Вопросъ оцѣнки сценическихъ и художественныхъ достоинствъ пьесъ до конца 90-хъ годовъ XVIII столѣтія никакой регламентаціи не подлежалъ; не существовало и особой драматической цензуры. Первые законодательные признаки цензуры зрѣлищъ мы встрѣчаемъ въ «Уставѣ благочинія и полиціи» 1782 года [120]). На основаніи § 69 этого устава, разрѣшеніе въ городахъ общенародныхъ игръ и забавъ, или театральныхъ представленій возложено было на Управу благочинія. Цензурная компетенція Управы благочинія, по § 219 того же устава, ограничена, во-первыхъ, общенародными увеселеніями и зрѣлищами и, во-вторыхъ, правомъ преслѣдованія всего того, что заключаетъ въ себѣ «слова или поступки, закону противный или общій или частный вредъ наносящія, или противныя благопристойности». На основаніи § 261 устава нарушеніе этихъ цензурныхъ правилъ влекло наказаніе по суду. Изъ ограниченія цензурной дѣятельности Управы благочинія общенародными зрѣлищами, въ связи съ отсутствіемъ указаній на другіе

[120]) Полное собраніе законовъ, т. XXI, № 15379

цензурные органы, слѣдуетъ заключить, что цензура «безвредности и благопристойности» пьесъ, исполняемыхъ на придворныхъ театрахъ, лежала въ XVIII вѣкѣ на администраціи этихъ театровъ, т. е. на Директорахъ, а съ 1783 г. по 1786 г.—на Комитетѣ, управлявшемъ зрѣлищами и музыкой.

По мѣрѣ развитія русскаго театра развивалась переводная, а также, хотя и медленнѣе, оригинальная драматургія. Къ концу столѣтія приливъ пьесъ въ репертуаръ настолько возросъ, что явилась необходимость въ назначеніи особаго лица для предварительнаго цензурованія пьесъ. 18-го іюля 1799 года учреждена была въ Петербургѣ должность «Цензора Россійской труппы» [121]), въ лицѣ титулярнаго совѣтника А. Клушина, исправлявшаго въ тоже время обязанности режисера русской труппы, а впослѣдствіи назначеннаго инспекторомъ ея, съ сохраненіемъ обязанностей цензора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поставлено было правиломъ: всѣ предлагаемыя на репертуаръ пьесы предварительно проводить черезъ контору Дирекціи, которая являлась ревизующей цензора инстанціей. Но цензура только «закономѣрности и благопристойности» не удовлетворяла театральное управленіе и 31-го октября того же 1799 года послѣдовалъ Высочайшій указъ Императора Павла I о назначеніи автора комедіи «Ябеда» коллежскаго совѣтника Василія Васильевича Капниста въ вѣдѣніе главнаго Директора. Должность Капниста, по порученію А. Л. Нарышкина, состояла «въ разсматриваніи всѣхъ пьесъ и приноравленіи оныхъ, какъ человѣка совершеннаго сію часть знающаго» [122]). Надо, впрочемъ, предполагать, что учрежденіе такой должности имѣло личный характеръ, такъ какъ уже въ 1800 году В. В. Капнистъ именовался Управляющимъ Дирекціею, а должность его по разсмотрѣнію пьесъ никѣмъ не была замѣщена. Позднѣе, Высочайшимъ указомъ 5-го февраля 1802 года былъ опредѣленъ коллежскій ассесоръ Клушинъ «для производства по Дирекціи дѣлъ и цензуры театральныхъ пьесъ въ помощь главному Директору, съ положеннымъ по штату помощнику жалованьемъ» [123]).

Съ начала XIX столѣтія открывается цѣлый рядъ мѣръ къ упорядоченію вопроса о пріемѣ пьесъ въ репертуаръ. На основаніи Высочайше утвержденнаго 11-го ноября 1803 года «Новаго порядка и стата управленія театральной Дирекціей», на обязанность члена конторы, управляющаго репертуарнымъ отдѣленіемъ, возложено «учрежденіе репертуара, т. е. выборъ пьесъ и цензурованіе ихъ для представленія съ замѣчаніями своими на разсмотрѣніе и утвержденіе Директора» [124]).

[121]) Архивъ Дирекціи Императорскихъ театровъ, отд. II, стр. 31.
[122]) Ibid., стр. 552.
[123]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. I, стр. 8.
[124]) Ibid., стр. 9.

Критеріемъ для внесенія пьесъ на репертуаръ поставлено избраніе пьесъ «лучшихъ, согласныхъ какъ со вкусомъ публики, такъ и съ выгодами Дирекціи». Такимъ образомъ, съ 1803 года, вопросъ разсмотрѣнія пьесъ поставленъ на практическую почву и перенесенъ изъ области артистическаго управленія труппы въ сферу административную, такъ какъ, съ учрежденіемъ должности «репертуарнаго члена», должность особаго цензора при русской труппѣ упразднилась.

Вскорѣ, послѣ описанной реформы 1803 года, общая цензура пьесъ, представляемыхъ въ репертуаръ Императорскихъ театровъ, была изъята изъ вѣдѣнія Дирекціи, за которой оставалось лишь разсмотрѣніе цензурованныхъ пьесъ для выбора на репертуаръ. 9-го іюля 1804 года Высочайше утвержденъ «Уставъ цензуры» [125]), на основаніи § 10 котораго «рукописныя пьесы, представляемыя на всѣхъ, не исключая Придворныхъ, тетрахъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ другихъ городахъ, до представленія оныхъ, разсматриваются Цензурнымъ Комитетомъ, а гдѣ нѣтъ Комитетовъ,—Директорами народныхъ училищъ, подъ надзоромъ мѣстнаго начальства». Изъ этого надо заключить, что спеціальная драматическая цензура обнималась общей цензурой для разрѣшенія къ печати, такъ какъ для представленія на сценѣ пьесъ уже напечатанныхъ, не требовалось особаго разрѣшенія Цензурнаго Комитета. Въ § 11 того же устава о цензурѣ постановлено: «Разсмотрѣніе и позволеніе къ напечатанію театральныхъ афишекъ и подобныхъ тому объявленій и извѣстій зависитъ отъ гражданскаго начальства». Впослѣдствіи въ апрѣлѣ 1811 года, министръ народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій докладывалъ Государю, что театральною Дирекціею допускаются иногда неодобренныя цензурою въ театральныхъ пьесахъ предосудительныя выраженія и иногда представляются даже въ эрмитажѣ такія пьесы, кои не были еще разсматриваемы Цензурнымъ Комитетомъ» и было Высочайше повелѣно—не давать на сценѣ нецензурованныхъ пьесъ и черезъ чиновниковъ Дирекціи слѣдить за соблюденіемъ цензурованнаго текста на сценѣ.

Что касается вопроса объ авторскомъ вознагражденіи, то слѣдуетъ сказать, что въ первую эпоху образованія Придворнаго русскаго театра не были выработаны опредѣленныя формы этого вознагражденія. Свѣдѣнія по этому вопросу весьма скудны, но есть основаніе думать, что преобладающимъ способомъ вознагражденія было жалованіе авторамъ за сочиненіе пьесъ въ теченіе извѣстнаго промежутка времени, а не плата за каждую пьесу особо. Такъ напримѣръ извѣстно о назначеніи, по Высочайшему повелѣнію, въ 1752 г. по контракту, вознагражденія (пенсіи) 200 р. въ годъ, прибывшему въ Россію еще въ 1742 году, композитору Іосифу Бонекки, за сочиненіе ежегодно двухъ драматическихъ пьесъ, которыя Бонекки, живя во Фло-

[125]) Полное собраніе законовъ, т. XXVIII, № 21388.

ренціи, обязанъ былъ представлять въ Петербургъ, черезъ русскаго посла въ Вѣнѣ [126]). Произведенія иностранныхъ писателей пріобрѣтались черезъ особыхъ коммиссіонеровъ, изъ за границы и переводились на русскій языкъ постоянными переводчиками, состоявшими въ Дирекціи на жалованьи. При ограниченномъ въ то время числѣ драматическихъ писателей, находили возможнымъ приглашать ихъ къ административной службѣ при театрѣ и вознагражденіе за пьесы входило въ составъ жалованья по службѣ. Равнымъ образомъ, композиторами являлись по преимуществу сами капельмейстеры. Для сочиненія оперныхъ либретто въ стихахъ, нанимался особый «стихотворецъ», который даже вошелъ въ Елагинскій «Статъ» 1766 г., съ годовымъ жалованьемъ въ 600 рублей.

Съ теченіемъ времени и съ нарожденіемъ русскихъ драматурговъ и композиторовъ, явилась необходимость въ выработкѣ опредѣленнаго способа ихъ вознагражденія. Наиболѣе приличной формой признанъ бенефисъ, назначаемый не за сочиненіе одной какой либо пьесы, а вообще за литературные и музыкальные труды. Награжденіе бенефисомъ, согласно указу Императрицы Екатерины II 12-го іюля 1783 года, предоставлено по преимуществу русскимъ авторамъ, произведенія которыхъ имѣли успѣхъ въ публикѣ. Надо предполагать, однако, что бенефисъ не былъ исключительной формой вознагражденія авторовъ, а параллельно съ нимъ практиковались: плата за отдѣльныя пьесы, годовое жалованіе за сочиненіе пьесъ или музыки, а также другого рода воспособленія и награды. Въ подтвержденіе этого предположенія можно привести слѣдующее свѣдѣніе, интересное также въ смыслѣ современной матеріальной оцѣнки музыкальнаго творчества. Въ 1784 году музыкантъ фаготистъ Буланъ (Bulant), композиторъ музыки для оперы «Збитенщикъ», имѣвшей въ то время выдѣляющійся успѣхъ, подалъ прошеніе объ опредѣленіи его музыкантомъ, съ жалованьемъ 1.000 рублей въ годъ и съ обязательствомъ сочинять музыку къ операмъ, за что просилъ, особо, 1.200 р. въ годъ. На прошеніи этомъ предсѣдатель Комитета надъ зрѣлищами д. т. с. А. В. Олсуфьевъ положилъ такую резолюцію [127]): «Отказать, отказать, отказать и пустить ему кровь, а за музыку Збитенщика, думаю, что 300 р.—слишкомъ довольно». Позднѣе, встрѣчаются уплаты: въ 1791 г. актеру Плавильщикову, за трагедію «Вшеславъ» — 300 р. [128]), и въ 1799 году г. Фомину, за сочиненіе хора для трагедіи «Ярополкъ и Олегъ» — 75 р. [129]). 10-го Октября 1799 г. данъ конторѣ приказъ о назначеніи «сочинителю пьесъ»,

[126]) Архивъ Дирекціи Императорскихъ театровъ, отд. III, стр. 65.
[127]) Ibid., отд. II, стр. 189.
[128]) Ibid., стр. 401.
[129]) Ibid., отд. III, стр. 178.

маркизу де-Кастельно,—900 р. въ годъ на наемъ экипажа [130]). 15-го апрѣля 1803 года послѣдовало отъ А. Л. Нарышкина такое предложеніе конторѣ театральной Дирекціи: «Господину генералъ-маіору Титову, за сочиненныя имъ музыки для мелодрамъ «Андромеда и Персей», для «Цирцеи и Улисса» и для драмы «Судъ царя Соломона», предлагаю конторѣ дать ложу въ каменномъ театрѣ, въ третьемъ этажѣ, на пятьдесятъ русскихъ и французскихъ спектаклей безденежно» [131]).

Штатъ театральной Дирекціи 1803 года, въ рубрикѣ «Различные ежегодные расходы», предусматривалъ назначеніе на уплату за сочиненія и переводы 4000 р., и въ томъ же 1803 г., «сочинитель» французской труппы Бертонъ д'Антиньи увольнялся отъ службы Дирекціи, за отсутствіемъ должности «сочинителя» по новому штату [132]). Но форма и размѣръ авторскаго вознагражденія штатомъ 1803 года не были указаны.

Нѣсколько позднѣе, послѣ учрежденія Императорскаго Московскаго театра, выяснилась необходимость нѣкотораго регулированія и облеченія въ опредѣленную форму соглашеній съ авторами и послѣдовало распоряженіе главной Дирекціи о томъ, чтобы «за переводныя комедіи, трагедіи, драмы и оперы никому изъ переводчиковъ бенефисовъ не давать, и до принятія пьесы на театръ съ переводчиками для заплаты деньгами дѣлать условія», а авторамъ оригинальныхъ, 5-ти актныхъ, пьесъ «давать третью репрезентацію». Это распоряженіе поставило Московскую театральную администрацію въ неудомѣніе и 20-го мая 1807 года [133]) она запрашивала Главную Дирекцію «какимъ образомъ поступать съ пьесами тѣхъ писателей, которые переводныя съ иностранныхъ языковъ пьесы называютъ оригинальными, давать-ли за таковыя третью репрезентацію въ бенефисъ? Такъ-же оригинальныя пьесы въ 4-хъ, въ 3-хъ и въ 2-хъ дѣйствіяхъ—на какомъ положеніи принимать? А равно за переводныя пьесы какую сумму назначать деньгами?» Наконецъ въ 1809 году, какъ увидимъ далѣе, было издано первое положеніе объ авторскомъ вознагражденіи, которое до нѣкоторой степени разрѣшило приведенныя выше недоразумѣнія Московскаго Управленія.

Всеподданнѣйшій докладъ А. Л. Нарышкина объ учрежденіи Московскихъ театровъ состоялся 29-го декабря 1805 года, но приведеніе его въ исполненіе послѣдовало лишь черезъ три мѣсяца. Театральный архивъ не сохранилъ никакихъ свѣдѣній о подготовительныхъ дѣйствіяхъ Дирекціи по учрежденію Императорскихъ театровъ въ Москвѣ. Нѣтъ объ этомъ свѣдѣній и въ газетахъ того времени.

130) Ibid., стр. 49.
131) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки II, стр. 148.
132) Ibid стр. 149.
133) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Т. Дѣло 1807—1809 г., № 105.

Извѣстно только то, что частная труппа сгорѣвшаго Петровскаго театра продолжала свою дѣятельность, въ театрѣ въ Домѣ Пашкова, до Великаго поста 1806 г. 10-го февраля 1806 года данъ былъ ею послѣднiй спектакль (драма «Великодушие или рекрутскiй наборъ» и опера «Новое семейство»), «въ пользу всѣхъ гг. актеровъ и г-жъ актрисъ», какъ говорилось въ объявленiи о немъ [134]).

Заботы Дирекцiи были прежде всего направлены на комплектованiе Русскаго театра, которое было произведено, главнымъ образомъ, изъ состава труппы бывшаго Петровскаго театра Медокса. Всѣмъ артистамъ Петровскаго театра, перешедшимъ съ 1-го апрѣля 1806 г. на службу Дирекцiи Императорскихъ театровъ, было зачтено въ дѣйствительную службу, на выслугу пенсiи, все время пребыванiя въ труппѣ Медокса [135]). Въ этой труппѣ выдѣлялись въ то время супруги Сандуновы, Зловъ, Украсовъ, Насова и Воробьева. Значительная часть труппы состояла изъ крѣпостныхъ людей Алексѣя Емельяновича Столыпина, въ которой славилась въ свое время актриса «Варинька» Столыпинская, впослѣдствiи жена писателя Н. Страхова.

Первоначально управленiе Московскими Императорскими театрами было поручено князю Михаилу Петровичу Волконскому, извѣстному любителю театра, имѣвшему свою драматическую труппу. Впрочемъ князь Волконскiй не долго управлялъ Московскимъ театромъ. Въ концѣ 1806 года онъ оставилъ службу и во главѣ Московскаго театральнаго управленiя были поставлены два лица: [136]) Управляющiй репертуарной частью - к. с. Приклонскiй и Управляющiй хозяйственною частью—к. а. Н. Ильинъ. Оба эти лица завѣдывали всѣми дѣлами театра, совмѣстно подписывали рапорты Главному директору и ежемѣсячно представляли въ Контору Дирекцiи въ Петербургѣ отчеты о приходѣ и расходѣ суммъ и «меморiи объ упражненiяхъ» Московской Конторы, т. е. журналы о сдѣланныхъ по управленiю распоряженiяхъ. Весною 1807 г. къ управляющему репертуарной частью к. с. Приклонскому назначенъ былъ помощникомъ н. с. Арсеньевъ. Составъ театральной Конторы былъ невеликъ, въ него входили: казначей Гололобовъ, бухгалтеръ, секретарь Яковлевъ, смотритель за казенными домами Зиновьевъ и канцелярскiе чиновники. Новое помѣщенiе театра еще не было ни найдено, ни построено и первый спектакль Императорской Московской Русской труппы, состоявшiйся 11-го апрѣля 1806 года, былъ исполненъ въ томъ-же театрѣ, въ домѣ, или вѣрнѣе, въ передѣланномъ манежѣ Пашкова, на Моховой. Составъ этого перваго спектакля былъ таковъ: «Бѣдность и благородство души», комедiя въ трехъ дѣйствiяхъ, сочиненiе г. Коцебу и

[134]) Московскiя вѣдомости, 10-го февраля 1806 г.
[135]) М. И. Пыляевъ. Старая Москва, стр. 135.
[136]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Т. Дѣло 1807—1809 г., № 105.

«Слуга двухъ господъ», комедія въ одномъ дѣйствіи, съ французскаго, переложена на русскіе нравы г-мъ Лифановымъ [137]). Черезъ 4 дня послѣ перваго спектакля, въ томъ-же театрѣ дебютировалъ Столыпинскій пѣвецъ—актеръ Я. Я. Соколовъ въ оперѣ Мартини «Рѣдкая вещь».

Театръ на Моховой былъ отремонтированъ машинистомъ Коняевымъ съ подряда, за 3800 р.; въ немъ были сдѣланы потолки надъ всѣмъ зданіемъ, поставлены печи, перегородки и тамбуры въ подъѣздахъ, а также задѣланы окна войлокомъ. Такъ временно разрѣшился вопросъ о зданіи театра. Въ собственность Дирекціи поступило недвижимое имущество Медокса, въ Москвѣ въ двухъ мѣстахъ: [138]) во первыхъ — «въ 6-й части въ первомъ кварталѣ подъ № 92, въ приходѣ Спаса Преображенія Господня, что въ Копьяхъ, на Петровской улицѣ»—сгорѣвшій Петровскій театръ, съ деревяннымъ домомъ, въ которомъ до 1811 года жилъ еще самъ Медоксъ и во вторыхъ—«въ 17-й части, во второмъ кварталѣ подъ № 129, въ приходѣ Мартына Исповѣдника, что въ Алексѣевской», на Таганкѣ—воксальное зданіе съ садомъ и каменнымъ флигелемъ. Изъ сгорѣвшаго Петровскаго театра было выбрано все желѣзо, 2396 пудовъ и продано конторой тому-же машинисту Коняеву за 3833 р. 60 к. Непосредственный вопросъ о возобновленіи Петровскаго театра не поднимался, а намѣчена была постройка новаго деревяннаго театра на Арбатской площади. Планъ, фасадъ и профиль этого театра были Высочайше утверждены 13-го августа 1806 года и смотрителемъ при строеніи театра былъ назначенъ отставной маіоръ Семеновъ. Кромѣ того, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ 1806 году, куплены были, «для жительства Московскихъ актеровъ», у Сенатора князя В. Ф. Сибирскаго, три каменныхъ дома (корпуса), противъ каменнаго (Петровскаго) театра, выходившіе на Петровку и на Неглинную. Для квартиръ служителей контора наняла за 600 рублей въ годъ «пять покоевъ» въ домѣ к. с. Пашкова; у Пашкова-же нанята была 22-го марта 1806 года конюшня на 34 стойла, прилегающая къ театру, бывшему ранѣе манежемъ, «для удобнѣйшаго помѣщенія во время спектаклей разнаго званія людей и команды». Для писанія декорацій нанятъ былъ за 1000 р. въ годъ «Апраксинскій манежъ»; въ 1809 году Апраксинъ повысилъ наемную цѣну на 600 р. и писаніе декорацій было перенесено въ домъ Зарубина. Позднѣе, для помѣщенія театральной школы, былъ пріобрѣтенъ въ Охотномъ ряду, близъ Благороднаго Собранія, домъ бывшій Раевскаго [139]). Прежній хозяинъ Петровскаго театра, М. Е. Медоксъ, какъ мы уже сказали, остался жить въ одномъ изъ домовъ, перешедшихъ

[137]) Московскія вѣдомости, 11-го апрѣля 1806 года.
[138]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Т. Дѣло 1807—1809 гг., № 105.
[139]) Ibid. Дѣло 1824 г. № 21.

въ собственность Дирекціи. Домъ этотъ оставался не принятымъ ею, такъ какъ выселеніе изъ него Медокса было пріостановлено, по распоряженію А. Л. Нарышкина отъ 24-го апрѣля 1808 г., несмотря на заявленіе дѣйствительнаго камергера Всеволожскаго. бывшаго тогда «начальствующимъ» Московскимъ театромъ, о томъ, что пользованіе домомъ Медокса, имѣющемъ большіе размѣры, очень желательно въ интересахъ театра. Медоксъ продолжалъ занимать домъ, живя въ немъ самъ и сдавая квартиры частнымъ лицамъ за плату. Наконецъ весной 1811 года Управляющему Московскимъ театромъ Майкову удалось добиться выселенія М. Е. Медокса. Майковъ призналъ домъ Медокса пригоднымъ для помѣщенія въ немъ квартиръ артистовъ и чиновниковъ и могущимъ приносить до 1000 р. годового дохода, самъ распорядился черезъ полицейское начальство послать Медоксу повѣстку о выселеніи въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ, имѣя въ виду за лѣто отремонтировать домъ и затѣмъ уже сообщилъ А. Л. Нарышкину свои распоряженія, которыя Главный Директоръ одобрилъ 25-го мая 1811 года [140]). Спеціально для устройства маскарадовъ и концертовъ нанятъ былъ Московской Дирекціей домъ Зарубина, съ обязательствомъ хозяина къ 29-му декабря 1806 года сдѣлать въ главномъ корпусѣ этого дома необходимыя надстройки. Съ этими надстройками Зарубинъ опоздалъ и въ мартѣ 1807 года, контора взыскивала съ него 1000 р. за убытки, причиненные Дирекціи опозданіемъ въ условленныхъ работахъ. Впослѣдствіи въ 1809 году (въ сентябрѣ) за выѣздомъ изъ дома Пашкова, Дирекціей нанята была квартира для столяровъ, плотниковъ и инвалидовъ въ домѣ князя С. Ф. Голицына, у Арбатскихъ воротъ.

Важнѣйшимъ вопросомъ въ дѣлѣ организаціи Московской Дирекціи явился, конечно, вопросъ финансовый. Первоначальное разрѣшеніе его послѣдовало лишь черезъ полгода послѣ учрежденія Московскихъ театровъ. 25-го іюля 1806 года, по Всеподданнѣйшему докладу Д. А. Гурьева (Министра Удѣловъ) и А. Л. Нарышкина опредѣленъ былъ размѣръ какъ единовременныхъ затратъ на Московскій театръ такъ и годового его бюджета. Годовой отпускъ назначенъ въ суммѣ—70,000 р., съ выдачею ихъ каждые два мѣсяца по 11,666 р. 66½ к. Единовременныя-же затраты опредѣлились въ суммѣ 175,000 рублей, изъ нихъ: на уплату за купленный Дирекціей домъ въ Москвѣ—35,000 р., на покупку близъ каменнаго театра (сгорѣвшаго Петровскаго) деревянныхъ зданій, для сломки ихъ и образованія вокругъ театра площади—100,000 р. и на постройку новаго деревяннаго театра—40,000 р. [141]). Годовой отпускъ назначался всецѣло въ распоряженіе Нарышкина, а сумма на еди-

140) Ibid. Дѣло 1811 г., № 329.
141) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 267.

новременныя затраты—въ общее завѣдываніе Главнаго Директора и Московскаго Военнаго Генералъ-губернатора.

Единовременные расходы Дирекціи не ограничились, однако, суммой въ 175,000 рублей. Въ октябрѣ того-же 1806 года Дирекціи пришлось затратиться на пріобрѣтеніе крѣпостныхъ артистовъ. Дѣло обстояло такъ: Московскому театру угрожала потеря почти всей его русской труппы, такъ какъ владѣлецъ ея, А. Е. Столыпинъ, пожелалъ ее продать. Столыпинскіе артисты выбрали изъ среды своей артиста Венедикта Баранова, подавшаго отъ лица всей труппы Императору Александру I прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, онъ писалъ: «Слезы несчастныхъ никогда не отвергались милосердѣйшимъ отцомъ, неужель Божественная его душа не внемлетъ стону нашему. Узнавъ, что господинъ нашъ, Алексѣй Емельяновичъ Столыпинъ, насъ продаетъ, осмѣлились пасть къ стопамъ милосерднѣйшаго Государя и молить, да щедротами его искупитъ насъ и дастъ новую жизнь тѣмъ, кои имѣютъ уже счастіе находиться въ Императорской службѣ при Московскомъ театрѣ». 25-го сентября 1806 года А. Л. Нарышкинъ представилъ Государю, по этому поводу, такое объясненіе: «Г. Столыпинъ находящуюся при Московскомъ Вашего Императорскаго Величества театрѣ труппу актеровъ и оркестръ музыкантовъ, состоящихъ съ дѣтьми ихъ изъ 74 человѣкъ, продаетъ за 42,000 р. Умѣренность цѣны за людей, образованныхъ въ своемъ искусствѣ, польза и самая необходимость театра, въ случаѣ отобранія оныхъ могущаго затрудниться въ отысканіи и долженствующаго за великое жалованіе собирать таковое количество нужныхъ для него людей, кольми паче актрисъ, никогда со стороны не поступающихъ, требуютъ непремѣнной покупки оныхъ. Всемилостивѣйшій Государь, по долгу званія моего, съ одной стороны наблюдая выгоды казны и предотвращая не малые убытки театра, отъ пріема за несравненно большее жалованье, произойти имѣющіе, а съ другой стороны—убѣждаясь человѣколюбіемъ и просьбою всей труппы, обѣщающей всѣми силами жертвовать въ пользу службы, осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить милосердію Вашего Императорскаго Величества жребій столь немалаго числа нужныхъ для театра людей, которымъ со свободою отъ руки монаршей даруется новая жизнь и способы усовершенствовать свои таланты, и испрашивать какъ соизволенія на покупку оныхъ, такъ и отпуска означеннаго количества денегъ, котораго ежели не благоволено будетъ принять на счетъ казны, то хотя на счетъ Московскаго театра, съ вычетомъ изъ суммы, каждогодно на оный отпускаемой» [142]). Императоръ Александръ I призналъ цѣну 42,000 р. слишкомъ высокой и Столыпинъ уступилъ 10,000 рублей. Всѣ пріобрѣтенные отъ Столыпина артисты сдѣлались «собственностью» Дирекціи

[142]) М. И. Пыляевъ. Старая Москва, стр. 153.

Московскаго театра. Сумма 32,000 рублей на покупку артистовъ была отпущена заимообразно изъ казны, съ удержаніемъ изъ опредѣленнаго на Московскій театръ отпуска, въ сроки по соглашенію Главнаго Директора съ Министромъ Финансовъ, графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Васильевымъ [143]). 15-го ноября 1806 года состоялся спектакль «въ пользу Императорскихъ актеровъ, актрисъ и музыкантовъ-прежде бывшихъ Столыпинскихъ» [144]), а въ декабрѣ 1806 года, движимые патріотическимъ чувствомъ тѣ же актеры и актрисы Россійской труппы высказали желаніе: «что положенный имъ всѣмъ бенефисъ жертвуютъ они на благо общее для вооруженія временнаго ополченія или милиціи». Бенефисъ этотъ былъ исполненъ въ 1807 г.

Репертуаръ начала московскихъ театровъ не ограничивался русской труппой. Въ вѣдѣніе московской Дирекціи поступили также балетные артисты и артистки, крѣпостные люди графини Головкиной, подаренные ею московскому Воспитательному дому, а затѣмъ переданные въ собственность московскаго Императорскаго театра. [145]) Въ спектаклѣ 16-го сентября 1806 года исполненъ былъ, между другими пьесами, балетъ «Мельникъ или обманутый квакеръ», [146]) а 21-го ноября 1806 года состоялся первый спектакль французской труппы, «des acteurs de Sa Majesté Imperial», какъ значилось въ объявленіи [147]). Въ спектаклѣ этомъ, въ пьесахъ «L'Abbé de l'Epée» и «Défiance et Malice» дебютировали актеры M-r Lanneau и M-r et M-me Bailly. Всего въ первый же годъ своего существованія московскій театръ далъ 161 спектакль, изъ нихъ 135 русскихъ и 26 французскихъ, кромѣ того дано было нѣсколько маскарадовъ въ домѣ на Никитской улицѣ. Между прочимъ, право продажи, масокъ въ нихъ сдано было конторой «мазошнику Петрову» за 40 р. въ годъ, а на 1807 годъ за 30 р., но съ обязательствомъ безплатно ставить маски для спектаклей.

Дирекція въ то время еще не присваивала себѣ въ Москвѣ привиллегіи театральныхъ зрѣлищъ, несмотря на существовавшій раньше прецедентъ такой привиллегіи въ рукахъ Медокса. Такъ, параллельно съ спектаклями Императорскаго театра, въ 1806 году, шли представленія частной нѣмецкой труппы въ Демидовскомъ театрѣ.

Въ описанномъ положеніи Московскій театръ находился около полутора года. За это время Дирекція всячески старалась разнообразить спектакли, какъ въ репертуарѣ, такъ и въ составѣ артистовъ. Отъ времени до времени командировались

143) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 268.
144) Московскія Вѣдомости. 14-го ноября 1806 г.
145) Общ. Арх. М. И. Двора. Д. Т. Дѣло 1816 г. № 82.
146) «Московскія Вѣдомости», 16-го сентября 1806 года.
147) «Московскія Вѣдомости», 21-го ноября 1806 г.

артисты изъ Петербурга,—такъ въ 1808 г., на Московскомъ театрѣ гастролировали знаменитый актеръ Яковлевъ и пріобрѣвшая въ послѣдствіи большую извѣстность трагическая актриса Е. Семенова. Первый дебютъ Е. Семеновой состоялся на Пашковскомъ театрѣ 21-го января 1808 г., въ трагедіи Озерова «Дмитрій Донской», затѣмъ она играла въ трагедіяхъ: «Пожарскій», «Эдипъ въ Аѳинахъ», въ трагедіи Глинки «Сумбека, или паденіе Казанскаго царства» и, вмѣстѣ съ актеромъ Яковлевымъ, въ драмѣ Коцебу «Сынъ любви». Гастроли Семеновой въ Москвѣ, въ 1808 г., продолжались почти цѣлый мѣсяцъ,—съ 21-го января по 15-е февраля. Спектакли въ Московскомъ театрѣ иногда украшались антрактной музыкой. Постояннаго оркестра для музыки въ антрактахъ еще не было заведено, но отъ времени до времени, въ промежуткахъ между дѣйствіями пьесъ, исполнялася «игра на волторнахъ», или на «флейтахъ», или на клавикордахъ, о чемъ каждый разъ объявлялось въ афишахъ.

Къ веснѣ 1808 года былъ построенъ, по плану архитектора Росси, новый деревянный театръ у Арбатскихъ воротъ [148]), въ концѣ Пречистенскаго бульвара, тамъ гдѣ въ настоящее время находится бассейнъ. Театръ былъ окруженъ колоннадой, съ подъѣздами со всѣхъ сторонъ. Пространство между колоннами и зданіемъ составляло галлерею, удобную для проѣзда экипажей. Внутреннее устройство театра было очень хорошее по тому времени. Декораціи были написаны художникомъ Скотти. Освѣщеніе Арбатскаго театра сдано было съ подряда, сперва за 90 р. за спектакль, а позднѣе, съ 1-го марта 1811 г.,—по 100 р. за спектакль. Подрядчиками освѣщенія были иностранецъ Кнауфъ и машинистъ Коняевъ. Уборныя артистовъ освѣщались не свѣчами, а кенкетами [149]). Это была новость.

Въ общемъ постройка Арбатскаго театра не могла похвастаться солидностью,—уже черезъ годъ послѣ его открытія, обнаружился рядъ недостатковъ. Въ 1809 г. машинистомъ Коняевымъ были передѣланы кулисы и сдѣлана надъ потолкомъ горница для зажиганія люстры и машина для спуска люстры, при чемъ имѣлось въ виду удобство публики, «которая въ осенніе и зимніе дни собирается въ театръ ранѣе, чѣмъ въ лѣтніе». 10-го февраля 1810 года [150]) система стропилъ подъ крышею надъ сценой оказалась ненадежной, что вызвало работы по устройству новаго скрѣпленія стропилъ, по проекту архитектора Монфрини и потребовало затраты около 10.000 рублей. А 9-го октября того же 1810 года [151]) случилась даже не-

---

148) М. И. Пыляевъ. Старая Москва, стр. 141.
149) Общ. Арх. М. И. Д. Д. Т. Дѣло 1811 года № 343.
150) Ibid., Дѣло 1810 г. № 373.
151) Ibid., Дѣло 1810 г. № 338.

большая катастрофа—провалилась часть пола на сценѣ, во время представленія пьесы «Сульеты». «Въ концѣ 5-го акта, какъ доносилъ Майковъ, послѣ того какъ по пьесѣ сдѣлано разрушеніе моста, пальба и движеніе съ обѣихъ сторонъ войскъ, на томъ самомъ пунктѣ, гдѣ собрались и остановились всѣ статисты и пѣвчіе, за кулисами на полу, близъ самой задней кулисы—семь досокъ провалились и кулиса одна, не принадлежащая къ пьесѣ, покачнулась на стѣну, отчего нѣсколько человѣкъ изъ статистовъ и пѣвчихъ, стоявшихъ за кулисами на тѣхъ доскахъ, упали съ оными подъ полъ, такъ однако же, счастливо, что кромѣ того, что четыре человѣка солдатъ и два человѣка пѣвчихъ зашиблены нѣсколько, никому вреда не сдѣлалось». Вся катастрофа прошла безъ большого шума, публика не замѣтила ея и спектакль продолжался безъ перерыва. Причиной провала пола, какъ показало разслѣдованіе, явилась слабость балокъ и недостаточный выпускъ досокъ настила по балкамъ. Зданіе Арбатскаго театра, еще до офиціальнаго его открытія служило Московской Дирекціи для устройства концертовъ и маскарадовъ. Первый маскарадъ былъ данъ въ немъ 29-го января 1808 года, а первый концертъ—22-го марта того же года.

Арбатскій театръ былъ открытъ 13-го апрѣля, нарочно сочиненнымъ на этотъ случай С. Н. Глинкой прологомъ «Баянъ пѣснопѣвецъ древнихъ словянъ» съ хорами, музыка для которыхъ была написана Кашинымъ [152]). Въ заключеніе спектакля данъ былъ новый большой балетъ «Олимпъ», сочиненіе д'Амираля. Къ этому времени московскій балетъ былъ усиленъ переводомъ изъ Петербурга танцовщиковъ Делиль, д'Амираль и Плетенъ, а балетмейстеромъ былъ назначенъ Лефевръ. Устроена была также и школа при театрѣ, такъ какъ 1-го января 1809 года, въ программѣ спектакля стояло: «Турецкій балетъ», сочиненіе д'Амираля, составленный изъ питомцевъ, находящихся при московскомъ театрѣ [153]). Съ открытіемъ Арбатскаго театра работа московскихъ Императорскихъ труппъ усилилась, такъ какъ спектакли давались и на Арбатскомъ театрѣ и на театрѣ въ домѣ Пашкова, гдѣ французскія представленія чередовались съ русскими, а съ сентября 1808 г. французскіе спектакли давались уже на Арбатскомъ театрѣ, который въ объявленіяхъ на французскомъ языкѣ именовался «Grand Théâtre». Съ осени 1808 года Московская французская труппа была значительно усилена; 16-го сентября 1808 года состоялся дебютъ французскихъ артистовъ «M. M. Andrieux, Mées, André et Dalmas et Mesdames Philis, Andrieux, Bertin et Mées, въ операхъ г. Далейрака «Château de Monténéro» и «Adolphe

[152]) «Московскія Вѣдомости», 10-го апрѣля 1808 года.
[153]) «Московскія Вѣдомости», 30-го декабря 1808 года.

et Clara, ou les 2 prisonieres» [154]). Режиссеромъ французской труппы былъ актеръ Арманъ, который 2-го августа 1809 г. [155]) самовольно сложилъ съ себя режиссерскія обязанности и замѣненъ былъ актеромъ Розе.

Управленіе Московскимъ театромъ въ 1808 году было поручено «Начальствующему», которымъ былъ назначенъ В. А. Всеволожскій и при немъ помощниками: по репертуарной части Арсеньевъ и по хозяйственной—Сухопрудскій.

6-го декабря 1809 года, въ 8 часовъ вечера, Императоръ Александръ I впервые посѣтилъ Московскій Арбатскій театръ, въ которомъ шла опера «Старинныя святки», съ Е. Сандуновой въ роли боярышни Настасьи. Когда Сандунова, съ кубкомъ въ рукѣ, вышла на сцену и запѣла «Слава нашему Царю, слава!», всѣ присутствовавшіе встали и обращаясь къ царской ложѣ закричали: «Слава Царю Александру!» [156]).

Въ Арбатскомъ театрѣ, еще до открытія его, былъ установленъ абонементъ на ложи и кресла. Абонентамъ Арбатскаго театра было предоставлено право удерживать за собою соотвѣтствующія мѣста въ спектакляхъ на театрѣ дома Пашкова. Цѣны мѣстамъ въ Арбатскомъ театрѣ (судя по объявленіямъ о концертахъ) были слѣдующія: ложи 1-го этажа—15 р., 2-го этажа—10 р. и 3-го этажа—5 р. Ложи бенуара—12 р., кресла—5 р., мѣста въ амфитеатрѣ и парадизѣ по 75 к. и входъ въ партеръ (въ которомъ не было стульевъ)—по 1 р.

Замѣтимъ кстати, что забытый нынѣ «партеръ», въ XVIII в. и въ началѣ XIX вѣка, по примѣру итальянскихъ и французскихъ театровъ, имѣлъ большое значеніе и у насъ. Въ партерѣ, за входъ въ который назначалась сравнительно незначительная плата, публика помѣщалась стоя. Контингентъ этой публики во Франціи составляли благовоспитанные люди, средняго достатка, знавшіе театръ и интересовавшіеся имъ, большею частью: артисты, литераторы, студенты, отчасти торговый классъ, вообще публика компетентная и нестѣснявшаяся въ громкихъ замѣчаніяхъ и смѣлыхъ шуткахъ. Въ «plaisant du parterre», какъ тогда называлось, сосредоточивалось остроуміе болѣе мѣткихъ и удачныхъ изъ этихъ замѣчаній и шутокъ, сыгравшихъ не малую роль въ исторіи французской сцены и драматической литературы. Въ одной французской энциклопедіи XVIII ст., говорится о партерѣ такъ: «C'est l'espace qui est compris entre le théâtre et l'amphithéâtre; les anciens l'appelaient orchestre. Le sol du parterre forme un plan incliné, qui s'élève insensiblement depuis l'orchestre, où nous plaçons les musiciens jusqu'à l'amphithéâtre. En France, les spectateurs se tiennent debout dans le parterre, et en Angleterre il est rempli de sièges

154) «Московскія Вѣдомости» 16-го сентября 1808 года.
155) Общ. Арх. М. И. Двора, Д. Т. дѣло 1807—1809 гг. № 105.
156) М. И. Пыляевъ. Старая Москва, стр. 143.

ou de banquettes. On appelle aussi parterre la collection des spectateurs, qui ont leur place dans le parterre; c'est lui qui décide du mérite des pièces: on dit les jugemens, les cabales, les applaudissemens, les sifflets du parterre». Всюду партеръ театра посѣщался весьма охотно. Въ партерѣ театра «Comédie-Française» въ Парижѣ бывала большая тѣснота, о которой еще въ 1682 г. писалъ аббатъ Делапортъ. Въ 1782 году, при переводѣ «Comédie Française», въ новое помѣщеніе, гдѣ прежде былъ отель Конде (нынѣшній театръ «Odéon»), «parterre debout» былъ замѣненъ «parterre assis». По этому поводу въ Парижѣ возникла большая полемика, весь Парижъ раздѣлился на двѣ партіи, при чемъ авторы пьесъ, актеры и любители театра горячо отстаивали «стоячій» партеръ и добились того, что позднѣе, при возобновленіи зданія Итальянскаго театра, администрація отказалась отъ устройства «сидячаго» партера [157]). Большой сторонникъ стоячаго партера, Р. Зотовъ, видѣлъ въ немъ средство сдѣлать театръ доступнымъ, а слѣдовательно соотвѣствующимъ его педагогическимъ задачамъ. «Стоитъ только утвердительно опредѣлить нравственную цѣль театра, говорилъ онъ, и тогда неизбѣжнымъ выводомъ будетъ—стараться о образованіи низшаго сословія зрителей». Сожалѣя объ упраздненіи въ XIX ст. партера въ русскихъ императорскихъ театрахъ, Зотовъ говоритъ [158]): «Партеръ составляетъ какъ бы необходимую принадлежность театра. Безъ партера не развивается въ среднемъ сословіи страсти къ театру. Жизнь, придаваемая партеромъ, поощряетъ актеровъ и заставляетъ ихъ опасаться найти тутъ строгихъ и образованныхъ судей».

Дирекція, пользуясь еще ранѣе исключительнымъ правомъ на маскарады, открыла ихъ въ Арбатскомъ театрѣ. Первый маскарадъ въ этомъ театрѣ данъ былъ 31-го декабря 1808 г., наканунѣ новаго года. Маскарады назначались съ 9½ часовъ вечера до 3 часовъ ночи. Въ дни маскарадовъ спектакли начинались въ 5 часовъ вечера. Обыкновенно же начало спектакля назначалось въ 6½ часовъ вечера. Плата за входъ въ маскарады опредѣлялась по 1 рублю, ложи продавались отдѣльно.

Съ открытіемъ Арбатскаго театра жизнь Московскихъ театровъ стала входить въ регулированныя рамки. 8-го августа 1808 года изданъ былъ первый Штатъ Императорскихъ Московскихъ театровъ [159]), составленный и подписанный А. Л. Нарышкинымъ. Штатъ этотъ раздѣленъ на слѣдующія семь частей: I) *Контора* изъ 13 лицъ. Во главѣ конторы былъ поставленъ: «Начальствующій» (жалованье 3.000 р. въ годъ), съ двумя помощниками и переводчикомъ. Въ конторѣ значились: казначей, бухгалтеръ, секретарь, докторъ, подлекарь, канцелярскіе служители и присяжные (при

[157]) A. Pougin. Dictionnaire du Théâtre. p. 586—587.
[158]) Р. Зотовъ. Театральныя воспоминанія, стр. 22 и 25.
[159]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки III, стр. 268.

продажѣ билетовъ). Стоимость содержанія конторы—11.350 р.; II) *Хозяйственная часть:* содержаніе смотрителя театра, содержаніе экипажей (12.000 р.), отопленіе, наемъ домовъ для гардероба, для писанія декорацій и для помѣщенія служащихъ, ремонтъ зданій и содержаніе служителей (унтеръ-офицеровъ, инвалидовъ, дворниковъ, разнощиковъ афишъ, метельщиковъ и истопниковъ), всего на сумму 38.708 рублей; III) *Художественная часть*—содержаніе декораціонной и машинной частей—28.900 р.; IV) *Уборная часть*—содержаніе гардеробной и бутафорской частей — 31.250 р.; V) *Сцена* и *оркестръ*—сюда вошли: Россійскій театръ—35.000 р., французскій театръ—36.000 р., балетъ—32.000 р., оркестръ—32.000 р., капельдинеры, статисты и проч.—12.760 р., а всего—147.760 р.; VI) *Заведенія театра*, а именно: театральная школа—22.000 р., расходы по типографіи и библіотекѣ—2.000 р., нотная контора и музыкальные инструменты—3.000 р., а всего 27.000 р. и VII) *Неопредѣленные расходы:* «въ награду за сочиненія и переводы театральныхъ пьесъ»—1.000 р., плата Воспитательному дому 10% со сбора — 15.000 р. и экстраординарные расходы—5.032 р., а всего—21.032 р. Весь расходъ по штату, или вѣрнѣе по бюджету, такъ какъ въ немъ приведены лишь общія цифры ассигнованій,—опредѣлился въ 326.000 рублей. Расходы предположено покрыть въ 150.000 р.—сборами съ театровъ и въ 176.000 р.—отпускомъ изъ Государственнаго казначейства.

Несмотря на то, что Московскій театръ открылся съ хорошими сборами, постройка Арбатскаго театра ввела Дирекцію въ долги и 6-го марта 1809 года Нарышкинымъ было испрошено Высочайшее разрѣшеніе [160]) на заемъ денегъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, подъ залогъ принадлежавшихъ Дирекціи въ Москвѣ каменныхъ строеній. Въ 1809 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе— «строеніе Петровскаго театра и воксала (который принадлежалъ прежде Медоксу), а также принадлежащіе къ театру дома, у князя Сибирскаго купленные, продать и вырученную за нихъ сумму употребить на заплату долговъ театра въ Опекунскій Совѣтъ», но эта продажа была, по желанію Императрицы Маріи Θеодоровны, отложена. Въ 1810 году на покрытіе долга Московской Дирекціи было ассигновано изъ Государственнаго казначейства—52.508 р., но Дирекція, за получившимися въ томъ году остатками по бюджету, не воспользовалась этимъ ассигнованіемъ.

Нарышкинскій штатъ 1808 года имѣлъ временное лишь значеніе до 1-го января 1810 года, въ ожиданіи законоположеній и штата, которые разработывала учрежденная еще въ 1803 году комиссія Гурьева и Нарышкина. Въ 1809 году труды этой комиссіи были закончены и 28-го декабря 1809 года, т. е. ровно черезъ 4 года послѣ учрежденія Московскихъ театровъ, состоялась Высочайшая конфирмація слѣ-

[160]) Ibid., стр. 269.

ственно и дѣлопроизводство конторы распредѣляется по тремъ столамъ. Дѣла въ конторѣ производятся по запискамъ членовъ, вносимымъ въ дневной журналъ конторы. Журналъ утверждается Главнымъ Директоромъ. Репертуаръ составляется членомъ репертуарной части, по соглашенію съ другимъ членомъ, и утверждается Главнымъ Директоромъ. Пьесы разсматриваются также членомъ репертуарной части и постановка ихъ утверждается Главнымъ Директоромъ, но если стоимость постановки превышаетъ 5.000 рублей, то объ ней представляется письменно на Высочайшее разрѣшеніе. Ежегодно Главный Директоръ представляетъ всеподданнѣйшій отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ и о состояніи хозяйственной части. Отчетъ представляется также Управляющимъ Московскимъ театромъ, который ежегодно, въ Великомъ посту, пріѣзжаетъ въ Петербургъ, для установленія, въ полномъ составѣ присутствія конторы, предположеній на будущій годъ. Составъ театровъ въ каждой столицѣ опредѣленъ: 1) изъ трехъ труппъ: Россійской, французской и балетной, и кромѣ того нѣмецкой въ С.-Петербургѣ, на «особомъ положеніи учреждаемой», 2) изъ оркестровъ при всѣхъ труппахъ, и 3) Театральной школы, «для наполненія труппъ и оркестровъ собственными воспитанниками». Въ Постановленіи изложены подробности распредѣленія предметовъ вѣдѣнія по отдѣленіямъ конторы и общій порядокъ дѣлопроизводства.

Б) *«Правила Управленія Императорскаго Московскаго театра»,* излагаютъ въ 21 пунктахъ общую организацію Московскихъ театровъ въ слѣдующемъ видѣ. Управленіе театрами поручено третьему члену конторы Дирекціи Театральной, съ именованіемъ его Управляющимъ Московскихъ театровъ. При Управляющемъ состоятъ 2 помощника, одинъ по репертуарной, а другой по хозяйственной части. Общее ихъ присутствіе составляетъ Контору Московскаго Императорскаго театра, какъ отдѣленіе конторы Театральной Дирекціи. Для письменныхъ дѣлъ при конторѣ состоитъ секретарь съ канцелярскими служителями, а для храненія суммъ казначей со счетчиками.

Для производства дѣлъ въ конторѣ рекомендованъ «самый краткій и ясный порядокъ, приличный свойству и предметамъ ея занятія», а именно: всякій вопросъ, направляемый къ разрѣшенію и исполненію, записывается въ дневной журналъ; Управляющій отдаетъ приказанія по общемъ «разсужденіи» съ помощниками, которые при несогласіи могутъ, не останавливая рѣшенія, представлять свое мнѣніе въ контору Дирекціи въ Петербургѣ.

На обязанность Управляющаго театрами возложено: а) надзоръ за точнымъ исполненіемъ «должностей актеровъ, дансеровъ, музыкантовъ» и всѣхъ лицъ, въ составъ Московскаго театра входящихъ; б) веденіе всего прихода и расхода суммъ;

в) наблюденіе за всѣмъ хозяйствомъ театра; г) все хозяйство Театральной школы и устраиваемыхъ Дирекціей маскарадовъ; д) «смотрѣніе за вѣрностью сборовъ и попечительство объ умноженіи доходовъ отъ буфетовъ»; е) «расположеніе репертуара сообразно выгодамъ театра и удовольствію публики»; ж) заботы объ «усовершенствованіи гардероба и декорацій, при должной бережливости въ издержкахъ на нихъ». Обязанность помощниковъ состоитъ «въ точномъ и рачительномъ исполненіи всѣхъ распоряженій Управляющаго».

Денежный порядокъ таковъ: для повѣрки сборовъ съ публики установлена запись всѣхъ абонентовъ въ журналъ конторы и записки о сборахъ при вечеровой продажѣ билетовъ. Храненіе суммъ указано при конторѣ, за ключами казначея и печатью Управляющаго, съ выдѣленіемъ 300 рублей на мелочные расходы. Всякая выдача денегъ производится по постановленію общаго присутствія конторы. Установлены: ежемѣсячная ревизія суммъ у казначея, представленіе въ Петербургъ съ *каждой почтой* свѣдѣній о доходахъ и ежегодный отчетъ о суммахъ и хозяйственныхъ заведеніяхъ.

Порядокъ пріема на сцену пьесъ регулированъ слѣдующими стѣснительными и связанными съ проволочкою правилами: «Поступающія въ контору отъ авторовъ или переводчиковъ новыя пьесы разсматриваются Управляющимъ съ помощниковъ репертуарной части и когда признаны будутъ достойными представленія, то Управляющій, въ общемъ присутствіи конторы, дѣлаетъ положеніе и исчисленіе, во что постановленіе тѣхъ пьесъ обойтись можетъ». При этомъ Управляющій наблюдаетъ, «что ежели издержки, потребныя на пьесу, не превосходятъ 2.000 рублей, то, по общему разсужденію въ конторѣ, самъ онъ разрѣшаетъ постановленіе пьесы, буде же издержки будутъ простираться свыше 2.000 р., въ такомъ случаѣ сдѣланное исчисленіе представляетъ конторѣ Театральной Дирекціи на ея разрѣшеніе, объясняя вмѣстѣ и тѣ выгоды, какія театръ представленіемъ той пьесы получить можетъ».

Опредѣленіе на службу русскихъ актеровъ и «дансеровъ» обставлено такъ: «Когда кто нибудь просить будетъ увольненія, или по старости и по другимъ какимъ причинамъ окажется неспособнымъ къ исполненію занимаемаго имъ амплуа, то Управляющій имѣетъ заблаговременно попеченіе о выборѣ способнаго для сего таланта, дѣлаетъ ему испытаніе и даетъ дебютъ, но объ дѣйствительномъ опредѣленіи въ труппу представляетъ въ контору Театральной Дирекціи. Равнымъ образомъ, если представится талантъ, заслуживающій особое вниманіе, то Управляющій, сдѣлавъ испытаніе и давъ ему дебютъ, представляетъ конторѣ Театральной Дирекціи о принятіи въ Россійскую труппу, хотя бы и вакансій не было. Объ увольненіи

актеровъ по неспособности ихъ, или по другимъ какимъ обстоятельствамъ Управляющій представляетъ конторѣ Театральной Дирекціи, съ объясненіемъ тѣхъ причинъ, которыя къ сему побуждаютъ». Музыкантовъ же предоставлено Управляющему принимать на вакансіи и увольнять отъ службы, если они получаютъ 500 р. въ годъ и менѣе, а о прочихъ испрашивать утвержденія Дирекціи. Бенефисы артистамъ по контрактамъ предоставлены распредѣленію Управляющаго, смотря по службѣ, достоинству и таланту каждаго, «но о бенефисахъ, которые по заслугамъ и талантамъ назначены быть слѣдуютъ (т. е. не по контракту, а въ видѣ награды), Управляющій представляетъ на разсмотрѣніе и утвержденіе конторѣ Театральной Дирекціи».

Приведенными правилами дѣятельность Управляющаго Московскими театрами и Московской конторы театровъ поставлена подъ стѣснительную опеку Петербургской Дирекціи. Стѣснительность эта особенно замѣтна въ отношеніи репертуарной части, т. е. по опредѣленію и увольненію артистовъ и по выбору и постановкѣ пьесъ. Ограниченная свобода распоряженія Управляющаго, даже въ рамкахъ годового бюджета, окладами артистовъ и выборомъ репертуара и въ настоящее время, при существованіи желѣзныхъ дорогъ, телеграфа и телефона, оказалась бы неудобной и привела бы къ невыгоднымъ проволочкамъ. Тѣмъ значительнѣе должны были проявляться стѣсненія и проволочки въ началѣ прошлаго столѣтія, когда сообщеніе Петербурга съ Москвой было затруднительно и при всякихъ экстренностяхъ, неизбѣжныхъ въ театральномъ дѣлѣ, Московской конторѣ приходилось пользоваться не ежедневной, а очередной почтой или оказіей. Несомнѣнно, что стѣснительность для Московскихъ театровъ Петербургской мелочной опеки послужила однимъ изъ поводовъ къ выдѣленію ихъ впослѣдствіи изъ вѣдѣнія Петербургской Дирекціи.

Правила управленія, въ концѣ изложенія, рекомендуютъ Московской конторѣ сообразовать внутреннее управленіе театра съ законодательствомъ по Петербургскимъ театрамъ, а именно: съ общимъ постановленіемъ Театральной Дирекціи, приведеннымъ уже выше и «съ правилами, въ особенномъ начертаніи внутренняго порядка изъясненными», къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ,

В) «*Порядокъ внутренняго управленія Императорскаго Московскаго театра*» состоитъ изъ 23-хъ отдѣльныхъ статей и можетъ быть раздѣленъ на двѣ части. Въ первой части, въ 14 статьяхъ, излагаются въ подробности обязанности служебнаго персонала конторы театра, по должностямъ [163]): а именно: ст. 1-ая—«Должность Управляющаго», по которой «всѣ дѣйствія по театру, безъ исключенія, должны быть непремѣнно слѣдствіемъ распоряженія Управляющаго и безъ его вѣдѣнія и приказанія ничто въ театрѣ и по вѣдомству онаго послѣдовать не должно»; ст. 2-ая—

163) Ibid., стр. 282.

«Должности помощниковъ»: I) помощника по репертуарной части: 1) наблюденіе за службой артистовъ, 2) наблюденіе за ходомъ спектаклей и репетицій, 3) храненіе гардероба и бутафорскихъ вещей, 4) «смотрѣніе» за исправностью машинъ и декорацій, 5) «разсмотрѣніе обще съ Управляющимъ» всѣхъ пьесъ и 6) завѣдываніе театральной школой по педагогической части; II) помощника по хозяйственной части: 1) веденіе прихода и расхода суммъ, 2) наблюденіе за бухгалтеріей, 3) надзоръ за зданіями, 4) содержаніе экипажей, 5) закупка вещей и матеріаловъ, 6) содержаніе воспитывающихся въ школѣ, 7) наблюденіе въ хозяйственномъ отношеніи за маскарадами и 8) смотрѣніе за вѣрностью сборовъ и умноженіемъ хозяйственныхъ доходовъ, и III) общія должности помощниковъ—«вспомоществовать Управляющему въ дѣлѣ управленія театра и въ его улучшеніи»; ст. 3-ая—«Контора». По этой статьѣ контора собирается ежедневно и все, что происходитъ въ присутствіи конторы, записывается секретаремъ въ журналъ; ст. 4«-ая—Должность секретаря», которому подчинены всѣ канцелярскіе служители, заключается въ письменномъ производствѣ, веденіи журналовъ и списковъ и храненіи контрактовъ; ст. 5-я«—Должность канцелярскихъ служителей», распредѣляемыхъ по двумъ отдѣленіямъ или столамъ—репертуарному и хозяйственному; ст. 6-ая—«Порядокъ производства письменныхъ дѣлъ», съ указаніемъ формъ журналовъ, реестровъ, записокъ и прочаго; ст. 7-ая—«Должность штабъ-лекаря», обязаннаго лечить всѣхъ больныхъ служащихъ въ Дирекціи, свидѣтельствовать отговаривающихся болѣзнями и присутствовать въ одномъ изъ театровъ при спектакляхъ; ст. 8-ая—«Должность капельдинеровъ»—въ назначенныхъ имъ мѣстахъ въ театрѣ принимать зрителей, показывать по билетамъ мѣста, «смотрѣть, чтобы никто безъ билета не вошелъ», послѣ спектакля осматривать, «не оставилъ ли кто чего изъ зрителей, и все, что найдено будетъ», представлять въ контору. Капельдинерамъ (и исключительно имъ въ театрѣ) предоставлено носить Императорскую ливрею. Капельдинеры назначаются по очереди дневальными при Управляющемъ, для посылокъ, но статья 8-ая категорически говоритъ: «особыхъ и непремѣнныхъ капельдинеровъ ни Управляющему, ни помощникамъ его у себя не имѣть»; ст. 9-ая—«Должность унтеръ-офицеровъ», которые имѣютъ «одинаковую обязанность съ капельдинерами и употребляются по недостатку оныхъ»; ст. 10-ая—«Должность переводчика»—переводить контракты и бумаги, а также за положенное вознагражденіе и пьесы; ст. 11-ая—«Должность смотрителя за гардеробомъ, декораціями, портными и для закупокъ вообще»,—закупать всѣ матеріалы по монтировочной части, вести вечеровые расходы при спектакляхъ и исполнять все то, что для смотрителя указано въ положеніяхъ о гардеробѣ и декораціяхъ; ст. 12-ая—«Должность казначея»—имѣть въ своемъ храненіи казну, производить выдачу жалованья и другія уплаты, записывать при-

ходъ и расходъ и ежемѣсячно представлять конторѣ отчетныя вѣдомости; ст. 13-ая—«Должность бухгалтера»—вести книги прихода и расхода денегъ и вещей и составлять о нихъ вѣдомости и отчеты, и ст. 14-ая—«Должность смотрителя надъ театромъ и домами»—наблюдать въ нихъ за отопленіемъ, освѣщеніемъ, чистотой и за исправностью по части полицейской, а также вести «опись подробную строенію и всему въономъ находящемуся».

Вторая часть «порядка внутренняго управленія Московскаго театра», ссылаясь во многихъ случаяхъ на «порядокъ внутренняго управленія Дирекціи Театральной», въ отдѣльныхъ положеніяхъ, регулируетъ съ большими подробностями различныя стороны жизни театра. Этихъ положеній 9: 1) «Учрежденіе репертуара и постановленіе пьесъ»; 2) «Принятіе и постановленіе новыхъ балетовъ и пьесъ»; 3) «О бенефисахъ»; 4) «О гардеробѣ»; 5) «О декораціи»; 6) «О продажѣ и принятіи у входа билетовъ»; 7) «О экипажахъ»; 8) «О домахъ и квартирныхъ деньгахъ», и 9) «О школѣ». Въ означенномъ, хотя и недостаточно систематичномъ порядкѣ оригинала, мы разсмотримъ эти девять положеній, охватывавшихъ весь обиходъ Московскихъ театровъ начала XIX вѣка.

1) *«Учрежденіе репертуара и постановленіе пьесъ»*, въ сущности, является попыткой къ составленію режиссерскихъ правилъ, и можетъ быть раздѣлено на 2 части. Первая часть опредѣляетъ порядокъ составленія и объявленія репертуара, а вторая часть является краткимъ и весьма неполнымъ дисциплинарнымъ уставомъ для артистовъ. Мало разработанный и недостаточно опредѣленный въ нормахъ взысканій, уставъ этотъ является, послѣ извѣстныхъ нѣмецкихъ правилъ комитета 1783 года, первымъ въ исторіи русскаго театра, спеціальнымъ уставомъ о наказаніяхъ для артистовъ.

Положеніе, прежде всего, рекомендуетъ Управляющему театромъ—избирать лучшія пьесы для репертуара, съ одной стороны, для доставленія публикѣ «удовольствія новостью ихъ, разнообразіемъ и изяществомъ», а съ другой—для соблюденія выгодъ театра. Управляющій, вмѣстѣ съ помощниками, составляетъ предположительный годовой репертуаръ. Ежемѣсячно, помощникъ по репертуарной части составляетъ репертуаръ на предстоящій мѣсяцъ, изъ лучшихъ и лучше подготовленныхъ пьесъ. Этотъ мѣсячный репертуаръ Управляющій разсматриваетъ вмѣстѣ съ обоими помощниками, въ собраніи всѣхъ актеровъ, балетмейстера, костюмера, декоратора, капельмейстера и машиниста, иначе говоря собираетъ репертуарный совѣтъ, который уже и «постановляетъ опредѣлительный репертуаръ на цѣлый мѣсяцъ». По утвержденіи Управляющимъ репертуаръ этотъ въ копіяхъ объявляется всѣмъ актерамъ, балетмейстеру, костюмеру и прочимъ, «дабы всякій изъ нихъ по его части

могъ къ назначенному дню готовъ быть для своего дѣла». Затѣмъ, въ началѣ каждой недѣли, Управляющій постановляетъ репертуаръ недѣльный. При этомъ Управляющій и его помощникъ должны всячески стараться, чтобы намѣченный мѣсячный репертуаръ осуществлялся безъ перемѣнъ. Единственной законной причиной перемѣны репертуара признается «сильная и важная болѣзнь актера и невозможность замѣнить его другимъ». Сообразно недѣльнымъ репертуарамъ назначаются репетиціи, съ указаніемъ дней и часовъ для пробы каждой пьесы.

Дисциплинарная часть положенія, во-первыхъ устанавливаетъ время явки артистовъ въ спектакль. А именно: для актеровъ—за часъ до спектакля, а для музыкантовъ—за полчаса. Актеры должны быть готовы выйти на сцену за четверть часа до спектакля. Во-вторыхъ, положеніе предусматриваетъ слѣдующія нарушенія театральной дисциплины и взысканія за нихъ, налагаемыя «на актеровъ, актрисъ, музыкантовъ и дансеровъ»:

а, Неявка на репетицію или опозданіе на нее болѣе ¼ часа, въ первый разъ—штрафъ въ размѣрѣ недѣльнаго жалованья, во второй разъ — двойной штрафъ, а въ третій разъ и болѣе—мѣсячный штрафъ и арестъ, по назначенію Управляющаго.

б, Опозданіе на спектакль—двойной штрафъ, противъ назначеннаго за опозданіе на репетицію.

в, Неявка на спектакль—долговременный арестъ и вычетъ изъ жалованья. Такое взысканіе вносится въ списокъ (послужной) артиста въ конторѣ, «дабы всегда оставался оной (т. е. конторѣ) на виду». Оправданіемъ неявки можетъ служить лишь тяжкая внезапная болѣзнь.

г, Нерадѣніе и дерзость наказываются арестомъ и денежнымъ штрафомъ, о чемъ дается знать конторѣ театральной Дирекціи въ Петербургѣ.

2) «*Принятіе и постановленіе новыхъ балетовъ и пьесъ*». Это положеніе, входящее подъ той же рубликой въ постановленіе «Внутренняго порядка Дирекціи Театральной», заключаетъ въ себѣ впервые, весьма несистематично изложенныя, но подробно разработанныя правила авторскаго вознагражденія. Принципъ этого вознагражденія ставится такой: «дабы выгоды авторовъ и переводчиковъ были для нихъ не подвержены никакому сомнѣнію и служили бы одобреніемъ къ большимъ трудамъ, назначается опредѣлительное положеніе воздаянія—соразмѣрно достоинэтву каждаго». Законодательство 1809 года, устанавливая особыя непремѣнныя правила, «какъ къ пользѣ и выгодамъ самой Дирекціи, такъ и къ одобренію талантовъ служащія», считало необходимымъ эти правила «сдѣлать публикѣ извѣстными и неизмѣняемо оныя соблюдать». [164]).

[164]) В. П. Погожевъ, Историческіе очерки II, стр. 149—152..

Положеніе устанавливаетъ четыре способа пріобрѣтенія Дирекціей пьесъ: 1) Уступкой въ пользу автора одного сбора со 2-го, 3-го или 4-го представленія пьесы; 2) Единовременной уплатой автору или переводчику отъ 200 р. до 900 р. за пьесу; 3) Годовымъ жалованьемъ капельмейстерамъ за сочиненіе оперной и балетной музыки и 4) Безплатно—постановкой пьесы въ бенефисъ одного изъ артистовъ, которому предоставляется самому входить въ соглашеніе съ авторомъ или переводчикомъ. Поставленная въ бенефисъ пьеса тѣмъ самымъ поступала въ собственность Дирекціи.

Мѣра награжденія автора измѣнялась сообразно тому: 1) составляетъ ли пьеса оригинальное произведеніе, или переводъ; 2) Написана ли пьеса въ стихахъ или въ прозѣ; 3) въ зависимости отъ числа актовъ въ пьесѣ и наконецъ 4) въ соразмѣрности съ достоинствомъ оригинальныхъ пьесъ, а для пьесъ переводныхъ— съ важностью пьесы и со слогомъ перевода. Нормальнымъ способомъ пріобрѣтенія музыки для оперъ признавался заказъ ея, безъ особаго за каждую пьесу вознагражденія, капельмейстерамъ Дирекціи, получавшимъ годовое содержаніе. Но помимо того, Положеніе устанавливало особыя нормы совмѣстнаго вознагражденія сочинителей либретто и музыки, а также вознагражденія сочинителей оригинальныхъ оперныхъ либретто. Сочиненіе балетовъ и музыки къ нимъ возлагалось законодательствомъ 1809 года на балетмейстеровъ и капельмейстеровъ (на годовомъ жалованьи), безъ назначенія особаго за каждую пьесу вознагражденія.

Положеніе 1809 года, предписывая производить уплату денегъ авторамъ и переводчикамъ лишь послѣ третьяго представленія, т. е. по выясненіи успѣха пьесы, установило слѣдующій расчетъ вознагражденія:

а) *За оригинальныя драматическія произведенія (трагедія, драма и комедія).* 1) *въ стихахъ*:

За пьесу въ 5 дѣйствіяхъ—сборъ со 2-го представленія
» » 3 » » » 3-го »
» » 1 » » » 4-го » или единовременно
отъ 500 до 700 рублей.

2) *въ прозѣ*:
За пьесу въ 5 дѣйствіяхъ—сборъ съ 3-го представленія
» » 3 » » » 4-го » или единовременно
отъ 500 до 700 рублей.

За пьесу въ 1 дѣйствіи—единовременно отъ 400 руб. до 500 рублей.
За 2 пьесы въ 1 дѣйствіи сборъ съ 3-го представленія.

б) *За переводы драматическихъ произведеній.*

За пьесу въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ—сборъ съ 3-го представленія.
» » » 5 » » прозѣ единовременно отъ 500 р. — 700 р.
» » » 3 » » » » » 300 » — 500 »
» » » 1 » » » » » 200 » — 300 »

в) *За оперную музыку съ либретто:*

За оперу въ 3 дѣйствіяхъ—сборъ со 2-го представленія.
» » » 1 » » » 3-го »

г) *За оперное либретто:*

За оперу въ 3 или 4 дѣйств. въ стих. единовр. отъ 700 р. — 900 р.
» » » 3 » 4 » » прозѣ » » 500 » — 700 »
» » » 1 дѣйств. въ стихахъ или проз. отъ 300 » — 500 »

Такимъ образомъ положеніе 1809 года оставляло открытыми вопросы о вознагражденіи переводныхъ въ стихахъ пьесъ менѣе 5 актовъ, переводовъ оперныхъ либретто, а также вообще всѣхъ драматическихъ произведеній съ четнымъ числомъ актовъ. Вопросъ о передѣлкахъ иностранныхъ пьесъ на русскіе нравы вовсе не предусматривался; надо думать, что таковыя трактовались, какъ оригинальныя пьесы.

Сочинителямъ пьесъ предоставлялось право распредѣленія ролей, а сверхъ того сочинители нѣсколькихъ, имѣвшихъ успѣхъ, пьесъ получали срочное или безсрочное право на безплатный входъ въ театръ. Распредѣленіе ролей въ переводныхъ пьесахъ переводчикамъ не предоставлялось.

Эти правила рекомендованы и для Московскаго театральнаго Управленія, при чемъ пьеса оплачивалась въ одной изъ столицъ, а право представленія ея пріобрѣталось театрами обѣихъ столицъ. Переводы пьесъ въ Москвѣ могли быть поручаемы состоявшему при Московскомъ театрѣ переводчику; но этотъ переводъ, въ случаѣ принятія пьесы на сцену, оплачивался согласно Положенію.

На основаніи Положенія 1809 года, разсмотрѣніе пьесы въ Дирекціи предшествуетъ представленію ея въ Цензурный Комитететъ. Порядокъ такой: авторъ представляетъ пьесу въ контору, гдѣ она вносится въ реестръ. Членъ репертуарной части (въ Москвѣ—соотвѣтствующій помощникъ Управляющаго) прочитываетъ пьесу и вноситъ съ замѣчаніями на разсмотрѣніе Директора (въ Москвѣ—Управляющаго), при этомъ могутъ быть указываемы необходимыя исправленія въ пьесѣ.

Если послѣ того пьеса будетъ пропущена цензурой, то она вносится въ репертуаръ. Въ Конторѣ дѣлается исчисленіе потребныхъ для постановки пьесы издержекъ и назначается время постановки. Постановкѣ балетовъ всегда должно предшествовать утвержденіе представленной балетмейстеромъ программы.

3) «*О бенефисахъ*». Театральная практика начала прошлаго столѣтія и законодательство 1809 г. придавали особенное значеніе институту бенефисовъ, которые въ то время отвѣчали интересамъ Дирекціи, облегчая ей способъ дарового пріобрѣтенія въ репертуаръ новыхъ пьесъ. Въ послѣдствіи, этотъ самый институтъ обратился въ источникъ серьезныхъ затрудненій для Дирекціи и въ репертуарномъ и въ финансовомъ отношеніи. Положеніе «о внутреннемъ порядкѣ театральной Дирекціи» отводитъ вопросу о бенефисахъ 11 пространныхъ статей.

Бенефисы дѣлятся на 2 разряда: бенефисы *наградные*, назначаемые Директоромъ за долговременную службу и «за отличные таланты» и бенефисы «по установленію»» или по *контракту*.

Артисты, имѣющіе бенефисы, обязаны избирать пьесы, не принадлежащія Дирекціи, а слѣдовательно не подлежащія оплатѣ ею авторскаго вознагражденія впослѣдствіи. Расходы по постановкѣ пьесъ въ бенефисы оплачиваются самимъ бенефиціантомъ. Дирекція возмѣщаетъ бенефиціанту лишь издержки по гардеробу, въ драмѣ до 50 рублей, а въ балетѣ до 100 рублей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимаетъ на себя вечеровые расходы, т. е. освѣщеніе, плату статистамъ (не болѣе 24 человѣкъ), поденщикамъ и плату за печатаніе афишъ (2 анонса и 1 подробная программа), кромѣ особыхъ объявленій. Если въ бенефисъ взята опера, то Дирекція оплачиваетъ расходы на музыкальный матеріалъ лишь въ томъ случаѣ, когда опера войдетъ въ репертуаръ театра, иначе эти расходы падаютъ на бенефиціанта.

Въ отношеніи бенефисовъ театральный сезонъ дѣлится на 2 періода: *лучшій*— отъ 1-го сентября до Великаго поста и 2 недѣли послѣ Пасхи и *худшій*—въ остальное время. Три недѣли предшествующія закрытію спектаклей передъ Рождествомъ, недѣля передъ маслянницей и недѣля послѣ Пасхи—закрыты для бенефисовъ. Непремѣннымъ правиломъ распредѣленія бенефисовъ поставлено, «чтобы актеръ или танцовщикъ, получившій въ одинъ годъ день представленія въ лучшее время, на другой годъ получитъ оный въ худшее».

Лучшимъ драматическимъ актерамъ дозволялось брать въ бенефисы, кромѣ драматическихъ пьесъ,—также и балеты. Танцовщики должны для бенифисовъ брать новые балеты, но имъ дозволялось прибавлять къ спектаклю также и драматическія пьесы, кромѣ новыхъ французскихъ.

Бенефисамъ ведется строгая очередь. При уклоненіи артиста отъ исполненія бенефиса, таковой исполняется безъ согласія бенефиціанта, а ему выдается полученный сборъ. Съ разрѣшенія Директора бенефиціантамъ предоставлено мѣняться очередями бенефисовъ. При пропускѣ дня бенефиса, слѣдующій бенефисный день предоставляется очередному бенефиціанту. Въ случаѣ болѣзни бенефиціанта, продолжающейся болѣе 6 мѣсяцевъ, бенефисъ его переносится въ худшій періодъ, а въ случаѣ болѣзни долѣе 9 мѣсяцевъ,—бенефиціантъ вовсе лишается бенефиса.

По смыслу положенія надо заключить, что бенефисы были полные, т. е. весь сборъ поступалъ въ пользу бенефиціанта, за вычетомъ 10% Опекунскому Совѣту. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Дирекція сама оплачивала вечеровые расходы, плата Опекунскому Совѣту опредѣлялась не въ $^1/_{10}$, а въ $^1/_9$ сбора, получаемаго бенефиціантомъ.

4) «*О гардеробѣ*» и 5) «*О декораціяхъ*». Оба эти положенія устанавливаютъ внутренній порядокъ монтировочнаго хозяйства, во главѣ котораго поставленъ «Чиновникъ для смотрѣнія за декораціями, гардеробомъ, портными и для закупокъ». Завѣдываніе гардеробною частью возложено на главнаго портного, а декораціонною—на главнаго машиниста.

Всему монтировочному инвентарю заведены описныя шнуровыя книги, и всѣ вещи дѣлятся по родамъ и нумеруются въ книгахъ и въ натурѣ.

Постройка новыхъ вещей дѣлается послѣ совѣщанія, въ которое помощникъ по репертуарной части приглашаетъ: по гардеробу—режиссера и главнаго портного, а по декораціонной части—главнаго машиниста, машинистовъ и декораторовъ. Новыя гардеробныя вещи заготовляются по рисункамъ, сообразно которымъ составляются требованія на матеріалы. Требованія эти обсуждаются обоими помощниками Управляющаго, и смотритель гардероба и декорацій получаетъ порученіе на закупку матеріаловъ, которые повѣряются фактически на изготовленныхъ вещахъ. Мелочныя поправки производятся за счетъ 500 рублей, выдаваемыхъ на руки смотрителю гардероба и декорацій. Обсужденію вопроса о заготовленіи декорацій предшествуетъ представленіе режиссеромъ выписки всего необходимаго. Новыя вещи по гардеробу представляются къ осмотру и пробѣ въ часъ дня въ день 1-го представленія пьесы, а новыя декораціи къ генеральной репетиціи. Раскладка вещей по уборнымъ артистовъ, въ дни спектаклей назначена, въ 3½ часа дня. Бутафоры, парикмахеры и башмачники, состоящіе въ вѣдѣніи смотрителя гардероба и декорацій, руководствуются тѣми же правилами о срокахъ заготовленія вещей.

Ежегодно, въ Великомъ посту, помощникъ Управляющаго по хозяйственной части производитъ ревизію всего монтировочнаго инвентаря. Конторѣ вообще рекомендуется, по возможности, избѣгать расходовъ и обходиться наличнымъ инвентаремъ.

Оба положенія по монтировочной части страдаютъ отсутствіемъ системы въ изложеніи, существенными пропусками и даже противорѣчіями. Такъ напримѣръ, говоря о генеральныхъ репетиціяхъ, положеніе о декораціяхъ требуетъ чтобы лицо отвѣтственное за исправность представленій, т. е. Управляющій, или его помощникъ, видѣлъ на репетиціи «даваемый вновь спектакль въ томъ видѣ, какъ оный долженъ быть въ представленіи и могъ назначить заблаговременно переправки или прибавленія», между тѣмъ, по положенію о гардеробѣ, представленіе вновь изготовленныхъ вещей требуется лишь въ 1 часъ дня, въ день перваго спектакля.

6) «*О продажѣ и принятіи у входа билетовъ*». Это положеніе слѣдуетъ расчленить по двумъ отдѣламъ: первый—общій для Петербурга и Москвы кассовый порядокъ, согласно «порядку внутренняго управленія театральной Дирекціи» и второй, спеціально установленный для порядка абонемента въ Москвѣ, учрежденнаго на иныхъ противъ Петербурга основаніяхъ.

Общій кассовый порядокъ таковъ: въ Конторѣ ведется реестръ абонированнымъ ложамъ и кресламъ и книга для записи продаваемыхъ мѣстъ. Въ дни спектаклей, въ 7 часовъ утра, смотритель за сборами является въ Контору, принимаетъ упомянутую книгу, реестръ и дневной комплектъ билетовъ и открываетъ продажу ихъ въ Конторѣ, причемъ «книга ежедневной продажи» открыта для обзора публики. Въ 4 часа по полудни смотритель отдаетъ непроданные билеты «присяжнымъ и капельдинерамъ, продающимъ оные за перегородками (въ зданіи самаго театра), также и билеты въ партеръ, по сотнѣ или по двѣ, смотря по ожиданію продажи, а не всѣ вдругъ». Книга ежедневной продажи также переносится за перегородку. Къ 4 часамъ пополудни являются въ Контору капельдинеры, назначаемые на мѣста, для принятія билетовъ. «Нужно, говоритъ положеніе, чтобы они были ежедневно перемѣняемы въ мѣстахъ и не знали бы назначенія своего до того времени, какъ дежурный при Конторѣ имъ оныя объявитъ». Капельдинеры, назначенные для пріема отъ публики билетовъ при входѣ во всѣ мѣста, «имѣютъ жестяные ящики, нарочно для сего сдѣланные, за печатью Дирекціи; всѣ получаемые ими билеты они должны опускать въ оный ящикъ, для выходящихъ же изъ партера имъ даются контрамарки, съ которыми зрители входятъ и выходятъ». Смотритель за сборами наблюдаетъ, «чтобы не было никакого сообщенія между продающими и сбирающими билеты». По окончаніи спектакля смотритель за продажею дѣлаетъ «сборныя афиши» (вѣдомости) проданнымъ мѣстамъ и представляетъ ихъ въ контору, а капельдинеры приносятъ ящики съ билетами, которые и повѣряются съ книгой дневной продажи и съ остатками въ комплектахъ. «Никакіе дневные расходы не должны быть дѣлаемы изъ сбираемой ежедневно суммы, а изъ предположенныхъ на оные

при Конторѣ пятьсотъ (въ Москвѣ 300 р.) рублей». Всѣ эти стѣснительныя для публики предосторожности при продажѣ и пріемѣ билетовъ, указываютъ на существованіе въ этой области злоупотребленій, очевидно тревожившихъ Дирекцію.

Специіальное положеніе объ абонементѣ въ Московскомъ театрѣ изложено такъ: «Контора Московскаго театра ежегодно съ 10-го сентября отдаетъ въ абонементъ ложи и кресла на годъ, полагая въономъ 200 представленій и при самой абонировкѣ получаетъ по цѣнѣ абонементной впередъ всѣ деньги за годъ, или половину оныхъ за полгода; другая же половина взносится за 12 представленій до истеченія первой половины... Буде контора въ продолженіе года не дастъ 200 представленій, въ такомъ случаѣ возвращаетъ деньги за числа не данныхъ по абонементу представленій. Сверхъ сего, контора отдаетъ отъ 10 до 50 спектаклей ложи и кресла въ абонементъ, но не иначе какъ по цѣнѣ вечеровой, т. е. по той самой, какая обыкновенно за всякой спектакль установлена». Изъ этого слѣдуетъ, что на абонементъ цѣны мѣстамъ понижались, но самый размѣръ пониженія въ положеніи не указанъ. Особенность Московскаго абонемента отъ Петербургскаго ограничивалась числомъ спектаклей въ абонементѣ. Въ Москвѣ установлено 200 спектаклей въ годъ или 100 въ полугодіе, въ Петербургѣ же абонементъ допускался на любое число спектаклей, но не менѣе 50 въ абонементъ.

7) «*О экипажахъ*». Согласно «Внутреннему порядку управленія театральной Дирекціи», въ Петербургѣ предоставлено конторѣ нанимать по контракту 15 паръ лошадей. Московское положеніе не опредѣляетъ ни числа лошадей, ни порядка ихъ найма, но въ изложеніи обязанностей помощника Управляющаго по хозяйственной части значится—«содержаніе экипажей, кои для чиновъ и разнаго званія людей по театру употребляются», а въ исчисленіи суммъ на Московскій театръ показанъ расходъ на экипажи въ 10.800 рублей. Въ штатѣ Московской школы показанъ расходъ на двѣ кареты для воспитывающихся въ 1.800 р., то есть по 900 р. на карету, или на пару лошадей. Изъ этого слѣдуетъ заключить: 1) что комплектъ экипажей для Московской конторы ограничивался 14 парами лошадей и 2) что въ Москвѣ экипажная часть устроена была, вѣроятно, не подряднымъ, а хозяйственнымъ способомъ. Положеніе о московскихъ экипажахъ говоритъ лишь слѣдующее: «Иностранные актеры, актрисы, дансеры и художники, получающіе выше 1.000 р. жалованья, не имѣютъ права пользоваться казенными экипажами. Экипажи казенные при Московскомъ театрѣ опредѣляются единственно для россійскихъ актеровъ, актрисъ, дансеровъ и тѣхъ музыкантовъ, коимъ дано на сіе право, равно для воспитанниковъ театральной школы». Положеніе довольно неточное, оставляющее

открытымъ вопросъ о правѣ на экипажъ артистовъ-иностранцевъ, получающихъ жалованье 1.000 рублей и менѣе.

8) «*О домахъ и квартирныхъ деньгахъ*». Квартирное довольствіе для служащихъ установлено либо натурою, либо квартирными деньгами. Для устройства квартиръ Дирекція нанимала частные дома. Вновь нанимаемые дома предварительно осматривались обоими помощниками Управляющаго, вмѣстѣ съ архитекторомъ. По осмотрѣ и наймѣ дома, контора распредѣляла квартиры между «художниками и служителями» и давала приказаніе «назначеннымъ для жительства въ новомъ домѣ переѣзжать въ оный немедленно». Черезъ 10 дней по назначеніи «актеру или дансеру, или служителю» квартиры, производство ему квартирныхъ денегъ прекращалось. Размѣры квартиръ и оклады квартирныхъ денегъ въ положеніи не указаны, но, судя по росписанію квартирнаго довольствія натурой, изданному, за 6 лѣтъ раньше, въ 1803 году, для артистовъ Петербургскихъ театровъ, надо заключить, что квартиры назначались артистамъ старшихъ амплуа—въ двѣ комнаты, а младшихъ—въ одну комнату, непремѣнно съ отдѣльной кухней при каждой квартирѣ. Артистамъ, мужу и женѣ, квартира назначалась не болѣе 3-хъ комнатъ съ кухней.

9) «*Положеніе о школѣ*». Правила «внутренняго порядка Московской конторы» по вопросу объ организаціи Московскаго театральнаго училища цѣликомъ отсылаютъ къ изданному въ 1809 году «Образованію театральной школы» въ Петербургѣ, отмѣчая лишь ту особенность Московской школы, что она, по числу учащихся (30 ч.), въ четыре раза меньше Петербургской (120 человѣкъ).

По тексту «Образованіе театральной школы» [163]) назначеніемъ ея опредѣлено «Усовершенствованіе россійскихъ спектаклей и балетовъ, пополненіе и, если возможно, самое составленіе оркестровъ и замѣненіе иностранныхъ художниковъ театральными воспитанниками». Пріемъ въ школу открытъ для дѣтей лицъ свободнаго состоянія, въ возрастѣ отъ 7 до 10 лѣтъ и, по преимуществу, дѣтей лицъ, служащихъ въ вѣдомствѣ театральной Дирекціи. Комплектъ школы ограниченъ въ Петербургѣ 60-ю воспитанниками и 60-ю воспитанницами, а въ Москвѣ 15-ю воспитанниками и 15-ю воспитанницами, но, если «Управляющій сохранитъ экономію» въ Московской театральной школѣ, то можетъ, не выходя изъ штатной суммы, увеличить число воспитывающихся. Этимъ правомъ Управляющій театромъ вскорѣ же воспользовался и уже черезъ два года, къ 1812 году, комплектъ воспитывающихся былъ доведенъ до 43 человѣкъ [164]).

Воспитывающіеся раздѣляются на 4 отдѣленія. *Первое* отдѣленіе, отъ всту-

[163]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 289—291.
[164]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Т. Дѣло 1812 г., № 232.

пленія—до 13 лѣтъ, т. е. до обнаруженія способностей и наклонностей. Предметы обученія въ первомъ отдѣленіи для всѣхъ одинаковы: Законъ Божій, французскій языкъ, русскій языкъ, ариѳметика, музыка, танцованіе и рисованіе. Не обнаружившіе въ первомъ отдѣленіи никакихъ способностей возвращаются изъ школы родителямъ. *Второе* отдѣленіе, отъ 13 лѣтъ—до выпуска изъ школы. Это отдѣленіе, въ свою очередь, сортируется на два, а именно: *третье* отдѣленіе, въ которое входятъ мальчики и дѣвочки (въ Петербургѣ по 12), оказавшіе «особыя и превосходныя способности въ какомъ либо родѣ театральнаго искусства», и *четвертое* отдѣленіе—изъ тѣхъ воспитанниковъ, «которые не найдутся способными ни по какому роду драматическаго искусства, и въ семъ отдѣленіи обучаютъ уже ихъ живописи или разнымъ рукодѣліямъ и мастерствамъ, какъ-то: костюмерству, скульптурѣ изъ вапы (бумажной массы), работамъ для театра изъ жести, цвѣточному мастерству, приготовленію женскихъ уборовъ, перепискѣ рукописей и нотъ и прочаго». Воспитанники среднихъ дарованій во второмъ отдѣленіи, кромѣ продолженія необходимыхъ наукъ, обучаются тому искусству, «къ которому по ихъ склонностямъ и дарованіямъ они предназначаются, употребляя уже и въ театральныхъ представленіяхъ, по той части, къ которой они будутъ опредѣлены, какъ-то въ корифеи, для пѣнія и танцевъ, въ фигуранты, въ оркестръ и въ драматическій театръ на малыя роли». Въ третьемъ отдѣленіи воспитывающіеся «повѣряются исключительно балетмейстеру, музыканту или учителю декламаціи», предназначаются къ занятію «важнаго амплуа» и отличаются особой одеждой, «лучшимъ содержаніемъ и ученіемъ». Воспитанники четвертаго отдѣленія обучаются или у мастеровъ, или въ самой школѣ.

Распредѣленіе по отдѣленіямъ производится Главнымъ Директоромъ (въ Москвѣ—Управляющимъ), на основаніи экзамена, послѣ котораго производится ученическій спектакль въ школьномъ театрѣ, въ присутствіи родителей воспитанниковъ.

Выпускъ воспитывающихся назначается не ранѣе 4-хъ и не позже 6-ти лѣтъ обученія во 2-мъ, въ 3-мъ и 4-мъ отдѣленіи. Выпускные воспитанники размѣщаются на вакансіи по Петербургскимъ и Московскимъ театрамъ «и даже для замѣненія аксессуарныхъ ролей для французскаго театра». Пріемъ и выпускъ воспитанниковъ и воспитанницъ Московской школы зависитъ отъ Управляющаго театромъ. Выпускнымъ назначается «единовременное награжденіе на обзаведеніе нужными вещами»: изъ третьяго отдѣленія по 250 р., изъ второго отдѣленія—по 150 р. и изъ четвертаго—по 100 р. Воспитанные въ школѣ обязаны прослужить Дирекціи 10 лѣтъ и срокъ службы ихъ на пенсію исчисляется со времени занятія амплуа, хотя бы и до выпуска изъ школы.

Послѣ опредѣленія общихъ положеній «Образованіе театральной школы»

излагаетъ: 1) обязанности должностныхъ лицъ школы, а именно: инспектора, главной надзирательницы (независимой отъ инспектора), надзирателя, младшей надзирательницы, кастелянши и штабъ-лекаря и 2) статью объ «экономической части по театральной школѣ», въ которой опредѣлены обязанности эконома, размѣры отпуска на довольствіе и слѣдующее росписаніе стола:

«Въ обыкновенные дни супъ или щи, говядина вареная съ приправою, каша молочная и гречневая или блюдо, сдѣланное изъ зелени и кореньевъ и три дня въ недѣлю жаркое. Въ праздничные дни сверхъ сихъ блюдъ, предполагается быть пирожному. Для завтрака каждому воспитаннику по стакану молока или бульону и булкѣ. Для полдника по булкѣ пшеничной. На всѣ сіи кушанья отпускаетъ Дирекція 12 р. (въ Москвѣ 10 р.) въ мѣсяцъ, на одну порцію, въ томъ же числѣ полагается и лазаретный столъ».

Изъ этого слѣдуетъ заключить, что при школѣ былъ особый лазаретъ и, конечно, въ двухъ отдѣленіяхъ: мужскомъ и женскомъ. Въ школѣ всѣ воспитывались на казенный счетъ, такъ какъ положеніе нигдѣ не говоритъ о платѣ за воспитаніе въ школѣ.

г) «*Штатъ Московской театральной школы*», Высочайше утвержденный 28-го декабря 1809 года, исчисляетъ всѣ расходы на ея содержаніе (кромѣ прислуги и содержанія помѣщенія) въ суммѣ 16.660 р. въ годъ. Штатъ можно раздѣлить на двѣ части. Въ первой части штата опредѣляется составъ должностныхъ лицъ, съ указаніемъ окладовъ содержанія, а именно: а) администрація: инспекторъ (600 р.), экономъ (350 р.), старшая надзирательница (300 р.), младшій надзиратель (250 р.) и надзирательница (250 р.) всего на сумму 1.750 р. (Особаго врача при школѣ нѣтъ, а леченіе воспитывающихся возложено на штабъ-лекаря конторы); б) учителя: французскаго языка (700 р.), пѣнія (500 р.), музыки: инструментальной (300 р.), духовой (безъ оклада) и на клавирахъ (200 р.), рисованія (200 р.), «танцованія балетмейстеру Лефеверу, вмѣсто платы на экипажъ, 900 р.», фехтованія (500 р.) и наконецъ «россійскаго языка и Закона Божія»—250 р.; въ общемъ на сумму 3.550 р., и в) служителя (безъ означенія окладовъ), въ числѣ 6 мужчинъ и 6 женщинъ.

Окладъ въ 250 р., преподавателю двухъ предметовъ: Закона Божія и русскаго языка оказался на практикѣ слишкомъ малъ и уже въ 1812 году законоучитель школы священникъ о. Сергій Федоровъ отказался отъ этой должности. Послѣ чего, А. А. Майковъ, съ разрѣшенія Главнаго директора, опредѣлилъ учителемъ въ школу «находящаго при благородномъ пансіонѣ Императорскаго Московскаго университета кандидата Калайдовича», который «принялъ на себя обучать россійской грамотѣ,

чистописанію, россійской грамматикѣ, священной исторіи, катехизису, риторикѣ, піитикѣ и началамъ ариѳметики», съ жалованіемъ 600 рублей въ годъ, обязавшись при этомъ содержать отъ себя помощника по этимъ предметамъ [165]).

Вторая часть штата школы представляетъ собою исчисленіе годовыхъ расходовъ по содержанію воспитывающихся, всего въ суммѣ 11.360 рублей, а именно: «на столъ для 30-ти человѣкъ по 10 р. въ мѣсяцъ на человѣка (3.600 р.); на столъ надзирателямъ и нянькамъ, всего 7 человѣкъ, по 10 на каждаго въ мѣсяцъ (840 р.); на экстраординарные расходы, какъ-то: на услугу, посуду, обувь, румяна, булавки, свѣчи, медикаменты и прочее по 5 р. на человѣка въ мѣсяцъ (1.800 р.); 15 воспитанницамъ на бѣлье въ годъ по 28 р., на платье по 64 р. (1.370 р.); 15 воспитанникамъ на бѣлье въ годъ по 17 р., на платье по 53 р. (1.050 р.); на теплое платье и обувь по 6 р. на каждаго человѣка въ 2 года,—1.800 р. (900 р.) и для развозки воспитанниковъ и воспитанницъ двѣ кареты (1.800 р.)».

д) Въ 1809 году не было издано особаго штата для управленія Московскаго театра; онъ вошелъ особымъ отдѣленіемъ въ *Штатъ театральной Дирекціи,* Высочайше утвержденный 28-го декабря 1809 года.

Согласно этому штату, «Отдѣленіе Московскаго театра» составлено: а) изъ 22 чиновниковъ (съ содержаніемъ, въ общемъ, на сумму 13.450 р. въ годъ); изъ нихъ: Управляющій (членъ конторы Дирекціи) съ окладомъ 2.200 р., два помощника (по 1.500 р.), секретарь (600 р.), переводчикъ (700 р.), казначей (750 р.), бухгалтеръ (500 р.), чиновникъ «для смотрѣнія за декораціями, гардеробомъ и для закупокъ» (1.000 р.), архитекторъ (600 р.), штабъ-лекарь (600 р.), подлекарь (250 р.), смотритель за сборами (350 р.), смотритель театра (500 р.), 2 старшихъ и 4 младшихъ писца и 2 счетчика; б) изъ 28 служителей (изъ нихъ 14 капельдинеровъ, 8 разнощиковъ афишъ, истопники и метельщики), съ содержаніемъ, всего, на сумму 6.500 р. Кромѣ того, назначено на канцелярскіе расходы 700 р. въ годъ. Весь штатъ конторы опредѣленъ въ суммѣ 19.950 рублей.

е) Послѣднимъ положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ 1809 г., является «*Положеніе о пенсіяхъ артистамъ*». Оно состоитъ изъ двухъ частей [166]):

1) «*Объ артистахъ Россійскихъ*». Пенсіи назначаются «россійскимъ актерамъ и актрисамъ, дансерамъ и дансеркамъ, музыкантамъ и прочимъ артистамъ, служившимъ съ должнымъ усердіемъ и ревностью», если они не въ состояніи продолжать труды свои: а) за 20 лѣтъ службы—въ размѣрѣ полнаго жалованья, получаемаго при окончаніи службы; б) за 15 лѣтъ службы—въ размѣрѣ $^{2}/_{3}$ оклада жало-

[165]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Т. Дѣло 1812 г., № 232.
[166]) В. П. Погожевъ. Ист. очерки, III, стр. 292.

ванья и в) за 10 лѣтъ службы—въ размѣрѣ ½ оклада жалованья, по послѣднему амплуа производимому. Срокъ службы на пенсію исчисляется со дня занятія амплуа, хотя бы и во время пребыванія въ школѣ. Пенсіонеры, поступившіе на службу въ частный театръ, лишаются пенсии. Изъ послѣдняго условія, между прочимъ видно, что въ началѣ прошлаго столѣтія Дирекція, не пользовавшаяся еще привиллегіей на право устройства зрѣлищъ въ столицахъ, оберегала себя отъ конкурренции частной антрепризы. Черезъ годъ, послѣ изданія Положенія 1809 года, запрещеніе играть на частныхъ сценахъ распространено было не только на пенсіонеровъ, но и на всѣхъ вообще артистовъ Императорскихъ театровъ, оставляющихъ свою, хотя бы и кратковременную, службу въ Дирекціи. По этому поводу послѣдовало Высочайшее повелѣніе, о которомъ Главный Директоръ 2-го апрѣля 1810 года сообщилъ А. А. Майкову. «Причина изданія сихъ узаконеній, по объясненію Майкова въ дѣлѣ актрисы Горбуновой [167]), была единственно та, что многіе изъ разнаго состоянія люди вступали въ званіе актеровъ не для того, чтобы заниматься службою сего рода, но съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, чтобы пріобрѣсти только имя придворнаго Россійскаго актера и съ онымъ освободиться отъ необходимости приписываться въ какое нибудь состояніе и платить подати». На основаніи этихъ узаконеній отъ увольняемыхъ изъ Дирекціи артистовъ отбирались обязательства въ томъ, «что они не смѣютъ играть ни на какомъ театрѣ общественномъ или частномъ» и объ этомъ дѣлалась отмѣтка въ выдаваемомъ при отставкѣ свидѣтельствѣ отъ Дирекціи. Мѣра эта, будучи и не логичной и не цѣлесообразной, вызывала неудовольствіе увольняемыхъ артистовъ. Такъ въ 1812 году, драматическая артистка московскаго театра Елизавета Горбунова, оставляя Дирекцію послѣ 6-ти-мѣсячной службы, «не токмо, какъ рапортовалъ 25-го іюля 1812 года [168]) Майковъ Главному Директору, не подписала того обязательства, да и отъ принятія свидѣтельства отказалась и сколько я не старался преклонить на сіе не одну ее, но и пришедшую съ нею тетку ея актрису Баранчееву, все осталось безъ успѣха, а послѣдняя вмѣсто того, чтобы привести племянницу свою въ резонъ, осмѣлилась еще дѣлать неприличныя и грубыя объясненія, заведя даже въ самомъ присутствіи шумъ. Мнѣ не оставалось другого способа, какъ за дерзость сію и за ослушаніе передъ симъ ею учиненное въ непринятіи ролей, въ наказаніе посадить ее въ контору». Это интересное въ театрально-бытовомъ отношеніи дѣло тѣмъ не кончилось. Въ августѣ 1812 года, отставная актриса Горбунова подала на Майкова московскому генералъ-губернатору графу Ф. В. Ростопчину жалобу «въ притѣсненіяхъ, дачѣ ненадлежащаго аттестата, лишеніи

[167]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Т. Дѣло 1812 г., № 238.
[168]) Ibid. Дѣло 1812 г. № 229.

бенефиса и въ арестѣ тетки ея, россійской актрисы Баранчеевой». Въ объясненіяхъ своихъ по этой жалобѣ Майковъ указывалъ между прочимъ, что «по обстоятельствамъ видно, что Горбунова вступила въ службу театра только для того, чтобы перемѣнить имя отпущенницы на имя россійской актрисы, ибо она, не прослужа и полугода при театрѣ, подала прошеніе объ увольненіи ея отъ должности». Майковъ привелъ еще и то соображеніе, что «жалоба Горбуновой не имѣетъ никакого основанія. Въ ней виденъ духъ наставника ея театральному искусству, бывшаго при московскомъ театрѣ актера Сандунова, по сварливому его характеру извѣстнаго. по наущеніямъ котораго должно быть произведена сія жалоба». Объясненія А. А, Майкова признаны были основательными и графъ Ростопчинъ, оставивъ жалобу Горбуновой безъ послѣдствій, вполнѣ одобрилъ распоряженіе А. А. Майкова.

2) «*Объ иностранныхъ артистахъ*». Иностраннымъ артистамъ, за службу «безотлучно и съ довольнымъ раченіемъ», назначается въ пенсіонъ: а) за четыре трехлѣтія 1/3 жалованья, б) за шесть трехлѣтій 1/2 жалованья. Пенсія назначается артистамъ, «гдѣ бы послѣ того они не имѣли пребыванія».

Какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ артистамъ пенсіонерамъ, при поступленіи вновь на службу Дирекціи, пенсіонъ прекращается.

ж) Подъ наименованіемъ: «*Счетъ суммъ, полагаемыхъ ежегодно на расходы по театральной Дирекціи*», коммиссія 1803 года представила на Высочайшее утвержденіе бюджетъ Дирекціи Императорскихъ театровъ, распредѣленный въ трехъ отдѣленіяхъ по театрамъ: I. По петербургскому—въ суммѣ 855.079 р. 65 к., II. По нѣмецкому (въ С.-Петербургѣ)—въ суммѣ—138.390 р. 35 к., и III. По московскому—въ суммѣ—365.000 р., а всего въ суммѣ—1.358.470 рублей. Для выясненія сравнительнаго масштаба, по которому отмѣрялся денежный отпускъ по петербургскимъ и по московскимъ театрамъ, мы приводимъ здѣсь, параллельно, бюджетныя назначенія обоихъ, съ сохраненіемъ подлинной номенклатуры статей расходовъ и съ указаніемъ по каждой статьѣ процентнаго отношенія московскихъ расходовъ къ петербургскимъ.

Наименованіе расходовъ.	Петерб. театры.	Моск. театры.	%-ое отношеніе.
На Контору	31.276 р. — к.	19.950 р. — к.	63,8
» Россійскую труппу	54.600 » — »	35.000 » — »	64,1
» Французскую »	175.648 » — »	66.340 » — »	37,8
» Балетную »	85.620 » — »	32.093 » — »	37,5
» оркестръ при оныхъ. . . .	148.930 » — »	37.690 » — »	25,3
» нотную контору	7.000 » — »	— » — »	—
» гардеробную часть	36.402 » 33 »	26.292 » — »	72,2

На декораціонную часть	45.706 р. 67 к.	26.292 р. — к.	57,5
» школу	49.956 » — »	16.660 » — »	33,3
» наемъ домовъ и выдачу кварт. денегъ	54.856 » — »	17.680 » — »	32,2
» покупку дровъ	18.729 » — »	14.000 » — »	74,7
» экипажъ	40.000 » — »	10.800 » — »	27,0
» неопредѣленные расходы по спектаклямъ	24.705 » 65 »	18.445 » — »	74,6
» освѣщеніе театровъ	45.000 » — »	20.000 » — »	44,4
» починку домовъ и театровъ и на чищеніе трубъ и нечистоты	6.000 » — »	3.250 » — »	54,2
» освѣщеніе фонарей.	650 » — »	— » — »	—
» Опекунскій Совѣтъ (10%) съ предпол. сборовъ	30.000 » — »	18.800 » — »	62,6
Итого. . .	855.079 » 65 »	365.470 » — »	42,7%

Приведенныя нами цифры % отношенія московскихъ и петербургскихъ расходовъ слѣдуетъ еще дополнить указаніемъ отношенія (въ каждой изъ столицъ) сборовъ къ расходамъ, которое опредѣляется: по петербургскимъ театрамъ въ 35% (сборъ 300.000 рублей, расходъ 855.000 рублей) и по московскимъ театрамъ въ 51% (сборъ 188.000 рублей, расходъ 366.000 рублей).

Сопоставленіе всѣхъ этихъ цифръ % отношенія указываетъ на отсутствіе въ то время яснаго и устойчиваго критерія въ распредѣленіи расходовъ по отдѣльнымъ статьямъ. Прежде всего бросается въ глаза, съ одной стороны,—разница въ отношеніяхъ сборовъ къ расходамъ въ каждой столицѣ: 35% и 51%, въ силу чего какъ бы самъ бюджетъ 1809 года признаетъ за петербургскими театрами значительно меньшую доходность противъ московскихъ, а съ другой стороны—несоотвѣтствіе между % отношеніемъ общихъ суммъ театральныхъ расходовъ обѣихъ столицъ (42,7%) и % отношеніемъ сборовъ ихъ (62,6%). Послѣднее отношеніе—62,6%, теоретически, или вѣрнѣе идеально, должно было бы имѣть руководящее значеніе въ раскладкѣ расходовъ по отдѣльнымъ хозяйственнымъ статьямъ. На дѣлѣ же далеко не такъ. Только по тремъ статьямъ расхода это отношеніе близко подходитъ къ нормѣ, а именно: по содержанію конторы—63,8%, по содержанію русской труппы—64,1% и по расходамъ декораціонной части—57,5%. По нѣкоторымъ статьямъ отступленіе отъ нормы является очень рѣзкимъ какъ напримѣръ: содержаніе оркестра—

25,3%, квартирное довольствіе—32,2% и содержаніе экипажей—27%. При оцѣнкѣ такой раскладки трудно рѣшить вопросъ: является ли причиной указанной разницы скудость отпуска на московскій театръ, или роскошь ассигнованія на петербургскій? Обратное явленіе, т. е. щедрость отпуска на московскій театръ обнаруживается лишь по двумъ статьямъ: отопленіе—74,7% и вечеровые расходы по спектаклямъ—74,6%.

Не подлежитъ сомнѣнію, что бюджетъ 1809 года составлялся на основаніи практическихъ данныхъ по каждой отдѣльной статьѣ расхода, поставленной въ извѣстныя условія эксплоатаціи, но несомнѣнно и то, что оцѣнка этихъ условій не проходила черезъ необходимый критическій фильтръ, способный указывать на тѣ или другія ненормальности эксплоатаціонной обстановки. Такъ началась хозяйственная дѣятельность Дирекціи Императорскихъ театровъ, такъ она продолжалась и впослѣдствіи, какъ мы уже сказали ранѣе, безъ оглядки на прошлое и съ полнымъ пренебреженіемъ къ урокамъ, хотя бы самой элементарной статистики.

Московскій бюджетъ 1809 года превышаетъ Нарышкинскій временный штатъ 1808 года всего лишь на 39.470 рублей. Превышеніе наблюдается главнымъ образомъ по французской труппѣ—на 34.000 рублей; по содержанію же школы ассигнованіе уменьшено на 6.000 рублей. Сборы по бюджету 1809 года опредѣлены выше чѣмъ въ 1808 году на 38.000 рублей (въ 1808 году—150.000 р., а въ 1809 году—188.000 р.). Вѣроятно, опредѣлившіеся въ 1809 году хорошіе сборы московскихъ театровъ успѣли повліять на расчеты Коммиссіи Гурьева, которая, повысивъ бюджетъ расходовъ, нашла возможность соблюсти тотъ самый конечный балансъ, который за годъ передъ тѣмъ намѣчался А. Л. Нарышкинымъ.

Отпускъ суммъ на московскій театръ въ 1809 году опредѣлился той же суммой 176.000 р. въ годъ, что и въ 1808 году и изъ того же источника—Государственнаго Казначейства. При этомъ съ московской Дирекціи сложенъ былъ долгъ, образовавшійся въ 1806 году, съ покупкой, за 32.000 рублей, Столыпинскихъ артистовъ. О сложеніи этого долга Государственному Казначейству управляющій Кабинетомъ Гурьевъ извѣстилъ Нарышкина 10-го января 1810 года [169]).

Коммиссія 1803 года, озабоченная соблюденіемъ въ будущемъ намѣченныхъ ею бюджетныхъ рамокъ, въ то же время, совершенно основательно, не признавала возможнымъ дать точный штатъ артистовъ, съ опредѣленными окладами, а потому въ послѣднихъ двухъ статьяхъ «Постановленія Дирекціи театральной» говорится (статья 31): «Поелику для всѣхъ вообще труппъ, равно какъ и для самыхъ оркестровъ неудобно постановить опредѣлительнаго жалованья по амплуа и по предметамъ каждому лицу

---

[169]) Архивъ дѣлъ Спб. Конт. Имп. театровъ. Сборн. Высоч. Повел.

предназначеннымъ, но по необходимости оное соразмѣрять надлежитъ способностямъ и искусству въ отправленіи занимаемыхъ должностей, то, по назначеніи всѣхъ амплуа, составленіе штатовъ сообразуется настоящему ихъ положенію», т. е. личному составу артистовъ въ 1809 году, списки которыхъ приложены для петербургскихъ театровъ по всѣмъ труппамъ, а для московскихъ,—по одной лишь русской труппѣ. Далѣе, въ ст. 32 «Постановленія», предписывается: «При назначеніи и утвержденіи суммъ для каждой части и предмета, особо исчисленныхъ и соразмѣренныхъ прямой въ томъ надобности, непремѣннымъ театральной Дирекціи постановляется правиломъ, чтобы въ случаѣ выбытія кого либо изъ актеровъ, дансеровъ и музыкантовъ иностранныхъ, никого на мѣста ихъ безъ Высочайшей воли изъ чужихъ краевъ не выписывать, ниже съ принятыми прежде контрактовъ не возобновлять, равнымъ образомъ изъ одной суммы не заимствовать и не перемѣщать въ другую, прежде истеченія года и испрошенія Высочайшаго на то соизволенія, если же кто изъ служащихъ театральной Дирекціи раченіемъ и талантами заслужитъ особое воздаяніе прибавкою жалованья, то о таковыхъ награжденіяхъ, также по истеченіи года, представлять Его Императорскому Величеству».

Этотъ первый списокъ артистовъ Императорской русской драматической труппы въ Москвѣ, въ 1809 году, въ виду его несомнѣнной исторической цѣнности, мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь цѣликомъ, съ обозначеніемъ, въ скобкахъ, рядомъ съ фамиліями артистовъ, годовыхъ окладовъ ихъ содержанія въ рубляхъ.

«*Списокъ актерамъ и актрисамъ Россійской труппы московскаго театра. Трагедіи, комедіи и драмы.* Роли царей въ трагедіи—Плавильщиковъ (2.500 р.); первыя роли—Петръ Зловъ (1.500 р.), Степанъ Мочаловъ (1.500 р.); роли молодыхъ любовниковъ—Андрей Украсовъ (1.200 р.); роли вторыхъ любовниковъ—Артамонъ Прусаковъ (1.200 р.); роли третьихъ любовниковъ—Иванъ Медвѣдевъ (500 р.); роли благородныхъ отцевъ въ комедіи—Петръ Колпаковъ (1.500 р.); третьи роли и резонеровъ—Михайло Кондаковъ (800 р.); роли наперсниковъ—Евстратъ Бобровскій (500 р.), Иванъ Фрыгинъ (700 р.), онъ же исправляетъ должность режиссера; роли комическихъ стариковъ—Михайло Зубовъ (800 р.); роли вторыхъ комическихъ стариковъ и гримовъ — вакансія (290 р.); роли слугъ — Сандуновъ (2.500 р.), Кавалеровъ (650 р.); роли вторыхъ комиковъ, карикатуръ и простяковъ—Алексѣй Лисицинъ (500 р.), роли третьихъ слугъ—Иванъ Романовъ (200 р.). *Актрисы.* Роли царицъ и благородныхъ матерей—Антонида Баранчеева (600 р.); первыя роли молодыхъ царицъ—Матрена Воробьева (2.500 р.); роли первыхъ любовницъ—Анна Караневичева (700 р.); роли молодыхъ кокетокъ—вакансія; вторыхъ любовницъ—Елена Кавалерова (350 р.); роли невинныхъ—О. Лобанова (500 р.); роли комическихъ

старухъ—Марья Никифорова (500 р.); вторыя роли старухъ—Фіона Лобанова (300 р.); роли наперсницъ—Аграфена Шепелева (270 р.); роли служанокъ—Софья Кураева (400 р.), Прасковья Лобанова (300 р.); роли вторыхъ служанокъ—Фіона Лисицына (200 р.). *Оперная труппа.* Первый теноръ—Соколовъ (1.200 р.); второй теноръ—Черкасовъ (300 р.); первый басъ-демикарактеръ—Федоровъ (600 р.); первый басъ-буфъ—Касаткинъ (1.000 р.); второй басъ-буфъ—Воеводинъ (450 р.); роли слугъ—Константинъ Кавалеровъ (жалованье выше показано); роли простяковъ—Фролъ Муромцевъ (250 р.); роли гримовъ—Михаилъ Зубовъ (жалованье выше показано); при всей труппѣ аксессуаръ—Василій Жуковъ (250 р.). *Актрисы.* Роль первой пѣвицы—Сандунова (2.500 р.); роли комическихъ пѣвицъ—Насова (1.700 р.), Буденброкъ (1.000 р.); роли второй пѣвицы—О. Лобанова (жалованье выше показано); комическихъ старухъ—А. Лисицина (600 р.); аксессуарныя роли—О. Малышева (200 р.), О. Уварова (200 р.); роли маленькихъ дѣтей—А. Колпакова (100 р.). *Суфлеры.* По оперной—Данило Новиковъ (300 р.), по комедіи и трагедіи—Тимофей Кондяковъ (300 р.); писарь ролей—Мельниковъ (150 р.); служителямъ при ней (труппѣ) двумъ человѣкамъ 440 р. (Итогъ — 35.000 р.) *Подписали:* Александръ Нарышкинъ и Дмитрій Гурьевъ».

По этому списку видно, что наименованіе амплуа артистовъ драмы близки къ таковымъ же въ 1803 году, но въ русской оперѣ впервые является, хотя для мужского лишь персонала, дѣленіе артистовъ не по амплуа, а по голосамъ.

Съ новымъ положеніемъ четыре артиста московской французской труппы—актеръ Дозъ и актрисы: Кастелли, Периньи и Лавандезъ, въ общемъ съ жалованьемъ на сумму 6.000 руб. въ годъ, были оставлены за штатомъ, съ сохраненіемъ содержанія до окончанія сроковъ ихъ контрактовъ въ 1812 году.

Правило постановленія 1809 года, по которому новый ангажементъ артистовъ и прибавки содержанія служащимъ допускались лишь съ особаго Высочайшаго соизволенія, безъ увеличенія бюджета, т. е. безъ особаго отпуска отъ казны, примѣнялось, по крайней мѣрѣ на первое время, весьма строго; такъ напримѣръ на покупку въ 1811 году къ московскому театру отъ помѣщика Киселева двороваго его человѣка, музыканта Ивана Перелецкаго, за 2.000 рублей съ уплатой изъ сборовъ московскаго театра, по 500 рублей въ четыре года, было испрошено А. Л. Нарышкинымъ особое Высочайшее повелѣніе.

Заканчивая подробный обзоръ законодательства 1809 года мы должны признать, что изданныя Коммиссіей 1803 года 12 положеній займутъ въ исторіи театра почетное мѣсто цѣльнаго труда, хотя бы и страдающаго нѣкоторыми недомолвками и пропусками, какъ напримѣръ по отношенію къ опредѣленію служебныхъ и граж-

данскихъ правъ артистовъ. Нѣкоторая кодификаціонная небрежность этого законодательства и, мѣстами, наивность изложенія не мѣшаютъ ему въ подробностяхъ обрисовывать всю современную жизнь театра. Явившись въ этомъ отношеніи драгоцѣннымъ и наиболѣе полнымъ историческимъ памятникомъ первой эпохи Императорскихъ театровъ, положеніе 1809 года проявило необыкновенную живучесть и по нѣкоторымъ вопросамъ сохраняло значеніе почти цѣлое столѣтіе, какъ напримѣръ въ административномъ дѣленіи центральнаго управленія театровъ на двѣ части: репертуарную и хозяйственную, въ пріемахъ монтировочнаго хозяйства, въ кассовомъ порядкѣ и даже въ нѣкоторыхъ мелочахъ; такъ напримѣръ ограниченіе права бенефиціанта на афиши двумя анонсами и одной подробной, сохранилось въ практикѣ театральной жизни даже до настоящаго времени. Позднѣйшее законодательство, до 1882 года, во многихъ своихъ положеніяхъ считалось съ порядками 1809 года. Надо замѣтить еще, что законодательство 1809 года цѣликомъ проникнуто экономической тенденціей, что и понятно, такъ какъ самая иниціатива разработки описанныхъ 12-ти положеній была формулирована въ учрежденіи Коммиссіи 1803 года, спеціальнымъ Высочайшимъ порученіемъ Императора Александра I «положить прочное основаніе къ хозяйственному управленію театровъ».

Изданіе всѣхъ 12 законоположеній Коммиссіи сопровождено было Высочайшимъ рескриптомъ на имя А. Л. Нарышкина отъ 28-го декабря 1809 года [170]), которымъ повелѣно: 1) Точно сообразовать назначенія со штатами. 2) Представлять отчеты по статьямъ расходовъ. 3) Жалованье всѣмъ артистамъ и служащимъ уплачивать изъ Кабинета Его Величества; 4) Отпускъ суммъ на Дирекцію производить по третямъ года; 5) Остатки отъ штатныхъ назначеній обращать въ «экономическую статью Дирекціи», расходуемую по особому Высочайшему разрѣшенію и 6) Новымъ положеніямъ вступить въ дѣйствіе съ 1-го января 1810 года.

Вслѣдъ за изданіемъ законоположеній по Московскимъ театрамъ опредѣленъ былъ и составъ высшей его администраціи. Управляющимъ театромъ съ 16-го сентября 1810 года [171]) былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Аполлонъ Александровичъ Майковъ, ранѣе еще, въ чинѣ бригадира, состоявшій помощникомъ А. Л. Нарышкина по хозяйственной части. Окладъ жалованья Майкову по штату оказался на 1.800 рублей ниже оклада прочихъ членовъ конторы Дирекціи, что было совершенно несправедливо по отношенію къ отвѣтственной должности Московскаго Управляющаго. Въ виду этого, 25-го октября 1810 года, [172]) А. А. Майкову была

[170]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 293.
[171]) Ibid. стр. 269.
[172]) Архивъ дѣлъ Спб. конторы Имп. Т. Сборн. Высоч. повелѣній.

назначена прибавка въ годъ 1.800 р. къ содержанію, но уже не за счетъ бюджета Московскихъ театровъ, а изъ средствъ Кабинета Его Величества. Помощниками управляющаго Московскими театрами оставались: по хозяйственной части ст. сов. Алексѣй Сухопрудскій, а по репертуарной — надв. сов. Яковъ Арсеньевъ.

Новое законодательство объ Императорскихъ театрахъ сдѣлалось офиціально извѣстнымъ Московскому театральному управленію лишь черезъ 8 мѣсяцевъ, а введено въ дѣйствіе—черезъ годъ послѣ его изданія. Вступивъ по прибытіи изъ Петербурга въ должность Управляющаго Московскимъ театромъ, А. А. Майковъ лишь 19-го ноября 1810 г. [173]) доносилъ Главному директору, что онъ сообщилъ Московской конторѣ «Высочайше конфирмованныя 28-го декабря 1809 г. бумаги» и отдалъ ей такое распоряженіе: «1) дабы ходъ и дѣйствіе всѣхъ преобразованій по новому учрежденію устроены были къ 1-му числу генваря 1811 года и чтобъ съ сего числа всѣ дѣла безъ изъятія отправлялись такимъ ужъ распоряженіемъ, какъ въ тѣхъ Высочайше конфирмованныхъ бумагахъ и образцахъ, при нихъ прилагаемыхъ, предназначено. 2) Согласно новымъ постановленіямъ и штатамъ сообразить, всѣ ли чиновники, артисты и прочіе принадлежащіе къ театру служители размѣщены по тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ кому быть слѣдуетъ? Не потребно ли онымъ какое перемѣщеніе и нѣтъ ли въ нихъ недостатка? Дабы я (Майковъ) могъ заблаговременно сдѣлать всѣ надобныя по оному распоряженія и представить ихъ въ контору Дирекціи на утвержденіе господина главнаго директора». «А по симъ обстоятельствамъ, какъ говорилъ А. А. Майковъ, заканчивая свое донесеніе, ни съ какими уже представленіями, соотвѣтственно новому управленію, входить я въ контору Дирекціи Императорскихъ театровъ не могу и долженъ пріостановиться до вышеупомянутаго генваря мѣсяца».

А. А. Майковъ, еще ранѣе пользовавшійся репутаціей хорошаго хозяина и администратора, не уронилъ этой репутаціи и въ Москвѣ, удачно примѣняясь къ требованіямъ столичной публики. Хорошій составъ артистовъ обѣихъ драматическихъ труппъ и лучшій репертуаръ того времени сдѣлали свое дѣло. Къ тому же Дирекція прилагала заботы о повышеніи интереса спектаклей дебютами и гастролями. Такъ, осенью 1811 года, приглашены были одновременно двѣ звѣзды драматическаго искусства: знаменитая дѣвица Жоржъ [174])—во французскую труппу и не менѣе знаменитая русская артистка Екатерина Семеновна Семенова [175]), познакомившая съ собою

[173]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Т. Дѣло 1810 г., № 375.

[174]) Маргарита Жозефина Веммеръ, прозванная M-elle George, дочь капельмейстера въ Амьенѣ (1786—1867), нѣкоторое время была въ близкихъ отношеніяхъ къ Наполеону I.

[175]) Воспитанница Петербургскаго театральнаго училища, дочь крѣпостной дѣвушки по-

Москву еще въ 1808 году,—въ русскую труппу. Обѣ молодыя артистки, однолѣтки, отличавшіяся красотой и талантомъ, занимали одно и тоже амплуа и исполняли однѣ и тѣже роли драматическаго репертуара, по преимуществу въ трагедіяхъ Расина: «Андромаха», «Ифигенія», «Федра», а также Вольтера: «Танкредъ» и «Меропа». Г-жа Жоржъ исполняла, напримѣръ роль въ извѣстной пьесѣ на Арбатскомъ театрѣ во вторникъ, а въ четвергъ, на томъ же театрѣ, ту же самую роль играла Семенова. Такой оригинальный и интересный конкурсъ является, можетъ быть, единственнымъ въ своемъ родѣ въ исторіи Императорскихъ театровъ вообще. Соперницы были достойны другъ друга; обѣ находили своихъ жаркихъ поклонниковъ и вся Московская публика раздѣлилась на двѣ партіи «Жоржистовъ» и «Семенистовъ». Понятно, что интересъ конкурса поднялъ сборы театра. Билеты на спектакли съ участіемъ дѣвицы Жоржъ и Е. Семеновой брались на расхватъ. Людямъ, посылаемымъ за покупкой билетовъ, приходилось съ вечера и всю ночь стоять у дверей театральной конторы, въ ожиданіи открытія кассы. Е. Семеновой въ ея бенефисъ, въ «Танкредѣ», поклонники ея поднесли брилліантовую діадему, цѣною, по свидѣтельству современника (Н. И. Макарова), до 100.000 рублей [176]).

Въ общемъ сборы Московскихъ театровъ до 1812 года, повидимому, превысили ожиданія администраціи, они достигали въ 1811 году цифры 400.000 рублей. Особенный успѣхъ имѣлъ абонементъ, что отразилось, между прочимъ, на затруднительности доставать мѣста въ театрѣ внѣ абонемента и вызывало неудовольствіе публики. Въ виду этого, еще 14-го декабря 1810 года, театральная контора, ссылаясь на изданныя въ началѣ этого года правила, выпустила въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объявленія, «что съ 27-го сего декабря никто не можетъ, на взятье для спектаклей ложъ, креселъ и прочихъ мѣстъ записываться съ вечера, но желающіе имѣть оныя должны являться въ самый день представленія» въ контору, гдѣ для обозрѣнія всѣхъ открыта книга записи абонированныхъ и проданныхъ мѣстъ. «Слѣдовательно, говорилось въ объявленіи, каждый имѣетъ право для увѣренности своей требовать и смотрѣть оную». Контора заканчивала объявленіе такъ [177]): «Впрочемъ никакое лицо не можетъ требовать преимущественно дачи билетовъ, ибо раздаваться они будутъ единственно по первенству требованія оныхъ».

Требованіе на мѣста въ театрахъ въ 1810 году было столь велико, что Дирекція, въ интересахъ любителей театра, воспользовавшись спросомъ на вечера,

---

мѣщика Путяты и учителя кадетскаго корпуса Жданова, род. въ 1786 г., умерла 1849 г. впослѣдствіи княгиня Гагарина.

[176]) «Ежегодникъ» Имп. т. сезонъ 1900—1901 г.г., прил. 2-е, стр. 64. Старый театралъ. Замѣтка: «Гастроли г-жи Жоржъ и г-жи Семеновой въ Москвѣ въ 1811 году».

[177]) «Московскія Вѣдомости», 14-го декабря 1810 г.

устраиваемые еженедѣльно по вторникамъ Московскимъ Благороднымъ собраніемъ, въ декабрѣ того же года, довольно безцеремонно, объявляла [178]): «Предположивъ съ 1-го января 1811 года продавать другимъ по вторникамъ годовыя ложи и кресла, (контора) извѣщала особъ, имѣющихъ оныя, угодно ли будетъ имъ съ того числа впредь на весь абонементъ оставить за собою оныя мѣста на вторники, въ которые обыкновенно бываетъ Благородное собраніе, но контора отъ многихъ изъ нихъ не получила отзыва. Почему долгомъ поставляетъ она просить симъ вторично имѣющихъ годовыя ложи и кресла, дать ей знать заблаговременно до 1-го января 1811 года, кто изъ нихъ желаетъ удержать на вторники свои ложи и кресла въ продолженіе всего абонемента и кто предоставляетъ ихъ на тѣ дни въ распоряженіе Дирекціи, дабы кто нибудь изъ нихъ не остался недовольнымъ, потому что контора, не будучи извѣщена отъ нихъ, станетъ послѣ 1-го января по вторникамъ продавать ихъ ложи и кресла другимъ, а г-мъ тѣмъ абонировавшимся возвратитъ за оные дни деньги изъ числа всего ихъ абонемента».

Вообще надо замѣтить, что Москва того времени была весьма расположена къ развлеченіямъ. Вечера въ Россійскомъ Благородномъ собраніи, въ Охотномъ ряду, привлекали такъ много публики, что въ началѣ 1811 года старшины собранія признали необходимымъ установить: «входъ въ оркестръ не иначе имѣть, какъ съ оркестровыми билетами», ибо «стеченіе зрителей въ оркестрѣ столь бываетъ велико, что они отъ стѣсненія и жару вмѣсто удовольствія находятъ одну непріятность». Между тѣмъ, «по извѣстному исчисленію, какъ объявляли старшины [179]), оркестръ въ залѣ онаго Собранія безъ опасности отъ чрезмѣрной тягости и безъ нарочитой тѣсноты можетъ помѣстить до 500 человѣкъ».

Кромѣ того хорошо посѣщались въ Москвѣ концерты, исполнявшіеся въ залѣ Танцовальнаго клуба и въ театральномъ залѣ генерала Позднякова, а въ теченіе лѣта устраивались въ Москвѣ увеселенія въ Нескучномъ саду, съ музыкой, престидижитаторами (профессорами магіи) и съ полетами воздушныхъ шаровъ.

Тѣмъ не менѣе, Дирекція считалась съ конкурренціей частныхъ сценъ, ибо 8-го іюня 1808 года, Нарышкинымъ было испрошено Высочайшее повелѣніе о запрещеніи частнымъ театрамъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи, принимать на службу артистовъ Императорскихъ театровъ, безъ особаго каждый разъ разрѣшенія Главнаго Директора [180]).

Хорошіе сборы и хозяйственность Майкова въ расходахъ, поставили финансы

---

[178]) «Московскія Вѣдомости», 24-го декабря 1810 г.
[179]) «Московскія Вѣдомости», 11-го января 1811 г.
[180]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки III, стр. 263.

Московской Дирекціи въ прекрасное положеніе. Въ 1811 году образовался изрядный остатокъ въ 110.878 р. 95 к. Въ эту сумму вошли: а) 12.282 р. 24½ к., уплаченныя Московской конторой за счетъ Петербургскихъ театровъ, на путевыя издержки французскихъ актеровъ Петербургской труппы; б) 46.088 р. 29½ к. дѣйствительной экономической суммы и в) 52.508 р. 41¾ к. на покрытіе части долговъ Дирекціи, образовавшихся съ постройкой Арбатскаго театра.

Вся сумма долговъ Московской Дирекціи къ 1812 году опредѣлилась цифрой 99.528 р., изъ нихъ: Опекунскому Совѣту—55.889 р. и частнымъ лицамъ (кстати сказать, очень долго, до 1816 года, не тревожившимъ Дирекцію понужденіемъ къ уплатѣ)—43.639 р. Долгъ Опекунскому Совѣту былъ обезпеченъ недвижимостью, землей и домами вблизи бывшаго Петровскаго театра, перешедшею въ вѣдѣніе Московскаго театра въ 1806 году отъ Медокса. Первоначально, какъ было сказано выше, предполагалось это имущество продать съ торговъ, но по желанію Императрицы продажа была пріостановлена. Указано было покрыть долгъ особой ссудой изъ Государственнаго Казначейства, погашаемой, съ %, къ 1817 году, т. е. въ теченіе 8 лѣтъ, изъ доходовъ театра. Затѣмъ предположеніе о продажѣ земли и домовъ вновь возникло въ 1810 году, но А. А. Майковъ [181]) протестовалъ противъ продажи домовъ, указывая, во 1-хъ но то, что эти дома нужны для Дирекціи, въ виду проектируемаго возобновленія Петровскаго театра, «ибо мѣсто, на которомъ онъ находится, есть единственное въ Москвѣ для театра, какъ по обширности, такъ и по положенію внутри самаго города», и во 2-хъ, на невыгодность отчужденія домовъ, съ которымъ сопряжены—потеря дохода около 6.000 р. въ годъ и выселеніе изъ домовъ служебнаго персонала Дирекціи, что, въ свою очередь, вызоветъ расходъ на наемъ квартиръ, около 6.000 р. въ годъ. Майковъ, съ своей стороны, предполагалъ даже предпринять капитальный ремонтъ этихъ зданій, съ постепенной на то затратой отъ 30 до 40 тыс. рублей, долгъ же Опекунскому Совѣту погашать ежегодно изъ доходовъ театра.

Въ матеріальномъ отношеніи Московскій театръ также былъ хорошо обставленъ. «Театръ, какъ докладывалъ впослѣдствіи А. А. Майковъ [182]), имѣлъ для представленій, для конторы, гардероба и другихъ помѣщеній казенное огромное зданіе; для школы же и житья людямъ находилось пять собственныхъ каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ и два деревянныхъ, въ томъ числѣ одинъ съ двумя каменными флигелями», кромѣ того былъ большой запасъ декорацій, гардероба и прочихъ вещей.

Недостатокъ оказывался лишь въ помѣщеніяхъ для храненія монтировочнаго

[181]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Т. Дѣло 1820 г., № 19.
[182]) Ibid. Дѣло 1815 г., № 81.

инвентаря. Въ Іюнѣ 1812 года Дирекція признавала необходимымъ построить кладовую для декорацій и прочаго монтировочнаго имущества Московскихъ театровъ, которое помѣщалось тогда на потолкѣ зданія Арбатскаго театра и тяжестью своей грозило ему проваломъ. По смѣтѣ А. Л. Нарышкина было на этотъ предметъ ассигновано 8.603 р. 8 к., за счетъ остатковъ по Московскимъ театрамъ въ 1811 году. Надо думать, что это предположеніе не осуществилось, такъ какъ для постройки кладовой требовалось тогда сношеніе съ Московскимъ Главнокомандующимъ и соображеніе съ городскимъ планомъ. Это должно было занять не мало времени, между тѣмъ, въ августѣ 1812 года къ Москвѣ подходили уже французы, а вскорѣ сгорѣлъ и самый Арбатскій театръ. Возстановленіе Петровскаго театра, повидимому, не входила въ то время въ разсчеты Дирекціи, такъ какъ въ томъ же іюнѣ 1812 года, вопреки энергичному протесту Майкова, бывшія зданія Петровскаго театра, съ принадлежащими къ нему строеніями, назначались Дирекціеи въ продажу, какъ «не приносящія пользы, но обращающіяся Дирекціи въ тягость, ибо требуютъ содержанія и починокъ». Послѣдующія политическія событія, какъ увидимъ далѣе, затормозили этотъ вопросъ: продажа недвижимаго имущества Московскаго театра не состоялась и долги его Опекунскому Совѣту и частнымъ кредиторамъ долго оставались неуплаченными.

Дѣятельность Майкова была оцѣнена его начальствомъ. Въ началѣ 1812 года [183]), съ Высочайшаго соизволенія, А. А. Майкову была назначена денежная награда въ 5.000 рублей, а 3-го мая 1812 года Майковъ пожалованъ въ камергеры [184]).

Центральная Дирекція Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ, которая по Постановленію 1809 года не имѣла даже права перечислять остатки по однѣмъ статьямъ на покрытіе передержекъ по другимъ, не стѣснялась, тѣмъ не менѣе, пользоваться средствами Московскихъ театровъ въ интересахъ Петербургскихъ, какъ мы это видѣли изъ только что приведеннаго факта уплаты Московской конторой 12.282 р., за счетъ Петербургской Дирекціи. На томъ же произвольномъ основаніи экономическая сумма Московскихъ театровъ, образовавшаяся къ 1812 году, дала средства для назначенія наградъ Петербургской театральной администраціи. 19-го апрѣля 1812 года [185]), вмѣстѣ съ назначеніемъ выдачи 5.000 р. А. А. Майкову, изъ наличныхъ остатковъ по Московскому театру выдана была денежная награда члену конторы Дирекціи по репертуарной части, князю Шаховскому,—3.000 р. и на награжденіе канцелярскихъ чиновниковъ и служителей Петербургской Дирекціи театровъ—4.000 р.

[183]) Архивъ Спб. конторы И. т. Сборн. Выс. пов.
[184]) Ibid.
[185]) Ibid.

Конецъ первой эпохи организацiи Московскихъ Императорскихъ театровъ ознаменовался, между прочимъ, столкновенiемъ театральной администрацiи съ цензурой, по вопросу о театральныхъ афишахъ. Надо замѣтить, что цензура афишъ въ столицѣ, еще съ 1804 года, лежала на Дирекцiи Императорскихъ театровъ, которая пользовалась вмѣстѣ съ тѣмъ привиллегiей на печатанiе ихъ. 9-го января 1804 г. С.-Петербургскiй Военный Генералъ-Губернаторъ Гр. Толстой сообщилъ бывшему тогда Главнымъ Директоромъ А. А. Нарышкину, «что Государь Императоръ Высочайше указать соизволилъ, чтобы афиши на маскаралы, концерты, и на всѣ вообще публичныя зрѣлища печатаемы были въ Театральной Дирекцiи, которой наблюдать, дабы въ афишахъ ничего лишняго и неприличнаго печатаемо не было» [186]). Повидимому, практика примѣненiя этого Высочайшаго повелѣнiя уживалась впослѣдствiи съ Цензурнымъ Уставомъ 1804 года и дѣйствiе § 11 Устава (см. стр. 103 настоящаго труда) фактически не распространялось на афиши столичныхъ театровъ. Съ открытiемъ отдѣла Дирекцiи Императорскихъ театровъ въ Москвѣ, само собою, сказанная привиллегiя распространялась и на афиши, печатаемыя въ Москвѣ. 25-го iюня 1811 года дозволенiе къ представленiю пьесъ и разрѣшенiе выпуска афишъ было возложено на вновь учрежденное Министерство Полицiи. 26-го августа 1811 года министръ Полицiи А. Балашовъ, руководствуясь §§ 54 и 84 Высочайше утвержденнаго учрежденiя Министерства Полицiи, предписалъ всѣмъ губернаторамъ «сдѣлать надлежащее распоряженiе о обязанiи содержателей типографiй подписками, чтобы они впредь не печатали отъ частныхъ людей объявленiй, театральныхъ афишей и всякихъ отдѣльныхъ ежедневныхъ листовъ, безъ позволенiя на то отъ Полицейскаго Начальства». Правило это А. Балашовъ рекомендовалъ «распространить и на казенныя типографiи». Копiю этого предписанiя Московскiй оберъ-полицеймейстеръ сообщилъ А. А. Майкову. Въ тоже время Попечитель Московскаго учебнаго округа, «отрекшись, какъ говорилъ Майковъ, разсматривать въ Цензурномъ Комитетѣ новыя театральныя пьесы», сообщилъ Майкову же копiю «предписанiя министра Просвѣщенiя о томъ, что цензура книгъ съ сего времени принадлежитъ Министерству Полицiи». Очевидно Московское начальство дало предписанiю министра Полицiи слишкомъ широкое толкованiе, распространивъ компетенцiю полицiи не только на объявленiя и афиши—отъ частныхъ людей, но и на объявленiя казенныхъ учрежденiй. Такое распоряженiе поставило Майкова въ недоумѣнiе и въ крайне затруднительное положенiе. Въ силу чего, 14-го сентября 1811 года [187]), А. А. Майковъ, представляя Главному Директору копiю предписанiя министра Полицiи,

[186]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Т. Дѣло 1831 г., № 275.
[187]) Ibid. Дѣло 1811 г., № 356.

въ которой ничего не указано, «кто долженъ разсматривать и одобрять театральныя пьесы и сочиненія», испрашивалъ предписанія А. Л. Нарышкина «куда обращать пьесы для цензуры»? Далѣе, въ рапортѣ своемъ, Майковъ писалъ: «Что же касается до афишей, кои запрещено печатать безъ полиціи, то первое: правило сіе, г.г. гражданскимъ губернаторамъ для губерніи предписанное, должно ли относиться и на столицы, гдѣ для театральнаго управленія находится Дирекція театровъ, по даннымъ ей отъ Государя Императора постановленіямъ дѣйствующая, которой нѣтъ въ губерніяхъ и которая въ нихъ черезъ сіе правило замѣняется полиціею; 2-е, коль скоро по Высочайше конфирмованнымъ для Дирекціи постановленіямъ не должна ни одна пьеса новая представлена быть на театрѣ безъ одобренія цензуры, то послѣ сего не остается ничего цензировать въ афишѣ, гдѣ вписывается только день представленія, наименованіе пьесы и имена дѣйствующихъ лицъ, между коими не можетъ быть вмѣщено ничего противнаго вѣрѣ, гражданскому закону, благопристойности и приличію. Тѣмъ менѣе необходимости подвергать цензурѣ полиціи каждый разъ тѣ афиши, которыя нѣсколько разъ были печатаемы, ибо это значило бы безъ перерыва цензуровать одно и тоже. Сверхъ того, афиши въ театрахъ, отъ Дирекціи зависящихъ, разсматриваются и утверждаются чиновниками, по Высочайшему повелѣнію опредѣленными: слѣдственно кажется нѣтъ сомнѣнія положить на ихъ отвѣтственность афиши, коихъ разсмотрѣніе можетъ ввѣрено быть полиціи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ управленія Дирекціи театровъ. 3-е ежедневное теченіе спектаклей и обширность Москвы представляютъ въ отсылкѣ г. оберъ-полицеймейстеру всякой афиши и контръ-афиши на утвержденіе не только затрудненія, но опасность даже остановить спектакль. При представленіи каждый день на театрѣ нечаянныя болѣзни актеровъ заставляютъ иногда перемѣнить или кого либо изъ дѣйствующихъ лицъ или и самые спектакли. Часто Дирекція передъ самымъ анонсомъ получаетъ извѣстіе о болѣзни актеровъ и въ ту же минуту должна перемѣнить актера или распорядить другой спектакль, напечатать афиши или контръ-афиши и иногда поспѣшить раздать ихъ въ театрѣ во время спектакля. Теперь сверхъ заботъ и трудностей, всегда сопряженныхъ съ перемѣною спектакля, должна она посылать прежде печатанія афиши и контръ-афиши къ оберъ-полицеймейстеру, который живетъ отъ театра въ разстояніи четырехъ верстъ, что въ задъ и въ передъ составитъ болѣе семи верстъ, дожидаться подпишетъ ли оберъ-полицеймейстеръ афишу или нѣтъ и послѣ уже отправить въ типографію. Притомъ оберъ-полицеймейстеръ по множеству дѣлъ и происшествій по обширной должности и особенно въ столь обширномъ городѣ, какова Москва, не можетъ быть на одномъ мѣстѣ, какъ напримѣръ: когда при перемѣнѣ спектакля нужна скоро афиша или контръ-афиша, и когда отправится

къ оберъ-полицеймейстеру, а онъ находится въ дальней части города на пожарѣ, и оттуда другимъ произшествіемъ можетъ отвлеченъ быть въ другую противную сторону, то самое печатаніе афиши остановится и спектакль будетъ не обвѣщенъ 4 неизвѣстенъ для публики, отъ чего съ одной стороны самые сборы театра могутъ упасть, съ другой публика естественно должна быть въ неудовольствіи на Дирекцію. и-е, хотя всѣ сіи обстоятельства я сообщилъ Московскому г-ну оберъ-полицеймейстеру (Ивашкину) посредствомъ помощника Управляющаго по хозяйственной части и просилъ предоставить Дирекціи печатать афиши по прежнему, но онъ со всею готовностью и снисхожденіемъ, принужденъ былъ отказать въ томъ, на основаніи предписанія г-на Министра Полиціи, сказавши, что содержатели типографій обязаны подписками не печатать афишъ безъ его подписи. Ваше Высокопревосходительство! изволите усмотрѣть, что сей новый обрядъ при печатаніи афишъ дѣлаетъ для Московскаго театра затрудненія и убытокъ, между тѣмъ какъ прежній образъ печатанія оныхъ не можетъ предполагать никакого вреда, ни нарушенія порядка. Въ Санктъ-Петербургѣ, кажется, афиши Дирекціи въ отношеніи представленій и сцены изъяты были отъ разсмотрѣнія полиціи, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ въ афишѣ объявленіе касается до публики и гдѣ Дирекція сносилась съ полиціею. Почему и испрашиваю предписанія Вашего Высокопревосходительства! Какимъ обрзомъ мнѣ въ разсужденіи афишей на будущее время поступать»?

А. Л. Нарышкинъ, получивъ рапортъ Майкова, не замедлилъ сдѣлать сношеніе съ министромъ Полиціи и по соглашенію съ нимъ послалъ въ Москву 26-го сентября 1811 года такое распоряженіе: 1) «Составя всѣмъ театральнымъ пьесамъ, стоящимъ на репертуарѣ и представляемымъ уже на Московскомъ театрѣ, подробный реестръ, отослать г-ну Московскому оберъ-полиціймейстеру. 2) Поступаемыя на Московскій театръ вновь пьесы, какого бы рода онѣ ни были, присылать въ контору Дирекціи, которая, отославъ ихъ въ цензуру, возвратитъ по полученіи ихъ обратно и тогда объ оныхъ равномѣрно увѣдомлять Московскаго г-на оберъ-полиціймейстера. 3) Что касается до цензуры афишъ, то оныя препровождать къ нему въ томъ только случаѣ, когда увѣдомляется публика о первомъ представленіи новой пьесы, не находящейся въ препровожденномъ къ нему реестрѣ, или необыкновенномъ какомъ представленіи, или о каковомъ либо новомъ постановленіи Дирекціи, или же о чемъ нибудь касающемся особеннаго объявленія публикѣ».

Но этимъ дѣло не кончилось. 16-го октября 1811 года, Майковъ опять доносилъ А. Л. Нарышкину, что распоряженіе его отъ 26-го сентября осталось безъ примѣненія, какъ непринятое во вниманіе ни Главнокомандующимъ въ Москвѣ, ни оберъ-полиціймейстеромъ, ссылавшимися на то, что они съ своей стороны не полу-

чили соотвѣтствующихъ распоряженій отъ министра полиціи. Наконецъ 24-го октября Нарышкинъ извѣстилъ Майкова о вторичномъ его сношеніи съ министромъ Полиціи по этому предмету. Инциндентъ былъ исчерпанъ и дѣло цензуры афишъ въ Москвѣ наладилось порядкомъ, указаннымъ Главнымъ Директоромъ.

Въ общемъ, итоги перваго организаціоннаго пятилѣтія Московскаго театра даютъ основаніе признать эту эпоху самой счастливой въ исторіи какъ Московскихъ, такъ и вообще Императорскихъ театровъ. Съ одной стороны, театръ Медокса пробилъ вѣрную тропу въ расположеніи московской публики къ сценическому искусству. На глазахъ этой публики развились въ Императорскомъ театрѣ таланты выращенныхъ въ самой Москвѣ артистовъ, направляемыхъ компетентной критикой истинныхъ цѣнителей театра, которыми была въ то время богата Москва. Надо думать, много помогла театру современная мода на него въ Москвѣ и всегда присущая бѣлокаменной склонность гордиться «своимъ» и предпочитать иногороднему— доморощенное московское. Съ другой стороны, счастливый подборъ первыхъ администраторовъ Московскаго театра, ихъ любовь къ дѣлу, наличность въ кадрахъ театра недюжинныхъ дарованій, каковыми явились: Сандуновы, Синицына, Насова, Зловъ, Мочаловъ, Кондаковъ и др., согласныя отношенія между театральной администраціей и столичнымъ начальствомъ и наконецъ разумное ограниченіе вмѣшательства Главнаго Директора А. Л. Нарышкина въ своеобразныя, по мѣстнымъ условіямъ, мелочи художественно-административной жизни Московскаго театра сдѣлали свое дѣло. Все это вмѣстѣ помогло Московскому театральному управленію стоять на уровнѣ требованій московской публики. Московскій театръ, къ концу разсмотрѣнной эпохи, т. е. чрезъ пять лѣтъ послѣ своего рожденія, былъ въ административномъ отношеніи всесторонне регулированъ цѣльнымъ и систематическимъ законодательствомъ, а въ художественномъ отношеніи удовлетворительно укомплектованъ во всѣхъ трехъ своихъ труппахъ: русской и французской драматическихъ и въ балетной; располагалъ приличнымъ по тогдашнимъ требованіямъ оркестромъ, а въ разнообразіи и достоинствѣ репертуара не отставалъ отъ своей метрополіи въ Петербургѣ. Московскій театръ успѣлъ образовать театральную школу, достаточную для нормальнаго комплектованія своего артистическаго состава, а въ матеріальномъ отношеніи былъ обезпеченъ, хотя не большимъ, но удовлетворительно оборудованнымъ театральнымъ зданіемъ. Кромѣ того, театръ располагалъ наличностью недвижимаго имущества, покрывавшею всѣ хозяйственныя нужды, а также достаточнымъ запасомъ приличнаго и художественнаго монтировочнаго инвентаря: костюмами, декораціями и бутафоріей. Наконецъ театръ получалъ со спектаклей и маскарадовъ сборы, при которыхъ не только сводилъ свой финансовый балансъ, но составлялъ сбере-

женія, какъ на покрытіе экстраординарныхъ расходовъ, такъ и на погашеніе долговъ, естественно образовавшихся при первоначальномъ обзаведеніи. И, какъ не дико подумать о томъ въ настоящее время, — Московскій театръ достигъ всѣхъ этихъ результатовъ, будучи въ значительной долѣ укомплектованъ, не свободными художниками, какъ въ Петербургѣ, а крѣпостными артистами, изъ которыхъ были составлены: оркестръ, балетная и даже часть русской драматической труппы.

Въ дальнѣйшемъ, при поддержаніи установившейся системы организаціи, Московскому театру открывалась прекрасная перспектива будущаго, съ возобновленнымъ Петровскимъ театромъ и съ дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ дѣла.

Измѣнившіяся политическія обстоятельства, а главное, занятіе Москвы французами и пожаръ ея въ 1812 году закрыли эту перспективу и поставили Московскій театръ на волосокъ отъ гибели, которой онъ избѣжалъ, какъ увидимъ дальше, исключительно благодаря энергіи, находчивости и необычайной удачѣ Управляющаго московскими театрами А. А. Майкова.

Глава 4-я.

Майковская эпоха.

(Отъ 1812 г. до 1822 г.).

Съ 1811 годомъ закончилось первое благополучное пятилѣтіе существованія Императорскихъ Московскихъ театровъ. Началась отечественная война, а съ нею рядъ невзгодъ, обрушившихся на Россію и въ частности на Московскій театръ.

8-го апрѣля 1812 года [188]) назначенъ былъ при Главномъ Директорѣ А. Л. Нарышкинѣ, Вице-директоромъ и присутствующимъ въ конторѣ театральной Дирекціи, спеціально для управленія хозяйственной частью, камергеръ князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ [189]).

Р. Зотовъ, въ своихъ автобіографическихъ запискахъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ этого выдѣляющагося театральнаго администратора: «Князь Тюфякинъ воспитывался въ малолѣтствѣ вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ. До вступленія въ должность вице-директора онъ нигдѣ не служилъ, получилъ первый чинъ камеръ-юнкера, означавшій тогда статскаго совѣтника, а затѣмъ былъ произведенъ въ дѣйствительные камергеры (чинъ дѣйствительнаго статскаго

188) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 259.

189) Родился 1769 г. умеръ 1845 г. Послѣдній въ родѣ князей Тюфякиныхъ, отрасли рода князей Оболенскихъ,

совѣтника). До опредѣленія своего въ Дирекцію кн. Тюфякинъ много путешествовалъ, долго жилъ въ Парижѣ и хорошо ознакомился съ тамошними театрами. Онъ былъ обходительнаго нрава и благороднѣйшихъ правилъ, часто очень вспыльчивъ, но отходчивъ и снисходителенъ. Болѣе же всего онъ былъ хорошій хозяинъ и берегъ каждую казенную копѣйку» [190]).

Дѣловитый и энергичный кн. Тюфякинъ быстро завоевалъ себѣ выдающееся положеніе и расширилъ свою компетенцію преимущественно по отношенію къ Петербургскимъ театрамъ.

За отъѣздомъ Государя изъ Петербурга, по Высочайшему повелѣнію 27-го апрѣля 1812 года [191]), былъ учрежденъ особый комитетъ изъ 3-хъ лицъ: тайнаго совѣтника П. Молчанова, графа Д. А. Гурьева и Главнаго Директора А. Л. Нарышкина. На комитетъ возложено рѣшеніе всѣхъ дѣлъ по Петербургскимъ и Московскимъ театрамъ, подлежащихъ Высочайшему разрѣшенію. Съ учрежденіемъ этого Комитета, вновь послѣ 1783 г., наступилъ второй періодъ коллегіальнаго управленія театральнымъ дѣломъ и значеніе Главнаго Директора въ этомъ дѣлѣ уменьшилось.

Съ объявленіемъ войны съ Наполеономъ I, интересъ къ спектаклямъ въ Москвѣ понизился. Съ іюня мѣсяца театръ былъ почти пустой, дворянство перестало его посѣщать, зрителями являлись только купцы. Уже 8-го августа 1812 г. [192]) А. А. Майковъ, въ виду приближенія срока новаго абонемента, просилъ разрѣшенія Главнаго Директора на разсрочку платы за абонементъ, думая этимъ привлечь абонентовъ, съ тѣмъ «чтобы разсрочка таковая была обращена на тѣхъ, кои по достоинствамъ своимъ заслуживаютъ полную довѣренность». «Тѣмъ болѣе побуждаюсь прибѣгнуть, писалъ Майковъ, къ сему средству, что не имѣя въ виду присылки артистовъ изъ С.-Петербурга, безъ чего, а равно и безъ предполагаемаго мною снисхожденія абонементъ совершенно можетъ разрушиться». Успѣшно практиковавшаяся ранѣе система командировки въ Москву, для освѣженія репертуара, петербургскихъ артистовъ, съ весны 1812 г. уже не примѣнялась. Въ серединѣ марта 1812 г. [193]) уѣхали изъ Москвы присланные туда на мѣсяцъ французскіе артисты и между ними любимица Москвы знаменитая Жоржъ Веймеръ, а прибывшій одновременно съ нею танцовщикъ Глушковскій остался въ составѣ московской балетной труппы. Ходатайство Майкова о разсрочкѣ абонементной платы

---

190) Р. Зотовъ. Театральныя воспоминанія., стр. 38.
191) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 293.
192) Общій Арх. Мин. Имп. Дв. Д. Т. Дѣло 1812 г. № 235.
193) Ibid. Дѣло № 244.

было уважено А. Л. Нарышкинымъ, на личную отвѣтственность Майкова въ исправномъ поступленіи платежей.

Политическія событія и общій подъемъ патріотизма отразились и на административной жизни Московскаго театра. Въ Москвѣ былъ учрежденъ «Комитетъ для образованія военной силы», которымъ приглашались «для пособія изъ разныхъ мѣстъ чиновники». А. Л. Нарышкинъ разрѣшилъ освобождать отъ обязанностей тѣхъ служащихъ въ Дирекціи, которые пожелаютъ принять «участіе въ ополченіи», но съ замѣщеніемъ ихъ вакансій, исключая тѣхъ, о которыхъ послѣдуетъ особое приказаніе Главнаго Директора [194]).

Военныя событія двигались съ чрезвычайной быстротой, благодаря чему, какъ увидимъ далѣе, Императорскимъ Московскимъ театрамъ пришлось переживать цѣлый рядъ странствованій, затрудненій и разстройства, которыя едва ли выпадали на долю какого либо изъ правительственныхъ театровъ и отъ которыхъ московское театральное управленіе не могло оправиться въ теченіе многихъ лѣтъ. Встревоженный участью Москвы и положеніемъ театровъ А. А. Майковъ, 19-го августа 1812 г. [195]), писалъ Нарышкину такъ: «При настоящихъ обстоятельствахъ все дворянство и лучшее купечество выѣзжаетъ изъ Москвы въ разные города, посему и некому въ Московскомъ театрѣ абонироваться на слѣдующій годъ абонемента, который начнется съ 10-го сентября сего 1812 г. Равномѣрно при семъ разъѣздѣ публики и самыя представленія, какъ думать должно, не могутъ доставлять театру никакихъ доходовъ. Наконецъ распоряженіе репертуара слишкомъ затрудняетъ теперь то, что пѣвчіе, составляющіе хоръ въ театрѣ и принадлежащіе разнымъ господамъ, отправляются по волѣ ихъ изъ Москвы въ другія мѣста. Отчего всѣ оперы, трагедіи и другія пьесы, гдѣ они употреблялись, не могутъ идти. По всѣмъ симъ причинамъ, ежели не перемѣнятся настоящія обстоятельства, продолженіе театральныхъ представленій не обѣщаетъ ничего, кромѣ однихъ убытковъ, особливо по окончаніи истекающаго нынѣ абонемента. Между тѣмъ казенныя мѣста, какъ то: ломбардъ, мастерская и оружейная палата, казначейство и проч. укладываются и отправляются изъ Москвы, а въ воспитательномъ домѣ дѣйствіе сохранной и ссудной казны прекращено, какъ Ваше Высокопревосходительство изволите увидѣть изъ «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ о семъ сдѣлано публичное извѣщеніе. Вслѣдствіе сего долгомъ поставляю, представя просить Ваше Высокопревосходительство не благоугодно ли будетъ предписать, чтобы въ случаѣ ежели сверхъ всѣхъ ожиданій не воспріимутъ обстоятельства лучшаго оборота и ежели будетъ неизбѣжная необходимость, отпра-

194) Ibid. Дѣло 1812 г. № 231.
165) Ibid. Дѣло 1812 г. № 249.

вился я вмѣстѣ съ конторою, школою, театральнымъ гардеробомъ, казною и другимъ имуществомъ, которое поважнѣе, равно съ артистами, въ С.-Петербургъ, или въ другой городъ, какой угодно назначить Вашему Высокопревосходительству, употребя нужныя на путь деньги изъ суммъ въ театрѣ состоящихъ. На каковой конецъ позволить вступить въ сношенія съ мѣстнымъ начальствомъ и требовать его въ семъ случаѣ пособій, какія оказываемы были и прочимъ казеннымъ стамъ. Поелику же до разрѣшенія Вашего Высокопревосходительства пройдетъ нѣкоторое время, то дабы не упустить онаго понапрасну, я, по отправленіи сего, не оставлю войти предварительно въ означенныя сношенія съ мѣстнымъ начальствомъ, дабы по полученіи разрѣшенія Вашего Высокопревосходительства въ случаѣ нужды могъ я приступить тотчасъ къ отправленію». Однако обѣщанныхъ предварительныхъ сношеній Майковъ, повидимому, не сдѣлалъ и къ укладкѣ вещей не приступалъ, такъ какъ, по настоянію главнокомандующаго графа Ростопчина [196]), спектакли продолжались до самаго почти вступленія непріятеля въ Москву.

Послѣднее объявленіе о спектаклѣ въ Арбатскомъ театрѣ появилось въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 28-го августа 1812 г., № 69; въ пятницу 30-го августа назначена была къ исполненію драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Глинки «Наталья, боярская дочь», а послѣ нея маскарадъ. Это былъ послѣдній спектакль въ Арбатскомъ театрѣ, который сдѣлался одной изъ первыхъ жертвъ пожара Москвы, по занятіи ея французами. 31-го августа вышелъ послѣдній № 70 «Московскихъ Вѣдомостей» и въ этотъ же день полученъ отвѣтъ Нарышкина на представленіе Майкова отъ 19-го августа. Нарышкинъ писалъ такъ [197]): «Въ разрѣшеніе представленія Вашего отъ 19-го августа за № 911 я поспѣшаю Васъ увѣдомить, что имѣлъ счастіе доложить о семъ Государю Императору и въ исполненіе Высочайшей Воли нынѣ же и съ сей эстафетой отнесся я къ г-ну главнокомандующему графу Ростопчину, прося его, чтобы въ случаѣ неизбѣжной нужды назначилъ онъ Вамъ мѣсто къ выѣзду и оказалъ зависящее отъ него пособіе. Почему и имѣете Вы въ потребномъ случаѣ сдѣлать прямо къ нему для выѣзда Вашего съ казеннымъ имуществомъ донесеніе и принять по распоряженію его приказаніе; замѣчаю только Вамъ сіе, что нѣкоторыхъ изъ артистовъ не нужно отправлять и они могутъ съ частью прочихъ жителей остаться въ Москвѣ». Однако эстафета Нарышкина запоздала, отступленіе войскъ уже началось и 2-го сентября французы заняли столицу, такъ что и Дирекція и артисты Императорскихъ театровъ, застигнутые врасплохъ, принуждены были спѣшно покидать Москву. Князю И. Н. Долгорукову, какъ онъ разсказывалъ въ «Капищѣ

196) Ibid. Дѣло 1815 г. № 81.
197) Ibid. Дѣло 1815 г., № 249.

моего сердца», пришлось помогать русскимъ актерамъ, между прочимъ, Мочалову отцу) съ женой и пѣвицѣ Насовой въ выѣздѣ изъ Москвы, въ то время когда непріятель грабилъ уже ея окрестности.

Обстановка бѣгства Дирекціи изъ Москвы довольно хорошо рисуется рапортомъ Майкова Главному Директору, написаннымъ имъ 7-го сентября, уже въ дорогѣ изъ г. Владиміра. «Въ ночь на 31-е число минувшаго августа, доносилъ Майковъ, получа съ эстафетомъ предписаніе Вашего Высокопревосходительства о слѣдованіи казнѣ, школѣ, артистамъ и прочему имуществу Императорскаго Московскаго театра обще со мною, по назначенію Главнокомандующаго графа Ростопчина, въ то мѣсто, которое онъ найдетъ безопаснымъ, я утромъ рано бросился къ нему, прося о снабженіи для подъема 150-ти подводъ; въ дачѣ ихъ было мнѣ отказано, съ извѣщеніемъ о томъ только, что никуда нельзя лучше помѣститься мнѣ со всѣмъ театромъ, какъ въ губернскій городъ Владиміръ. Возвратясь отъ него въ контору и предпринявъ всѣ нужныя распоряженія, какія успѣть могъ во время приближенія непріятеля къ стѣнамъ столицы, прискакалъ опять къ нему безъ памяти и со всѣмъ уже усиліемъ требовалъ спасти казенный интересъ, школу и тѣхъ людей, которые для Дирекціи необходимы. Но и тутъ едва, едва успѣлъ получить 19 подводъ. Находясь въ такой крайности и ужаснѣйшей тревогѣ, при послѣднихъ, такъ сказать, средствахъ, и не иначе, какъ Богъ самъ пособилъ схватить мнѣ денежную сумму, книгу общаго прихода и расхода, нѣкоторую часть конторскихъ бумагъ, богатыя вещи отъ гардероба и безъ изъятія всю школу. Что все 1-го сентября въ 3 часа утра и отправлено мною съ чиновниками, какъ-то: помощникомъ по хозяйственной части, казначеемъ, секретаремъ и смотрителемъ гардероба, и поелику и всего этого нельзя было увезти на отпущенныхъ мнѣ крестьянскихъ телѣгахъ, нанялъ я къ онымъ въ добавокъ 11 подводъ, съ прибавленіемъ собственныхъ моихъ лошадей. Но вслѣдъ за симъ отправились сами по себѣ нѣсколько человѣкъ актеровъ и актрисъ, коимъ (равно музыкантамъ и разнаго званія служащимъ при театрѣ людямъ) принужденъ я былъ дать билеты, дабы изыскивали свои способы спасаться; и изъ числа ихъ, одни догнали обозъ на дорогѣ, другіе слѣдуютъ пѣшкомъ, какъ знаю, въ небольшой за нимъ отдаленности, и наконецъ думаю, что по времени достигнутъ до меня всѣ. Какъ же предположено было, что армія наша, будетъ всѣми силами защищать Москву, то, съ прочими оставшимися дѣлами и вещьми запечатавъ комнаты, препоручилъ я чрезъ данный ордеръ беречь театръ унтеръ-офицеру Мельникову, съ находящеюся при немъ инвалидною командою, до той минуты, покуда будетъ возможно. Вчера вечеромъ съ грузовымъ караваномъ моимъ прибылъ я во Владиміръ. Здѣсь также безпокойство жителей и много выѣзжающихъ въ разныя стороны,

а болѣе въ городъ Нижній (гдѣ, какъ есть извѣстіе, возросла неимовѣрная дороговизна, и что не токмо нѣтъ квартиръ и нѣтъ мѣста въ окружныхъ селеніяхъ, великое число пріѣхавшихъ остановились и живутъ въ полѣ). Я не рѣшился туда слѣдовать и предпріемлю отправленіе мое завтра въ городъ Кострому; при малѣйшей же опасности потянусь въ Вологду, гдѣ по всѣмъ соображеніямъ и совѣтамъ пребываніе будетъ совершенно обезпечено. Но къ чему распоряжусь я приступить въ послѣдствіи времени, для соблюденія выгодъ Дирекціи, не премину сдѣлать Вашему Высокопревосходительству подробное представленіе. Между тѣмъ относительно до отпуска денегъ изъ Статнаго Казначейства, естли еше не учинено Вами сношенія съ господиномъ Министромъ Финансовъ, а Статному Казначейству отъ него объ ономъ не предписано, то не благоугодно ли будетъ Вамъ убѣдить его дать предписаніе о выдачѣ слѣдующей театру на сентябрьскую треть суммы Костромской казенной палатѣ. Ибо находящимся нынѣ у меня на лицо количествомъ, оставшимся отъ суммы прошлаго года, ежели пребуду въ моихъ странствіяхъ, далѣе довольствоваться будетъ мнѣ нельзя, поелику въ недавнѣ отпущено изъ него по предписанію Вашего Высокопревосходительства въ С.-Петербургскую Дирекцію десять тысячъ рублей, не говоря о тѣхъ деньгахъ, кои отдѣлены по отчетамъ, въ награжденіе тамошней и здѣшней конторамъ, а при томъ, какъ извѣстно Вамъ, за неполученіемъ изъ казначейства денегъ заимствовался я изъ того же остатка на удовлетвореніе жалованьемъ и на путевыя, теперь значительныя издержки».

Какъ видно изъ дальнѣйшей переписки Майкова, онъ добрался до Костромы, гдѣ пришлось ему оставаться еще долгое время. Нарышкинъ, получивъ письмо Майкова и несомнѣнно почувствовавъ упрекъ Майкова въ пользованіи для Петербургской Дирекціи средствами Московской, тотчасъ же снесся съ Министромъ Финансовъ, который 27-го сентября 1812 г. [198]) извѣстилъ Нарышкина о данномъ имъ предписаніи Костромской казенной палатѣ отпустить Московской Театральной конторѣ за сентябрьскую треть 58.666 р. 67 к. Но Майковъ еще и въ ноябрѣ мѣсяцѣ не получилъ ихъ. Нарышкина болѣе всего безпокоилъ вопросъ о сборѣ разбѣжавшихся изъ Москвы артистовъ,—вопросъ, который принесъ впослѣдствіи не мало хлопотъ администраціи. «Донесеніе Ваше отъ 8-го числа сего сентября, писалъ 27-го сентября [199]) Нарышкинъ Майкову, я получилъ и хотя съ крайнимъ прискорбіемъ вижу изъ онаго разстроенность положенія Вашего, но не могу остаться безъ совершенной признательности за расторопность и благоразумныя мѣры, избранныя Вами въ таковомъ несчастномъ случаѣ. Я остаюсь въ полномъ увѣреніи, что

[198]) Ibid. Дѣло 1815 г., № 249.
[199]) Ibid. Дѣло 1815 г., № 249.

Вы, слѣдуя всегда онымъ, употребите всѣ средства собрать разсѣянныхъ подчиненныхъ Вашихъ и Вашими дѣйствіями оправдаете то доброе мнѣніе, которое я всегда объ Васъ сохранилъ».

Въ заботахъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ и невзгодахъ Московскихъ театровъ Дирекція, не оставалась безучастной и къ положенію вообще Московскихъ жителей, потерпѣвшихъ отъ французскаго нашествія и пожара Москвы. Какъ увидимъ далѣе, Московская французская труппа была упразднена, но годовое ассигнованіе на нее 36.000 руб. было оставлено, съ обращеніемъ изъ него 30.000 руб. въ фондъ для вспоможенія потерпѣвшимъ отъ непріятеля. Впослѣдствіи, въ 1815 году, А. А. Майковъ ходатайствовалъ о назначеніи изъ этого фонда пособія артистамъ и другимъ служащимъ Московскаго театра, потерпѣвшимъ раззореніе въ бѣгствѣ изъ Москвы. Такихъ лицъ оказалось 96 человѣкъ, а именно: актеровъ 18, между ними: Зловъ, Мочаловъ, Колпаковъ, Украсовъ, Соколовъ, Фрыгинъ и пр., актрисъ 18, между ними: Сандунова, Воробьева, Насова, Лисицына и проч., дансерка Махаева и 19 фигурантокъ, дансеръ Глушковскій и 6 фигурантовъ, 26 музыкантовъ, режиссеръ Аблецъ, капельмейстеръ Керцелли, экономъ школы, машинистъ и три его помощника.

Въ представленіи 19-го апрѣля 1815 г. [200]) о пособіи этому персоналу Майковъ такъ описывалъ испытанныя артистами невзгоды: «Они до самаго почти входа непріятеля въ Москву были удержаны службою въ оной для театральныхъ представленій, которыя продолжать настоялъ бывшій тогда Главнокомандующій г. Москвы графъ Ростопчинъ. Уволены же отъ должностей и получили разрѣшеніе на выѣздъ изъ Москвы почти наканунѣ сдачи оной непріятелю, слѣдовательно въ такое время, въ которое нельзя было пріобрѣсти ни наймомъ, ни покупкою лошадей для выѣзду, а при томъ и Дирекція не могла снабдить ихъ подводами, получивши оныхъ всего восемь [201]) для вывозу всего казеннаго имущества и школы. А потому они были въ необходимости, бросивши все свое имущество, спасать уже одну только жизнь. На сей конецъ, пишетъ далѣе А. А. Майковъ, говоря о матеріальной помощи потерпѣвшимъ,— если сумма 30.000 р. ежегодно отъ Московскаго театра отдѣляемая на французскую труппу, обращается въ пользу раззоренныхъ непріятелемъ, то можетъ быть контора Дирекціи испроситъ пособія изъ этой суммы, которая уже въ 1815 году достигла 100.000 рублей». Хотя въ дѣлахъ Дирекціи нѣтъ прямыхъ указаній на выдачу пособій потерпѣвшимъ отъ раззоренія артистамъ, но надо думать, что

---

[202]) Ѳ. А. Кони. Придворная труппа Императора Наполеона въ Москвѣ 1812 г. Пантеонъ 1840 г.

[203]) Souvenir d'une actrice, par madame Louise Fusil.

ходатайство Майкова было уважено, ибо нѣтъ свѣдѣній ни объ отказѣ по ходатайству, ни о перечисленіи упоминаемаго Майковымъ 100 тысячнаго фонда въ другія вѣдомства, для пособія постороннимъ Дирекціи лицамъ.

Послѣ вступленія въ Москву непріятеля въ ней остались лишь нѣкоторые артисты французской труппы, которымъ пришлось послужить для развлеченія наполеоновской арміи. Остатки труппы (актеры: Адне, Перу, Госсе, Лефебръ и актрисы: Андре, Фюзи, Ламираль, Лекень, Адне, Перигюи), съ актрисой г-жей Бюрсей во главѣ, бѣдствовали гдѣ то въ Басманной, гдѣ ихъ разъискалъ префектъ Наполеоновскаго Двора генералъ Боссе [202]). Внѣшность артистовъ, найденныхъ Боссе, была весьма оригинальна, по словамъ актрисы Фюзи [203]): «первый трагикъ явился во фризовой шинели и въ шапкѣ ополченца, первый любовникъ—въ семинарскомъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ, благородный отецъ — безъ сапогъ и съ дырявыми локтями, злодѣй — безъ панталонъ въ коротенькомъ испанскомъ плащѣ, ни у кого не было ни бѣлья, ни башмаковъ». Боссе доложилъ Наполеону о печальной участи артистовъ. Наполеонъ приказалъ выдать имъ пособіе и устроить для развлеченія войскъ временный театръ, а генерала Боссе назначилъ Директоромъ Императорскихъ театровъ въ Москвѣ. Боссе приспособилъ полуразрушенный театръ въ домѣ Позднякова на Никитской, повѣсилъ тамъ большое паникадило изъ ограбленной церкви и роздалъ полуодѣтымъ и чуть ли не босымъ артистамъ вытащенные изъ Кремлевскихъ подваловъ запасы стариннаго богатаго гардероба. Составленъ былъ прекрасный оркестръ изъ лучшихъ полковыхъ музыкантовъ Императорской гвардіи. Въ среду 7-го октября (27-го сентября) состоялся первый спектакль импровизированной труппы, въ которомъ было исполнено, какъ значилось въ афишѣ: «Jeu de l'amour et du hazard», comédie en 3 actes et en prose de Mariveau, suivi de «L'amant auteur et valet», comédie en 1 acte et en prose de Ceron. Самъ Наполеонъ не посѣщалъ спектаклей, но для него устраивались концерты въ Кремлевскомъ дворцѣ, со случайно отысканнымъ въ Москвѣ пѣвцомъ Таркиніо. Кстати замѣтить, что съ пребываніемъ Наполеона въ Москвѣ связано изданіе законодательства по театру «Французской комедіи» въ Парижѣ, которое утверждено Наполеономъ 15-го октября 1812 г. [201]) подъ названіемъ «Décret de Moscou».

На французскомъ театрѣ въ домѣ Позднякова, кромѣ драматическихъ пьесъ исполнялись также дивертиссменты изъ разныхъ танцевъ и русской пляски двухъ

[200]) Ibid. Дѣло 1815 г., № 81.

[201]) Здѣсь Майковъ впадаетъ въ противорѣчіе со своимъ рапортомъ отъ 7-го сентября 1812 г., въ которомъ число подводъ отпущенныхъ Дирекціи опредѣлено 19-ю.

[204]) Это законодательство, изложенное въ 8 отдѣлахъ и дополненное въ 1847 г. и въ 1850 г., остается дѣйствующимъ для французскаго театра и до настоящаго времени.

дѣвицъ Ламираль. Генералъ Боссе пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «C'était un véritable *pas Russe*, non point tel qu'il est éxecuté à l'opéra de Paris, mais tel, qu'on le danse en Russie. La grace de cette pantomime consiste principalement dans le jeu des épaules, de la tête, et dans toute l'attitude du corps». Спектакли имѣли большой успѣхъ въ военной публикѣ.

Случай и чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ находился Наполеоновскій театръ въ Москвѣ, сдѣлали его замѣчательнымъ въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ «гардеробъ Наполеоновскаго театра могъ щегольнуть, какъ пишетъ Ѳ. А. Кони, богатствомъ и роскошью, доселѣ еще не виданными ни на одномъ театрѣ. Здѣсь не было ничего поддѣльнаго и подрумяненнаго. Чистое золото и серебро, дорогая парча, венеціанскій бархатъ, алансонскія кружева и турецкія шали пошли на домашній обиходъ сцены». Все это были вещи награбленныя въ Московскихъ дворцахъ; во 2-хъ «вѣроятно отъ начала всѣхъ театровъ въ мірѣ не существовало общества актеровъ столь согласнаго и сговорчиваго. Вся закулисная политика померкла отъ важнаго политическаго переворота, въ которомъ они были непроизвольными дѣйствователями. При раздачѣ ролей не было ни споровъ, ни зависти, ни соперничества».

За входъ публика платила бездѣлицу. Сборъ употреблялся на покрытіе вечеровыхъ издержекъ, и на отопленіе и освѣщеніе театра; остальное дѣлили между собою артисты.

Французская труппа Наполеона успѣла дать только 11 спектаклей и закончила свое существованіе трагически. Послѣ пораженія короля Неаполитанскаго подъ Тарутинымъ, французскія войска спѣшно выступили изъ Москвы, а актеры были предоставлены на произволъ судьбы. Изъ Москвы выѣхали: первый любовникъ— верхомъ, трагики и комики въ лазаретномъ фургонѣ, а директриса, съ первой любовницей г-жей Адне, на тройкѣ въ ландо. Такъ добрались до Смоленска, послѣ чего начались невзгоды. Морозъ, голодъ, русскій штыкъ и казацкая пика преслѣдовали отступавшихъ французовъ на каждомъ шагу. Не убереглись и актеры: первый любовникъ умеръ съ голоду, первой любовницѣ раздробило ногу и она вскорѣ умерла, добравшись до Страсбурга. Самъ директоръ, генералъ Боссе, принужденъ былъ путешествовать верхомъ на пушкѣ, и съ отмороженными ногами еле добрался до Франціи. Жалкіе остатки брошеннаго Наполеоновскаго театра въ Москвѣ, въ домѣ Позднякова, засталъ еще кн. Шаховской, членъ репертуарной части Петербургскихъ театровъ, однимъ изъ первыхъ ополченцевъ попавшій въ Москву по отступленіи французовъ. На сценѣ Поздняковскаго театра валялись дохлыя лошади, мебель, обрѣзки парчи и музыкальные инструменты.

Такъ печально закончился этотъ трехнедѣльный эпизодъ изъ театральной жизни г. Москвы. Выѣхавшимъ изъ Москвы французскимъ артистамъ не пришлось воспользоваться предназначенной для нихъ милостью Императора Александра I. 18-го ноября 1812 г. послѣдовало такое, изрядно запоздавшее для Москвы, Высочайшее повелѣніе [205]): «По настоящимъ обстоятельствамъ находя французскую труппу ненужною, повелѣваю всѣхъ актеровъ и актрисъ, какъ по здѣшнимъ, такъ и по Московскимъ театрамъ оную составляющихъ, изъ службы Моей отпустить, удовлетворивъ по настоящее число жалованьемъ». При этомъ, однако, французскимъ актерамъ, выслужившимъ пенсіоны, таковые были назначены изъ Кабинета Его Величества

Впослѣдствіи оказалось невыданнымъ Дирекціею содержаніе за майскую треть 1812 г. французскимъ актрисамъ: Орор̂ъ Бюрсе, Андре и Бертень и актеру Филлису, въ общемъ слишкомъ 3.000 рублей. За неразъисканіемъ этихъ артистовъ невыданныя имъ деньги были обращены въ средства Московской конторы театровъ [206]).

Оправлялась Москва отъ погрома довольно медленно. Французы очистили Москву 17-го октября, а «Московскія Вѣдомости», прерванныя 31-го августа на номерѣ 70-мъ, появились лишь 23-го ноября 1812 г. номеромъ 71—94. Передовая статья этого N. 71—94 начиналась такъ: «Наконецъ благодареніе Всевышнему! Мы вновь начинаемъ дышать свободно. Врагъ человѣчества, упившись кровію невинныхъ, съ адскою въ сердцѣ злобою, оставилъ древнюю нашу столицу». Признаки нормальной жизни города появились лишь въ 1813 г. 23-го марта 1813 г. освященъ былъ московскій Благовѣщенскій соборъ; 31-го марта торжественно открыто ученіе въ московской Славяно-Греко-Латинской академіи [207]). Въ мартѣ же мѣсяцѣ возобновились работы на московской ситцевой фабрикѣ Грачева. Объ увеселеніяхъ Москва стала думать лишь къ концу 1813 года. Благородное собраніе было открыто 12-го декабря и стало давать по прежнему, по вторникамъ, балы, но не въ собственномъ еще помѣщеніи, а въ домѣ графа Моркова, на Никитской. Первый балъ былъ данъ 30-го декабря 1813 года. Съ конца ноября 1813 года открылся рядъ спектаклей русской драмы, дававшихся въ пользу бѣдныхъ города Москвы, частной труппой, въ томъ же театрѣ генералъ-маіора и кавалера П. А. Позднякова, гдѣ за годъ передъ тѣмъ играла наполеоновская труппа. Театръ П. А. Позднякова помѣщался въ домѣ его на Никитской и еще ранѣе славился своею роскошью и оригинальностью хозяина, къ которому относился стихъ Грибоѣдова [208]) въ «Горе отъ ума»:

«На лбу написано: театръ и маскарадъ».

[205]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 261.
[206]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Имп. Т. Дѣло 1819 г., № 95.
[207]) «Московскія Вѣдомости» 1813 г. 9-го апрѣля.
[208]) М. Пыляевъ. Старая Москва, стр. 145.

Первый спектакль въ театрѣ Позднякова былъ данъ 30-го ноября 1813 г. [209]) съ оперой «Деревенскія пѣвицы», музыка Фіорованти. 1-го января 1814 г. тамъ же данъ былъ маскарадъ, а 13-го мая 1814 г. на театрѣ Позднякова дана была опера Керубини «Водовозъ», въ пользу раненыхъ подъ Парижемъ русскихъ воиновъ.

Положеніе Императорскихъ Московскихъ театровъ послѣ погрома 1812 г. было весьма затруднительное; Арбатскій театръ сгорѣлъ, а съ нимъ большая часть инвентаря, въ труппахъ же былъ большой некомплектъ. Самый вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи Императорскаго Московскаго театра, повидимому, висѣлъ на волоскѣ:—въ распоряженіи Дирекціи не было ни театральнаго зданія, ни имущества. ни достаточнаго числа артистовъ. Только особая энергія и находчивость А. А. Майкова вывели Московскій театръ опять на дорогу. Еще въ октябрѣ 1812 г. Майковъ сообщилъ Нарышкину изъ Костромы списокъ тѣхъ артистовъ и служащихъ, которые считались «находящимися въ отсутствіи», т. е. не явились въ контору, или не дали о себѣ никакихъ извѣстій послѣ 2-го сентября 1812 г. Такихъ лицъ насчитывалось всего 56 человѣкъ, изъ нихъ: 3 чиновника—штабъ-лекарь Смолинскій, архитекторъ с. с. Соколовъ и смотритель за домами, 16 артистовъ русской труппы, 4 французскихъ артиста, 11 артистовъ балета, 8 лицъ монтировочнаго персонала, между прочими машинистъ Коняевъ, одинъ декораторъ и 2 живописца и наконецъ 13 служителей. Въ общемъ, число отсутствующихъ, при тогдашнемъ скромномъ составѣ Московскихъ театровъ, было весьма значительно. Обращаетъ на себя вниманіе корректность музыкантовъ, изъ которыхъ ни одинъ не значится въ спискѣ отсутствующихъ. Судя по представленію отъ 12-го октября 1812 г., Майковъ, очевидно, не имѣвшій еще точныхъ свѣдѣній изъ Москвы о судьбѣ Арбатскаго театра и театральнаго имущества, тѣмъ не менѣе не разсчитывалъ уже на скорое возвращеніе въ Москву и на открытіе тамъ нормальной дѣятельности. Есть основаніе предполагать, что Майковъ предложилъ Нарышкину раздѣлить всѣхъ неявившихся на двѣ категоріи и соотвѣтственно назначить два крайнихъ срока явки: менѣе полезнымъ трехмѣсячный, а тѣмъ, въ коихъ Дирекція нуждалась,—шестимѣсячный. Нарышкинъ отвѣтилъ Майкову 1-го ноября 1812 г. [210]) такимъ предписаніемъ: «назначаемые Вами шести и трехмѣсячные сроки для явки артистовъ и прочихъ театральныхъ служителей нахожу я много отдаленными, ибо въ сіе время могли бы явиться они изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Россіи. Но предполагая, что люди сіи находятся въ Москвѣ, или въ окрестностяхъ оной гораздо скорѣе могутъ прибыть къ начальству, или дать знать оному о мѣстѣ пребыванія своего, чтобы при востребовавшейся

[209]) «Московскія Вѣдомости» 1813 г. 29-го ноября № 96.
[210]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Имп. т. Дѣло 1812 г. № 249.

въ нихъ надобности можно было тотчасъ ихъ выписать и между тѣмъ заключая, что со времени отправленія Вашего донесенія многіе изъ таковыхъ уже явились, по симъ причинамъ сроковъ сихъ я не утверждаю,—а дабы выиграть время и тѣмъ сохранить прибыль казны, уволивъ ненужныхъ, по настоящему положенію людей, рекомендую Вамъ откомандировать тотчасъ надежнаго чиновника (исключая надворнаго совѣтника Семенова, который долженъ ожидать пріѣзда моего въ Кострому) и съ нимъ одного изъ канцелярскихъ служителей въ Москву, при отношеніяхъ Вашихъ къ тамошнему оберъ-полицiймейстеру и прочимъ въ близкихъ къ оной городахъ начальствующимъ, дабы тѣмъ удобнѣе и скорѣе могли отысканы быть въ оной и въ окрестностяхъ ея оставшiеся, начальства Вашего разные служители. Чиновникъ сей долженъ сдѣлать подробнѣйшее и безпристрастное объясненіе о всѣхъ имъ отысканныхъ въ какомъ состояніи будутъ они имъ встрѣчены и какая причина останавливала ихъ прибыть къ начальству въ то время, когда дороги отъ Москвы вовсе нынѣ безопасны. По исполненіи чего сдѣлайте мнѣ обстоятельное обо всѣхъ таковыхъ донесеніе и ожидайте моего предписанія». Суровость этого рѣшенія Нарышкина мало вяжется съ общимъ представленіемъ о его добродушіи, тѣмъ болѣе, что причиной отсутствія многихъ артистовъ послужило собственное распоряженіе Нарышкина о дозволеніи нѣкоторымъ артистамъ оставаться въ Москвѣ, послѣ выѣзда театральной конторы. Въ приведенномъ предписаніи чувствуется вліяніе разсчетливаго и малоразборчиваго въ мѣрахъ экономіи Вице-Директора князя Тюфякина. Далѣе, въ томъ же предписаніи, Нарышкинъ предлагаетъ: «При доставленіи ко мнѣ описей оставшагося гардероба и прочихъ казенныхъ вещей доставьте равномѣрно вѣдомость оставшемуся и чаятельно истребленному уже театральному имуществу. Списокъ находящимся въ отлучкахъ артистамъ и прочимъ служителямъ, со сдѣланными по приказанію моему отмѣтками, при семъ Вамъ посылаю, по коему и сдѣлайте немедленное исполненіе». Судя по этимъ отмѣткамъ, очистка персонала Московскихъ театровъ отъ безполезныхъ людей произведена была широкой рукой: изъ 56 человѣкъ отсутствующихъ намѣчены къ увольненію 44 человѣка! Между уволенными: штабъ-лекарь, архитекторъ, всѣ неявившіеся артисты балета и французской труппы, весь отсутствующій монтировочный персоналъ, кромѣ машиниста Коняева, часть артистовъ драмы и всѣ служителя. При этомъ Нарышкинъ не особенно стѣснялся въ мотивировкѣ своихъ резолюцій на спискѣ, такъ напримѣръ, желая удержать на службѣ отсутствующихъ актеровъ Злова, Колпакова, Мочалова, Зубова, Воеводина и Толченова, онъ написалъ: «При встрѣтившейся надобности тотчасъ приказать имъ явиться. Люди сіи бывъ въ казенной службѣ отказываться безъ времени не могутъ», а противъ фамилій прочихъ артистовъ отмѣтилъ: «Такъ какъ они не явились и

даже о себѣ не дали знать, то и отказать». Относительно прочаго персонала онъ ограничился отмѣтками: «Отказать», «Уволить», «Исключить».

Съ осени 1812 года и весь 1813 годъ Московская Дирекція оставалась въ неопредѣленномъ положеніи. Большая часть администраціи, школа, служители и нѣкоторые артисты оставались за это время въ Костромѣ. Майковъ былъ вызванъ по службѣ въ Петербургъ и театральное управленіе являлось раздвоеннымъ [211]). Въ Костромѣ заправлялъ всѣми дѣлами с. с. Сухопрудскій. Въ его распоряженіи находились всѣ суммы конторы, все спасенное изъ Москвы имущество и школа, въ которой въ то время, вмѣсто 30 штатныхъ было 50 воспитывающихся. Для управленія же «людьми театральнаго вѣдѣнія, въ Москвѣ находящимися», оставался тамъ н. с. Арсеньевъ. Самая значительная и цѣнная часть объявившихся наконецъ изъ безвѣстнаго отсутствія артистовъ была вытребована въ командировку въ Петербургъ, гдѣ пробыла въ теченіе полутора года, до 1815 года, получая жалованье, въ общемъ до 6.000 р. въ годъ, изъ бюджета Московскаго театра [212]). Тѣмъ не менѣе финансовое положеніе остававшагося въ бездѣйствіи Московскаго театра, благодаря сбереженіямъ въ 1811 году, оказалось сноснымъ. По сохранившемуся въ архивѣ балансу суммъ за отчетный 1813 годъ [213]), т. е. съ 1-го марта 1813 года по 1-е марта 1814 года, опредѣлился остатокъ въ 24.188 р.; изъ нихъ сбереженіе за 1812 годъ—18.897 р., а за 1813—5.291 р. Сбереженіе это было достигнуто главнымъ образомъ сокращеніемъ въ штатныхъ расходахъ, путемъ перевода бездѣйствующихъ артистовъ на половинное жалованье.

Первой и главной заботой А. А. Майкова для возстановленія Московскаго театра явилось, конечно, пріисканіе за сходную цѣну помѣщенія, вмѣсто сгорѣвшаго Арбатскаго театра. Это было дѣло не легкое, такъ какъ, послѣ погрома 1812 года, наемныя цѣны на дома въ Москвѣ чрезвычайно возросли. Еще осенью 1813 года предположено было снять въ наемъ домъ Пашкова на Моховой, на приспособленіе котораго для устройства театра требовалось до 40.000 рублей. Успѣхъ Поздняковскихъ спектаклей ясно показывалъ спросъ московской публики на театръ. 15-го августа 1813 года А. Л. Нарышкинъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ [214]) Императору Александру I: «До сего времени удерживался я всеподданнѣйшимъ моимъ представленіемъ Вашему Императорскому Величеству о возстановленіи Московскаго театра, не полагая сего еще нужнымъ. Нынѣ же получилъ я вѣрное свѣдѣніе

---

211) Ibid. Дѣло 1814 г. № 97.
212) Ibid. Дѣло 1815 г. № 17.
213) Ibid. Дѣло 1814 г. № 97.
214) Ibid. Дѣло 1816 г. № 73.

что публика московская настоятельно желаетъ видѣть спектакли и даже заботливо изыскиваетъ способы открыть театръ, хотя въ партикулярномъ домѣ». Нарышкинъ предполагалъ начать дѣйствіе театра «нынѣшней же осенью», т. е. въ 1813 году. Испрашивая отпускъ 40.000 рублей на приспособленіе дома Пашкова, онъ заканчивалъ свой всеподданнѣйшій докладъ такъ: «А какъ и прежде, при началѣ самомъ, до построенія еще новаго деревяннаго театра, существовалъ болѣе 4-хъ лѣтъ, временный театръ въ домѣ Пашкова, помѣщающій въ себѣ до 1200 человѣкъ, то чтобы и нынѣ не упускать его изъ вида, я уже на сей конецъ и сносился съ г. Пашковымъ, который на отдачу того дома объявилъ мнѣ его согласіе». Вопросъ объ отпускѣ 40.000 р. былъ переданъ въ Комитетъ по театральнымъ дѣламъ, который предполагалъ сдѣлать заемъ 40.000 руб. въ Кабинетѣ Его Величества, но Управляющій Кабинетомъ Гурьевъ, 27-го августа 1813 г., отказалъ въ ссудѣ и дѣло объ ассигнованіи суммъ оставалось въ Комитетѣ безъ движенія. Въ январѣ 1814 года Майковъ опять возобновилъ ходатайство объ отпускѣ 40.000 руб. на Пашковскій театръ, представивъ въ Комитетъ по театральнымъ дѣламъ «Краткую записку [215]) о причинахъ, по которымъ необходимо нужно и полезно для казны возобновить въ Москвѣ временный театръ». Въ этой запискѣ, рельефно рисующей тогдашнее критическое положеніе Московской Дирекціи, Майковъ объяснялъ:

«Помянутое возобновленіе почитается необходимо нужнымъ и полезнымъ потому:

1-е. Чтобы дворянство, купечество, разночинцевъ, однимъ словомъ, всякаго состоянія людей, стекающихся нынѣ въ Москву, занять спектаклями и симъ образомъ пребываніе ихъ въ оной, учинить елико можно болѣе пріятнѣйшимъ, а тѣмъ пріохотить ихъ и къ самому даже основанію жительства въ ней.

2-е. Что нынѣшніе обыватели нетерпѣливо ожидаютъ видѣть спектакли, по сему г. Поздняковъ, хотя и частный человѣкъ, съ дозволенія тамошняго начальства, открылъ собственный свой театръ, въ который столь великое стеченіе бываетъ зрителей, что въ каждый спектакль выручается собранныхъ денегъ отъ двухъ до 4.000 рублей, какъ то видно изъ «Московскихъ Вѣдомостей», и что, если бы существовалъ Коронный театръ, составляло бы его пользу и непосредственно облегчало бы казну въ расходахъ, кои она издерживаетъ нынѣ на содержаніе труппъ, совершенно безъ дѣйствія остающихся.

3-е. Что объ открытіи казеннаго театра и г. генералъ отъ инфантеріи и Московскій Главнокомандующій графъ Растопчинъ относился къ г-ну оберъ-камергеру Нарышкину еще отъ 1-го сентября минувшаго 1813 года, изъясняя непосредственную въономъ необходимость.

[215]) Ibid. Дѣло 1816 г. № 73.

4-е. Что труппы Московскаго театра остаются, какъ выше сказано, безъ дѣйствія и напрасно получаютъ жалованье, находясь въ разсѣянности по разнымъ мѣстамъ.

5-е. Что Театральная Московская школа, не малымъ продолженіемъ времени доведенная до возможнаго совершенства и стоющая казнѣ знатную сумму, также существуетъ суетно безъ театра, въ единое токмо отягощеніе казнѣ.

6-е. Что гардеробъ бывшаго Московскаго театра, спасенный отъ непріятеля и коштующій казнѣ не малую сумму, безполезно время отъ времени истлѣваетъ и наконецъ.

7-е. Паче же всего возобновленіе того же театра нужно потому, что въ такомъ случаѣ, когда онъ оставаться будетъ въ настоящемъ его положеніи, то есть безъ дѣйствія, неминуемо впадетъ оный въ долги, или лишится нѣсколькихъ лучшихъ артистовъ, изъ коихъ нѣкоторые, находясь на половинныхъ окладахъ, отрицаются далѣе оставаться на семъ основаніи, требуя возвращенія прежнихъ окладовъ, а потому отпускаемыми нынѣ на содержаніе театра 140.000 руб. онъ извороиться никакъ не можетъ, не имѣя въ пособіе свое сборовъ, кои ежегодно составляли 185.000 рублей и коими онъ безпосредственно удовлетворялъ всѣ необходимыя свои надобности.

Ежели же, оставляя безъ всякаго уваженія всѣ вышеписанныя причины, нынѣшнихъ актеровъ, актрисъ, школу и прочихъ артистовъ распустить, то во-первыхъ, надобно будетъ потерять безвременно всѣхъ искуснѣйшихъ въ сей части людей, большимъ продолженіемъ времени и не малыми трудами образованныхъ, во-вторыхъ, учинить не токмо безполезными, но даже напрасными всѣ тѣ издержки, кои до сего употреблены были, какъ на заведеніе, такъ и на усовершенствованіе помянутой школы и въ третьихъ, при возобновленіи театра, впослѣдствіи времени, едва-ли возможно будетъ вновь сыскать съ большимъ даже трудомъ самыхъ посредственныхъ артистовъ, да и тѣхъ платою тягостною и превосходнѣйшею предъ нынѣшнею; а на заведеніе школы должно будетъ вновь тратить такія же издержки, какія до сего были употреблены на оную и ожидать при томъ чрезъ весьма долгое время той отъ нея пользы, которая отъ оной уже существовала. Слѣдственно должно будетъ въ крайнее отягощеніе казны терять и знатныя суммы и весьма не малое время, которое одно токмо дѣлаетъ совершенными артистовъ и публичныя зрѣлища.

Но если бы, не взирая на все сіе, положено было уничтожить на время существованіе Московскаго театра: то и въ такомъ случаѣ не можно уволить изъ онаго многихъ изъ россійской труппы, изъ балетной, изъ оркестра и изъ самой школы, ниже лишить ихъ настоящаго содержанія потому, что они суть люди купленные Театральною Дирекціею, или подаренные оной, слѣдственно есть такая ея собственность, о содержаніи которой она должна заботиться.

На возобновленіе казеннаго временнаго театра и на удержаніе съ тѣмъ купно вышеписанныхъ частей онаго въ прежнемъ ихъ устроеніи, при наблюденіи всей хозяйственной бережливости, требуется не болѣе сорока тысячъ рублей».

Майковъ пытался также ходатайствовать о возобновленіи бывшаго Петровскаго театра, но и тутъ потерпѣлъ неудачу. Московскій Главнокомандующій Тормасовъ сообщилъ ему, что постройка новаго театра по Высочайшему повелѣнію отложена на неопредѣленное время [216]).

Но Майковъ не терялъ времени: вошелъ въ соглашеніе съ генераломъ Апраксинымъ и нанялъ за 12.600 р. въ годъ его домъ на Знаменкѣ (гдѣ теперь Александровское военное училище) для помѣщенія школы и устройства при ней учебнаго театра [217]). Комитетъ же по театральнымъ дѣламъ систематически отмалчивался по вопросу о 40.000 рубляхъ. Находясь въ безвыходномъ положеніи, при бездѣйствующемъ и въ 1814 г. театрѣ, Майковъ рѣшился, на свой страхъ и изъ средствъ самаго театра, обратить школьный театръ въ домѣ Апраксина въ театръ публичный, такъ какъ размѣры его были не многимъ меньше Пашковскаго и кромѣ того въ немъ можно было устраивать маскарады, а въ Пашковскомъ—нельзя. Быстро произведя необходимыя постройки и приспособленія, Майковъ выпустилъ на 30-е августа 1814 г. [218]) объявленіе о томъ, что Контора «устроивъ театръ временно для Театральной школы на Знаменкѣ, въ домѣ генерала Апраксина, до возстановленія Большого театра, обращаетъ оный для удовольствія публики». Впослѣдствіи, 23-го января 1816 г., по возобновленіи Театральнымъ Комитетомъ вопроса объ отпускѣ Московскому театру 40.000 руб., испрашивавшихся еще въ 1813 году, А. Л. Нарышкинъ, отвѣчая Комитету, что надобность въ этомъ отпускѣ миновала, такъ аттестовалъ дѣятельность Майкова [219]): «Камергеръ Майковъ не получивъ по предмету сему никакого отъ Комитета отзыва, какъ между тѣмъ чтобы не упустить время и не провлечь до наступленія зимы, онъ, Майковъ, движимъ будучи усердіемъ къ службѣ и пользами оной, орѣшился самъ собою избранными имъ средствами и можно сказать дивнымъ образомъ, безъ всякихъ отъ казны пособій, устроить временный въ Москвѣ театръ, который дѣйствительно однимъ его попеченіемъ въ 1814 году и устроенъ».

Спектакли въ домѣ генерала Апраксина на Знаменкѣ открылись въ день тезоименитства Императора Александра I, 30-го августа 1814 г. [220]), оперой въ 2-хъ дѣйствіяхъ «Старинныя святки» и маскарадомъ, начавшимся въ 9½ час. вечера.

[216]) М. Михайловскій. Юбилей Моск. Больш. т. «Ежегодникъ» Имп. т. 1899—1900 г., стр. 222.
[217]) Общ. Арх. М. И. Дв. Дир. Имп. т. Дѣло 1814 г., № 37.
[218]) Ibid., Дѣло 1814 г., № 37.
[219]) Ibid. Дѣло 1816 г., № 73.
[220]) «Московскія Вѣдомости», 1814 г., 24-го августа, № 68.

Театръ на Знаменкѣ вмѣщалъ въ себѣ ложи 1-го и 2-го этажа и бенуара, кресла мѣста за креслами, галлерею и партеръ.

Спектакли въ театрѣ на Знаменкѣ продолжались въ теченіе 4-хъ лѣтъ, до осени 1818 года и состояли исключительно изъ представленій русской драмы, оперы и балета.

Въ это время особенное значеніе, а повидимому и любовь публики, пріобрѣли большіе пантомимическіе балеты драматическаго содержанія, съ сюжетами, заимствованными изъ трагедій и романовъ. Они смѣнили собою, во вкусѣ публики, балеты аллегорическаго содержанія, изъ которыхъ послѣдніе особенно процвѣтали во второй половинѣ XVIII вѣка. Хорошимъ примѣромъ аллегорической пьесы можетъ служить драма-балетъ «Прибѣжище добродѣтели» соч. Сумарокова, исполненный на придворномъ театрѣ въ Петербургѣ въ 1759 году 1-го августа, въ день тезоименитства Императрицы Елизаветы [221]). Замѣчательно, что аллегорія, игравшая тогда значительную роль въ устройствѣ публичныхъ увеселеній, какъ напримѣръ въ знаменитомъ Московскомъ маскарадѣ 1762 года, встрѣчала, въ примѣненіи къ балету, энергичное порицаніе со стороны Императрицы Екатерины II. Между письмами этой Государыни къ И. Елагину сохранилась собственноручная записка ея, съ замѣчаніями о непристойности представленія на придворной сценѣ жертвоприношеній языческимъ богамъ. Въ документѣ этомъ, относимомъ П. Пекарскимъ къ 1762 году, т. е. ко времени пребыванія Императрицы Екатерины въ Москвѣ, послѣ празднествъ Коронованія, Екатерина II, бракуя представленный для сцены прологъ «Непостижимость судьбы», названіе котораго по ея мнѣнію «слишкомъ *метафизиковато*», пишетъ: «Россія, бывъ просвѣщена святымъ крещеніемъ тому слишкомъ тысячу лѣтъ назадъ, не можетъ въ восмнадцатомъ вѣкѣ приносить и то еще въ домѣ ея благочестивыя Императрицы, жертвы богамъ Римской республики, кото-

[221]) По описанію П. Арапова, въ пьесѣ этой «изображена, въ иносказательномъ видѣ, добродѣтель, странствующая по четыремъ частямъ свѣта и не находящая себѣ нигдѣ пріюта; она приходитъ въ отчаяніе, умоляетъ небеса объ оказаніи ей справедливости, наконецъ видитъ передъ собой Минерву въ образѣ россіянки, которая ей указываетъ путь на полночный свѣтъ; скромная добродѣтель идетъ по этому пути, слышна тихая хоральная музыка, театръ перемѣняется и представляетъ большое пространство моря. Добродѣтель приплываетъ къ берегамъ Россіи. Море мгновенно превращается въ великолѣпное зданіе на семи столбахъ, означающихъ утвержденіе семи свободныхъ наукъ въ русскомъ государствѣ, россійскій орелъ съ множествомъ геніевъ появляется въ свѣтлыхъ облакахъ и изображаетъ распростертыми крыльями покровительство наукамъ и художествамъ въ своей области. Радость и удивленіе объемлятъ сердца восторженныхъ жителей, которые съ усердіемъ и благодарностію торжествуютъ этотъ благополучный день въ совершенномъ счастіи, радуясь тому особенно, что ихъ жилище есть прибѣжище добродѣтели. Хоръ поетъ и танцуетъ, возноса похвалами Елизавету». (П. Араповъ. Лѣтопись Русскаго театра, стр. 57).

рыхъ она не знала, бывъ погружена и въ идолопоклонничество. Я, и когда сюжеты суть во все того вѣка, когда идоламъ приносили жертвы, страдаю всегда, видя то на театрѣ, хотя иногда для костюма того избѣгнуть не можно». Заключаетъ же свои замѣчанія Императрица Екатерина II такъ: «Что касается до балета, то здѣсь единожды скажу навсегда, что ничего столь не(и?) трудно сдѣлать со вкусомъ, какъ аллегорическіе балеты; ибо они весьма низко очень скоро упадаютъ, кой часъ въ малѣйшей части высочайшій градусъ вкуса не сохраненъ; ибо сама собой аллегорія есть ходули, а не ноги природныя; и того ради аллегоріи сколько возможно въ картинахъ и въ балетахъ избѣгнуть прилично, или по крайней мѣрѣ надлежитъ ихъ очень мало употребить» [222]).

Вошедшія, какъ мы сказали, въ моду, въ началѣ XIX столѣтія, пантомимные балеты, при постановкѣ ихъ, сопровождались обыкновенно, заманчивыми заглавіями. Для примѣра приводимъ объявленіе [223]) о спектаклѣ, данномъ 14-го января 1816 г., въ бенефисъ танцовщика и балетмейстера Глушковскаго: «Въ первый разъ «Смерть Рожера, ужаснѣйшаго атамана разбойниковъ Богемскихъ лѣсовъ, или оправданная невинность нещастнаго сына его Виктора», новый пантомимный трагическій балетъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. г. Глушковскаго, взятый изъ романа «Викторъ или дитя въ лѣсу», соч. г. Дюкре-Дюмениля, съ принадлежащими къ нему новыми венгерскими и каталонскими танцами, съ поединками на шпагахъ, топорахъ со щитами, съ борьбою и сраженіями на сабляхъ, съ эволюціями и сраженіями соч. г-на Севенарда, съ полковою музыкою и прочими украшеніями; музыка взята изъ лучшихъ авторовъ, къ коей придѣланы голоса для оркестра Императорской Театральной Дирекціи капельмейстеромъ Керцеліемъ».

Извѣстный театральный дѣятель и знатокъ сцены, Р. Зотовъ, дѣлая краткій обзоръ развитія хореграфическаго искусства, признаётъ эпоху пантомимныхъ балетовъ, современникомъ которой ему пришлось быть,—переходнымъ періодомъ отъ первоначальныхъ парижскихъ «балетовъ-живыхъ картинъ» къ балету миѳологическому и далѣе къ современному. «Публичный балетъ придуманъ французами, пишетъ Р. Зотовъ [224]). Первыя балетныя представленія Людовика XIV были больше живыми картинами, группами, изъ которыхъ нѣкоторыя миѳологическія лица выходили, пѣли куплеты Люлли, Рамо, и танцовали небольшія па въ родѣ гавота. Съ созданіемъ

[222]) «Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ». Собраны и изданы, съ Высочайшаго разрѣшенія, по предначертанію Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича В. Кн. Александра Александровича, академикомъ П. Пекарскимъ. Спб. 1871 г., т. I, стр. 156.

[223]) «Московскія Вѣдомости» 1816 г., 3-го января, № 3.

[224]) Р. Зотовъ. Театральныя воспоминанія, стр. 88—89.

Большой оперы въ Парижѣ перешли и танцы на сцену. Сперва они тоже состояли изъ отдѣльныхъ, скромныхъ па. Но то, что достаточно было при Версальскомъ Дворѣ, того было мало на публичной сценѣ, гдѣ вкусъ публики былъ грубѣе и матеріальнѣе. Женскія платья придворныхъ балетовъ тотчасъ же сдѣлались короче, движенія танцоровъ смѣлѣе и рѣзче; публика хлопала, восхищалась и желала еще больше чувственной утонченности. Въ началѣ XIX вѣка вздумали нѣкоторые серьезные умы создать пантомимные балеты, а сюжеты лучшихъ трагедій послужили къ этому. Но эта попытка только по новизнѣ своей и таланту нѣкоторыхъ исполнителей имѣла временной успѣхъ. Выражать тѣлодвиженіями то, что часто и словами едва ли можно выразить, было несбыточнымъ предпріятіемъ: Moi—Медеи; Qu'il mourrût—Горація смѣшно было выразить размахиваніемъ рукъ. Новерръ, д'Оберваль и Дидло—прославились въ этомъ періодѣ своими пантомимными балетами и современной публикѣ они очень нравились. Но это только доказывало бѣдность драматической литературы, потому что словами, а въ особенности хорошими стихами, гораздо превосходнѣе можно выразить всѣ происшествія, всѣ чувства героическихъ балетовъ. Во всѣхъ этихъ пантомимныхъ балетахъ танцы играли роль второстепенную. По сюжету давали праздникъ, и тогда производились разныя пляски, то крестьянскій, то «благородный». (Эти «благородныя» па вообще назывались «испанскими»). Но главныя лица очень рѣдко участвовали въ нихъ. Да и смѣшно бы было заставить танцовать Александровъ Македонскихъ, цезарей и другихъ героевъ древностей. Вскорѣ однако же вкусъ публики утомился этимъ безсмысленнымъ размахиваніемъ рукъ и широкими жестами, иногда очень забавно выражавшими ситуацію. Явились миѳологическіе балеты и вотъ начало нынѣшняго танцовальнаго искусства. Костюмъ нимфъ, наядъ и прочихъ божествъ Олимпа былъ чрезвычайно живописенъ и очень нравился зрителямъ, потому что обрисовывалъ формы танцовщицъ. Платья сдѣлались еще короче, и розовое трико дополнило иллюзію. Начались пируэты, антраша en quatre, en six и даже en huit, начались поднятія ногъ выше головы и всѣ утонченности новосозданнаго искусства, для котораго, какъ для эквилибристовъ, ломали бѣднымъ дѣтямъ съ дѣтства руки и ноги, истребляя въ нихъ позами и группировками всякое чувство скромности и стыдливости» [225]).

225) Ярый поклонникъ классической драмы, Зотовъ, какъ многіе другіе въ его время и позднѣе, презрительно смотрѣлъ на хореграфическое искусство. «Странное искусство, говорилъ онъ. И для него люди посвящаютъ цѣлую свою жизнь. Для него существуютъ цѣлыя сословія артистовъ. О немъ судятъ и говорятъ какъ о художественномъ явленіи. Нѣтъ. По моему мнѣнію, балетъ вовсе не принадлежитъ къ изящнымъ искусствамъ, потому что не возбуждаетъ никакихъ нравственныхъ и благородныхъ чувствъ». (Р. Зотовъ. Театральныя воспоминанія, страница 89).

Въ общемъ жизнь театра на Знаменкѣ текла на первое время довольно вяло и однообразно. Въ 1815 г. Московская Дирекція была встревожена пожаромъ въ домѣ Апраксина, который случился въ 4 часа, въ ночь на 15-е февраля. «Домъ г-на Степана Степановича Апраксина, написано было въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» [226]), одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ и огромнѣйшихъ въ Москвѣ, сдѣлался жертвою пламени; пожаръ начался внутри, возлѣ самой спальни хозяина. Такъ какъ въ семъ домѣ находится театръ и маскарадныя залы, то предосторожность заставила заблаговременно все изъ оныхъ вынесть. Любители спектаклей и маскарадовъ не думали уже въ настоящую масляницу пользоваться сими увеселеніями, но дѣятельностью и усердіемъ полиціи къ вечеру пожаръ былъ утушенъ совершенно и театръ съ маскарадными залами остались цѣлыми». Однако пришлось нѣкоторыя залы закрыть для маскарадовъ, вслѣдствіе порчи ихъ, но въ общемъ все обошлось довольно благополучно. «Сіе случилось въ понедѣльникъ, говоритъ далѣе газета, а въ четвергъ уже на театрѣ было представленіе, и на масляной недѣлѣ спектакли и маскарады продолжались—въ томъ же домѣ».

Тѣмъ не менѣе пожаръ дома Апраксина нанесъ матеріальный ущербъ Дирекціи: сгорѣла часть декорацій и гардероба, вслѣдствіе чего Майкову пришлось въ 1815 г. ходатайствовать объ отпускѣ на возобновленіе и пополненіе сгорѣвшаго, какъ въ 1812 г., такъ и при пожарѣ въ домѣ Апраксина, монтировочнаго инвентаря 18.000 руб. [227]), изъ нихъ: 10.000 руб. на декораціи и 8.000 руб. на костюмы. Позднѣе, въ 1818 г., при переговорахъ съ Апраксинымъ о возобновленіи контракта на аренду его театра, Московская контора ставила условіемъ, въ видахъ безопасности отъ пожара, сдачу ей всѣхъ прочихъ помѣщеній и квартиръ въ домѣ Апраксина, нанимавшихся частными лицами [228]).

Въ 1815 г., какъ разъ передъ пожаромъ, Московская Дирекція рѣшила, для приращенія сборовъ и въ виду желанія публики, давать на масляницѣ, кромѣ вечернихъ, еще и утренніе спектакли, не въ счетъ абонемента. Начало утреннихъ спектаклей назначено было въ 12½ час., а вечернихъ по прежнему въ 6½ часовъ вечера, съ продажей билетовъ на утренники наканунѣ спектакля [229]).

Вообще, съ самаго открытія театра на Знаменкѣ въ 1814 г., Московской Дирекціи приходилось, съ ограниченными средствами, всячески изворачиваться для повышенія интереса спектаклей и сборовъ. Главное затрудненіе причинялъ Майкову

---

226) «Московскія Вѣдомости» 1815 г. 6-го марта № 19.
227) Общ. Арх. М. Имп. Дв. Д. Т. Дѣло 1815 г. № 81.
228) Ibid. Дѣло 1818 г. № 78.
229) «Московскія Вѣдомости» 1815 г. 20-го февраля № 15.

некомплектъ русской труппы, лучшіе артисты которой находились въ командировкѣ въ Петербургѣ. Возвращая командированныхъ артистовъ въ Москву Петербургская Дирекція требовала оплаты вояжныхъ ихъ денегъ. 8-го февраля 1815 г. [230]) Майковъ протестовалъ противъ этого расхода, указывая на то, что командировка артистовъ въ Петербургъ не отвѣчала интересамъ Московскаго театра и что переѣздъ артистовъ изъ Костромы, находящейся въ 300 верстахъ отъ Москвы, обошелся бы Московской конторѣ дешевле, чѣмъ вояжъ ихъ изъ Петербурга, на разстояніи 728 верстъ отъ Москвы. Благодаря позднему возвращенію артистовъ изъ Петербурга, писалъ Майковъ, «репертуаръ первыхъ мѣсяцевъ послѣ открытія театра былъ слабъ и не могъ поддерживать доходовъ. Даже и теперь (въ 1815 г.) по сей же самой причинѣ, многія пьесы будучи совсѣмъ готовы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ персонажей, не могутъ быть пущены въ представленіе». Ходатайство Майкова, повидимому, было уважено, лишь по вторичному его представленію 7-го марта 1815 г. [231]), уже послѣ пожара въ домѣ Апраксина. Въ этомъ представленіи Майковъ, указывая на то, «что Московскій театръ, потерпѣвшій раззореніе отъ непріятеля, бывшій два года безъ дѣйствія, собственными своими способами вновь устроенный и всѣмъ укомплектованный, а наконецъ случаемъ пожара въ домѣ генерала Апраксина подвергшійся вновь разстройству, заслуживаетъ все уваженіе въ семъ случаѣ».

Недочеты въ персоналѣ артистовъ заявляли себя не только въ драматической труппѣ, но и въ оркестрѣ и балетѣ Московскаго театра. Представляя въ 1816 г. отчетъ за 1815 годъ А. Л. Нарышкинъ [232]) всеподданнѣйше докладывалъ, что «Московскій театръ имѣетъ надобность въ умноженіи оркестра, который почти весь и нынѣ состоитъ изъ покупныхъ казною у помѣщика Столыпина людей» и испрашивалъ разрѣшенія Его Величества «на умноженіе Московской театральной школы 30 воспитанниками, на содержаніе и обученіе коихъ будетъ выходитъ въ годъ не болѣе 15.000 р.». Ассигнованіе этихъ 15.000 р. точно соотвѣтствовало проекту Майкова, который, въ виду разростанія потомства крѣпостныхъ Столыпинскихъ музыкантовъ и Головинскихъ «дансеровъ», на основаніи сдѣланнаго уже «полезнаго опыта», предполагалъ: во 1-хъ «учредить небольшое заведеніе при Московскомъ театрѣ, гдѣ бы малолѣтніе крѣпостные воспитывались и обучались на всѣхъ инструментахъ», для чего нанять домъ и учителей, купить инструменты, ноты, бумагу и пр., съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ отъ 7 до 8 тысячъ рублей и во 2-хъ «распространить школу, увеличивъ отпускаемую для оной сумму до 8.000 ру-

---

230) Общ. Арх. М. Имп. Дв. Д. Т. Дѣло 1815 г. № 17.
231) Ibid.
232) Ibid. Дѣло 1816 г. № 82.

блей». Повидимому, приведенное ходатайство Нарышкина осталось неудовлетворенным. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства и недочеты въ артистическомъ составѣ, Майкову удалось не только сводить концы съ концами въ финансовомъ бюджетѣ, но даже дѣлать сбереженія. За 1814 г. образовался остатокъ суммъ въ 57.221 р., а за 1815 г.—въ 45.799 р. [233]). По этому случаю Нарышкинъ въ 1816 г. испросилъ денежныя награды чиновникамъ и артистамъ, всего въ суммѣ 31.850 рублей.

Старанія Майкова не пропали даромъ: публика пріохочивалась къ театру, сборы повышались и 1817 годъ далъ уже результаты, неожиданные для самого Майкова. Въ рапортѣ своемъ Нарышкину отъ 25-го марта 1818 г. [234]), указывая на остатокъ за 1817 г. почти 75.000 р., Майковъ говоритъ: «если угодно будетъ Вамъ взять въ уваженіе мѣстное положеніе театра, тѣсноту его и другіе недостатки и обстоятельства, кои сами собою дѣлаютъ оный, т. е. остатокъ превосходящимъ всякое ожиданіе, а вмѣстѣ если вы изволите принять оный слѣдствіемъ собственнаго моего предпріятія, совершенію коего казна ничѣмъ не содѣйствовала и которое произведено одними хотя слабыми средствами театра, разстроеннаго происшествіями 1812 года, продолжительнымъ бездѣйствіемъ и наконецъ близкаго даже къ разрушенію, при общей готовности артистовъ отойти отъ службы онаго» и этими словами подчеркиваетъ значеніе размѣра получившагося остатка. Испрашивая далѣе награды чиновникамъ Московской конторы и не упоминая почему то о награжденіи артистовъ, Майковъ ссылается на самого Нарышкина, посѣтившаго предъ тѣмъ Московскіе театры и заканчиваетъ свой рапортъ такъ: «Вы, Ваше Высокопревосходительство, за время пріѣзда въ Москву, бывши очевиднымъ свидѣтелемъ благоустройства театра, хода спектаклей, недостаточныхъ стѣсненныхъ онаго средствъ, удостойте теперь милости и справедливости дать истинную цѣну остатку».

Въ 1816 году были возвышены цѣны на кресла въ театрѣ на Знаменкѣ. Объявляя объ этомъ Московская театральная контора сочла нужнымъ сослаться на распоряженіе изъ Петербурга, иначе говоря, на приказъ князя Тюфякина, всячески старавшагося повысить доходность театровъ. Въ объявленіи по этому поводу говорилось такъ [235]): «при возвышеніи цѣнъ на ложи и кресла по С.-Петербургскимъ театрамъ, по причинѣ общей дороговизны на всѣ вещи, сдѣлано распоряженіе прибавить и въ Императорскомъ Московскомъ театрѣ съ 1-го числа сентября сего 1816 года на кресла по 1 рублю, такъ что оныя съ означеннаго числа будутъ продаваться по 3 р. 50 к.». Прочія мѣста оставлены для спектаклей въ прежней

---

[233]) Ibid. Дѣло 1816 г. № 87.
[234]) Ibid. Дѣло 1818 г. № 11.

цѣнѣ, но для маскарадовъ повышена цѣна всѣмъ ложамъ на 5 рублей, а на входные билеты поднята на 3 рубля, т. е. опредѣлена въ 4 р. вмѣсто 1 рубля.

Петербургская Дирекція предполагала возвысить цѣны на всѣ мѣста въ Московскомъ театрѣ, и въ этомъ смыслѣ испросила уже Высочайшее разрѣшеніе, но Майковъ, основательно считаясь съ недостатками его театра и съ отношеніемъ къ нему публики, просилъ ограничиться повышеніемъ цѣнъ лишь на кресла и маскарадные билеты. Только благодаря присутствію въ Москвѣ въ то время Императора Александра I, первоначальное рѣшеніе было отмѣнено и 24-го августа 1816 года заключеніе Майкова объ ограниченіи повышенія цѣнъ на мѣста удостоилось Высочайшаго утвержденія [236]).

Москва нѣсколько оживилась въ 1816 году. Въ первый разъ послѣ отечественной войны посѣтилъ ее Императоръ Александръ I, пріѣхавшій въ Москву въ 3 часа ночи на 15-е августа. Въ виду возможнаго посѣщенія театра Государемъ и личнаго его выбора пьесы для спектакля, Московская контора воздержалась отъ обычнаго заблаговременнаго объявленія репертуара на три дня: 20-го, 21-го и 22-го августа. Дѣйствительно, Государь пріѣхалъ въ театръ именно 20-го августа. Это посѣщеніе Московскаго театра Императоромъ Александромъ I является вторичнымъ и послѣднимъ, такъ какъ въ послѣдующіе его пріѣзды въ Москву, въ 1817 г. и въ 1820 г., онъ не былъ въ театрѣ. 20-го августа утромъ, Императоръ Александръ Павловичъ слушалъ литургію во Дворцѣ въ церкви у Спаса за золотою рѣшеткою, затѣмъ присутствовалъ на разводѣ и обѣдалъ у Московскаго Главнокомандующаго генерала-отъ-кавалеріи Тормасова. «Того же дня ввечеру Его Величество Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Его Высочествомъ Великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ ощастливилъ своимъ присутствіемъ Императорскій Московскій театръ. Всѣ зрители съ истиннымъ восхищеніемъ приняли Августѣйшаго посѣтителя, удостоившаго быть посреди ихъ. Въ сей день дана была опера «Любовная почта» и дивертисментъ «Семикъ или гулянье въ Марьиной рощѣ». Публика, «столь жадная видѣть вездѣ любимаго всѣми и обожаемаго своего Государя, узнавъ предварительно о семъ Высочайшемъ посѣщеніи, объявила, какъ описываютъ въ «Московскимъ вѣдомостяхъ [237]), столько требованій на мѣста въ театрѣ, что есть либъ оный и въ нѣсколько разъ былъ больше, не могъ бы помѣстить всѣхъ желающихъ быть того дня въ ономъ. Не только весь наполненъ былъ театръ, но и обширная площадь предъ онымъ за нѣсколько часовъ до прибытія Его Величества покрыта была множе-

---

[235]) «Московскія вѣдомости», 1816 г. 30-го августа, № 70.
[236]) Общ. Арх. М. Имп. Дв. Д. Т. Дѣло 1816 г., № 87.
[237]) «Московскія Вѣдомости» 1816 г. 23-го августа, № 68.

ствомъ стекшихся всякаго званія, пола и возраста людей. Государю Императору благоугодно было во время представленія нѣсколько разъ изъявить знаки своего благоволенія дѣйствующимъ лицамъ. Театръ какъ внутри, такъ и снаружи былъ иллюминованъ. При выходѣ Его Величества изъ спектакля огласился воздухъ громкимъ и радостнымъ ура».

Съ окончаніемъ войны съ Франціей, несмотря на возвращеніе Государя въ Петербургъ, учрежденный въ 1812 году Комитетъ по театральнымъ дѣламъ не былъ закрытъ. 14-го января 1816 года [238]) послѣдовалъ Высочайшій указъ, продолжившій существованіе Комитета 1812 г., съ замѣной въ немъ т. с. Молчанова статсъ-секретаремъ В. Р. Марченко и съ назначеніемъ въ составъ Комитета также и вице-директора кн. Тюфякина. Въ указѣ опредѣлено всѣ предметы, требующіе Высочайшаго разрѣшенія, сперва разсматривать въ «Комитетѣ по дѣламъ театральнаго вѣдомства», а затѣмъ представлять или въ Комитетъ Министровъ, или непосредственно на Высочайшее разрѣшеніе. Такимъ образомъ, между Дирекціей театровъ и Высочайшей властью помѣщены двѣ инстанціи: Театральный Комитетъ и Комитетъ Министровъ. Личные доклады у Государя имѣлъ не Главный Директоръ, а предсѣдатель Комитета т. с. статсъ-секретарь Марченко, сообщавшій Дирекціи послѣдовавшія Высочайшія распоряженія. Впрочемъ авторитетъ Комитета Министровъ того времени не былъ особенно значителенъ; бывали случаи, въ которыхъ, вопреки мнѣнію Комитета Театральнаго и Комитета Министровъ, вопросы, касающіеся театровъ, рѣшались по непосредственному докладу графа Аракчеева. Такимъ точно путемъ проведено было положеніе о воспособленіи со стороны Императорскихъ театровъ инвалидному капиталу, дѣйствующее въ нѣсколько измѣненныхъ нормахъ и до настоящаго времени. 23-го марта 1816 года [239]) Высочайше утвержденъ докладъ графа Аракчеева «О способахъ къ составленію капитала въ пособіе изувѣченнымъ въ отечественную войну генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ». На основаніи п. 9 этого доклада «каждый театръ въ государствѣ обязанъ давать для увѣчныхъ, однажды въ годъ бенефисъ»; Главный Директоръ Императорскихъ театровъ назначаетъ каждому публичному театру «сколько бы ихъ не было въ его вѣдѣніи, время представленія въ пользу увѣчныхъ одной пьесы и одного концерта въ годъ, а гдѣ существуютъ при театрахъ маскарады, то и одного маскарада, возвышая при семъ случаѣ цѣну за входъ». Къ вопросу объ образованіи инвалиднаго капитала графъ Аракчеевъ отнесся весьма горячо и настойчиво, что видно изъ того, что уже 26-го марта, т. е. черезъ три дня послѣ Высочайшаго утвержденія доклада Арак-

[238]) В. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 295.
[239]) Полное Собр. Закон. т. XXXIII, № 26207.

чеева, А. Л. Нарышкинъ въ предписаніи конторѣ Дирекціи указалъ для исполненія представленій въ пользу инвалидовъ слѣдующіе дни [240]): «Для спектакля—день Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, 26-го ноября; для концерта—день вступленія войскъ нашихъ въ Парижъ, 19-го марта и для маскарада—день достопамятной Лейпцигской баталіи, 6-го октября».

Но съ другой стороны, иногда Главный Директоръ, или вѣрнѣе замѣститель его, кн. Тюфякинъ, пріобрѣтавшій все большее значеніе, представлялъ свои доклады непосредственно Государю, помимо обоихъ Комитетовъ. Такъ проведенъ былъ кн. Тюфякинымъ весьма существенный вопросъ о пенсіяхъ артистамъ. 25-го августа 1817 года [241]) Высочайше утверждены два доклада кн. Тюфякина, посвященные мѣрамъ къ устраненію практическихъ недостатковъ Положенія о пенсіяхъ 1809 г. По первому докладу назначеніе пенсій артистамъ иностранцамъ, на одинаковыхъ правахъ съ русскими подданными, устанавливается лишь въ томъ случаѣ, если они приняли русское подданство при вступленіи въ службу Дирекціи. Въ противномъ случаѣ, хотя бы иностранные артисты и приняли подданство во время службы—пенсіонъ имъ назначается по правиламъ для иностранцевъ. Такая мѣра проектирована кн. Тюфякинымъ для устраненія обхода закона иностранцами, принимавшими русское подданство, лишь передъ истеченіемъ 20-лѣтія службы, иногда только за годъ до этого времени, съ цѣлью получить въ пенсію полный окладъ, наравнѣ съ русскими подданными. По второму докладу установлены слѣдующія дополнительныя правила къ положенію 1809 года о пенсіяхъ артистамъ русскимъ подданнымъ: 1) простая выслуга артистами установленнаго числа лѣтъ, безъ отличій ревностнымъ и похвальнымъ поведеніемъ, не даетъ права на пенсію; 2) пенсія назначается артистамъ лишь въ томъ случаѣ, когда они служили два послѣднія трехлѣтія до отставки, безъ прибавки содержанія; 3) артисты, по полученіи пенсіи, обязаны прослужить въ Дирекціи еше два года на одномъ пенсіонѣ и не требуя уже отъ Дирекціи никакого содержанія. Этимъ правиломъ положено начало существовавшему очень долгое время институту службы *на благодарность*; 4) пенсіи назначаются только за безотлучную (т. е. непрерывную) службу въ теченіе установленнаго числа лѣтъ, и 5) артисты, штрафованные въ теченіе службы пять разъ арестомъ, лишаются права на пенсію.

Мотивомъ для такихъ суровыхъ правилъ кн. Тюфякинъ выставлялъ соображенія

---

240) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 296.

241) Какъ разъ 25-го августа 1817 года по Высочайшему повелѣнію, за отъѣздомъ статсъ-секретаря Марченко, исполненіе его обязанностей было временно возложено на д. с. с. Колосова. Общ. Арх. М. И. Дв. Д. И. т. Дѣло 1817 г., № 95.

экономіи въ расходахъ. 9-го іюля 1817 года онъ писалъ по этому поводу предсѣдательствовавшему въ Комитетѣ по театральнымъ дѣламъ, В. Р. Марченко, такъ: «Непомѣрныя требованія артистовъ о прибавкахъ къ жалованью, дѣлаемыя ими при каждомъ возобновленіи контрактовъ, коимъ Дирекція, имѣя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ особливую надобность, принужденной находится удовлетворить, увеличивая годъ отъ году ея расходы, могутъ наконецъ разстроить ее, при всемъ тщательномъ управленіи, въ ея оборотахъ, ежели въ отвращеніе сего не будутъ приняты заблаговременно рѣшительныя мѣры» [242]).

Роль князя Тюфякина въ Петербургѣ стала еще болѣе выдаваться съ уходомъ въ отставку кн. Шаховскаго, который въ 1818 году оставилъ управленіе репертуарной частью Петербургскихъ театровъ, какъ свидѣтельствуетъ и П. Араповъ [243]) и Р. Зотовъ [244]), вслѣдствіе непріятныхъ столкновеній съ Вице-директоромъ. Князь Тюфякинъ былъ хорошій хозяинъ; по словамъ Р. Зотова, «онъ первый успѣлъ заплатить прежніе долги, пересталъ ихъ дѣлать вновь и доказалъ, что съ благоразумной бережливостью театръ можетъ существовать обыкновенными своими средствами» [245]). Въ 1818 году, съ открытіемъ возобновленнаго архитекторомъ Модюи Большого театра въ Петербургѣ, кн. Тюфякинъ объявилъ въ этомъ театрѣ общій абонементъ на 7 спектаклей въ недѣлю: на 3 французскихъ и на 4 русскихъ. Этой мѣрой [246]) кн. Тюфякинъ достигъ двухъ цѣлей: большинство посѣтителей—любители французскаго театра, платили деньги и за русскіе спектакли, въ то же время высшее общество волей-неволей знакомилось съ русской литературой и привыкало цѣнить русскій театръ.

Дѣятельность кн. Тюфякина была оцѣнена Государемъ, онъ былъ пожалованъ гофмейстеромъ и получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст., а 14-го февраля 1818 года ему объявлена была слѣдующая Высочайшая благодарность [247]): «Устройство стараніемъ вашимъ введенное въ Дирекцію театральныхъ зрѣлищъ, обращало всегда вниманіе Мое на труды и усердіе ваше. Тѣмъ пріятнѣе нынѣ повторить признательность и отдать справедливость попеченію вашему, когда съ открытіемъ Большого театра въ С.-Петербургѣ, Дирекція, не имѣющая долговъ, имѣетъ, напротивъ, въ виду приращенія доходовъ своихъ. Желая изъявить вамъ вящщій доводъ довѣренности Моей, Я особенно поручаю вамъ распоряженіе въ полной мѣрѣ хозяйственной частью

---

242) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. И. т. Дѣло 1817 г., № 94.
243) П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, стр. 267.
244) Р. Зотовъ. Театральныя воспоминанія, стр. 53.
245) Ibid., стр. 39.
246) Ibid., стр. 49.
247) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 299.

Дирекціи, о чемъ въ неукоснительномъ времени получите вы и подробную отъ Меня инструкцію». Фактъ такого засвидѣтельствованія хорошаго веденія театральнаго дѣла и въ художественномъ и въ экономическомъ отношеніи, является, сколько извѣстно, единственнымъ въ исторіи Императорскихъ театровъ. Что касается той «подробной инструкціи», о которой говоритъ Высочайшій рескриптъ, то настоятельность ея была очевидна; она вытекала изъ несогласій, естественно возникавшихъ между Главнымъ Директоромъ и Вице-директоромъ, порождавшихъ дѣленіе служебнаго персонала на двѣ партіи и вызывавшихъ необходимость разграниченія круга дѣйствій обоихъ начальствующихъ лицъ. Государь поручилъ кн. Тюфякину такъ изложить обязанности Вице-директора, «чтобы все хозяйство театровъ оставалось на непосредственномъ его попеченіи и чтобы они, подъ личною его отвѣтственностью, ни подъ какимъ видомъ въ долги не входили».

Проектъ инструкціи Вице-директору, написанный, по указаніямъ кн. Тюфякина Р. Зотовымъ [248]), состоявшимъ секретаремъ при немъ, былъ, по Высочайшему повелѣнію, разсмотрѣнъ въ Театральномъ Комитетѣ. Комитетъ, въ виду существованія Положенія 1809 г., призналъ особую инструкцію Вице-директору излишней, но въ дополненіе къ упомянутому Положенію, постановилъ слѣдующее: 1) Вице-директору предоставляется право самостоятельно производить всѣ расходы, доводя о нихъ лишь до свѣдѣнія Главнаго Директора; 2) всѣ распоряженія личнымъ составамъ, какъ артистовъ, такъ чиновниковъ и служителей, принадлежатъ непосредственно Вице-директору; 3) всѣ контракты и условія заключаются за подписью Вице-директора; 4) Вице-директоръ распоряжается выборомъ, монтировкой и назначеніемъ спектаклей и утверждаетъ еженедѣльный репертуаръ, который представляется на усмотрѣніе Главнаго Директора; 5) спектакли при Дворѣ выбираются Главнымъ Директоромъ, по соглашенію его, относительно издержекъ, съ Вице-директоромъ и съ членомъ по репертуарной части; 6) всѣ чиновники и служители репертуарной части и школа находятся также въ полной зависимости отъ Вице-директора; 7) разногласія между Главнымъ Директоромъ и Вице-директоромъ разрѣшаются Комитетомъ по дѣламъ театральнымъ; 8) всѣ представленія на Высочайшее Имя заготовляются за подписью Главнаго Директора и Вице-директора. Это постановленіе Комитета, утвержденное Императоромъ Александромъ I, 22-го марта 1818 года въ Варшавѣ, является курьезнымъ памятникомъ особаго, довольно беззастѣнчиваго административнаго пріема, въ которомъ, путемъ инструкціоннаго толкованія ad hoc, во имя усовершенствованія хозяйственной части, уничтожалась сущность института должности Главнаго Дирек-

[248]) Р. Зотовъ, на стр. 39, своихъ воспоминаній, ошибочно говоритъ, что проектъ его былъ утвержденъ Государемъ. Утверждено было постановленіе Комитета, а не инструкція.

тора, безъ формальнаго ея упраздненія. Въ театральномъ дѣлѣ нѣтъ такихъ вопросовъ, которые, будучи по существу художественными, не затрогивали бы экономическихъ интересовъ Дирекціи и наоборотъ. Слѣдовательно, съ предоставленіемъ Вице-директору описанной компетенціи, значеніе должности Главнаго Директора сводилось къ одному лишь наименованію, что было очевидно для всѣхъ и конечно прежде всего для А. Л. Нарышкина. Однако онъ нашелъ въ себѣ силы пробыть еще годъ въ такомъ фальшивомъ положеніи и наконецъ 6-го апрѣля 1819 года [249]) оставилъ службу въ Дирекціи. На должность Главнаго Директора былъ назначенъ гофмейстеръ князь Тюфякинъ. Князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ, по отзыву Р. Зотова, «былъ обходительнаго права и благороднѣйшихъ правилъ, часто очень вспыльчивъ, но отходчивъ и снисходителенъ». Какъ хорошій хозяинъ онъ берегъ каждую копѣйку, но гдѣ нужно не стѣснялся ни назначеніемъ крупныхъ окладовъ артистамъ, ни расходами на монтировку, если это могло оправдаться интересами спектаклей и сборами. Періодъ его управленія Р. Зотовъ [250]) считаетъ «апогеемъ всѣхъ труппъ». Надо впрочемъ принять во вниманіе, что это отзывъ личнаго секретаря князя Тюфякина, его сотрудника по театру и человѣка, лично во многомъ ему обязаннаго.

Высочайше утвержденное 22-го марта 1818 г. постановленіе Комитета объ обязанностяхъ Вице-Директора обошло молчаніемъ вопросъ объ отношеніи Вице-Директора къ Московскимъ театрамъ, но само собою разумѣется, что, при подчиненіи этихъ театровъ общей Дирекціи въ Петербургѣ, князь Тюфякинъ являлся и для нихъ начальствующимъ лицомъ. Тотчасъ же по полученіи княземъ Тюфякинымъ Высочайшаго рескрипта 14-го февраля 1818 г., о распоряженіи имъ «въ полной мѣрѣ хозяйственною частью Дирекціи», Московская контора получила предложеніе «состоять по этой части въ непосредственномъ вѣдомствѣ Вице-Директора». Недостаточная опредѣленность этого предложенія и невозможность точнаго разграниченія въ театральномъ дѣлѣ вопросовъ хозяйственныхъ, административныхъ и художественныхъ поставили въ недоумѣніе А. А. Майкова, который 7-го марта 1818 г. [251]) просилъ Главную Дирекцію указать ему, по какимъ предметамъ слѣдуетъ ему дѣлать представленія и донесенія Главной Дирекціи и по какимъ Вице-Директору. Майковъ, повидимому, надлежащаго разъясненія не получилъ, а между тѣмъ неопредѣленность отношеній давала поводъ къ недоразумѣніямъ, примѣромъ которыхъ можетъ служить слѣдующій инцидентъ. Въ 1819 г., вслѣдствіе траура

---

249) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 301.
250) Р. Зотовъ. Театральныя воспоминанія, стр. 39 и 51.
251) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Имп. т. Дѣло 1881 г. № 63.

по кончинѣ королевы Виртембергской, великой княгини Екатерины Павловны, театры были закрыты съ 19-го января по 12-е февраля. Распоряженіе о трауpѣ и закрытіи театровъ было получено Московской конторой одновременно отъ А. Л Нарышкина и отъ князя Тюфякина. Сообщая Петербургской Дирекціи объ исполненіи полученнаго распоряженія, Майковъ, въ рапортѣ своемъ отъ 20-го января 1819 г., Нарышкинское сообщеніе назвалъ «предложеніемъ», а Тюфякинское— «запиской». Князь Тюфякинъ, ревниво оберегавшій свои прерогативы, немедленно же, 29-го января 1818 г. [252]), далъ Майкову такую отповѣдь: «Замѣтивъ, что въ вышеупомянутомъ отношеніи Вашемъ, милостивый государь мой, данное мною конторѣ Московскаго театра о прекращеніи представленій по случаю траура предписаніе названо запискою, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство подтвердить секретарямъ Вашимъ, дабы впредь подобныхъ ошибокъ не дѣлали и вмѣсто настоящихъ терминовъ отнюдь не употребляли бы другіе. Отзывы мои, дѣлаемые конторѣ ввѣреннаго Вамъ театра не суть *записки,* а *предписанія,* даваемыя мною по силѣ власти, Всемилостивѣйшимъ Государемъ Императоромъ мнѣ данной и обязанности на меня возложенной, о чемъ въ свое время объявлено было и конторѣ Императорскаго Московскаго театра. Слѣдовательно они должны быть какъ исполняемы, такъ и принимаемы въ настоящемъ видѣ».

На первое время отношеніе Вице-Директора къ Московскимъ театрамъ было довольно поверхностное, но, со вступленіемъ 6-го апрѣля 1819 г. въ должность Главнаго Директора, князь Тюфякинъ сталъ болѣе внимательно относиться къ Московскимъ дѣламъ и вникалъ во всѣ подробности, даже непосредственно самъ составлялъ и присылалъ Майкову формы различныхъ документовъ: донесеній, вѣдомостей, объявленій и пр. [253]). 27-го іюня 1819 г. [254]) князь Тюфякинъ, усмотрѣвъ изъ афишъ, что на 16-е, 17-е и 18-е іюня въ Московскихъ театрахъ не было назначено спектаклей, сдѣлалъ Майкову выговоръ и подтвердилъ ему существовавшее установленіе: въ лѣтнее время, съ 1-го іюня, давать на театрѣ не менѣе 4-хъ спектаклей въ недѣлю. Въ то же время освѣдомившись о выдѣляющемся успѣхѣ исполненной въ первый разъ въ Москвѣ, 1-го іюля 1819 г, волшебно-комической оперы Кавоса «Князь невидимка», на постановку которой Майковъ положилъ много старанія, затративъ на монтировку ея значительную по тому времени сумму 14.000 рублей, князь Тюфякинъ, 12-го іюля 1819 г. [255]), письменно благодарилъ Майкова за его труды.

[252]) Ibid. Дѣло 1819 г. № 111.
[253]) Ibid. Дѣло 1820 г. № 102.
[254]) Ibid. Дѣло 1819 г. № 113.
[255]) Ibid. Дѣло 1819 г. № 117.

Въ августѣ 1819 г. князь Тюфякинъ, какъ Главный Директоръ, самъ пріѣхалъ въ Москву, для личнаго ознакомленія съ тамошними театральными дѣлами. 12-го августа [256]) князь Тюфякинъ присутствовалъ на экзаменѣ въ Московской театральной школѣ, остался очень доволенъ, усмотрѣвъ, «что образованіе воспитывающихся заслуживаетъ похвалу и одобреніе», и выдалъ награды: 10 воспитанницамъ по парѣ серегъ, двумъ воспитанникамъ—часы, и восьми воспитанникамъ—сукно на фракъ: пятерымъ по 11 аршинъ, а троимъ по $7^1/_2$ аршинъ. Вообще князь Тюфякинъ вынесъ полное удовлетвореніе изъ обзора Московскаго театра. 19-го августа 1819 г. [257]) князь Тюфякинъ объявляя благодарность Майкову, всѣмъ чиновникамъ и артистамъ, выражалъ свое удовольствіе такъ: «Пріятно мнѣ было, во время 19-ти дневнаго моего здѣсь въ Москвѣ пребыванія, усмотрѣть, какъ въ присутствіи моемъ и обзорѣ дѣлъ конторы Московскаго театра, такъ равномѣрно и при пробахъ и представленіяхъ, въ коихъ я находился, что всѣ распоряженія по всѣмъ отраслямъ и частямъ Московскаго театра производятся въ надлежащемъ устройствѣ и въ томъ видѣ благообразованности, какой я могъ ожидать отъ общаго соревнованія къ благу и пользѣ службы».

По всѣмъ даннымъ, надо полагать, что князь Тюфякинъ справедливо оцѣнивалъ дѣятельность Майкова и несмотря на то, что по многимъ вопросамъ расходился съ нимъ во мнѣніяхъ, относился къ нему доброжелательно, что между прочимъ можно усмотрѣть изъ того, что, отъѣзжая въ 1821 г. въ заграничную командировку, князь Тюфякинъ оставилъ исправленіе своихъ обязанностей Директора на того же Майкова. Но самъ А. А. Майковъ, повидимому, не отвѣчалъ князю Тюфякину взаимностью, не забывалъ обидъ и разногласія и впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, за доброе въ общемъ отношеніе отвѣтилъ ему неблагодарностью, участвуя, вмѣстѣ съ непримиримымъ врагомъ Тюфякина, княземъ Шаховскимъ, въ интригѣ, свергнувшей князя Тюфякина съ должности Директора театровъ и посадившей на его мѣсто того же А. А. Майкова.

Въ данномъ случаѣ, къ несчастью театровъ, фатальнымъ образомъ столкнулись самолюбія и карьеры двухъ замѣчательнѣйшихъ театральныхъ администраторовъ, оказавшихъ, каждый въ отдѣльности, неоцѣнимыя услуги Императорскимъ театрамъ. Какъ всегда бываетъ: болѣе прямолинейный и менѣе осмотрительный долженъ былъ уступить менѣе разборчивому въ средствахъ и болѣе изворотливому.

Въ общемъ, вліяніе управленія князя Тюфякина на судьбы Московскаго театра не было особенно значительно. Заботы Главной Дирекціи о Петербургскихъ театрахъ

---

256) Ibid. Дѣло 1819 г. № 112.
257) Ibid.

не давали ей ни времени, ни средствъ къ оказанію солидной помощи Московскому театру. Дальнѣйшее существованіе этого театра, несмотря на открытіе спектаклей въ театральномъ зданіи на Знаменкѣ и на хорошіе сборы въ немъ, далеко не было обезпечено. Московскому театральному управленію предстояли большія заботы и затрудненія, въ виду недостатка театральныхъ помѣщеній и за некомплектомъ и крупными недочетами въ труппахъ, обнаружившимися еще въ 1814 году. Въ добавокъ ко всему этому вновь выплылъ, забытый было за невзгодами отечественной войны, вопросъ о долгахъ Московской Дирекціи, образовавшихся еще со времени учрежденія Московскихъ театровъ и съ постройкой Арбатскаго театра. А. А. Майковъ, временно поставившій на ноги Московскій театръ послѣ разгрома 1812 года, помогъ ему выйти и изъ дальнѣйшихъ затрудненій и прочно закрѣпить его дальнѣйшее процвѣтаніе.

Самымъ острымъ вопросомъ въ 1816 г. явился вопросъ о помѣщеніи самаго театра, срокъ аренды котораго истекалъ 1-го августа 1818 года. Театръ въ домѣ Апраксина далеко не удовлетворялъ, ни требованіямъ репертуара и театральной техники, ни спросу столичной публики, ни безопасности ея въ пожарномъ отношеніи, ни наконецъ, значенію Московскаго театра, какъ правительственнаго Императорскаго учрежденія. Въ критическій моментъ, въ 1814 году, при экстренной необходимости дать работу давно бездѣйствовавшимъ труппамъ, при отсутствіи возможности за сходную плату найти другое болѣе подходящее помѣщеніе, Апраксинскій театръ, за неимѣніемъ лучшаго, сослужилъ свою службу. Но уже черезъ 2 года, со вступленіемъ театральной жизни въ нормальную колею, недостатки зданія театра на Знаменкѣ обрисовались весьма рѣзко. По отзыву Майкова [258]), Апраксинскій театръ былъ весьма недостаточенъ по вмѣстимости, сцена была тѣсна и не давала возможности дѣлать сложныя постановки, духота въ театрѣ въ жаркое время заставляла отказываться отъ устройства лѣтнихъ спектаклей, расположеніе уборныхъ было очень неудобно—онѣ помѣщались далеко отъ сцены, при переходѣ на которую артисты часто простужались. Хотя домъ Апраксина давалъ помѣщеніе и для школы и для устройства маскарадовъ, но сама по себѣ, школа была размѣщена тѣсно и неудобно, а для устройства маскарадовъ приходилось каждый разъ вывозить воспитанниковъ изъ занимаемаго ими зданія. Апраксинскій домъ цѣлымъ рядомъ небольшихъ пожаровъ показалъ себя не безопаснымъ въ этомъ отношеніи. Театръ не былъ гарантированъ отъ пожаровъ, потому что дымовыя трубы изъ квартиръ частныхъ жильцовъ того же дома проходили черезъ помѣщенія, занимаемыя Дирекціею. Наконецъ самое мѣсто Апраксинскаго

258) Ibid. Дѣло 1818 г. № 78.

*

театра, на Знаменкѣ, было далеко не центрально и не отвѣчало потребностямъ столицы. Контрактъ по арендѣ театра на Знаменкѣ былъ заключенъ на 4 года и кончался въ 1818 году, но генералъ-отъ-кавалеріи Апраксинъ уже въ апрѣлѣ 1816 года [259]) объявилъ, что онъ не согласенъ на дальнѣйшую сдачу въ аренду своего дома за 12.600 руб. въ годъ, а предлагалъ А. А. Нарышкину купить его въ казну за 725.000 руб. Въ то же время Московскій Главнокомандующій Тормасовъ, повидимому болѣе своихъ предшественниковъ вмѣшивавшійся въ московскія театральныя дѣла, входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о необходимости возобновленія Петровскаго театра. Государь утвердилъ предположенія Тормасова, въ силу чего предсѣдательствовавшій въ комитетѣ по театральнымъ дѣламъ В. Р. Марченко, 30-го апрѣля 1816 г., сообщилъ Главной Дирекціи о несвоевременности переговоровъ съ Апраксинымъ и предложилъ А. Л. Нарышкину предварительно снестись съ Тормасовымъ. Такимъ образомъ вопросъ о новомъ помѣщеніи для театра затормозился на два года.

Въ февралѣ 1818 года переговоры съ Апраксинымъ возобновились. Апраксинъ, соглашавшійся уже на сдачу дома по прежнему въ наемъ, поставилъ такія условія: годовая плата за аренду 25.000 руб. и кромѣ того на Дирекцію возлагаются платежи Московской городской думѣ положенныхъ % съ наемной платы; если же Дирекція пожелаетъ занять весь домъ цѣликомъ, съ выселеніемъ изъ него всѣхъ частныхъ жильцовъ, то арендная плата повышается до 37.500 р. въ годъ. Условія представлялись тяжелыми, а потому Майковъ въ то же время вступилъ въ переговоры съ оберъ-гофмаршаломъ Пашковымъ о наймѣ его дома и манежа на Моховой. Пашковскій домъ Майковъ предпочиталъ Апраксинскому по многимъ причинамъ: театръ въ этомъ домѣ, при центральномъ положеніи въ городѣ, получался значительно большихъ размѣровъ противъ Апраксинскаго. Пашковскій театръ можно было приспособить для маскарадовъ съ большими сборами, чѣмъ въ Апраксинскомъ театрѣ. Условія Пашкова были подходящія: годовая цѣна аренды 28.000 руб. безъ уплаты % въ Московскую городскую думу, при чемъ Пашковъ принималъ на свой счетъ (исчисленный въ суммѣ 40.000 руб.) ремонтъ всего зданія, кромѣ манежа, который собственно приспособлялся для зданія театра. Помимо всего этого, сроки арендныхъ платежей, покрываемыхъ изъ доходовъ театра, Пашковъ устанавливалъ для Дирекціи болѣе удобные, чѣмъ Апраксинъ, назначавшій уплату аренды въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда сборы театровъ значительно понижались [260]). По этому вопросу вновь вышло разногласіе у Майкова съ княземъ Тюфякинымъ, который предпочиталъ наемъ Апраксинскаго театра, велъ переговоры съ Апраксинымъ и склонилъ его къ согласію

259) Ibid. Дѣло 1816 г. № 81.
260) Ibid. Дѣло 1818 г. № 78.

на 4-хъ-лѣтнюю сдачу его театра, съ 5-ю комнатами изъ числа сдаваемыхъ имъ частныхъ помѣщеній—за 25.000 руб. въ годъ. Майковъ предполагалъ, съ арендой Пашковскаго зданія, нанять особое помѣщеніе для школы въ домѣ Есипова, съ платою отъ 8 до 10 тычячъ рублей въ годъ. Князь Тюфякинъ указывалъ на неудобство перемѣщенія и отдѣленія школы, Майковъ же, съ своей стороны, ссылался на то, что прежнее помѣщеніе школы въ Апраксинскомъ домѣ совершенно неудовлетворительно. Въ концѣ концовъ вопросъ рѣшился согласно желаніямъ Майкова. 19-го апрѣля 1818 года [261]) состоялось постановленіе Комитета по театральнымъ дѣламъ о наймѣ дома оберъ-гофмаршала Пашкова. Расходъ на строительныя работы по устройству театра въ манежѣ Пашкова, исчисленный Майковымъ въ 50.000 рублей, рѣшено произвести займомъ денегъ, на покрытіе котораго ежегодно, въ теченіе 4-хъ лѣтъ, отчислять изъ остатковъ по бюджету театра—120.500 руб., а наемъ помѣщенія для школы, въ суммѣ 10 тысячъ рублей, оплачивать ежегодно же изъ сборовъ театра.

Вся перестройка большого Пашковскаго манежа и приспособленіе его для театра, съ подъемнымъ поломъ для маскараднаго зала, была исчислена Майковымъ, какъ мы уже сказали, въ суммѣ 50.000 рублей. Въ настоящее время тогдашняя дешевизна строительныхъ работъ представляется изумительной, въ особенности если вникнуть въ составныя части всѣхъ произведенныхъ по Пашковскому манежу крупныхъ и сложныхъ работъ, которыя, согласно смѣтѣ Пашкова, были намѣчены и дѣйствительно исполнены по слѣдующему перечню расходовъ: [262])

1) Первоначальныя издержки: гербовая бумага, копіи документовъ и проч.	335 р. — к.
2) Постройка театра: желѣзный и лѣсной матеріалъ и работы; устройство внутренности зрительнаго зала, ложъ, креселъ и проч., устройство сцены со станками, кулисами и переходами на верху; устройство подъемнаго пола для маскарадовъ; устройство уборныхъ и гардероба; отдѣлка внутренности театра живописью и серебреніемъ	37.526 р. 10 к.
3) Устройство внутренности зрительнаго зала: сукно для обивки, бархатъ для Императорскихъ ложъ, стулья, пюпитры, зеркала, желѣзныя ручки къ кресламъ и проч.	4.528 р. 60 к.
4) Устройство освѣщенія внутри и снаружи театра, большая	

[261]) Ibid. Дѣло 1818 г. № 128.
[262]) Ibid. Дѣло 1818 г. № 78.

люстра, лампы для кулисъ и рампы, лампы для маскарадовъ, столбы и фонари во дворѣ . . . . 2.791 р. — к.

5) Первоначальное обзаведеніе декораціями: холстъ, краски, кисти и проч. . . . . 4.155 р. 55 к.

6) Выравненіе мѣста, вывозка мусора и проч. . . . . 344 р. 37 к.

Итого . . . . 49.680 р. 22 к.

Остатокъ . . . . 394 р. 78 к.

Всего . . . . 50.000 р. — к.

Впрочемъ, расходы по устройству Пашковскаго театра не ограничились этой суммой 50.000 руб.; впослѣдствіи, въ 1819 году, уже послѣ открытія спектаклей въ театрѣ, потребовался расходъ въ 2.673 руб. [263]), на устройство зонта у подъѣзда, 8 машинъ съ гирями на зимнее время къ дверямъ въ корридорахъ, на выстилку войлоками потолка надъ зрительнымъ заломъ, на постройку особой деревянной ретирады и на установку еще 20 фонарей для освѣщенія двора при разъѣздѣ публики, такъ какъ подъѣзды къ театру были устроены съ двухъ сторонъ: съ Большой Никитской и съ Моховой — со двора. Въ томъ же 1819 году было израсходовано еще 1.188 рублей [264]) на отдѣлку средней и боковой Императорской ложи въ театрѣ, полосатой брокателью съ золотымъ мишурнымъ галуномъ и такою же бахромой.

Къ работамъ по постройкѣ Пашковскаго театра Майковъ приступилъ тотчасъ же по рѣшеніи вопроса о его наймѣ и 5-го августа 1818 года [265]) доносилъ Главной Дирекціи о томъ, что Апраксинскій театръ имъ очищенъ, а работы по Пашковскому театру подвигаются къ концу. 26-го августа 1818 года [266]), на другой день послѣ открытія Пашковскаго театра, Майковъ доносилъ кн. Тюфякину, «что первое начало обѣщаетъ впослѣдствіи добрый успѣхъ и оправдываетъ наше предпріятіе. Театръ вышелъ въ отдѣлкѣ очень хорошъ и имѣетъ всѣ выгоды для зрителей со стороны слуха, зрѣнія и спокойствія мѣстъ. Публика была вчерась очень довольна».

Съ устройствомъ Пашковскаго театра Московская Дирекція могла на нѣкоторое время успокоиться относительно размѣщенія своего служебнаго персонала и хозяйства. Въ 1819 году въ распоряженіи ея находились слѣдующія зданія и помѣщенія [267]).

---

[263]) Ibid. Дѣло 1819 г., № 15.
[264]) Ibid. Дѣло 1819 г., № 112.
[265]) Ibid. Дѣло 1818 г., № 78.
[266]) Ibid.
[267]) Ibid. Дѣло 1819 г., № 112.

1) Домъ Пашкова, въ которомъ помѣщались: а) театръ, б) контора, в) швальня, костюмеры и портные, г) декораціонное зало, д) инвалидная команда, е) столяры и плотники и ж) караульня.

2) Домъ Есипова—для помѣщенія: а) Школы съ школьнымъ театромъ и больницею, съ кухней, прачешными и проч. и б) разныхъ служащихъ, не принадлежащихъ къ Школѣ.

3) Домъ купца Вѣнкова — для помѣщенія части музыкантовъ, фигурантовъ, капельдинеровъ и проч.

4) Домъ иностранца Бекерса—для помѣщенія части музыкантовъ.

5) Разныя, отдѣльно нанимаемыя въ городѣ, квартиры, для помѣщенія всякаго рода служащихъ при театрахъ.

Открытіе театра въ домѣ Пашкова, на углу Никитской и Моховой (гдѣ нынѣ Университетская церковь), состоялось въ воскресенье 25-го августа 1818 года [268]) спектаклемъ, въ которомъ была дана опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ Керубини «Водовозъ или двухдневное приключеніе». Цѣны мѣстамъ въ театрѣ на Моховой были назначены: за ложи 1-го этажа—15 руб., 2-го этажа—12 руб., бенуара—10 руб., кресла—3 р. 50 к., мѣста за креслами—2 р., за входъ въ амфитеатръ—1 р. 50 к. и въ партеръ—1 р. 30-го августа 1818 года въ томъ же театрѣ данъ былъ первый маскарадъ, съ платой за входъ по 2 р. мѣдью и съ повышеніемъ цѣнъ на ложи 1 го этажа и бенуара на 5 рублей.

Высочайшее повелѣніе 1816 года о театральныхъ сборахъ въ пользу инвалиднаго капитала, повидимому, не примѣнялось Московской Дирекціей до открытія спектаклей въ домѣ Пашкова. Во вторникъ 26-го ноября 1818 г. [269]) состоялся въ этомъ театрѣ первый спектакль въ пользу инвалидовъ. Въ объявленіи о спектаклѣ значилось: «Освобожденіе Смоленска», отечественная героическая драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ принадлежащими къ ней военными эволюціями, маршами и съ акомпанированіемъ полковой музыки; за оною послѣдуетъ «Торжество Александра Македонскаго или побѣжденіе Дарія», пантоминный балетъ, соч. Г. Глушковскаго». Цѣны на мѣста въ спектаклѣ были значительно возвышены: на ложи 1-го этажа до 50 руб. и на кресла до 10 руб.; но входъ въ партеръ и амфитеатръ былъ оставленъ по обыкновенной цѣнѣ. «Платежъ свыше, говорилось въ объявленіи, оставляется на произволъ каждаго, желающаго участвовать въ благотвореніи инвалидамъ, почему всякой можетъ взносимую имъ сумму, а буде пожелаетъ, то и имя свое записывать въ особо учрежденную книгу, которая для сего открыта въ конторѣ

[268]) «Моск. Вѣд.» 1818 г.. 24-го августа, № 68.
[269]) Ibid. 1818 г., 16-го ноября, № 92.

Императорскаго Московскаго театра». Вообще благодаря авторитету и вліянію иниціатора образованія инвалиднаго капитала, гр. Аракчеева, этотъ первый спектакль, данный въ Москвѣ въ пользу инвалидовъ, явился предметомъ особаго попеченія и Дирекціи и Московскаго генералъ-губернатора Тормасова. По соглашенію съ послѣднимъ, Майковъ разослалъ билеты губернскому предводителю дворянства, оберъ-полиціймейстеру и городскому головѣ, прося ихъ содѣйствія къ распространенію билетовъ въ продажѣ. Результатъ отвѣчалъ стараніямъ: спектакль 26-го ноября 1818 года далъ валоваго сбора 1.483 р. 50 к., а за вычетомъ расхода въ 223 р. [270]) и 10 р. мѣдью, чистый сборъ оказался въ суммѣ 1.260 р. 40 к. [271]).

Съ августа 1818 года спектакли Императорскихъ артистовъ въ театрѣ на Знаменкѣ прекратились и театръ этотъ отъ времени до времени сдавался отъ хозяина его Апраксина разнымъ предпринимателямъ частныхъ увеселеній и первымъ арендаторомъ его явилось, пріѣхавшее въ Москву «Шведское общество балансеровъ». Но за бывшими абонентами театра на Знаменкѣ было сохранено право на мѣста въ театрѣ на Моховой, до истеченія срока ихъ абонемента. Такимъ образомъ Московскій Императорскій театръ черезъ 12 лѣтъ своего существованія возвратился въ свою колыбель, въ то самое зданіе, въ которомъ онъ началъ свою дѣятельность въ 1806 году и попасть въ которое онъ тщетно добивался еще въ 1814 году.

Открытіе театра на Моховой, временно обезпечивъ приличное и удовлетворительное помѣщеніе для спектаклей, въ то же время поставило Московскую Дирекцію въ критическое положеніе въ финансовомъ отношеніи, навязавъ ей новый долгъ въ 50.000 руб. и расширивъ расходный ея бюджетъ, безъ соотвѣтствующаго увеличенія денежнаго отпуска отъ казны. 1-го марта 1819 года [272]) Майковъ, подводя итоги за 1818 годъ, по которымъ весь остатокъ опредѣлился лишь въ 8.127 р. 28 к., объяснялъ кн. Тюфякину, «что перенесеніе театра, расходы на новомъ мѣстѣ необходимые и издержки по разнымъ обстоятельствамъ встрѣтившіяся, равно двукратное закрытіе театра [273]) и особливо послѣднее передъ масляницей» лишили Дирекцію возможности уплачивать долги изъ текущихъ доходовъ театра и просилъ разрѣшенія погашать долги выручкой отъ продажи земельныхъ участковъ Дирекціи въ Москвѣ, т. е. воксала въ Замоскворѣчьи и пустопорожнихъ мѣстъ около быв-

[270]) Въ вечеровой расходъ по спектаклю входила между прочимъ плата: жандармамъ по 5 р. и пожарной командѣ по 1 р. 50 к. въ вечеръ. (Общ. Арх. М. И. Дв. Д. И. Т. Дѣло 1818 г., № 89).

[271]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. И. Т. Дѣло 1818 г., № 62.

[272]) Ibid. Дѣло 1819 г., № 84.

[273]) Въ первый разъ: лѣтомъ 1818 г., за переходомъ въ Пашковскій театръ и второй разъ, въ январѣ—февралѣ 1819 г.,—по случаю траура.

шаго Петровскаго театра. Задолженность Московской Дирекціи, видимо, безпокоила кн. Тюфякина и по этому поводу онъ выражалъ свое неудовольствіе Майкову. Старый долгъ, образовавшійся съ постройкой Арбатскаго театра и остававшійся еще не погашеннымъ съ 1808 года въ суммѣ 42.865 р., былъ какъ бы забытъ Московскимъ театральнымъ управленіемъ, а для князя Тюфякина явился совершеннымъ сюрпризомъ. Кредиторы долго молчали и наконецъ одинъ изъ нихъ, нѣкто Бухвостовъ, написалъ кн. Тюфякину письмо, прося скорѣйшей уплаты денегъ. Дѣло было направлено въ Комитетъ по театральнымъ дѣламъ. Къ тому же времени разъяснился вопросъ о судьбѣ земель Дирекціи въ Москвѣ. Первоначально «всѣ земли изъ подъ каменныхъ зданій подлѣ Петровскаго театра, по Высочайшему повелѣнію, были назначены въ распространеніе площади вокругъ того театра и поступили въ распоряженіе Коммиссіи для строеній въ Москвѣ». 23 Іюля 1818 г. эта Коммиссія сообщила Московской конторѣ театровъ, что размѣръ площади сокращенъ и часть земли, а именно 7.027 кв. саж., оцѣненной архитекторами по 50 коп. за сажень, назначается въ продажу. Майковъ признавалъ необходимымъ назначить въ продажу также и землю Дирекціи при бывшемъ воксалѣ Медокса въ Замоскворѣчьи, которая въ 1810 г. сдавалась въ наемъ за 300 руб. въ годъ, но послѣ разгрома 1812 г. не находила охотниковъ на аренду. Комитетъ по театральнымъ дѣламъ отнесся къ вопросу о долгахъ Московской Дирекціи совершенно формально. Ни на минуту не остановившись на необходимости денежнаго воспособленія Московской конторѣ, онъ порѣшилъ сперва обратить на погашеніе долговъ, составлявшихъ въ совокупности старыхъ и новыхъ около 100.000 рублей, текущіе доходы самаго театра, а затѣмъ, узнавъ о наличности назначенной въ продажу земли, не справившись о вѣроятной выручкѣ, успокоился на постановленіи погасить долги, причитающейся отъ продажи земли суммой [274]). Послѣ двукратныхъ торговъ 13-го января и 9-го марта 1819 года, цѣна земли около Петровскаго театра опредѣлилась, по 71 к. за кв. саж., въ суммѣ 4.989 р. 17 к., но Майкову удалось, помимо торговъ, вызвать охотниковъ на покупку этой земли и наконецъ продать ее окончательно за 5.400 руб. Сумма эта явилась слабымъ воспособленіемъ для расплаты съ долгами и Майкову приходилось изворачиваться средствами самого театра. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи Майковъ склонилъ Бухвостова и нѣкоторыхъ другихъ кредиторовъ удовлетвориться разсчетомъ по полтиннику за рубль [275]). Несмотря на то, что кн. Тюфякинъ всячески торопилъ съ погашеніемъ долга, Майковъ просилъ позволенія не спѣшить съ удовлетвореніемъ кредиторовъ, основательно ожидая и

---

[274]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. И. Т. Дѣло 1819 г., № 84.
[275]) Ibid. Дѣло 1819 г., № 112.

отъ остальныхъ такой же сбавки въ ихъ претензіяхъ къ Московской Дирекціи. Вѣроятно, это одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ правительственное учрежденіе рѣшалось, что называется, «ломать рубль».

Энергично наладивъ дѣло съ погашеніемъ стараго долга, Майковъ представилъ съ отчетомъ за 1818 годъ остатокъ слишкомъ въ 25.000 р., изъ которыхъ кн. Тюфякинъ назначилъ на погашеніе долга въ 50.000 р. по постройкѣ Пашковскаго театра—18.750 р. [276]), изъ нихъ: 6.250 р. по разсчету за 1818 годъ и 12.500 р.—за 1819 годъ.

Нужда заставляла Майкова экономить и онъ умѣлъ быть экономнымъ въ театральномъ дѣлѣ. Въ его время, напримѣръ въ 1818 г., оклады первыхъ артистическихъ силъ Московской русской труппы опредѣлялись слѣдующими цифрами [277]): актеры—Степанъ Мочаловъ—2.500 р., Петръ Колпаковъ—2.500 р., Артамонъ Прусаковъ—2.000 р., Михаилъ Кондаковъ—2.000 р., Иванъ Фрыгинъ—1.250 р., актрисы—Антонида Баранчеева—1.000 р., А. Борисова—1.000 р.; по русской оперѣ актеръ Яковъ Соколовъ—2.000 р., актриса Анна Лысицына—1.300 р. Также экономенъ былъ Майковъ и въ монтировочныхъ издержкахъ. Расходы, напримѣръ, по одной изъ роскошнѣйшихъ постановокъ того времени—оперы «Князь невидимка», въ 1819 г. опредѣлились, считая матеріалъ и работу, суммой всего лишь 14.154 р. 20 к., по слѣдующему разсчету [278]):

а) Гардеробъ: платьевъ мужскихъ 89, женскихъ 32, всего 121 штука	7.277 р. 78½ к.
б) Обувь: сапогъ 78 паръ и башмаковъ 74 пары, всего 152 пары	890 » 80 »
в) Цвѣты: вѣнковъ 20, гирляндъ 18 и перевязей 20, всего 58 штукъ	144 » 54 »
г) Парики: 3 штуки.	80 » — »
д) Декораціи: писанныхъ декорацій 5 шт., машинъ 7 шт. .	4.486 » 07½ »
е) Бутафорскія вещи, мѣдныя и жестяныя: шишаковъ 56, щитовъ 56, мечей 32, шпагъ 25, сабель 4, роговъ 4, бокаловъ 2, тазъ, «вмѣсто тамъ-тама» 1 и подносъ 1, всего 181 шт. . . .	1.275 » — »
Итого	14.154 р. 20 к.

Общее и монтировочное хозяйство велось повидимому въ полномъ порядкѣ: ежемѣсячно представлялись Московской конторой въ Петербургскую Дирекцію

[276]) Ibid. Дѣло 1820 г., № 22.
[277]) Ibid. Дѣло 1819 г., № 87.
[278]) Ibid. Дѣло 1820 г., № 19.

сборныя вѣдомости, въ которыя, параллельно съ отчетомъ о сборахъ по каждому спектаклю, вносилась отчетность о произведенныхъ за истекшій мѣсяцъ расходахъ, съ подробнѣйшей выпиской предметовъ затраты. Этотъ, въ свое время непроизводительный, трудъ по излишней перепискѣ даетъ намъ однако возможность представить здѣсь, въ краткомъ извлеченіи, образцы тогдашнихъ монтировокъ, обрисовывающіе до нѣкоторой степени порядокъ, потребности, средства и эстетическій вкусъ сценическихъ постановокъ первой четверти XIX столѣтія. Сохраняя современную орѳографію описанія монтировочнаго инвентаря, мы приводимъ здѣсь два образца болѣе роскошныхъ постановокъ.

Первый образецъ—по заготовленіи въ 1820 г. [279]) костюмовъ:

«Къ балету «Венгерская хижина». Сдѣлано Лобанову (танцовщику)—къ ролѣ графа Рогоцкаго два полукафтанья шалоновыхъ, одно пюсовое, а другое зеленое съ бордюромъ, шитымъ блесками и обложено чернымъ плюшемъ. Желетъ шалоновый алой съ чернымъ плюшемъ, шаровары каленкоровыя бѣлыя, два кушака, одинъ шалоновой алой, а другой плюшевой черной, шапка шалоновая, лиловая съ крымскимъ околышемъ и киверъ черной бархатной съ алымъ шалоновымъ верхомъ и съ викинштетомъ и сумка бѣлая коженая. Глушковской (танцовщицѣ)—для роли графини полукафтанье шалоновое зеленое съ бордюромъ шитымъ блесками, обложено плюшемъ, ментикъ шалоновый алой съ чернымъ плюшемъ, киверъ бархатный черной съ малиновымъ алымъ верхомъ и кушакъ желтой канители».

«Къ балету «Медея и Язонъ», дансеру Бернаделли, къ ролѣ Креона—кирасъ изъ желтаго галуну на миткалевой потокладкѣ съ черными лентами и бахромою и фольговая корона. Дансеру Глушковскому—къ ролѣ Язона кисейной тюникъ, шитый по подолу блесками, кирасъ изъ желтаго галуну на миткалевой потокладкѣ, обшитый бахрамою. Мантія зеленая шалоновая, шитая блесками. Дѣвицѣ Кротовой—къ ролѣ Креузы—тюникъ дымковой розовой съ шитьемъ по подолу блесками на розовомъ тафтяномъ чехлѣ. Пеплонъ бѣлый дымковый шитый блесками съ серебряною бахрамою, поясъ и букетъ цвѣтовъ». Изъ этого между прочимъ видно, что наиболѣе употребительнымъ для изготовленія костюмовъ матеріаломъ являлся, въ то время, «шалонъ»,—не дорогая, рѣдко сотканная, глянцевитая шерстяная ткань разныхъ цвѣтовъ.

Второй образецъ—по изготовленію въ декабрѣ 1821 года [280]) декорацій, съ обозначеніемъ стоимости ихъ:

«Написано: къ оперѣ «Спящая красавица» занавѣсъ и 10 кулисъ, изображающіе

[279]) Ibid.
[280]) Ibid. Дѣло 1822 г. № 33.

сельское мѣсто-положенье, практикабельныя [281]) приставки: домъ, мельница вѣтряная, горящій лѣсъ, дерновая скамья, изъ которой дѣлается облако, парапетъ со скалою, подъемный мостъ, берега съ водою, на возвышеніи богатая кровать съ балюстрадомъ, занавѣсъ прорѣзная раздвижнаго лѣса». (858 р. 9 к.).

«Къ балету «Русланъ и Людмила» замокъ съ чудовищами, превращающійся въ облако, большое чудовище, изъ котораго дѣлается пещера, карло, превращающійся въ розовой кустъ, столъ, превращающійся въ чудовище, 4 горы, 1 водопадъ, 1 утесъ, большой щитъ, изъ котораго выходитъ фурія, храмъ разваливающійся, тронъ, украшенный змѣями и чудовищами, 8 жертвенниковъ изъ змѣиныхъ головъ и оракулъ колосальнаго вида. Знамя съ трофеями, 3 куста, превращающіеся въ камни, 1 кустъ, превращающійся въ камень, а потомъ въ чудовище». (Работа и матеріалъ—1.240 р. 35 к.).

Результаты хозяйственности Майкова сказывались въ балансахъ, представляемыхъ имъ годовыхъ отчетовъ, по которымъ Московская Дирекція всегда выходила съ нѣкоторыми сбереженіями изъ отпускаемыхъ ей средствъ. Эти остатки, съ переводомъ спектаклей въ театръ на Моховой, опредѣлились по годамъ слѣдующими пифрами: за 1818 г.—8.127 р. 28 к., [282]) за 1819 г.—25.000 р. [283]), за 1821 г.—78.021 р. 12 к. [284]) и за 1822 г.—8.008 р. 60 к. [285]). Какъ мы уже сказали выше, отчетный театральный годъ въ 1-й четверти XIX столѣтія, до учрежденія Министерства Императорскаго Двора и до установленія во всѣхъ учрежденіяхъ его однообразныхъ формъ и сроковъ отчетности, опредѣлялся съ 1-го марта одного года до 1-го марта послѣдующаго. Это представляло для театральнаго управленія несомнѣнное удобство, такъ какъ такой срокъ большею частью совпадалъ съ закрытіемъ зимнихъ спектаклей въ Великомъ посту и давалъ Дирекціи бо̀льшую возможность, на свободѣ, подводить итоги истекшему сезону, чѣмъ производить эту работу, какъ въ настоящее время, къ новому году, въ разгарѣ театральнаго карнавала.

Абсолютныя цифры денежныхъ остатковъ получались главнымъ образомъ благодаря сборамъ, при чемъ, почти всегда, по нѣкоторымъ расходнымъ статьямъ являлись передержки противъ штатнаго положенія и преимущественно по тремъ изъ нихъ: по русской труппѣ (въ 1820 г.—12.000 р., въ 1821 г.—14.600 р.); по школѣ

[281]) „Практикаблями“ называются на сценѣ всякаго рода деревянныя приспособленія къ декораціямъ: помосты, лѣстницы, балконы, мосты, горки, парапеты. кронштейны и пр.

[282]) Ibid. Дѣло 1819 г. № 84.

[283]) Ibid. Дѣло 1820 г. № 22.

[284]) Ibid. Дѣло 1821 г. № 89.

[285]) Ibid. Дѣло 1822 г. № 123.

(въ 1820 г.—18.000 р., въ 1821 г.—26.000 р.) и по найму домовъ и квартиръ (въ 1820 г.—50.000 р.; въ 1821 г.—51.400 р.). Дѣйствительныя же сбереженія противъ штатнаго ассигнованія оказывались въ эту эпоху главнымъ образомъ по содержанію оркестра, по монтировочной части (гардеробъ и декораціи), по заготовленію дровъ и наконецъ по расходамъ самой конторы. Но въ общемъ сумма сбереженій того времени не давала крупныхъ цифръ, такъ напримѣръ въ 1821 г. она составила всего 7.796 р. 67 к. Для примѣра приводимъ балансъ одного изъ удачнѣйшихъ въ финансовомъ отношеніи годовъ—1821 г.; онъ былъ таковъ: [286]) Приходъ—449.343 р. 93 к. Расходъ—371.322 р. 81 к. Остатокъ—78.021 р. 12 к. Отпускъ изъ Государственнаго казначейства, установленный еще въ 1809 г. и сокращенный въ 1812 г. съ упраздненіемъ французской труппы, оставался въ прежней цифрѣ 134.000 р. въ годъ. Слѣдовательно, остальная сумма прихода, въ цифрѣ 315.343 р. 93 к., опредѣляетъ размѣръ полученныхъ театромъ сборовъ со спектаклей и маскарадовъ и прочихъ доходныхъ статей, въ періодъ времени съ 1-го марта 1820 по 1-е марта 1821 г.

При всѣхъ этихъ данныхъ, принявъ во вниманіе скромныя цѣны на мѣста въ театрѣ на Моховой, слѣдуетъ признать неоспоримыми два факта: во 1-хъ сравнительно большой спросъ на театръ въ Московской публикѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія и во 2-хъ блестящіе сравнительно съ позднѣйшимъ временемъ результаты эксплоатаціи Императорскаго Московскаго театра. Превышеніе почти въ 2 раза суммой сборовъ суммы отпускаемой субсидіи представляется недостижимымъ въ настоящее время, когда отношеніе между этими величинами является обратнымъ.

Въ стремленіяхъ къ улучшенію баланса, Майкову приходилось преодолѣвать цѣлый рядъ препятствій и затрудненій, самаго разнообразнаго свойства. Нѣкоторыя изъ нихъ носили характеръ случайный, другія вызывались неблагопріятными посторонними вліяніями и наконецъ нѣкоторыя вытекали изъ несовершенства самой постановки дѣла.

Къ затрудненіямъ перваго рода, т. е. къ случайностямъ, слѣдуетъ отнести закрытіе театра по разнымъ причинамъ. Наиболѣе убыточными явились:—перерывъ спектаклей лѣтомъ 1818 года [287]), вслѣдствіе ветхости потолка въ Апраксинскомъ театрѣ и приготовленія къ сдачѣ его, а, въ особенности, закрытіе Пашковскаго театра въ самое горячее время сезона, передъ масляницей 1819 года, съ 19-го января по 12 февраля, вслѣдствіе траура по кончинѣ королевы Виртембергской, великой княгини Екатерины Павловны. Этотъ послѣдній перерывъ спектаклей,

286) Ibid. Дѣло 1821 г. № 89.
287) Ibid. Дѣло 1820 г. № 115.

по разсчету Майкова, лишилъ Дирекцію сбора по крайней мѣрѣ въ 36.000 р. [288]). Жестокая зима 1819—1820 года также вліяла на посѣщаемость театра, а слѣдовательно и на сборы. Назначенные на первый день Новаго 1820 года [289]) спектакль и маскарадъ пришлось совсѣмъ отмѣнить, въ виду сильнаго мороза, который утромъ 1-го января доходилъ до 26⁰. Къ такимъ же случайностямъ слѣдуетъ отнести болѣзни артистовъ, приводившія къ невыгоднымъ перемѣнамъ спектаклей, какъ напримѣръ, въ 1818 г., заболѣванія актера Мочалова [290]) старшаго и актера Кондакова, или несчастные случаи съ танцовщикомъ Глушковскимъ, повредившимъ себѣ спину въ 1817 году и вывихнувшимъ ногу въ 1818 г. [291]). Внезапная смерть въ 1819 г. полезнаго актера Кондакова [292]) поставила Дирекцію въ необходимость, за отсутствіемъ достойнаго замѣстителя, измѣнять намѣченный репертуаръ сезона.

Вторая категорія затрудненій для Майкова относилась къ неизбѣжнымъ во всякомъ театральномъ дѣлѣ постороннимъ вліяніямъ, изъ которыхъ наиболѣе значительнымъ являлось вмѣшательство Московскаго Главнокомандующаго. До 1812 г., при самомъ зарожденіи желаннаго для Москвы и для ея начальства Императорскаго театра, отношенія Главнаго начальника столицы къ театральной администраціи, какъ мы видѣли, были весьма доброжелательныя; но съ теченіемъ времени они измѣнились. Высокое положеніе Главнокомандующаго въ Москвѣ, объединявшаго всѣ правительственныя установленія столицы, трудно мирилось съ выдѣленіемъ изъ его компетенціи такого виднаго и общедоступнаго учрежденія, какъ Императорскій театръ. На этой почвѣ всегда могли возникнуть конфликты, въ которыхъ мѣстной театральной администраціи, безъ сильной поддержки извнѣ, приходилось играть страдательную роль. Примѣръ подобнаго столкновенія мы уже видѣли въ 1811 г., по вопросу о цензурѣ афишъ. Естественные въ театральномъ дѣлѣ происки и интриги нервнаго артистическаго персонала, добросовѣстное даже разногласіе въ эстетическихъ направленіяхъ между Дирекціей и вліятельными представителями московскаго населенія и наконецъ личный вкусъ Главнокомандующаго—могли во всякое время нарушать добрыя его отношенія къ Театральному Управленію. Покуда такое разногласіе касалось мелочей театральной жизни—страдало лишь самолюбіе и нервы представителей театральной администраціи, но когда затрагивались существенные интересы сцены и вмѣшательство касалось крупныхъ элементовъ театральнаго обихода—тогда страдало само дѣло.

[288]) Ibid. Дѣло 1819 г. № 111.
[289]) Ibid. Дѣло 1820 г. № 19.
[290]) Ibid. Дѣло 1819 г. № 136.
[291]) Ibid. Дѣло 1819 г, № 101.
[292]) Ibid. Дѣло 1820 г. № 22.

Образцомъ такого рода вмѣшательства можетъ служить отмѣна, по ходатайству Московскаго Главнокомандующаго гр. Тормасова, утреннихъ спектаклей на масляницѣ, учрежденныхъ Майковымъ еще въ 1815 году, имѣвшихъ большой успѣхъ въ публикѣ, дававшихъ хорошіе сборы и составлявшихъ предметъ особаго попеченія со стороны Московской Дирекціи. Въ февралѣ 1818 года [293]), графъ Тормасовъ, воспользовавшись пребываніемъ въ Москвѣ Императора Александра I, сдѣлалъ ему докладъ объ утренникахъ на масляницѣ въ неблагопріятномъ для нихъ смыслѣ и 12-го февраля 1818 г. сообщилъ Дирекціи, что Государь разрѣшаетъ утренніе спектакли лишь въ послѣднее воскресенье на масляницѣ, «въ прочіе же дни сей недѣли не изволитъ Его Императорское Величество находить приличнымъ быть спектаклямъ». Встревоженный такимъ распоряженіемъ Майковъ въ 1819 г. докладывалъ о немъ кн. Тюфякину, указывалъ на успѣхъ утренниковъ, которые въ 1815 г., въ 1816 и въ 1817 годахъ, въ тѣсномъ Апраксинскомъ театрѣ, давали на масляницѣ лучшіе сборы, чѣмъ вечерніе спектакли, выражалъ свои надежды сдѣлать въ Пашковскомъ театрѣ еще лучшіе сборы на утренникахъ и просилъ ходатайства Директора о возстановленіи прежде существовавшаго порядка масляничныхъ спектаклей. Кн. Тюфякинъ, не находя возможнымъ вновь возбуждать вопросъ, рѣшенный уже Государемъ въ отрицательномъ смыслѣ и въ тоже время признавая устройство двойныхъ спектаклей на масляницѣ вполнѣ отвѣчающимъ интересамъ Дирекціи, со свойственной ему находчивостью, остроумно посовѣтовалъ [294]) Майкову—давать на масляницѣ *два вечернихъ* спектакля: одинъ въ обыкновенное время, а другой передъ нимъ—въ 4 часа пополудни. Вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Тюфякинъ рекомендовалъ Майкову передъ масляницей 1820 года выпустить въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» слѣдующее объявленіе: «какъ утренніе спектакли на масляницѣ воспрещены, то Дирекція, въ намѣреніи исполнить желаніе публики, которую по малому пространству зданія театра невозможно вполнѣ удовлетворить, назначаетъ въ теченіи масляной недѣли по два спектакля, изъ коихъ первый начинаться будетъ ровно въ 4 часа пополудни, а послѣдній съ половины седьмого часа». Майковъ намѣревался поступить по указанію кн. Тюфякина, но московскій оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ [295]) протестовалъ противъ назначенія спектаклей въ 4 часа дня, ибо, въ такомъ случаѣ, разъѣздъ публики послѣ перваго спектакля совпадалъ бы со съѣздомъ къ послѣдующему, а это было бы неудобно и для публики и для полиціи. Вслѣдствіе такихъ соображеній, Майковъ назначилъ ранніе вечерніе спектакли на масляницѣ не въ 4, а въ 3 часа

---

293) Ibid. Дѣло 1818 г. № 76
294) Ibid. Дѣло 1819 г. № 136.
295) Ibid. Дѣло 1820 г. № 22.

дня. Такимъ образомъ спорный вопросъ, благодаря заступничеству кн. Тюфякина, разрѣшился въ желательномъ для Майкова смыслѣ, хотя, конечно, не съ прежними удобствами въ репертуарномъ отношеніи.

Но всѣ эти затрудненія обѣихъ категорій блѣднѣли передъ главнымъ недостаткомъ тогдашняго Московскаго театра, устраненіе котораго въ достаточной мѣрѣ такъ и не удалось Майкову, не смотря на всѣ его старанія. Какъ увидимъ далѣе, ему пришлось уступить честь этого дѣла болѣе компетентному замѣстителю, Ѳ. Ѳ. Кокошкину. Недостатокъ этотъ заключался въ бѣдности артистическаго состава самого театра. Какъ хозяинъ и администраторъ, въ тѣсномъ смыслѣ, Майковъ могъ соперничать съ кн. Тюфякинымъ, но, какъ распорядитель репертуарной части, онъ пасовалъ передъ своимъ, болѣе образованнымъ въ художественномъ отношеніи, начальникомъ. Майковъ видѣлъ зло, но не обладалъ тѣмъ спеціальнымъ, не многимъ дарованнымъ, талантомъ импрезы и репертуарной находчивости, который проявили въ свое время кн. Шаховской и кн. Тюфякинъ въ Петербургѣ, а въ Москвѣ Кокошкинъ.

Тѣмъ не менѣе А. А. Майковъ приложилъ много заботъ и къ этому вопросу, неблагопріятно поставленному въ то время недостаткомъ денежнаго отпуска на театръ.

2-го декабря 1820 года [296]) Майковъ писалъ кн. Тюфякину такъ: «Во всѣхъ представленіяхъ моихъ при отчетахъ по Императорскому Московскому театру, начиная съ 1817 года, я представлялъ о необходимости увеличить россійскую труппу сюжетами, сколько потому, что оная, бывъ по штату 1809 года составлена въ такомъ числѣ людей, чтобъ ей раздѣлять дѣйствія свои съ французскою труппою, теперь, по роспускѣ оной, одна дѣлаетъ всѣ представленія на театрѣ, а съ другой, что бо̀льшая часть артистовъ, находясь съ давняго времени при театрѣ, приближаются къ старости такъ, что болѣзни, по лѣтамъ ихъ неизбѣжныя, или потеря разстроятъ дѣла театра и остановятъ вообще ходъ піесъ. Предвидя сіе необходимое послѣдствіе настоящаго положенія и состава россійской труппы, я обязанностію званія моего почитаю стараться пріискивать людей, которые бы посреди старшихъ актеровъ, вступивъ на поприще театральной службы, пріуготовились и привыкли къ оной временемъ и опытами, и черезъ то, облегчая сколько нибудь старыхъ актеровъ, распространили способы Дирекціи удобнѣе и выгоднѣе распоряжать репертуаромъ и вмѣстѣ составляли бы собою, на всякой будущій случай, запасъ и обезпеченіе вѣрнаго теченія дѣлъ театра».

[296]) Ibid.

Но Главная Дирекція не оказала существенной помощи Московскому театру въ пополненіи русской труппы и Майкову пришлось ограничиться въ 1820 году новымъ ангажементомъ лишь двухъ артистовъ, не представляв шихъ изъ себя ничего выдѣляющагося: бывшаго семинариста пѣвца Мѣшкова и изъ вольноотпущенныхъ актера Зарѣцкаго. Благодаря также искусной дипломатіи, Майкову удалось сохранить въ труппѣ ангажированнаго еще 1-го ноября 1817 года, знаменитаго впослѣдствіи, актера Павла Степановича Мочалова. Отецъ его, актеръ Степанъ Мочаловъ, начинавшій въ то время терять силы и артистическое положеніе, 9-го іюня 1819 года, просилъ объ увольненіи его отъ службы вмѣстѣ съ дочерью и сыномъ Павломъ, но, послѣ переговоровъ, отецъ и сынъ Мочаловы 17-го августа 1819 года [297]) согласились остаться при Московскомъ театрѣ.

Въ еще болѣе печальномъ положеніи находилась Московская балетная труппа. Весь балетъ того времени держался, можно сказать, на одномъ артистѣ Глушковскомъ, совмѣщавшемъ должности: дансера, балетмейстера и учителя школы. Глушковскій становился уже старъ, кромѣ того въ 1817 г. и въ 1818 г. онъ повредилъ себѣ спину и ногу. Заботясь о замѣщеніи Глушковскаго, ко времени перехода въ Пашковскій театръ, Майковъ, еще 29-го апрѣля 1818 г. [298]), просилъ кн. Тюфякина о командировкѣ изъ Петербурга дансера Люстиха, въ качествѣ балетмейстера и учителя школы, на сентябрь, октябрь и ноябрь мѣсяцы 1818 г., но кн. Тюфякинъ отказалъ въ этой командировкѣ. Тогда Майковъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи выписать танцовщика и балетмейстера изъ заграницы, съ вознагражденіемъ не свыше 8.000 рублей въ годъ, по рекомендаціи балетмейстера Дидло, пріобрѣвшаго тогда большую извѣстность въ Петербургѣ. Кн. Тюфякинъ, съ своей стороны, рекомендовалъ Майкову отысканныхъ имъ въ Парижѣ танцовщика и танцовщицу съ вознагражденіемъ каждому по 10.000 р. въ годъ, но Майковъ нашелъ такой ангажементъ не по средствамъ Московскаго театра. Тѣмъ пока дѣло и кончилось. Въ концѣ 1819 года Майковъ опять возобновилъ свои хлопоты объ ангажементѣ балетмейстера и опять неудачно, такъ какъ предложенная кн. Тюфякинымъ выписка изъ Франціи по рекомендаціи Дидло, танцовщика Леона съ женою [299]), съ вознагражденіемъ 10.000 р. въ годъ и по бенефису каждому, оказалась все таки непосильной для Московской Дирекціи. Наконецъ, уже въ ноябрѣ 1820 г., Майкову удалось, за 2.500 руб. въ годъ съ бенефисомъ, устроить ангажементъ иностранки г-жи Месъ,

---

[297]) Ibid. Дѣло 1819 г., № 137.
[298]) Ibid. Дѣло 1819 г., № 101.
[299]) Ibid. Дѣло 1819 г., № 44.

съ дочерью, причемъ дочь приглашалась танцовщицей, а мать, какъ пантомимистка и для обученія танцамъ четырехъ воспитанницъ [300]).

Въ эту эпоху Московскій театръ, за увольненіемъ отъ службы бывшаго капельмейстера Лепгарда, нуждался также и въ капельмейстерѣ. Предполагалось первоначально ангажировать капельмейстера Біанки, но онъ, на предложеніе Майкова, отказался отъ ангажемента въ Москву, послѣ чего Майковъ пріискалъ капельмейстера Шольца и 27-го сентября 1820 г. [301]) заключилъ съ нимъ контрактъ на 3 года, съ жалованіемъ 3.500 р. въ годъ, при экипажныхъ деньгахъ 500 р. въ годъ, съ бенефисомъ въ декабрѣ или январѣ мѣсяцѣ и съ правомъ давать одинъ концертъ въ теченіе Великаго поста.

Недостатки въ труппахъ Московскаго театра обостряли и подкрѣпляли существовавшій вообще спросъ нѣкоторой части московской публики на иностранный театръ. Еще въ 1817 году, Московскій генералъ-губернаторъ Тормасовъ входилъ съ представленіемъ о заведеніи въ Москвѣ частной французской труппы. Проектъ Тормасова былъ переданъ въ Комитетъ по театральнымъ дѣламъ, который призналъ его не отвѣчающимъ интересамъ Дирекціи, такъ какъ французскіе спектакли могутъ служить подрывомъ доходовъ Императорскаго театра. 25-го января 1818 года [302]) Государь утвердилъ это мнѣніе Комитета. Въ 1819 года французскій актеръ Ведель писалъ Майкову изъ Парижа (Bureau de correspondance Théâtral, Rue de l'Odeon 38) предложеніе сформировать для Императорскаго Московскаго театра труппу французскихъ актеровъ, но Майковъ [303]) отклонилъ предложеніе, «поелику настоящее положеніе дѣлъ театра и финансы не позволяютъ сего сдѣлать». Повидимому и по этому вопросу Майковъ расходился съ гр. Тормасовымъ, предпочитая нѣмецкій театръ французскому. Въ мартѣ 1819 года бывшій актеръ Карлъ Боркъ просилъ разрѣшенія Генералъ-губернатора открыть въ Москвѣ частный нѣмецкій театръ, но гр. Тормасовъ не изъявилъ на то согласія [304]), а въ іюнѣ того же года, по рекомендаціи гр. Пушкина и кн. Тюфякина, Майковъ заключилъ контрактъ съ актеромъ Гапмейеромъ съ компаніей, на устройство нѣмецкихъ спектаклей въ Пашковскомъ театрѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: Дирекція предоставляла Гапмейеру театръ, оркестръ и билеты; печатаніе афишъ и прочіе расходы лежали на антрепренерѣ. Половина сбора поступала въ пользу Дирекціи, которая платила также половину указной части опекунскому совѣту. Число спектаклей не было заранѣе

300) Ibid. Дѣло 1820 г., № 115.
301) Ibid. Дѣло 1820 г., № 19.
302) Ibid. Дѣло 1817 г., № 108.
303) Ibid. Дѣло 1819 г., № 112.
304) Ibid. Дѣло 1819 г., № 84.

опредѣлено. 1-й спектакль нѣмецкой труппы состоялся 14-го іюля 1819 года [305]). Спектакли исполнялись преимущественно по субботамъ [306]), въ теченіе 1819 года и 1820 года и закончились въ 1821 году. Веденію нѣмецкаго репертуара не помѣшала даже болѣзнь самого актера Гапмейера, который 15-го ноября 1819 года вывихнулъ себѣ ногу.

Частные французскіе спектакли состоялись въ Москвѣ уже позднѣе, въ 1822 году, по отъѣздѣ Майкова въ Петербургъ. Дирекція предоставила частной французской труппѣ театръ на Моховой, сама участвуя въ части сборовъ, по значительно возвышеннымъ цѣнамъ на мѣста, а именно: ложи 1-го этажа—30 р., бенуара — 25 р., 2-го этажа — 20 р., кресло 1-хъ семи рядовъ — по 8 р. (по 2 р. серебромъ), прочихъ—по 5 р. и мѣста за креслами—по 4 р. Плата за входъ въ партеръ и амфитеатръ была оставлена безъ повышенія. Первое представленіе французской труппы состоялось 28-го октября 1822 года [307]). Французскіе спектакли, повидимому, имѣли успѣхъ, былъ даже открыть абонементъ, сперва на 4 спектакля, а потомъ еще на 5 спектаклей. Впослѣдствіи, кн. Тюфякинъ, отправляясь въ командировку въ Парижъ, предполагалъ ангажировать для Московскаго театра французскую труппу и ходатайствовалъ объ особомъ на этотъ предметъ ассигнованіи 100.000 рублей [308]).

Въ московской публикѣ заявлялись также требованія и на итальянскую оперу, въ особенности съ открытіемъ театра на Моховой. Еще въ 1819 году, съ 12-го апрѣля по 30-е апрѣля [309]), по соглашенію съ Дирекціей были даны въ этомъ театрѣ 4 спектакля (изъ нихъ 3—по субботамъ) итальянской оперы съ участіемъ г-жи Сосси, «Первой пѣвицы Его Величества короля обѣихъ Сицилій». Исполнены были 2 оперы: «Пигмаліонъ или оживотворенная статуя», въ 2-хъ дѣйствіяхъ, подражаніе Руссо, музыка Чимадоро и «Ромео и Юлія», музыка Цингарелли. Позднѣе, 3-го іюня 1820 года [310]), новый Московскій Генералъ-губернаторъ кн. Д. Голицынъ писалъ начальнику Главнаго Штаба кн. П. М. Волконскому о предположеніи нѣкоторыхъ любителей музыки выписать въ Москву, въ октябрѣ 1820 года, на 24 представленія, частную итальянскую оперную труппу Одесскаго антрепренера Якова Жамбони.

---

[305]) Ibid. Дѣло 1819 г., № 130. (Дата фактически исполненнаго спектакля 14-го іюля должна считаться болѣе вѣрной, чѣмъ дата 1-го спектакля, объявленнаго въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» на 12-е іюля).

[306]) «Московскія Вѣдомости» 1819 г., 12-го іюля, № 56.

[307]) Ibid. 1822 г., 25-го декабря, № 85.

[308]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. И. Т. Дѣло 1820 г., № 116.

[309]) «Моск. Вѣд.» 1819 г., 12-го апрѣля, № 30.

[310]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. И. Т. Дѣло 1820 г., № 116.

Любители предполагали нанять для того особый домъ въ Москвѣ и собрать въ публикѣ по подпискѣ 50.000 рублей. Кн. П М. Волконскій передалъ письмо кн. Голицына Главному Директору, сообщивъ, что его предположеніе одобрено Государемъ. Преклоняясь передъ совершившимся фактомъ кн. Тюфякинъ, тѣмъ не менѣе, старался охранять выгоды Дирекціи и просилъ кн. Голицына назначать итальянскіе спектакли не болѣе двухъ разъ въ недѣлю, причемъ одинъ спектакль въ субботу, а другой—въ день по соглашенію съ Дирекціей. Въ то же время кн. Тюфякинъ ставилъ условіемъ, чтобы на театрѣ итальянской оперы никакія другія труппы не играли. Повидимому, подписка состоялась нѣсколько позднѣе предполагавшагося. Въ 1821 году въ бывшемъ помѣщеніи Императорскаго театра въ домѣ Апраксина, на Знаменкѣ, открылась частная антреприза итальянской оперы. 1-й спектакль ея былъ исполненъ въ субботу 12-го ноября 1821 года [311]); дана была опера Россини «Il Turco in Italia». Кромѣ того есть свѣдѣніе о состоявшемъ 14-го декабря 1821 года [312]) итальянскомъ спектаклѣ, данномъ московскими любителями музыки на театрѣ, «ими устроенномъ».

Въ видахъ повышенія доходовъ Майковъ пользовался зданіемъ Пашковскаго театра, для отдачи его подъ частные концерты и другія увеселенія, въ особенности въ теченіе Великаго поста. Такъ напримѣръ 3-го февраля 1821 года [313]) Майковъ просилъ и получилъ разрѣшеніе заключить условіе съ прибывшимъ изъ Константинополя обществомъ батонистовъ гг. Бенуа и Чабота, состоявшимъ изъ 12-ти особъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Г. Бенуа именовалъ себя «Славнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ и искусствѣ Парижскимъ батонистомъ». Искусство его состояло въ ловкомъ бросаніи палки на большія дистанціи и вверхъ и въ продѣлкѣ другихъ ловкихъ фокусовъ одной и двумя палками и проч. Дирекція предоставляла г. Бенуа, въ теченіе Великаго поста, театръ, оркестръ и прислугу и участвовала въ одной трети, какъ сборовъ, такъ и вечеровыхъ расходовъ. Первое представленіе было исполнено батонистами 1-го марта 1821 года и частью продолжалось и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Едва ли это предпріятіе принесло Дирекціи выгоду, такъ какъ лучшій, первый, сборъ далъ ей лишь 149 р. 20 к., а послѣдующіе спектакли давали иногда не болѣе 45 р. въ вечеръ.

Кромѣ того, Дирекціи самой приходилось устраивать концерты, такъ: 18-го января 1820 года [314]) кн. Тюфякинъ, вѣроятно, по настоянію Московскаго Генералъ-губер-

311) «Моск. вѣд.» 1821 г., 9-го ноября № 90.
312) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. И. Т. Дѣло 1821 г., № 24.
313) Ibid. Дѣло 1821 г.. № 24.
314) Ibid. Дѣло 1820 г., № 19.

натора, далъ предложеніе Московской конторѣ—ежегодно, на второй день Пасхи, давать на Московскомъ театрѣ вокально-инструментальный концертъ въ пользу бѣдныхъ, находящихся подъ призрѣніемъ Московскаго Попечительнаго Комитета. Первый такой концертъ былъ исполненъ 30-го марта 1820 года [315]).

Открытіе театра на Моховой признавалось и Петербургской Дирекціей новой эрой въ дѣятельности Московскихъ театровъ и сдѣлало эту новую сцену интересной для Петербургскихъ артистовъ. Такъ вскорѣ же, въ октябрѣ 1818 года, кн. Тюфякинъ, уступая желанію извѣстной уже Москвѣ трагической актрисы Семеновой (большой), командировалъ ее на одинъ мѣсяцъ въ Москву. Условіемъ командировки было поставлено: назначеніе одного бенефиса, предоставленіе въ Москвѣ казенной квартиры и выдача въ каждый конецъ прогонныхъ денегъ 356 р. 76 к. и порціонныхъ, на пять дней пути 30 руб. Переписка по поводу командировки Семеновой оставила слѣдъ того тренія между Московскимъ и Центральнымъ театральнымъ управленіемъ, которое естественно возникало изъ своекорыстнаго отношенія Главной Дирекціи къ интересамъ Московскаго театра. Командировка Семеновой, одобряемая кн. Тюфякинымъ, не входила въ разсчеты Московскаго театра и Майковъ, 21-го сентября 1818 года [316]), почтительно протестовалъ противъ нея, приводя основательные резоны. «По моему мнѣнію, писалъ Майковъ, пріѣздъ г-жи Семеновой теперь, на короткое время, не сдѣлаетъ ни Московскому театру, ни ей самой пользы и, правду сказать, соединенъ будетъ съ большимъ затрудненіемъ для нея и для театра». Такихъ затрудненій привелъ Майковъ пять: во 1-хъ, наличность въ репертуарѣ Семеновой пьесъ, не игранныхъ въ Москвѣ, а «при ежедневномъ назначеніи спектаклей и каждонедѣльныхъ бенефисахъ», неизбѣжность того, что половина срока командировки потребуется на разучиваніе ролей и приготовленіе декорацій; во 2-хъ, некому въ Москвѣ играть трагедій—Мочаловъ потерялъ голосъ и осипъ, а замѣнить его некѣмъ; въ 3-хъ, срокъ командировки очень короткій, пріѣздъ Семеновой неожиданный, а потому ей придется съиграть всего семь спектаклей, что не окупитъ связанный съ ея командировкой расходъ Московской конторы около 3.000 рублей; въ 4-хъ, Майковъ привелъ принципіальное соображеніе о вредѣ гастролей, справедливое, между прочимъ, и «до сего дня», а именно: «нельзя скрыть отъ Вашего Сіятельства, что появленіе г-жи Семеновой на здѣшнемъ театрѣ, такъ сказать, разлакомитъ только публику и съ отъѣздомъ ея будетъ имѣть невыгодное вліяніе на наши спектакли, въ коихъ ослабятся доходы въ такое время, въ которое должно бы болѣе всего ожидать оныхъ»; въ 5-хъ, приводилъ Майковъ то, что «для самой г-жи Семеновой нѣтъ никакой выгоды быть здѣсь въ концѣ

[315]) Ibid. Дѣло 1820 г., № 22.
[316]) Ibid. Дѣло 1818 г., № 104.

сентября и октябрѣ мѣсяцахъ, ибо никогда не бываетъ городъ малолюднѣе этого времени. Купечество развлечено ярманками, кои большею частью бываютъ по осенямъ въ разныхъ мѣстахъ. Дворянство, сколько по распутицѣ, столько же и для учрежденія дѣлъ, послѣ сбора хлѣба остается до перваго пути въ деревняхъ. Самая грязь въ городѣ и дороговизна извозчиковъ дѣлаетъ, что въ театрѣ собирается людей менѣе». Майковъ признавалъ болѣе удобнымъ командировать Семенову на время послѣ поста, но кн. Тюфякинъ, какъ бы соглашавшійся съ резонами Майкова, не нашелъ однако нужнымъ проявить настойчивость по отношенію Семеновой, которая, ссылаясь на то, что уже уложилась, выѣхала въ Москву. Гастроли ея состоялись, повидимому, съ успѣхомъ для нея. Распутица задержала ее въ Москвѣ до 5-го ноября и Семенова, въ соотвѣтствіе желанія публики и Генералъ-губернатора, дала даже одинъ лишній спектакль.

Необходимость разнообразить репертуаръ приглашеніемъ гастролеровъ съ Петербургской Императорской сцены, въ особенности въ глухое время сезона, признавалась и самой Московской Дирекціей. Такъ напримѣръ, 3-го іюля 1822 года[317]) состоялось первое представленіе «извѣстнаго своимъ талантомъ», актера г. Сосницкаго. Шли три одноактныя пьесы: комедіи «Говорунъ», «Воздушные замки» и водевиль «Пурсоньякъ Фалалей». Сосницкій игралъ во всѣхъ 3 пьесахъ и исполнялъ послѣдовательно роли: графа Звонова, Альнаскарова и Хрустилина.

Вскорѣ послѣ открытія спектаклей въ домѣ Пашкова закончилась двѣнадцатилѣтняя, полезная для Московскаго театра, дѣятельность Аполлона Александровича Майкова. Перемѣны въ правящемъ театральномъ центрѣ, въ Петербургѣ, отвлекли туда Майкова и Московскій театръ сталъ для него отрѣзаннымъ ломтѳмъ. Но положенные Майковымъ за двѣнадцать лѣтъ труды, энергія и выдѣляющійся административно-хозяйственный талантъ дѣлаютъ его имя незабвеннымъ для Императорскаго Московскаго театра, который, можно смѣло сказать, главнымъ образомъ благодаря Майкову, пустилъ прочные, на цѣлое столѣтіе жизнеспособные корни въ Первопрестольной.

На долю Майкова выпало проведеніе въ жизнь перваго полнаго и систематичнаго театральнаго законодательства 1809 года. Только благодаря Майкову Московскій театръ возродился, послѣ тяжкой годины Отечественной войны. Наконецъ, благодаря лишь изумительной настойчивости и хозяйственной изворотливости Майкова, удалось Московскому театру обезпечить себѣ въ 1818 году удовлетворительную сцену въ зданіи Пашковскаго театра.

[317]) «Моск. Вѣд.» 1822 г., 1-го іюля № 52.

Московскій театръ, подъ управленіемъ Майкова, благодаря цѣлому ряду исключительно неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, какъ-то: разгрому Москвы французами, разсѣянію артистовъ и стѣсненію въ финансахъ, не успѣлъ конечно завоевать высокой художественной репутаціи. Но въ хозяйственномъ отношеніи Майковская эпоха является единственной въ исторіи Императорскаго Московскаго театра. Это безпримѣрная эпоха, незнающая дефицитовъ! Московскій театръ, подъ управленіемъ А. А. Майкова, ежегодно давалъ болѣе или менѣе крупные денежные остатки и, не смотря на всѣ невзгоды, собственными средствами, безъ всякихъ постороннихъ пособій оплатилъ крупные расходы по постройкѣ и устройству трехъ, солидныхъ по тому времени, театровъ: Арбатскаго, Апраксинскаго и Пашковскаго.

Глава 5-я.

Кокошкинская эпоха

(отъ 1822 г. до 1826 г.).

Съ 1819 г. послѣдовалъ рядъ перемѣнъ въ высшемъ театральномъ управленіи. Замѣнившій Нарышкина кн. Тюфякинъ въ 1821 г. отправился въ Парижъ для формированія въ Петербургѣ французской труппы. Исправленіе обязанностей Директора было возложено временно на А. А. Майкова, который уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ 22-го іюня 1821 г. При командировкѣ Майкова въ Петербургъ, ему назначены были квартирныя деньги—2.000 р. въ годъ. Уѣзжая изъ Москвы, Майковъ сдалъ управленіе Московскими театрами своему помощнику с. с. Сухопрудскому, съ передачей ему и наличной казны: ассигнаціями 2.630 р., серебромъ 55 р. 95 к. и мѣдью 9 р. 20 к., кромѣ того два билета на храненіе въ Опекунскомъ совѣтѣ 66.665 р. и билетъ сохранной казны въ 3.705 р. 78 к.—капиталъ малолѣтнихъ дѣтей актера Кондакова. Надо замѣтить, что въ деньгахъ, сданныхъ ассигнаціями, значились на 300 р. рублей фальшивыя, отосланныя въ Казначейство [318]).

«Les absents ont toujours tort». Эта пословица блестящимъ образомъ оправдалась на судьбѣ кн. Тюфякина, съ отъѣздомъ котораго за границу забыты были его заслуги. Майковъ и кн. Шаховской, издавна не ладившій съ кн. Тюфякинымъ, воспользовались хорошимъ къ нимъ отношеніемъ С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора гр. Милорадовича и съумѣли довести до свѣдѣнія Государя о дурномъ состояніи Петербургской театральной школы. Графу Милорадовичу, вмѣстѣ съ Начальникомъ Главнаго Штаба княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ

---

[318]) Общ. Арх. М. Имп. Дв. Д. И. Т. Дѣло 1821 г. № 24.

была поручена внезапная ревизія училища. Быстрымъ результатомъ ревизіи [319]) было всеподданнѣйшее донесеніе о безпорядкахъ въ школѣ и слѣдующій Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату отъ 24-го октября 1821 г. [320]): «Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Майкову Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть въ должности Директора надъ театральными зрѣлищами и музыкою, а Гофмейстера князя Тюфякина увольняемъ вовсе отъ управленія театрами».

Не малую роль въ интригѣ, для устраненія князя Тюфякина, сыграла дача барона Раля въ Екатерингофѣ. На этой дачѣ жилъ лѣтомъ кн. Шаховской, бывшій тогда уже въ отставкѣ, но сохранившій вліяніе въ театральныхъ сферахъ. На той же дачѣ помѣщались лучшія ученицы театральной Школы и между ними танцовщицы Телешова и Азаревичева, принадлежавшія, по словамъ Р. Зотова [321]), къ семейству Майкова и кн. Шаховского, а также танцовщица Зубова. Графу Милорадовичу, большому любителю искусства, очень нравилась обстановка жизни на этой дачѣ, въ особенности же привлекала его молоденькая Зубова и онъ ежедневно посѣщалъ дачу барона Раля, гдѣ пріятно проводилъ время, часто видаясь съ кн. Шаховскимъ и съ Майковымъ.

Съ увольненіемъ кн. Тюфякина упразднено было званіе Главнаго Директора, которымъ пользовались всего два лица: А. Л. Нарышкинъ и кн. П. И. Тюфякинъ. А. А. Майковъ именовался просто въ должности Директора театровъ. Онъ не имѣлъ даже казенной квартиры, а помѣщался въ двухъ комнатахъ въ Большемъ театрѣ. Вообще положеніе новаго Директора, А. А. Майкова, было не самостоятельное, неопредѣленное и носило характеръ временнаго. Театральными дѣлами фактически, а вскорѣ и юридически, стали заправлять гр. Милорадовичъ и кн. Шаховской. 14-го апрѣля 1822 г. [322]) членомъ Комитета по театральнымъ дѣламъ, вмѣсто министра финансовъ, назначенъ былъ шталмейстеръ кн. В. В. Долгоруковъ, а Майковъ вошелъ въ Комитетъ лишь черезъ годъ послѣ него.

Комитетъ этотъ просуществовалъ не долго. Вскорѣ по вступленіи своемъ въ управленіе театрами А. А. Майковъ, какъ разсказываетъ Р. Зотовъ [323]), сдѣлалъ представленіе о томъ, «что получаемыми на содержаніе Дирекціи суммами нельзя содержать театровъ въ приличномъ видѣ, что вообще вся система управленія имѣетъ много недостатковъ». 23-го августа 1823 г. съ представленіемъ этимъ согласился

---

319) Р. Зотовъ. Театральныя воспоминанія, стр. 55.
320) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 303.
321) Р. Зотовъ. Театральныя воспоминанія, стр. 60—64.
322) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 303.
323) Р. Зотовъ. Театральныя воспоминанія, стр. 55.

Комитетъ, а къ мнѣнію Комитета присоединился и Военный Генералъ Губернаторъ гр. Милорадовичъ. Вслѣдствіе этого, 22-го февраля 1824 года [324]), состоялось Высочайшее повелѣніе, объ явленное Комитету Министровъ гр. Аракчеевымъ, объ образованіи особаго Комитета изъ 4-хъ лицъ: С.-Петербургскаго и Московскаго Генералъ-Губернаторовъ, Шталмейстера кн. Долгорукова и т. с. гр. Кутайсова. На новый Комитетъ возложено: «вникнуть подробно въ образъ нынѣшняго управленія театрами, сообразить доходы и расходы Дирекціи съ мѣрою необходимости и составить на будущее время постоянное положеніе объ управленіи театрами». Того же 22-го февраля 1824 года состоялось Высочайшее повелѣніе о закрытіи прежняго Комитета по дѣламъ театральнымъ. При этомъ, страннымъ образомъ, Комитетъ Министровъ сохранилъ свою роль высшей инстанціи по театральнымъ дѣламъ. Московскій Генералъ-Губернаторъ вошелъ членомъ Комитета, повидимому, лишь номинально, фактически же не принималъ участія въ его работахъ. Впрочемъ вообще, какъ увидимъ далѣе, дѣятельность новаго Комитета 1824 года имѣла отношеніе по преимуществу къ Петербургскимъ театрамъ и мало касалась Московскихъ.

Уже съ 1816 г., часто возникавшія неудовольствія Московскаго Генералъ-Губернатора и нѣкоторой части Московской публики, въ особенности, на бѣдность репертуарной части и отсутствіе иностраннаго театра, вызывали нареканія на Московскую Дирекцію, самостоятельность которой, по отношенію къ Московскому Генералъ-Губернатору, признавалась однимъ изъ тормазовъ хорошей постановки театральнаго дѣла въ Москвѣ. Мысль о подчиненіи театра Главному Начальнику г. Москвы имѣла многихъ сторонниковъ и пользовалась, повидимому, большой живучестью. Еще въ 1818 г., одновременно съ отклоненіемъ представленія Московскаго Генералъ-Губернатора объ открытіи въ Москвѣ частной французской труппы, Комитетъ по театральнымъ дѣламъ отклонилъ также, поданный Государю д. т. с. кн. Юсуповымъ, проектъ отдѣленія Московскаго театра отъ Петербургской Дирекціи. А. Л. Нарышкинъ энергично отстаивалъ существовавшій порядокъ, указывая на то, что 1-е) польза соединенія Дирекцій подтверждена восьмилѣтнимъ опытомъ, при которомъ не только выплачены долги Московской Дирекціи, но и получены нѣкоторые остатки въ суммахъ; 2-е) при соединенномъ управленіи, остатки по бюджету одного театра могутъ быть обращаемы на покрытіе передержекъ по другому; 3-е) Московскій театръ, безъ помощи Петербургскихъ, не можетъ имѣть хорошихъ артистовъ, комплектъ которыхъ пополняется Петербургской театральной школой; 4-е) съ отдѣленіемъ отъ Петербургской Дирекціи Московскій театръ «въ необходимости будетъ обогащать себя артистами не иначе, какъ на счетъ С.-Петербургскаго, приманивая

[324]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 304.

ихъ особыми выгодами» и 5-е) предполагаемый къ постройкѣ въ Москвѣ театръ дастъ возможность передвинуть туда и итальянскую оперу и, вообще, Дирекція, «перемѣщая труппы сіи по временамъ, изъ одной столицы въ другую и тѣмъ возбуждая любопытство зрителей, можетъ пріобрѣтать выгоды для обоихъ театровъ». Комитетъ согласился съ мнѣніемъ Нарышкина и Государь 25-го января 1818 г. [325]) утвердилъ заключеніе Комитета; такимъ образомъ на этотъ разъ мысль кн. Юсупова не получила осуществленія.

Но это была только отсрочка. Съ удаленіемъ Нарышкина и кн. Тюфякина и съ переводомъ Майкова въ Петербургъ, не осталось компетентныхъ лицъ, для защиты существовавшей организаціи и, наконецъ, заброшенное положеніе Московскаго театра привело къ тому, что 4-го ноября 1822 г., по представленію Комитета по театральнымъ дѣламъ и Комитета Министровъ, Высочайшимъ повелѣніемъ, Московскій театръ былъ отдѣленъ отъ Петербургскаго управленія и подчиненъ главному начальству Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Высочайшій указъ по этому предмету объявленъ былъ Сенату Директоромъ театральныхъ зрѣлищъ Майковымъ лишь 5-го января 1823 года [326]). Мотивомъ отдѣленія Московскихъ театровъ отъ Петербургской Дирекціи Комитетъ Министровъ выставлялъ «отвращеніе неудобствъ, встрѣчавшихся въ дѣйствіяхъ Московскаго театра, который и средствами и мѣстными обстоятельствами разнится отъ С.-Петербургскаго театра».

Значеніе Генералъ-Губернатора въ Московскихъ театральныхъ дѣлахъ признавалось еще, какъ мы видѣли, и раньше и всячески оттѣнялось въ интересахъ самого дѣла. Такъ напримѣръ въ 1820 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о предоставленіи Московскому Генералъ-Губернатору права входа съ семействомъ въ боковую царскую ложу [327]).

Вопросъ объ отдѣленіи Московской Дирекціи отъ Петербургской повидимому назрѣлъ еще съ весны 1822 г. 9-го іюня 1822 года [328]) Комитетъ по дѣламъ теа-

[325]) Общ. Арх. М. Имп. Дв. Дир. Т. Дѣло 1817 г. № 108.

[326]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 304.

[327]) Кстати замѣтить, что вопросъ о безплатныхъ мѣстахъ въ театрахъ въ Петербургѣ, а по аналогіи и въ Москвѣ, былъ регулированъ еще ранѣе, а именно: 21-го іюля 1816 г. было Высочайше утвеждено положеніе Комитета по театральнымъ дѣламъ, устанавливающее списокъ лицъ, коимъ предоставлено право на «безденежное» пользованіе мѣстами въ театрахъ, а именно: три ложи—для Гл. Директора, для Главнокомандующаго и для актеровъ и шесть креселъ: Гл. Директору, Вице-Директору, Главнокомандующему, Коменданту, Оберъ-Полиціймейстеру и дежурному доктору, а 4-го августа 1816 г. списокъ этотъ дополненъ кресломъ для цензора министерства Полиціи. (Арх. Спб. Конторы И. Т. Сборникъ Выс. пов. кн. 1, стр. 545).

[328]) Общ. Арх. М. Имп. Дв. Контроль М-ва. Дѣло 1827 г. № 758.

тральнымъ выработалъ уже слѣдующій проектъ «Постановленія для Дирекціи Московскаго театра», подписанный кн. В. Долгоруковымъ, А. Майковымъ и В. Марченко и представленный на разсмотрѣніе Комитета Министровъ.

«Императорскій Московскій театръ для возведенія онаго на желаемую степень совершенства отдѣляется отъ зависимости С.-Петербургскаго на слѣдующемъ основаніи.

1) Отдѣленіе таковое со всѣми чиновниками и артистами, при Московскомъ театрѣ служащими, а равно со школою и съ имѣющимся нынѣ въономъ наличными денежными суммами и другимъ капиталомъ совершится вмѣстѣ съ полученіемъ въ Москвѣ сего постановленія.

2) Послѣ того, управленіе Московскаго театра пріемлетъ уже наименованіе: Дирекціи Императорскаго Московскаго театра.

3) Дирекція сія совершенно подчиняется главному начальству Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора. Ему предоставляется власть, присвоенная по Высочайше конфирмованному о Дирекціи театральной постановленію Главному Директору оной.

4) Въ Управленіи Императорскаго Московскаго театра руководствоваться правилами, изложенными въ Высочайше конфирмованномъ 28-го декабря 1809 г. положеніи, съ тою токмо отмѣною, что Контора Московскаго театра со всѣми представленіями обращается къ Московскому Военному Генералъ-Губернатору и отъ одного его пріемлетъ разрѣшенія и приказанія.

5) Въ слѣдствіе сего и годовой отчетъ по Московскому театру представляетъ Его Императорскому Величеству сообразно, § 28 постановленія Дирекціи театральною, Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, яко лице, замѣняющее собою Главнаго Директора, коего и обязанности, въ упомянутомъ постановленіи изложенныя, переходятъ уже отнынѣ къ Военному Генералъ-Губернатору.

6) На содержаніе театра будетъ производиться, какъ и доселѣ, отъ казны по сто сорока тысячъ рублей въ годъ, вдобавокъ къ собственнымъ доходамъ театра.

7) Присутствіе Конторы Московскаго театра, вмѣсто положенныхъ по штату: Управляющаго и двухъ его помощниковъ, для соблюденія на основаніи коренныхъ постановленій необходимаго перевѣса въ голосахъ, составлять будутъ три члена: старшій по части хозяйственной—статскій совѣтникъ Сухопрудскій, другой по репертуарной части назначается, служившій предъ симъ въ Дирекціи, коллежскій совѣтникъ Кокошкинъ, а третій, по учебной части—коллежскій совѣтникъ Арсеньевъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ употребляемъ быть можетъ Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ и для особенныхъ по театральному вѣдѣнію порученій.

8) Все то, что по положенію 1809 года входило въ обязанность и отвѣтственность Управляющаго Московскимъ театромъ, предоставляется отнынѣ общему присутствію Конторы.

9) При несогласіи члена съ мнѣніемъ прочихъ двухъ, когда онъ убѣждается въ невыгодѣ сего мнѣнія для Дирекціи, предоставляется таковому члену право войти съ представленіемъ къ Военному Генералъ-Губернатору, какъ въ семъ случаѣ, такъ и въ отмѣну общаго Конторы мнѣнія производится и исполняется по 16 § Постановленія Дирекціи театральной, Высочайше конфирмованнаго въ 28-й день декабря 1809 года.

10) Каждому изъ трехъ членовъ Конторы производится жалованье ровное, т. е. по 1.500 р. въ годъ. А назначеніе квартирныхъ и экипажныхъ денегъ тѣмъ изъ нихъ, кто еще не имѣетъ, зависитъ отъ Военнаго Генералъ-Губернатора.

11) Всѣ суммы по Московскому театру состоятъ въ распоряженіи Конторы; но сверхъ-штатные расходы производитъ она не иначе, какъ съ письменнаго разрѣшенія Военнаго Генералъ-Губернатора. Бывъ мѣстнымъ начальникомъ, онъ озаботится пользою и усовершенствованіемъ театра столько же, сколько и наблюденіемъ, чтобы расходы по оному не превышали прихода и чтобы Дирекція не входила въ долги.

12) Въ семъ намѣреніи дозволяется Военному Генералъ-Губернатору опредѣлять, по собственному его усмотрѣнію, приличное содержаніе чиновникамъ Дирекціи и артистамъ свыше штатнаго положенія; опредѣлять, по примѣру С.-Петербургскаго театра, одного помощника члену по репертуарной части, а буде нужно, то и двухъ; принимать на Императорскій Московскій театръ иностранныя труппы (не присвоивъ имъ, однако, права на пенсіоны), словомъ, распоряжаться суммами театра на пользу онаго, не испрашивая дальнѣйшихъ разрѣшеній, но имѣя токмо въ предметѣ общее правило, въ предыдущей статьѣ изъясненное.

13) Члены въ Московскую Контору опредѣляются, по избранію Военнаго Генералъ-Губернатора, съ Высочайшаго утвержденія; прочіе же чиновники, по избранію членовъ, до части котораго что принадлежитъ, утверждаются Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ.

14) Артисты, при Московскомъ театрѣ служащіе (кромѣ иностранныхъ труппъ), пользуются пенсіонами на основаніи изображенныхъ въ Высочайше конфирмованномъ 28-го декабря 1809 года Постановленіи театральной Дирекціи и 25-го августа 1817 года дополнительныхъ о пенсіонахъ артистамъ правилахъ.

15) Артисты съ Московскаго театра на С.-Петербургскій и взаимно не могутъ быть иначе переводимы, какъ съ обоюднаго согласія той и другой Дирекціи.

16) Артиста, уволеннаго отъ службы изъ одного театра, хотя не воспрещается принять на другой, но при семъ случаѣ, для соблюденія взаимныхъ выгодъ обоихъ Дирекцій, постановляется правило, чтобы та Дирекція, которая приметъ къ себѣ таковаго артиста, безъ предварительнаго на то согласія обоихъ мѣстъ, отнюдь не имѣла права причислять лѣта службы, проведенные имъ прежде при другомъ театрѣ, къ числу годовъ, дающихъ право на пенсіонъ.

17) При обязанности обоихъ Дирекцій сообщать взаимно новыя произведенія по разнымъ отраслямъ театра, дозволяется артистамъ переѣзжать временно съ одного театра на другой, въ то время года, когда по предварительному между Дирекціями сношенію, найдетъ одинъ театръ возможнымъ и выгоднымъ отпустить артиста на другой.

18) Числящійся на Московскомъ театрѣ разнаго званія людямъ долгъ прежняго времени, коего, за уплатой большей части изъ доходовъ того театра, остается нынѣ 20.911 р. 7 1/4 к., обязана выплатить Дирекція Московскаго театра какъ изъ наличныхъ своихъ суммъ по отчету за 1821 г. показанныхъ, такъ равно изъ денегъ, слѣдуемыхъ ей отъ Коммиссіи строеній въ Москвѣ за матеріалы, забранные отъ погорѣлыхъ зданій, Дирекціи принадлежавшихъ».

Комитетъ Министровъ, въ засѣданіи 25-го іюля 1822 года, заслушавъ этотъ проектъ, съ своей стороны высказалъ такія предположенія:

«1) Дабы облегчить сколько возможно Московскаго Генералъ-Губернатора въ занятіяхъ его по Московскому театру, для того опредѣлить для управленія симъ театромъ особаго Директора, по избранію Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, которому предоставить главное надъ Московскою Дирекціею начальство.

2) Присутствіе Конторы составить изъ сего Директора, совокупно съ двумя членами по хозяйственной и репертуарной части, которыхъ избраніе также возложить на Военнаго Генералъ-Губернатора.

3) Прочія за тѣмъ предположенія по Театральнаго Комитету утвердить и

4) На все сіе испросить Высочайшее соизволеніе».

За тѣмъ, въ засѣданіи 4-го ноября 1822 г., Комитету Министровъ было объявлено, «что Государь Императоръ на положеніе Комитета Высочайше соизволиваетъ».

Такимъ образомъ Постановленіе Театральнаго Комитета 9-го іюня, съ измѣненіями, внесенными въ него Комитетомъ Министровъ 25-го іюля 1822 г., явилось учредительнымъ актомъ самостоятельной Московской Дирекціи Императорскихъ театровъ.

Съ отдѣленіемъ отъ Петербургской Дирекціи возстановлена была должность

Директора Императорскаго Московскаго театра, которымъ былъ назначенъ Камергеръ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ. Кокошкинъ является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ въ ряду театральныхъ администраторовъ. Кончивъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ служилъ въ гвардіи, затѣмъ былъ губернскимъ прокуроромъ въ Москвѣ. Еще ранѣе онъ заявилъ свою дѣятельность въ театральномъ вѣдомствѣ [329]). Съ марта 1817 г. н. с. Кокошкинъ, по представленію кн. Тюфякина, былъ назначенъ третьимъ помощникомъ Управляющаго Московскимъ театромъ, согласно ходатайству А. А. Майкова, объ опредѣленіи Кокошкина «помощникомъ вообще по ученой части и чтобъ завѣдывалъ образованіемъ Школы». Майковъ признавалъ это назначеніе особенно важнымъ, ввиду возможности возобновленія большого Петровскаго театра. Въ мартѣ 1818 г. Кокошкинъ былъ представленъ къ наградѣ Майковымъ за то, что «онъ въ короткое время обнаружилъ успѣхи своихъ стараній въ школѣ и представилъ нѣкоторые плоды оныхъ». Представленіе было уважено и Кокошкинъ пожалованъ чиномъ Коллежскаго Совѣтника. Въ іюлѣ 1819 г., за увольненіемъ кн. Шаховского, кн. Тюфякинъ представилъ Кокошкина къ назначенію на его мѣсто членомъ Конторы по репертуарной части. Кокошкинъ уклонялся подъ предлогомъ болѣзни и не хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ. Тѣмъ не менѣе назначеніе состоялось, но не надолго. Въ январѣ 1821 г. Кокошкинъ оставилъ службу, на его мѣсто въ Петербургѣ былъ назначенъ с. с. Волковъ. Въ Москвѣ же, въ качествѣ помощника по ученой части, съ 25-го апрѣля 1819 г. замѣстилъ Кокошкина отставной поручикъ А. К. Глѣбовъ.

Кокошкинъ съ 1806 г. занимался литературой, его перу принадлежитъ переводъ «Мизантропа» Мольера, и рядъ патріотическихъ стихотвореній. Впослѣдствіи, съ 1827 года по 1830 г., онъ состоялъ предсѣдателемъ Общества любителей русской словесности. На литературные вечера Кокошкина собирались выдающіяся литературныя силы того времени: Пушкинъ, Мерзляковъ, Загоскинъ, Шевыревъ, Погодинъ. Кокошкинымъ поощрены первые литературные шаги Н. Ф. Павлова, С. Т. Аксакова и Ѳ. А. Кони. Богатый человѣкъ, самъ большой театралъ и недурной актеръ, Кокошкинъ жилъ открыто и привлекалъ къ себѣ людей хлѣбосольствомъ и радушіемъ. Кромѣ того, Кокошкинъ обладалъ особенною способностью разыскивать талантливыхъ сценическихъ дѣятелей и Московскій театръ обязанъ Кокошкину [330]), какъ Директору его, приглашеніемъ многихъ выдающихся сценическихъ дѣятелей. Талантливую актрису Львову-Синецкую онъ выписалъ изъ Рязани, а для ангажемента М. С. Щепкина

[329]) Общ. Арх. М. Имп. Дв. Дѣли: 1817 г. №№ 11 и 28, 1818 г. № 55 и 1819 г. № 134.

[330]) М. Михайловскій. Юбилей Большого Моск. т. Ежегодникъ И. Т. изд. 1899—1900 гг. страница 224.

спеціально командировалъ въ провинцію М. Н. Загоскина. При Кокошкинѣ приняты на сцену актеры: Максинъ, Афонасьевъ, Лавровъ, пѣвецъ Бантышевъ, Ленскій, Рязанцевъ; Кокошкинъ же выписалъ изъ Парижа танцовщика Ришаръ и танцовщицу Гюлень-Соръ. Кокошкинъ увеличилъ также сравнительно бѣдный тогда составъ балета—покупкой у помѣщика Ржевскаго его труппы крѣпостныхъ балетныхъ артистовъ.

Кокошкинъ отличался оригинальной внѣшностью. Будучи маленькаго роста, съ большой головой, онъ румянился, носилъ рыжій парикъ, длинные чулки, башмаки съ пряжками и черную атласную culotte courte. Съ внѣшней стороны онъ казался очень важнымъ, исполненнымъ самодовольства и напыщенности, въ дѣйствительности же былъ очень доступенъ, въ особенности для артистовъ и учениковъ театральной школы, которые запросто приходили къ нему на квартиру, на Воздвиженкѣ. Въ сценическомъ дѣлѣ особое вниманіе онъ обращалъ на тщательность постановки пьесъ, усердно посѣщалъ репетиціи и иногда цѣлыя ночи проводилъ въ театрѣ за распоряженіемъ по монтировкѣ [331]).

Ѳ. А. Кони, въ своей біографіи русскаго пѣвца и актера Николая Владиміровича Лаврова [332]), такъ пишетъ между прочимъ по поводу Ѳ. Ѳ. Кокошкина: «Я думаю въ цѣломъ мірѣ нѣтъ управленія труднѣе, многосложнѣе, замысловатѣе управленія большимъ театромъ. Кулисы имѣютъ свою политику, свою финансовую систему, свою дипломатику, свои интриги, интрижки, свои бюджеты и компликаціи, которыя гораздо запутаннѣе веревокъ, колесъ и проволокъ надъ и подъ сценою. Хорошій директоръ театра стòитъ добраго министра. Его изученію и управленію подлежатъ и внутренняя и внѣшняя часть театра: артисты и публика. Онъ долженъ проникнуть во всю глубину своего мишурнаго царства, постичь вполнѣ свою картонную и холстинную природу и совершенно освоиться съ характеромъ, потребностью и направленіемъ зрителей, пишущихъ, дѣйствующихъ, поющихъ, играющихъ и даже предстоящихъ людей. Это не шутка! Для этого человѣку нужны только: сила душевная, долготерпѣнье камня, проницательность базилиска, предвидѣніе календаря, заботливость крота, трудолюбіе пчелы, крѣпость дуба, расторопность кузнечика и любовь къ искусству чуть ли не безумная. Словомъ: хорошій директоръ театра долженъ вмѣщать въ себѣ всѣ добродѣтели животнаго, растительнаго и бездушнаго царства. Вотъ почему въ цѣломъ мірѣ считаютъ такъ мало хорошихъ директоровъ. Къ этому малому числу однакожъ безспорно принадлежалъ нашъ незабвенный Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ, Директоръ Московскаго театра, драма-

[331]) М. Пылаевъ. Старая Москва, стр. 304.
[332]) «Пантеонъ» 1840 г., № 6, стр. 73.

тическій писатель, славный актеръ и чтецъ, любитель и знатокъ искусства, артистъ въ душѣ, умный баринъ и благороднѣйшій человѣкъ. Въ нынѣшнее 20-лѣтіе ничего не было и нѣтъ, истинно прекраснаго и прикосновеннаго къ Московскому театру, съ чѣмъ бы тѣсно не связывалась память о Кокошкинѣ, чтобы не было произведеніемъ или плодомъ его заботъ, его ума и любви къ искусству. Заговорите ли вы о Щепкинѣ, Рязанцевѣ, Мочаловѣ, Сабуровѣ, Живокини, Львовой-Синецкой, Рѣпиной, Верстовскомъ, Писаревѣ, Ротчевѣ, Павловой; и словомъ обо всякомъ талантѣ, значительномъ, развившемся въ Москвѣ, при, или на театрѣ—вы должны непремѣнно начать ab ovo, т. е. съ Ѳ. Ѳ. Кокошкина, ибо онъ или отыскалъ и отличилъ ихъ въ толпѣ, или образовалъ совѣтомъ и одобреніемъ, или побудилъ ихъ къ труду и творчеству».

Со вступленіемъ въ должность Директора Московскихъ театровъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина, помощникомъ его по хозяйственной части былъ назначенъ М. Н. Загоскинъ, авторъ романа «Юрій Милославскій». Загоскинъ, еще въ 1817 году, изъ подпоручиковъ первой сводной дружины С.-Петербургскаго ополченія поступилъ помощникомъ члена по репертуарной части конторы Дирекціи въ С.-Петербургѣ. Начальникомъ репертуарной части въ Москвѣ состоялъ Арсеньевъ, весьма образованный человѣкъ и большой знатокъ греческой литературы. Обязанности директора музыки исправлялъ извѣстный впослѣдствіи композиторъ Верстовскій. Одинъ перечень этихъ именъ показываетъ, что Московскій театръ, съ отдѣленіемъ отъ Петербургской Дирекціи, на первое время попалъ въ хорошія руки людей, искренно преданныхъ искусству и эпоха Кокошкина имѣетъ полное основаніе считаться золотымъ періодомъ Московскаго театра.

Несомнѣнно, что Кокошкинъ находилъ сочувствіе своимъ мѣропріятіямъ и и дѣятельности со стороны Главнаго начальника Московскаго театра—Военнаго Генералъ-губернатора кн. Дмитрія Владиміровича Голицына, иначе трудно было бы объяснить ту быстроту, съ которой удалось Кокошкину улучшить обстановку дѣятельности Московскихъ театровъ.

По отзыву современниковъ, свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ обладалъ рѣдкими душевными качествами. Будучи знатокомъ и большимъ любителемъ театра, онъ пользовался своимъ значеніемъ при Императорѣ Александрѣ I, въ интересахъ ввѣреннаго главному его управленію художественнаго учрежденія. «Московскій театръ [333]) главнѣйше обязанъ ему за значительные способы, которые князь исходатайствовалъ отъ Высочайшихъ щедротъ на его улучшеніе, зданіе большого Петровскаго театра возрождено при немъ до основанія, первые артисты балетной труппы

[333]) «Репертуаръ и Пантеонъ» 1845 г., № 10, смѣсь, стр. 253.

выписаны изъ Парижа и балетъ московскій приведенъ на степень совершенства; французскій спектакль также устроенъ его попеченіемъ. Русскіе артисты преимущественно были всегда ободрены имъ и состояли подъ его покровительствомъ».

Гостепріимный, радушный и доброжелательный князь Голицынъ пользовался любовью московскаго общества и въ частности артистовъ театра. Какъ характеристику отношеній къ нему Москвы, можно привести слѣдующій фактъ: день своего рожденія, 29-го октября, князь всегда проводилъ въ любимомъ своемъ имѣніи Рожественѣ селѣ, находившемся въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы и получалъ въ этотъ день массу поздравленій и привѣтствій отъ преданныхъ ему москвичей. Къ этому дню Москва заблаговременно готовилась. Между прочимъ, на 29-е октября 1827 года М. Н. Загоскинъ написалъ въ нѣсколько часовъ небольшую пьесу «Репетиція на станціи или доброму служить сердце лежитъ», «аналогичный», какъ онъ его назвалъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи [334]). Куплеты къ водевилю сочинены были А. И. Писаревымъ, а музыка къ нимъ написана А. Н. Верстовскимъ. Пьеса была исполнена сюрпризомъ, въ билліардной комнатѣ усадьбы села Рожествена. Исполнителями явились отчасти любители изъ общества, отчасти же первоклассные московскіе артисты: М. С. Щепкинъ, Рязанцевъ, Сабуровъ и Кубишта. Оригинальнымъ являлось то, что всѣ дѣйствующія лица носили собственныя имена исполнителей. Дѣйствіе пьесы переносилось авторомъ на вторую станцію отъ Москвы, по дорогѣ въ Петербургъ, на Солнечную гору, откуда былъ поворотъ въ имѣніе князя «Рожествено». Пьеса имѣла большой успѣхъ, всѣ куплеты, относившіеся къ новорожденному, были нѣсколько разъ повторены. Жаркія рукоплесканія вызвалъ довольно наивный куплетъ, спѣтый актеромъ Щепкинымъ отъ его имени [335]):

«Всѣ мы готовы съ восхищеніемъ
Тому начальнику служить,
Кто просвѣщеннымъ управленіемъ
Умѣлъ театръ возстановить.
Изъ рукъ его благотворенье
Москвѣ и намъ всегда лились,
И князю сдѣлать угожденье—
Вотъ самый лучшій бенефисъ».

Впослѣдствіи, «все высшее общество, пишетъ П. Араповъ, желало видѣть повтореніе «Репетиціи на станціи» и Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ устроилъ его въ своемъ домѣ

[334]) Изданъ П. Н. Араповымъ отдѣльной книжкой съ его предисловіемъ, въ Москвѣ, въ 1845 г.
[335]) «Репертуаръ и Пантеонъ» 1845 г., № 10, стр. 255.

въ Москвѣ, въ томъ самомъ составѣ, который исполнялъ эту пьесу въ селѣ Рожественѣ 29-го октября 1827 года.

Князь Голицынъ, вступивъ въ управленіе Московской Дирекціей, сразу взялъ крупный масштабъ и задался цѣлью поставить Московскій театръ на уровень Петербургскихъ. Скромное пользованіе однимъ театромъ не отвѣчало широкимъ планамъ кн. Голицына и онъ тотчасъ же намѣтилъ постройку двухъ театральныхъ зданій, для чего, помимо возстановленія зданія бывшаго Петровскаго театра, рѣшилъ нанять еще домъ Варгина, для устройства Малаго театра. Въ предположенія кн. Голицына входило также расширеніе репертуара, заведеніемъ французскаго театра и итальянской оперы. Все это требовало большихъ средствъ. Прежній отпускъ отъ казны, не отвѣчавшій даже скромнымъ потребностямъ Майковской Дирекціи, не могъ удовлетворить новымъ заданіямъ. Всѣ усилія и вліяніе кн. Голицына были направлены на увеличеніе субсидіи Московскому театру. Для исходатайствованія денежнаго отпуска онъ пользовался неоднократными всеподданнѣйшими докладами и своимъ авторитетомъ, непосредственно въ Комитетѣ по театральнымъ дѣламъ, въ числѣ членовъ котораго онъ встрѣчалъ противодѣйствіе, лишь со стороны шталмейстера князя Василія Васильевича Долгорукова. Вопросъ о субсидіи князь Голицынъ связывалъ съ вопросомъ объ установленіи новаго штата Московской Дирекціи. 25-го февраля 1824 года [336]) кн. Голицынъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о необходимости отпуска Московской конторѣ, къ получаемымъ ею ежегодно 140.000 р., еще 160.000 р., при чемъ объяснялъ, что Московская Дирекція, имѣя на плечахъ старый долгъ въ 20.000 рублей, и недостатокъ въ составѣ русской труппы, несетъ большіе расходы на наемъ помѣщеній и на удовлетвореніе служащихъ квартирными деньгами, при «возникшей вообще дороговизнѣ на всѣ предметы», находится въ стѣсненномъ положеніи и требуетъ пособія. Но, уже 14-го мая того же 1824 года [337]), кн. Голицынъ писалъ гр. Милорадовичу, что онъ испрашивалъ годовой отпускъ 160.000 руб., имѣя въ виду положеніе театра въ данное лишь время, но что въ будущемъ, съ постройкой двухъ новыхъ театровъ и съ переводомъ на нихъ спектаклей, дополнительное годовое ассигнованіе потребуется уже въ суммѣ 348.000 руб. Вопросъ объ увеличеніи денежнаго отпуска ставился въ связь съ порученной Комитету разработкой новаго положенія о театрахъ, къ которой было приступлено немедленно.

Не участвуя лично въ трудахъ Комитета, кн. Голицынъ, еще 17-го марта 1824 года [338]), писалъ въ Комитетъ, «что онъ, будучи членомъ сего Комитета, обязанъ

[336]) Общ. Арх. М. И. Д. Д. Н. Т. Дѣло 1824 года № 12.
[337]) Ibid.
[338]) Ibid. Журналы Комитета Главной Дирекціи 1824 г. № 1.

участвовать во всѣхъ тѣхъ сужденіяхъ, кои относятся до составленія новаго положенія о управленіи театрами обѣихъ столицъ, а потому и проситъ сей Комитетъ сдѣлать распоряженіе, дабы о постановленіяхъ, какія дѣлаемы будутъ, касательно Московскаго театра, отдѣльно ли объ ономъ, или въ совокупности съ С.-Петербургскими театрами,—доставлено было ему свѣдѣніе, для соображеній его на тотъ конецъ, что можетъ быть въ оныхъ случаяхъ найдетъ онъ необходимымъ представить на разсужденіе сего Комитета свое мнѣніе». Соотвѣтственно желанію кн. Голицына, гр. Милорадовичъ, эстафетой, стоившей между прочимъ 207 р. 8 к., 11-го іюня 1824 года [339]), препроводилъ ему первоначальныя предположенія Комитета, «по предмету новаго образованія управленія С.-Петербургскими театрами», для подписанія, «а если онъ не соглашается съ постановленіями Комитета, въ такомъ случаѣ, чтобы благоволилъ сообщить свое мнѣніе для представленія Его Императорскому Величеству». Вмѣстѣ съ проектомъ, повидимому, была препровождена и инструкція самому Комитету, къ сожалѣнію, не сохранившаяся въ архивѣ. Подписавъ присланныя бумаги, кн. Голицынъ прислалъ гр. Милорадовичу «особое свое мнѣніе исключительно на счетъ Императорскаго Московскаго театра», прося графа внести его въ Комитетъ, «для составленія постояннаго положенія объ управленіи Московскими театрами». Этотъ интересный документъ, рисующій, между прочимъ, первоначальные благіе результаты независимости Московской Дирекціи отъ Петербургской, приводится здѣсь цѣликомъ [340]). Князь Голицынъ писалъ: «Въ качествѣ члена Высочайше учрежденнаго въ С.-Петербургѣ Комитета для составленія постояннаго положенія объ управленіи Императорскими театрами, соглашаясь съ сочленами моими относительно составленнаго ими постановленія для Императорской С.-Петербургской Дирекціи, по близкому ихъ наблюденію надъ общимъ теченіемъ дѣлъ оной, я, по долгу Высочайше ввѣреннаго мнѣ начальства надъ Дирекціей Императорскаго театра въ Москвѣ, опытомъ повѣряя прежнее и настоящее теченіе дѣлъ, по всѣмъ частямъ онаго, и сравнивая бывшее его положеніе съ нынѣшнимъ, обязанъ здѣсь присовокупить мое мнѣніе, въ дополненіе утвержденнаго мною и препровожденнаго къ г. С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору, при отношеніи моемъ отъ 14-го мая мѣсяца 1824 года за № 31, для внесенія въ Комитетъ, проекта о необходимыхъ мѣрахъ: 1) для существованія, 2) для улучшенія и 3) для вѣрнаго постановленія Московскаго Императорскаго театра на прочномъ впредь основаніи».

«При всемъ возможномъ въ краткое время улучшеніи спектаклей, весьма еще сомнительномъ по недостатку средствъ, самое мѣстное положеніе Московскаго

[339]) Ibid. Дѣло 1824 г. № 12.
[340]) Ibid.

Императорскаго театра необходимо требуетъ, по сдѣланному уже отдѣленію онаго отъ С.-Петербургской Дирекціи, особеннаго управленія, по принаровленію штатовъ и правилъ новаго постановленія къ возможностямъ и средствамъ настоящимъ и ожидаемымъ».

«Все внутреннее распоряженіе Императорскаго Московскаго театра, согласно Высочайше утвержденному постановленію, подъ наблюденіемъ мѣстнаго Главнаго начальства, долженствуетъ быть безостановочно производимо конторою здѣшней Дирекціи. Всѣ мѣры, непротивныя постановленію, которыя оною изберутся для улучшенія, усовершенствованія спектаклей и вмѣстѣ для умноженія сборовъ (слѣдовательно служащія къ поставленію Московскаго театра на прочнѣйшемъ основаніи) должны быть утверждаемы мѣстнымъ Главнымъ начальствомъ, а по сему уже и вся отвѣтственность подлежитъ Московской Дирекціи. Выгодность сего отдѣльнаго мѣстнаго управленія очевидно доказывается тѣмъ, что въ прошедшій театральный годъ, по неостановочному разрѣшенію затрудненій и поданіемъ безъ отлагательства возможныхъ способовъ—почти вовсе лишенный средствъ Московскій театръ не токмо не остановился въ своихъ дѣйствіяхъ, но не сдѣлалъ и доселѣ никакихъ долговъ, по возможности улучшивъ спектакли и тѣмъ привлекъ публику, увеличилъ сборы, не смотря на краткость карнавала, сотнею тысячъ рублей болѣе, нежели въ предшествовавшемъ году, когда карнавалъ былъ продолжительнѣе цѣлымъ зимнимъ мѣсяцемъ».

«Само по себѣ разумѣется, что удостоенный званія Директора Императорскаго театра, безъ сомнѣнія избранный по способностямъ и достаточному знанію своего дѣла, и потому заслуживающій довѣренность не токмо начальства, но и самой публики, долженъ быть полный законный распорядитель всего на постановленныхъ правилахъ, къ существенной пользѣ ввѣренной ему части, иначе онъ напрасно и съ явнымъ вредомъ занималъ бы свое мѣсто, а потому полагаю мнѣніемъ: что въ семъ, какъ на изящныхъ искусствахъ, образованномъ вкусѣ и опытности, такъ равно (такъ) и на законныхъ правилахъ основанномъ, дѣлѣ, Директоръ долженъ быть, повторяю, необходимо полнымъ законнымъ распорядителемъ своей части, но подъ наблюденіемъ мѣстнаго Главнаго начальства, отвѣтствуя по мѣрѣ средствъ, за изящество спектаклей, за всеобщій порядокъ, а равно и за хозяйственную часть вообще съ членами конторы, которые имѣютъ право, въ случаѣ, подавать свои возразительныя мнѣнія».

«Неизвѣстность пособій, ожидаемыхъ и необходимыхъ для скораго открытія большого Петровскаго театра, препятствуетъ мнѣ нынѣ утвердительно составить проектъ штатовъ для Московскаго Императорскаго театра, когда же воспослѣдуетъ

сіе Высочайшее разрѣшеніе, то не замедлю изложить предначертаніе какъ соразмѣрнаго способамъ Штата по всѣмъ частямъ театра, такъ и принаровленія къ мѣстному управленію правилъ новаго постановленія, кромѣ, разумѣется, канцелярскаго хода дѣлъ, который повсюду долженъ быть основанъ на формахъ Высочайше узаконенныхъ, кромѣ необходимаго представленія чрезъ главное мѣстное начальство годовыхъ отчетовъ Московскаго театра; а равно и о всякомъ случаѣ, требующемъ разрѣшенія Высочайшей воли и при томъ взаимнаго (какъ сказано при отдѣленіи Московскаго театра) соглашенія обѣихъ Дирекцій о требованіяхъ одной отъ другой какихъ либо принадлежностей театра, или обоюднаго согласія о переводѣ артистовъ и тому подобнаго».

«Въ слѣдствіе чего покорнѣйше прошу Комитетъ, присоединяя къ препровожденному мною вышеозначенному проекту [341]) и сіе мое на опытѣ и мѣстности основанное мнѣніе, представить оное на Всемилостивѣйшее благоразрѣшеніе Государя Императора, съ испрошеніемъ Высочайшаго соизволенія о составѣ мною въ свое время Штатовъ Московскаго Императорскаго театра и принаровленіи Высочайше утвержденныхъ правилъ къ мѣстному и отдѣльному управленію онымъ».

«Касательно же 4 пункта инструкціи для Комитета, гдѣ сказано, между прочимъ, что отсутствующіе члены изъ города не имѣютъ участія въ сужденіи и дѣла рѣшаются окончательно безъ ихъ мнѣнія, я соглашаюсь съ онымъ, но не въ случаѣ, когда сужденіе почему либо будетъ касаться до Московскаго театра».

Возвращая съ особымъ мнѣніемъ присланныя бумаги, кн. Голицынъ указывалъ на неотложность «устройства театральной части въ Москвѣ, сообразно предположеніямъ, какія сдѣланы уже для С.-Петербургскихъ театровъ». Комитетъ, не возражая по существу противъ высказанныхъ кн. Голицынымъ принциповъ управленія Московскаго театра, постановилъ лишь просить кн. Голицына о скорѣйшей присылкѣ «подробнаго Штата и прочихъ свѣдѣній». Но вопросъ о денежномъ отпускѣ на театръ, въ размѣрѣ, опредѣленномъ кн. Голицынымъ, встрѣтилъ энергичный отпоръ со стороны члена Комитета кн. В. В. Долгорукова, который призналъ достаточнымъ дополнительное назначеніе Московскому театру лишь 200.000 р. въ годъ. Мнѣніе свое кн. Долгоруковъ подтверждалъ тѣмъ соображеніемъ, что Московская Дирекція, съ открытіемъ двухъ театровъ, хотя и понесетъ бо̀льшіе расходы, но за то получитъ и бо̀льшіе сборы. Если она въ 1823 году получила съ одного театра на Моховой сборъ въ 276.566 р., то съ двухъ театровъ: Петровскаго и Малаго должна получить отъ 375.000 до 400.000 р. въ годъ, что исключаетъ необходимость чрезмѣрнаго

[341]) Къ сожалѣнію не сохранившемуся въ архивѣ.

повышенія субсидіи. Кн. Долгоруковъ указывалъ еще и на то, что съ удовлетвореніемъ ходатайства кн. Голицына о годовомъ отпускѣ въ 348.000 р., Московская Дирекція получитъ бо̀льшую субсидію, чѣмъ Петербургская, если изъ бюджета послѣдней выдѣлить содержаніе нѣмецкаго театра.

9-го сентября 1824 г. кн. Голицынъ представилъ свой проектъ Штатовъ Московскаго театра и опять ходатайствовалъ о годовой субсидіи въ 348.000 руб. Кн. Долгоруковъ, со своей стороны, настаивалъ на отпускѣ лишь 200.000 руб. Наконецъ, 4-го октября 1824 г., Комитетъ, несмотря на поддержку гр. Милорадовичемъ требованія кн. Голицына, склонился къ мнѣнію кн. Долгорукова и рѣшеніе свое постановилъ представить въ Комитетъ Министровъ. 3-го мая 1825 г. состоялся Высочайшій указъ о назначеніи Московскому театру субсидіи изъ городскихъ суммъ г. Москвы, въ размѣрѣ 200.000 руб. въ годъ.

Такъ разрѣшился вопросъ объ увеличеніи денежныхъ средствъ Московскаго театра. Дѣло разработки спеціальнаго положенія объ управленіи Московскими театрами, какъ увидимъ далѣе, затянулось и оставалось неразрѣшеннымъ, за все время Главнаго начальства надъ Московскимъ театромъ свѣтлѣйшаго князя Голицына.

Что касается составленнаго кн. Голицынымъ Штата Московскаго театра, то, повидимому, Комитетъ, за нѣкоторыми измѣненіями, одобрилъ его, въ качествѣ временнаго и въ 1826 году Штатъ этотъ считался дѣйствующимъ.

Въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX вѣка, какъ мы видѣли, штаты театровъ представляли собою ничто иное, какъ нормальный бюджетъ годовыхъ расходовъ, какъ по содержанію персонала, такъ и по хозяйству. Составленный кн. Голицынымъ Штатъ Московскаго театра 1825 г. впервые является Штатомъ въ современномъ смыслѣ, т. е. росписаніемъ устанавливающимъ весь личный составъ театровъ, съ опредѣленемъ окладовъ содержанія.

Въ сжатомъ изложеніи, это росписаніе 1825 г. представляетъ собою совокупность слѣдующихъ шести отдѣльныхъ штатовъ [342]):

1. «Штатъ Конторы Дирекціи Императорскаго Московскаго театра».

«а) Главный начальникъ надъ театральными зрѣлищами въ Москвѣ есть Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ.

При немъ для письмоводства:	Число лицъ.	Жалованье одному.	Всѣмъ.
Секретарь	1	1.000 руб.	1.000 руб.
Ему помощникъ	1	750 »	750 »
Итого	2	—	1.750 руб.

[342]) Ibid. Дѣло Московскихъ театровъ. 1825 г. № 1.

в) По Театральной Конторѣ.

Директоръ, ему жалованье	1	6.000 руб.	6.000 руб.
Сверхъ того онъ удерживаетъ получаемыя изъ Кабинета по Высочайшей волѣ 1.800 р. [343]).			
При немъ секретарь для Россійской и иностранной переписки	1	1.000 »	1.000 »
Два члена	2	3.000 »	6.000 »
Секретарь Конторы	1	1.500 »	1.500 »
Переводчикъ	1	1.500 »	1.500 »
Казначей	1	2.000 »	2.000 »
Бухгалтеръ	1	1.400 »	1.400 »
Помощникъ бухгалтера	1	600 »	600 »
Чиновникъ для закупки вещей	1	800 »	800 »
Писцовъ	5	500 »	2.500 »
Смотритель за сборами	1	1.000 »	1.000 »
При немъ одинъ помощникъ	1	500 »	500 »
Смотритель при Большомъ театрѣ съ исправленіемъ реквизиторской обязанности	1	1.200 »	1.200 »
Смотритель при Маломъ театрѣ съ исправленіемъ экзекуторской должности	1	800 »	800 »
На канцелярскіе расходы	—	— »	1.500 »
Итого	19	—	28.300 руб.
Капельдинеровъ при театрахъ, труппныхъ и присяжныхъ	40	250 »	10.000 »
Инвалидовъ и при нихъ унтеръ-офицеръ	15	— »	1.284 »
Разнощиковъ афишъ	4	90 »	360 »
Трубочистъ при театрахъ	1	400 »	400 »
Итого	60	—	12.044 руб.
А всего	81	—	42.094 руб.

Примѣчаніе: Оба члена имѣютъ экипажныя и квартирныя деньги, по назначенію Господина Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора».

343) Очевидно, ту сумму, которая была пожалована А. А. Майкову, при назначеніи его Управляющимъ Московскимъ театромъ еще въ 1809 году.

2. «Штатъ Россійской труппы».

Актеры. 36 артистовъ, на сумму 58.450 р. Изъ нихъ главные: Михаилъ Щепкинъ—4.000 р., Артамонъ Пруссаковъ—2.500 р., Василій Воеводинъ—3.000 р., Иванъ Максинъ—4.000 р., Павелъ Мочаловъ—4.000 р., Петръ Булаховъ—5.000 р. (изъ нихъ, по званію пѣвца—1.000 р.), Михаилъ Зубовъ—2.200 р., Козма Бараковъ—1.800 р., Василій Рыкаловъ—1.500 р., Петръ Гришаевъ—1.500 р., Николай Лавровъ—1.500 р., Александръ Сабуровъ—1,500 р., Дмитрій Ленскій—1.500 р., Николай Кубишта—2.500 р., Михаилъ Волковъ—1.500 р., Андрей Ширяевъ—1.500 р.

Актрисы: 37 артистокъ, на сумму 41.850 р. Изъ нихъ главныя: Марія Львова-Синецкая—4.000 р., Евгенія Филлисъ—5.000 р., Анна Лисицына—3.000 р., Анна Борисова—4.000 р., Марія Вятроцинская—4.000 р., Аграфена Сабурова—2.400 р., Пелагея Петрова—2.000 р., Марія Буденброкъ—1.350 р., Антонида Баранчеева—1.400 рублей.

Режи: Режиссеръ Николай Малышевъ—1.000 р.: суфлеръ Андрей Загоскинъ—800 р., помощникъ его Малышевъ—500 р., 2 капельдинера—500 р.. «Докторъ при труппѣ и вообще для служащихъ»—1.200 р. и «для пополненія старшихъ окладовъ полагается прибавить примѣрно 5.800 р.». Итого—9.800 р. Всего по штату Россійской труппы—110.100 рублей.

«*Примѣчаніе.* Хотя и предполагается по русской труппѣ 10-ть старшихъ окладовъ, но Дирекція тогда полные оныхъ число допускаетъ, когда будетъ имѣть на оное средство, ибо сіе зависитъ отъ количества прибавки получаемому таковыми артистами жалованью, нынѣ же и съ предназначенными, кромѣ необходимыхъ по контрактамъ, состоитъ старшихъ окладовъ только 8».

3. «Штатъ балетной труппы»:

Дансеры: 6 артистовъ, на сумму 40.200 р., а именно: Ришардъ большой—18.000 р., Ришардъ меньшой—12.000 р., Адамъ Глушковскій—4.000 р., Иванъ Лобановъ—2.500 р., Фердинандъ Урбини—2.500 р. и Яковъ Ивановъ—1.200 р.

Фигуранты: 8 артистовъ, съ окладами отъ 600 до 800 руб., на сумму—5.600 р.

Дансерки: 10 артистокъ, на сумму 21.100 р., а именно: Гюллень-Соръ—8.000 р., Татьяна Глушковская—2.500 р., Екатерина Лобанова—1.500 р., Дарья Ришардъ—1.500 р., Варвара Лопухина—1.500 р., Анна Иванова—1.000 р., Александра Иванова—1.500 р., Елена Иванова—1.200 р., Марья Иванова—1.200 р., Анисья Заборовская—1.200 р.

Корифеи: 3 артистки, съ окладами по 600 р., на сумму—1.800 р.

Фигурантки: 20 артистокъ, съ окладами отъ 400 р. до 800 р., на сумму—9.500 р.

Капельдинеры: 2 человѣка, на сумму 410 р.

Учительница танцевъ воспитанницъ, съ окладомъ 6.000 р.

Учитель танцевъ воспитанниковъ, съ окладомъ 3.000 р.

«Сверхъ того не достаетъ балетмейстера, примѣрно—12.000 р.».

«Недостаетъ въ серьезномъ родѣ пантомима, примѣрно—2.500 рубле

Итого—102.110 р.

4. «Штатъ оркестра».

Инспекторъ оркестра г. Верстовскій—3.000 р. (изъ нихъ 2.000 р. по званію Инспектора музыки и 1.000 р. за прохожденіе голосовъ)								3.000
Капельмейстеръ Шольцъ								5.000 »
Музыканты:								
Солистъ—Николай Кубишта								1.000 »
Скрипачи—24 артиста, съ окладомъ отъ 600 р. до 2.500 р., на сумму								23.200 »
Альты—5	»	»	»	» 600 »	» 725 »	»	»	3.375 »
Віолончели—5	»	»	»	» 600 »	» 1.700 »	»	»	4.900 »
Контрабасы—5	»	»	»	» 600 »	» 1.500 »	»	»	4.800 »
Флейты—4	»	»	»	» 800 »	» 1.500 »	»	»	4.100 »
Кларнеты—5	»	»	»	» 600 »	» 1.800 »	»	»	4.600 »
Гобои—5	»	»	»	» 600 »	» 1.000 »	»	»	5.000 »
(изъ нихъ одинъ солистъ съ окладомъ 2.000 р).								
Фаготы — 4 артиста, съ окладомъ отъ 700 р. до 2.500					»	»	»	5.400 »
Валторны—6	»	»	»	» 500 »	» 1.800 »	»	»	5.100 »
Трубы — 6	»	»	»	» 150 »	» 1.200 »	»	»	4.000 »
Тромбоны—3	»	»	»	» 500 »	» 700 »	»	»	1.800 »
Литавры—3	»	»	»	— 500 »	— —	»	»	1.000 »
(изъ нихъ одинъ изъ числа фигурантовъ, безъ особаго вознагражденія).								
Арфы—1 артистъ								1.500 р.
					Всего 77 артистовъ на сумму			77.775 р.
Нотные писцы—4, на сумму								2.000 »
Суфлеръ и библіотекарь—1								1.200 »
Его помощникъ—1								200 »
Помощникъ капельмейстера—1								2.000 »
					Итого			83,175 р.

«*Примѣчаніе*. Здѣсь положено самое умѣренное число музыкантовъ: для пополненія же и улучшенія оркестра потребно бы было выписать нѣсколько иностранныхъ артистовъ».

Оркестръ этотъ, какъ мы сказали уже выше, служилъ для исполненія музыки въ операхъ, балетахъ и водевиляхъ, для симфонической музыки, въ концертахъ Дирекціи, а также, въ рѣдкихъ случахъ, для исполненія антрактныхъ концертовъ.

5. «Штатъ гардеробной части» [344]).

Инспекторъ гардероба, онъ же костюмеръ	3.000 р.
2 закройщика, по 600 р.	1.200 »
10 работниковъ, по 400 рублей	4.000 »
Золотошвейка (обучающая золотошвейному дѣлу воспитанницъ Школы)	400 »
Парикмахеръ	800 »
2 подмастерья при немъ, по 250 р.	500 »
Скульптурный мастеръ	800 »
При немъ подмастерье	200 »
Плюмажникъ	800 »
Бутафоръ	500 »
Помощникъ его	300 »
Чистильщица и штопальщица трико	300 »
Кастелянша	800 »
Жестяникъ для починки бутафорскихъ вещей	300 »
Писарь при гардеробѣ	300 »
«Полагается имѣть гардеробмейстера и двухъ помощниковъ, съ жалованьемъ всѣмъ»	1.500 »
«Мастерица, дѣлающая цвѣты и обучающая сему въ Школѣ»	300 »
Итого 30 человѣкъ на сумму	16.000 р.

6. «Штатъ декораціонной части».

Декораторъ	5.000 р.
2 живописца, по 2.500 р.	5.000 »
3 помощника живописцевъ, по 1.200 р.	3.600 »
«Машинистъ-механикъ»	4.000 »
Помощникъ его	1.200 »
20 столяровъ (изъ нихъ одинъ мастеръ плотникъ), по 420 р.	8.400 »
Итого 28 человѣкъ на сумму	27.200 р.

344) Въ гардеробную часть входила и бутафорская. Въ бутафоріи самую значительную роль играли издѣлія изъ жести и вапныя (изъ бумажной массы).

Временный штатъ 1825 года не касался театральной школы, что до нѣкоторой степени основательно, такъ какъ невыясненность годовой субсидіи не дозволяла Московской Дирекціи опредѣлить комплектъ воспитывающихся, а въ зависимости отъ него составъ педагогическаго персонала и прочихъ, сопряженныхъ съ содержаніемъ школы, расходовъ.

Въ штатахъ артистической части обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія явленія: во 1-хъ, сравнительно щедрая оплата иностранныхъ артистовъ балета, въ особенности мужскаго его персонала; во 2-хъ, начало семейственности въ ангажементахъ артистовъ, что ясно видно изъ перечня ихъ фамилій. Это начало присуще театральному дѣлу, всегда и вездѣ въ немъ существовало и существуетъ до нашихъ дней. Нерѣдко, ангажементъ малоцѣнной для театра супруги или дочери талантливаго и необходимаго артиста является замаскированной прибавкой къ вознагражденію послѣдняго; въ 3-хъ, сравнительная съ теперешнимъ ограниченность состава режи въ труппахъ, довольствующагося однимъ режиссеромъ или балетмейстеромъ и не знающаго ни помощниковъ режиссера, ни сценаріусовъ; въ 4-хъ, щедрая, сравнительно съ настоящимъ временемъ, оплата артистовъ музыкантовъ, играющихъ на духовыхъ деревянныхъ инструментахъ. Такая оцѣнка вполнѣ справедлива, въ виду трудности этой спеціальности, вредно отражающейся на здоровьѣ артистовъ; въ 5-хъ, малое, по сравненію съ теперешнимъ, число иностранцевъ въ оркестрѣ. Изъ 77 фамилій музыкантовъ только 4 иностранныя, остальныя 73—русскія. Это и понятно, если принять во вниманіе наслѣдственность профессіи музыкантовъ Московскаго оркестра, который въ 1806 г. былъ комплектованъ преимущественно крѣпостными людьми и мало освѣжался въ своемъ составѣ со стороны.

Вопросъ о наслѣдственности, или преемственности артистической дѣятельности по происхожденію, получилъ, между прочимъ, совершенно новое направленіе со вступленіемъ въ завѣдываніе Московскими театрами кн. Голицына. Въ 1824 году Московская театральная контора высказывала свое недоумѣніе о томъ, что слѣдуетъ ей предпринять съ дѣтьми крѣпостныхъ людей, купленныхъ у Столыпина и подаренныхъ госпожей Головкиной, въ томъ случаѣ, если они оказываются неспособными къ театральному дѣлу. Кн. Голицынъ, 16-го апрѣля 1824 года [345]), представилъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе Комитета по театральнымъ дѣламъ. Въ противоположность А. А. Майкову, какъ мы видѣли, старавшемуся, заведеніемъ спеціальныхъ музыкантскихъ и танцовальныхъ классовъ, всячески утилизировать для театра крѣпостныхъ его дѣтей, кн. Голицынъ высказалъ категорическое мнѣніе, «что вообще, при

345) Ibid., Дѣло 1824 г. № 23.

теперешнемъ образѣ управленія театральнаго, неприлично Дирекціи имѣть людей на крѣпостномъ правѣ, въ какихъ бы то ни было должностяхъ», а потому полагалъ, что «оставаться при театрахъ могутъ они (т. е. дѣти) не иначе, какъ по добровольному согласію и взаимному договору съ Дирекціей». Не подлежитъ сомнѣнію, что такое разумное и гуманное воззрѣніе кн. Голицына, поддержанное въ свое время въ Комитетѣ гр. Милорадовичемъ, оказало свое вліяніе въ дѣлѣ освобожденія Московскихъ артистовъ изъ крѣпостной зависимости, окончательно совершившагося, 21-го октября 1824 года [346]).

Въ большей или меньшей степени достигнувъ намѣченныхъ коренныхъ усовершенствованій въ обстановкѣ Московскаго театральнаго дѣла, кн. Голицынъ передалъ весь обиходъ управленія Московскаго театра, цѣликомъ въ руки Ѳ. Ѳ. Кокошкина, облеченнаго полнымъ его довѣріемъ. Въ этомъ отношеніи раціональная система кн. Голицына является совершенной противоположностью системѣ гр. Милорадовича, который, какъ увидимъ ниже, хотѣлъ быть и былъ главнымъ распорядителемъ Петербургскихъ театровъ. Къ немалому ущербу дѣлу, гр. Милорадовичъ свелъ компетенцію Комитета по театральнымъ дѣламъ къ нулю, и изъ Директора театровъ А. А. Майкова сдѣлалъ безличнаго и безпрекословнаго исполнителя своихъ приказаній.

Что касается высшей инстанціи театральнаго управленія, вновь образованнаго Комитета по театральнымъ дѣламъ, а также Комитета Министровъ, то значеніе ихъ въ текущей жизни Московскаго театра было весьма не велико. Впослѣдствіи, въ 1826 году, обнаружилось даже сомнѣніе въ средѣ самого Комитета Министровъ [347]), а именно со стороны предсѣдателя Департамента Экономіи Государственнаго Совѣта, имѣетъ ли Комитетъ 1823 года, преобразовавшійся въ 1825 году въ Комитетъ Главной Дирекціи, какое либо вліяніе на дѣла Московскаго театра.

Послѣ вопроса о денежныхъ средствахъ и о комплектованіи, бѣднаго въ то время и численностью и талантами, состава артистовъ, самымъ серьезнымъ для новой Московской театральной администраціи явился вопросъ о театральныхъ зданіяхъ. Театръ на Моховой далеко не удовлетворялъ современнымъ требованіямъ какъ публики, такъ и сценической техники. Въ 1822 году сразу было приступлено къ постройкѣ двухъ новыхъ театровъ: Большого—перестройкой сгорѣвшаго Петровскаго и Малаго на Петровской площади, въ арендованномъ, а впослѣдствіи и купленномъ Дирекціей, домѣ Варгина. Строительныя работы велись настолько энергично, что съ 1825 года московскіе артисты давали представленія на двухъ новыхъ театрахъ.

346) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 307.
347) Ibid., стр. 316.

Само собой разумѣется, что какъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, такъ и кн. Голицынъ всячески старались возможно прилично обставить первыя постановки на вновь строющемся Большомъ театрѣ, для чего не хватало наличныхъ художественныхъ силъ Московскаго театра. Въ этомъ отношеніи, впервые можетъ быть, сказалась отрицательная сторона отдѣленія Московскаго театральнаго управленія отъ болѣе богатой средствами Петербургской Дирекціи. 4-го марта 1824 года [348]) кн. Голицынъ просилъ Главную Дирекцію о командированіи въ Москву, на 6 и болѣе мѣсяцевъ, петербургскаго декоратора Каноби, «для написанія декорацій на открывающійся тамъ Петровскій театръ». Тотъ же А. А. Майковъ, въ свое время положившій столько заботъ на бывшее свое дѣтище, Московскій театръ, призналъ эту командировку невозможной и Комитетъ, въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій, отказалъ кн. Голицыну въ его ходатайствѣ. Такая же участь постигла ходатайство кн. Голицына о командировкѣ въ Москву балетмейстера Дидло для постановки, къ открытію Большого театра, новыхъ балетовъ. За отказомъ въ этой командировкѣ, кн. Голицынъ рѣшилъ командировать въ Петербургъ Московскаго балетмейстера Глушковскаго и 30-го мая 1824 года [349]) просилъ непосредственно гр. Милорадовича о предоставленіи Глушковскому возможности заимствовать у знаменитаго Дидло одинъ или два большихъ балета, для постановки къ открытію Петровскаго театра.

Второй заботой Кокошкина было расширеніе репертуара, организаціей казенной французской труппы. Въ этомъ отношеніи Дирекція потерпѣла на первое время неудачу. 23-го января 1823 года Московская контора объявила [350]) объ открытіи подписки на абонементъ «по проекту выписки французской труппы, составляющей оперу, комедію и водевиль, коего (т. е. проекта) программу можно ежедневно получить въ конторѣ театра». Проектъ этотъ не осуществился и абонементъ не состоялся. Повидимому спросъ на французскіе спектакли, значительный въ то время въ Петербургѣ, не оправдалъ ожиданій театральной администраціи въ Москвѣ. Даже ранѣе исполнявшіеся въ театрѣ на Моховой спектакли частной французской труппы съ 24-го февраля 1823 года прекратились.

Не мало было также приложено Дирекціей стараній къ развитію разныхъ доходныхъ статей театра. Такъ, въ 1823 году, содержаніе театральной типографіи сдано было А. Покорскому, заведеніе котораго помѣщалось близъ Арбатскихъ воротъ, въ домѣ самого Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Въ п. 3 заключеннаго съ Покорскимъ контракта Дирекціи [351]) значилось: «Всѣ люди, находящіеся при типографіи, равно и

[348]) Общ. Арх. М. И. Дв., Д. И. Т. Журналъ Комитета 1824 г., № 1.
[349]) Ibid. Дѣло 1824 г., № 35.
[350]) «Московскія Вѣдомости» 1823 г. 23—го января, № 6.
[351]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. И. Т. Дѣло 1825 г., № 137.

разнощики афишей, получая жалованье отъ содержателя типографіи, будутъ находиться въ службѣ Дирекціи и поименованы въ спискахъ оной, дабы она могла, въ случаѣ неисправности ихъ, взыскать на нихъ со всею строгостью, какъ на служащихъ въ ея вѣдомствѣ».

Въ октябрѣ 1824 года заведено изданіе театральныхъ афишъ, о которомъ Театральная контора объявляла такъ [352]): «Контора Дирекціи, изыскивая средства удобнѣйшаго обвѣщенія публики о ежедневныхъ спектакляхъ предлагаетъ, подобно какъ въ С.-Петербургѣ, абониментъ на афиши съ платою по 10 руб. ассигнаціями въ годъ, съ тѣмъ, что контора ручается за исправное доставленіе афишъ въ домы подписавшихся на полученіе оныхъ». До того времени, краткое извѣщеніе о спектакляхъ въ Императорскихъ театрахъ печатались лишь въ отдѣлѣ «объявленій» въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», подъ рубрикою: «Отъ Императорскаго Московскаго театра». Изрѣдка прилагались къ этой газетѣ подробныя программы бенефисныхъ спектаклей и концертовъ. Обыкновенно же, какъ надо думать, программы спектаклей продавались въ самомъ зданіи театра. Открытіе изданія афишъ какъ разъ совпало съ открытіемъ спектаклей въ двухъ новыхъ театрахъ въ Москвѣ. Второй доходной статьей явились театральные буфеты. Съ 19-го по 22-е февраля 1823 года были назначены торги [353]) «для желающихъ производить при Дирекціи Императорскаго Московскаго театра, во время спектаклей и концертовъ продажу кондитерскую и фруктовую, а въ маскарадахъ держать и столы, на правахъ ресторацiи». Дирекція спѣшила съ этими торгами «дабы новый содержатель могъ уже съ четверга на сырной недѣлѣ начать производство продажи своей, какъ въ утреннихъ и вечернихъ спектакляхъ, такъ и въ маскарадахъ».

Большое попеченіе приложилъ также Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ къ Московскому театральному училищу, которое въ послѣднее время было заброшено, особенно по научной части. Кокошкинъ пригласилъ въ школу лучшихъ преподавателей и между прочими Н. И. Надеждина [354]), а также упорядочилъ и усовершенствовалъ публичные спектакли въ училищѣ. Изъ школы Кокошкина вышли извѣстные впослѣдствіи артисты: Живокини, Сабуровъ, Сабурова, Карпакова, Богданова и др. Кокошкинъ, будучи недурнымъ декламаторомъ, иногда самъ [355]), съ голоса, какъ птицъ обучалъ молодыхъ дебютантовъ, вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ, подражая голосу учителя, говорили немного нараспѣвъ.

[352]) «Московскія Вѣдомости» 1824 г. 1-го октября, № 79.

[353]) Ibid. 1823 г. 17-го февраля, № 14.

[354]) М. Михайловскій. Юбилей Московскаго Большого театра. Ежегодникъ Имп. театровъ 1899—1900 г., стр. 227.

[355]) М. И. Пыляевъ. Старая Москва, стр. 304.

Значеніе Ѳ. Ѳ. Кокошкина для Московскаго театральнаго училища того времени хорошо обрисована въ біографическомъ очеркѣ А. А. Ярцева «Петръ Гаврилович Степановъ, актеръ Московскаго театра» [356]), въ которомъ почтенный изслѣдователь, на основаніи воспоминаній современниковъ, говоритъ между прочимъ слѣдующее:

«Кромѣ спектаклей, лучшимъ удовольствіемъ,—прямо сказать, праздникомъ,—было для воспитанниковъ посѣщеніе дома Кокошкина. Много добра сдѣлалъ онъ имъ, многихъ поставилъ на ноги и пустилъ на широкую дорогу. Тѣ изъ воспитанниковъ, которые бывали у Кокошкина, знакомились тутъ съ совершенно инымъ міромъ, вліявшимъ на ихъ развитіе. Конечно, на балахъ и обѣдахъ они являлись слишкомъ неравными остальнымъ гостямъ, и отношеніе къ нимъ Кокошкина было, по тогдашнимъ взглядамъ, «отеческое»; а это отношеніе не исключало возможности для кого нибудь изъ воспитанниковъ стоять во время обѣда за стуломъ гостя съ тарелкою въ рукахъ. Но эта была одна сторона дѣла, нисколько не противорѣчившаго современнымъ понятіямъ объ актерахъ, а тѣмъ болѣе о воспитанникахъ; да и послѣднихъ, вышедшихъ большею частью изъ самой простой среды, такое отношеніе не оскорбляло,—напротивъ, они сами стремились услужить своему директору. Другая же сторона заключалась въ той пользѣ, которую приносилъ Кокошкинъ воспитанникамъ покровительствомъ своимъ, своею чуткостью въ опредѣленіи сценическихъ способностей, своимъ пониманіемъ театральнаго искусства. У Кокошкина былъ своего рода пріютъ для тѣхъ изъ начинавшихъ, у кого не было куда приклонить голову, а былъ талантъ, и которымъ необходимо было учиться. Къ такимъ принадлежалъ, напримѣръ, знаменитый пѣвецъ Н. А. Лавровъ. Жили тутъ Козловскій, Виноградскій и др. Возили воспитанниковъ и въ подмосковную Кокошкина—Бедрино, гдѣ давались праздники и спектакли».

«Въ томъ же домѣ Кокошкина, пишетъ далѣе А. А. Ярцевъ, было еще лицо, покровительствовавшее воспитанникомъ,—М. Д. Львова-Синецкая, человѣкъ удивительно доброй души, большого ума и теплаго сердца; она ближе, чѣмъ Кокошкинъ, не по-барски, понимала нужды и потребности будущихъ артистовъ. Марья Дмитріевна Львова-Синецкаго, жившая тогда съ Кокошкинымъ, прекрасная актриса того времени, являлась для нихъ заступникомъ и ходатаемъ передъ директоромъ; она обогрѣвала ихъ своимъ привѣтомъ и ласкою, прорѣзывая свѣтлымъ лучемъ темноту ихъ школьнаго прозябанія. Чтобы оцѣнить ея заслугу, достаточно сказать, что ея покровительству многимъ были обязаны въ юные годы такіе артисты, какъ Самаринъ, Шумскій, Живокини, Степановъ».

[356]) Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1896—1897 г. Приложеніе I, стр. 56 и 57.

Положенію Московской театральной школы въ то время, въ особенности до Кокошкина, было весьма неприглядное и фактически мало соотвѣтствовало законодательству о школѣ, изданному въ 1809 году. По этому поводу А. А. Ярцевъ говоритъ такъ: «Учили въ школѣ, по выраженію Живокини [357]), «кое-какъ и кое-чему». Русскій языкъ, словесность, исторія и географія преподавались однимъ учителемъ, и, понятно, курсъ ихъ былъ не изъ обширныхъ. Изъ распредѣленія занятій видно, что главнымъ образомъ время тратилось на танцы. Но и въ усвоеніи этихъ скудныхъ знаній воспитанники были предоставлены самимъ себѣ. Экзаменовъ (по наукамъ) никакихъ не было и начались они только со времени дирекціи Кокошкина. Къ тому же, присмотръ былъ плохой и можно было избѣгать тѣхъ уроковъ, которые не нравились. По такимъ предметамъ, какъ французскій языкъ, учитель получалъ жалованье, но ученики и въ глаза его никогда не видали. Усерднѣе всего занимались воспитанники у Калайдовича. Да и Калайдовичъ былъ не чета другимъ учителямъ. Нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ не удовлетворяло такое преподаваніе, и потребность болѣе широкаго развитія приводи ихъ въ университетскую аудиторію... Помѣщеніе школы было маленькое, тѣсное и воспитанники проводили большую часть времени въ театрѣ. Внѣшней обстановкой и вовсе не баловали воспитанниковъ: и голода и холода терпѣли они не мало. Одѣвали ихъ въ зеленыя куртки изъ грубой и толстѣйшей байки; воспитанницы носили «затрапезныя» платья». На улицу воспитанники выходили во фризовыхъ шинеляхъ, представлявшихъ цѣлое сооруженіе съ тремя воротниками-капишонами. Отъ школьной пищи у будущихъ служителей и служительниц музъ «подводило животы»; экономическія соображенія школьнаго эконома сводили питаніе ихъ къ полуголоду; а жаловаться было некому, такъ какъ экономъ приходился отцомъ инспектору училища (Н. П. Петрову, бывшему актеру драматической труппы). Утромъ полагался стаканъ сбитня и горбушка булки, разрѣзанная на четыре части, на завтракъ давали кусокъ чернаго хлѣба, а обѣдъ и ужинъ состоялъ изъ двухъ скудныхъ блюдъ» [358]).

Къ концу 1824 года пришла къ окончанію постройка обоихъ театровъ Бльошого и Малаго. 1-го октября 1824 года въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» выпущено было Дирекціей слѣдующее объявленіе о предстоящемъ открытіи обоихъ театровъ и о цѣнахъ на мѣста въ нихъ.

«Дирекція Императорскаго Московскаго театра чрезъ сіе извѣщаетъ, что въ наступающемъ октябрѣ мѣсяцѣ дѣйствія онаго театра перенесены будутъ на вновь

[357]) Воспоминанія В. И. Живокини (1807—1874). «Московскія Вѣдомости» 1874 г. №№ 21—27.

[358]) А. А. Ярцевъ. «Петръ Гавриловичъ Степановъ» (см. выноску 356), стр. 51—52.

устроенный Малый театръ, въ домѣ Варгина, на Петровской площади. Въ непродолжительномъ же времени предположено открыть и большой Императорскій Петровскій театръ».

«Дирекція, безпрерывно заботясь о доставленіи болѣе удовольствія публикѣ, не могла и не можетъ впредь сего исполнить безъ чрезвычайныхъ усилій въ расходахъ, почему нашлась въ необходимости сдѣлать нѣкоторую прибавку, сообразно цѣнамъ С.-Петербургскаго Императорскаго театра, на лучшія мѣста въ обоихъ Московскихъ театрахъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ, по возможности старалась облегчить платежъ за верхнія мѣста большого Императорскаго театра, дабы симъ способомъ открыть средство къ удовольствію людей недостаточныхъ; а равно и цѣны абониментовъ, для любителей отечественныхъ спектаклей, уменьшены столько, сколько могла допустить соразмѣрность, какъ сіе можно видѣть изъ нижеслѣдующаго регистра».

«Званіе и раздѣленіе мѣстъ во вновь устраиваемыхъ Императорскихъ театрахъ, съ означеніемъ цѣны каждому мѣсту».

«Мѣста и цѣны въ Большомъ Петровскомъ театрѣ»:

	Цѣны мѣстамъ.
«Ложа въ бенуарѣ	по 15 р. — к.
Ложа въ бель-этажѣ	» 20 » — »
Ложа въ I-мъ ряду надъ бель-этажемъ	» 15 » — »
Литерная ложа въ 1-мъ ряду	» 20 » — »
Ложа во 2-мъ ряду	» 10 » — »
Литерная ложа во 2-мъ ряду	» 15 » — »
Ложа въ 3-мъ ряду	» 7 » — »
Литерная ложа въ 3-мъ ряду	» 10 » — »
Кресло	» 5 » — »
Стулъ	» 3 » 50 »
Галлерея за бенуарами, заключающая въ себѣ 3 лавки, въ коей каждое мѣсто имѣетъ свой №	» 2 » 50 »
Мѣсто въ балконѣ } въ амфитеатрѣ	» 1 » 50 »
Мѣсто въ галлереѣ } въ амфитеатрѣ	» 1 » — »
Мѣсто въ 1-й боковой галлереѣ	» — » 75 »
Мѣсто во 2-й боковой галлереѣ	» — » 50 »»

«Мѣста и цѣны въ Маломъ театрѣ, устраиваемомъ въ домѣ купца Варгина»:

	Цѣны мѣстамъ.
«Ложа въ бенуарѣ	по 15 р. — к.
Ложа въ бель-этажѣ	» 20 » — »
Ложа въ 1-мъ ряду надъ бель-этажемъ	» 15 » — »

Литерная ложа въ 1-мъ ряду	по	20 р.	— к.
Ложа во 2-мъ ряду	»	10 »	— »
Литерная ложа во 2-мъ ряду	»	15 »	— »
Въ балконѣ 1-го ряда ложъ мѣсто подъ №	»	3 »	50 »
Въ балконѣ 2-го ряда ложъ мѣсто подъ №	»	2 »	50 »
Кресло	»	5 »	— »
Галлерея за бенуарами, заключающая въ себѣ 3 лавки, въ коей каждое мѣсто имѣетъ свой №	»	3 »	50 »

Цѣны мѣстамъ въ верху, какъ въ амфитеатрѣ, такъ и въ боковыхъ галлереяхъ назначаются тѣ же, какія существуютъ нынѣ въ театрѣ, устроенномъ въ домѣ г. Пашкова, а именно.

За входъ въ амфитеатръ	»	1 »	50 »
Въ галлерею (или такъ называемый нынѣ партеръ)	»	1 »	— »»

«Пріемъ денегъ при продажѣ билетовъ на мѣста сіи производиться будетъ на правилахъ, нынѣ существующихъ, то есть: ассигнаціи принимаемы будутъ безъ лажа, а серебро по курсу» [359]).

Это объявленіе сопровождалось весьма подробнымъ изложеніемъ способовъ и условій абонемента на обоихъ театрахъ. Абонементъ установленъ трехъ видовъ: годовой—на 200 спектаклей, полугодовой—на 100 спектаклей и такъ называемый десятерной: въ 10, 20, 30, 40 и 50 спектаклей. Годовой абонементъ обусловливалъ скидку съ цѣны мѣстъ болѣе 33%; напримѣръ: стоимость ложи бель-этажа въ абонементъ 12 р. 50 к., вмѣсто 20 р. вечеровой цѣны, кресла 3 р. вмѣсто 5 р. При полугодовомъ абонементѣ скидка была около 25%, цѣна ложи бель-этажа 15 р., а кресла 4 р. Абонементъ десятерной установленъ былъ, безъ скидки противъ цѣны вечеровой продажи. Лица, абонированныя въ Большомъ театрѣ, имѣли право на соотвѣтствующія мѣста и въ Маломъ театрѣ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, какъ напримѣръ, ложъ 3 ряда, которыя въ Маломъ театрѣ не существовали. Абоненты на кресла въ Большомъ театрѣ сохраняли свои номера и въ Маломъ, но при этомъ конечно измѣнялся номеръ ряда. Контора кромѣ того объявляла: «при дѣйствіи двухъ театровъ, ежели Дирекція разсудитъ дать спектакли въ одинъ день на обоихъ, тогда одинъ изъ таковыхъ спектаклей будетъ не въ щетъ абонемента. Ежели Дирекція найдетъ необходимость сдѣлать нѣкоторое распространеніе способовъ для общаго

[359]) Факсимиле подлинника отдѣльнаго экземпляра этого объявленія (заимствованнаго изъ интереснаго собранія памятниковъ театральной старины, принадлежащаго А. А. Бахрушину въ Москвѣ) приведено въ Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ, сезонъ 1899—1900 г., стр. 217, въ статьѣ М. Михайловскаго «Юбилей Большого Московскаго театра».

удовольствія публики, въ такомъ случаѣ смотря по возможности будетъ назначать спектакли и на обоихъ театрахъ не въ щетъ абонемента». Изъ этого слѣдуетъ, что нормальный репертуаръ распредѣлялся на недѣлѣ, по очереди между каждымъ театромъ, какъ-то практиковалось еще до 1812 года, при дѣйствіи двухъ театровъ: Арбатскаго и на Моховой, а одновременные спектакли на обоихъ театрахъ разсматривались какъ исключеніе.

Лицамъ, платившимъ въ кассу за билеты, серебромъ, приходилось справляться съ курсомъ на серебро, публикуемымъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Несомнѣнно, это являлось большимъ затрудненіемъ для кассоваго персонала, обязаннаго составлять сложные разсчеты по мелочамъ курсовой разницы. 11-го октября 1824 года [360]) Контора разъяснила: «какой курсъ означенъ будетъ по тѣмъ вѣдомостямъ въ среду, по онымъ принимается серебро съ четверга по воскресенье, а какой въ субботу, по оному производится пріемъ съ воскресенья по четвергъ. Ассигнаціи же берутся по прежнему въ той только цѣнѣ, которая на нихъ означена». Разница въ курсѣ серебра и ассигнацій стояла въ то время весьма значительная. Напримѣръ, 13-го октября 1824 года [361]) «денежный курсъ» въ Москвѣ объявленъ такой: «червонецъ голландскій 11 р. 60 и 80 к.; имперіалъ 38 р. 87 и 90 к.; ефимокъ голландскій 5 р. 18 и 20 к.; рубль новый 3 р. $7^1/_2$ и $^3/_4$ к.».

Открытіе обоихъ театровъ послѣдовало одно за другимъ, черезъ 3 мѣсяца: Малый театръ открытъ 14-го октября 1824 г., безъ большой помпы, а Большой, торжественно—6-го января 1825 г. Программы первыхъ представленій въ каждомъ изъ театровъ, въ виду несомнѣннаго историческаго ихъ интереса приводятся здѣсь согласно объявленіямъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Объявленіе объ открытіи Малаго театра появилось 11-го октября и гласило такъ: «Въ слѣдующій вторникъ 14-го числа сего октября мѣсяца данъ будетъ на новомъ Маломъ театрѣ, въ домѣ Вар(и)гина, на Петровской площади, для онаго спектакль № 1-й, а именно: Новая увертюра сочиненія А. Н. Верстовскаго, въ послѣдствіи во второй разъ (sic!) *„Лилія Нарбонская"* или *„Обѣтъ рыцаря"*, новое драматическое рыцарское представленіе-балетъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ хорами, пѣніемъ, дивертисманомъ, пантомимою, рыцарскимъ сраженіемъ, поединками и церемоніею посвященія въ рыцари, соч. князя А. А. Шаховскаго и балетмейстера Санктъ-Петербургскаго Придворнаго театра Г. Дидло, новая музыка романсовъ, балладъ, хоровъ, пантомимной сцены и балетовъ разныхъ лучшихъ авторовъ; въ ономъ представленіи будутъ играть роли: Лиліи—г-жа Львова-Синецкая, Ины—г-жа Борисова,

[360]) «Московскія Вѣдомости», 11-го октября 1824 г., № 82.
[361]) Ibid. 15-го октября 1824 г., № 83.

Ангелики—г-жа Лопухина б., Лоры—г-жа М. Рѣпина, Астальфа—дѣв. Д. Сабурова, и будетъ пѣть куплеты соч. Бертона и аріи соч. Кавоса, Ренальда—г. Мочаловъ; Ипполита—г. Булаховъ и будетъ пѣть три новые романса, Артура—г. Сабуровъ, танцующіе: г. Сабуровъ съ г-жею Лопухиною б. сцену и (pas de deux) въ двоемъ, г-жа М. Рѣпина и дѣв. Д. Сабурова пантомимный танецъ; гг. Мочаловъ и Сабуровъ будутъ сражаться на лансахъ со щитами, потомъ на сабляхъ и кинжалахъ. Въ заключеніе спектакля данъ будетъ: *„Зефиръ"* или *„Вѣтренникъ сдѣлавшійся постояннымъ"*, анакреонтическій балетъ въ 1 д. соч. г. Дюпора, здѣсь поставленный г. Глушковскимъ, въ коемъ будутъ занимать роли: Зефира—г. Ришардъ, Флоры—г-жа Гюллень-Соръ».

Въ виду наплыва публики на 1-е представленіе въ Маломъ театрѣ, Дирекція отступила отъ правила продавать билеты лишь въ день спектакля и распредѣлила продажу такъ: въ воскресенье на ложи, въ понедѣльникъ на кресла, балконъ и галлереи, а въ день спектакля на мѣста въ амфитеатрѣ и въ верхнихъ галлереяхъ. Первымъ представленіемъ 14-го октября въ Маломъ театрѣ открылся и счетъ спектаклей по абонементу на обоихъ театрахъ.

Спектакли въ Маломъ театрѣ шли почти ежедневно вплоть до открытія Большого театра, которое состоялось въ сравнительно болѣе торжественной обстановкѣ, исполненіемъ спеціально написаннаго для этого торжества М. А. Дмитріевымъ пролога. По словамъ современника [362]) «Поэзія въ прологѣ соотвѣтствовала торжественности случая. Божества Парнасса, призванныя геніемъ Россіи къ возженію въ странѣ его благодатнаго огня, торжествуютъ обновленіе храма, воздвигнутаго искусствомъ, прославляютъ покровителей просвѣщенія, обѣщая имъ прочную незабвенную славу, произносятъ имена Русскихъ жрецовъ своихъ и открываютъ средство къ достиженію совершенства на пути къ прекрасному. Вотъ они: Чистота души, спокойствіе, простые нравы, любовь къ своему занятію, соединенныя усилія изящныхъ искусствъ и братскій союзъ дарованій. Поэтъ заключаетъ драму свою пророчествомъ о будущей судьбѣ Россіи устами прорицателя миѳологическаго міра:

Въ странѣ, гдѣ нѣкогда возникъ
Великій Петръ, вѣковъ отважный измѣнитель,
Гдѣ нынѣ многихъ царствъ побѣдный примиритель
На музъ привѣтнымъ окомъ зритъ;
Тамъ новыхъ рядъ чудесъ природа совершитъ.
Россіяне! грядутъ тѣ времена щастливы.

[362]) «Московскія вѣдомости». 1825 года, 17 января, № 5.

И чужеземецъ горделивый,
Смотрящій съ завистью на ваши знамена,
Вамъ позавидуетъ въ плодахъ обильныхъ мира—
И ваша сѣверная лира
Отброситъ чуждый звукъ, народному вѣрна.
Отъ топкихъ береговъ Финляндіи туманной
Кавказа грознаго до облачныхъ хребтовъ
Отъ полюса до Каспія бреговъ
Распространится свѣтъ желанный».

Постройка Большого театра продолжалась три года. Онъ возведенъ былъ заново отъ самаго основанія и значительно расширенъ противъ бывшаго Петровскаго театра. Проектъ театра составленъ былъ архитекторомъ-профессоромъ Михайловымъ, постройка же производилась архитекторомъ Бове, который на первомъ же спектаклѣ, при открытіи театра, удостоился вызова публики, вмѣстѣ съ ея тогдашними любимцами, композиторами Верстовскимъ и Алябьевымъ. Московскій Большой театръ, являвшійся по размѣрамъ своимъ вторымъ театромъ въ Европѣ, послѣ Миланскаго, по отзывамъ современниковъ [363]) «поражалъ своимъ великолѣпіемъ и грандіозностью» и плѣнялъ глазъ соразмѣрностью частей, въ которыхъ легкость соединялась съ величіемъ. Театръ былъ отлично устроенъ: со всѣхъ мѣстъ, во всѣхъ пяти его ярусахъ, была видна вся сцена. Прекрасно написанная передняя завѣса сцены изображала лиру Аполлона, помѣщенную въ сіяніи на голубомъ фонѣ. На наружномъ фронтонѣ театра была надпись «Сооруженъ въ 1824 году».

Программа перваго спектакля 6-го января 1825 г., согласно объявленію [364]) въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», была такова:

«*Торжество музъ,* прологъ въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. М. А. Дмитріева, съ принадлежащими къ нему хорами, танцами, машинами и великолѣпнымъ спектаклемъ. Гимнъ съ принадлежащимъ къ нему хоромъ А. Н. Верстовскаго, первый и окончательный хоръ А. А. Алябьева, а равно и мелодрамы ихъ же; танцы и группы поставлены г-жею Гюллень-Соръ. Машины и полетъ Аполлона — г. Бюрсе; декораціи, представляющія развалины и дикое мѣстоположеніе, превращаемое въ храмъ музъ — г. Иванова. Костюмы по рисункамъ Локуэса. Въ ономъ прологѣ будутъ занимать роли: генія Россіи—г. Мочаловъ, Аполлона—г. Лавровъ, Таліи—г-жа Львова-Синецкая, Мельпомены—г-жа Борисова, Полигимніи—г-жа Заневская,

[363]) С. Т. Аксакова. Сочиненія, т. IV, стр. 54.
[364]) «Московскія Вѣдомости» 1825 г. 3-го января № 1.

Эраты—г-жа Филлисъ, которая будетъ пѣть гимнъ съ хоромъ, соч. А. Н. Верстовскаго, Терпсихоры—г-жа Гюллень-Соръ. Финалъ составленъ изъ всѣхъ первыхъ танцовщицъ и кордебалета; затѣмъ послѣдуетъ «*Сандрильона*», большой пантомимическій балетъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. Альберта, здѣсь поставленный г-жею Гюллень-Соръ, музыка соч. г. Соръ. Въ ономъ балетѣ будутъ занимать роли: Сандрильоны—г-жа Гюллень-Соръ, Рамира—г. Ришардъ, который будетъ танцовать, а равно и г-жи Ришардъ, Лопухина, Воронина, Иванова, М. Ивавова, Лобанова, Заборовская, Живокини и Г. Я. Ивановъ. Новыя декораціи, представляющія готическую комнату съ каминомъ, изъ котораго выѣзжаетъ колесница, галлерею и садъ г. Брауна. Машина—г. Бюрсе. Новые костюмы по рисункамъ Локуэса».

Давно ожидаемое открытіе Большого театра, гордости Москвы, явилось крупнымъ событіемъ въ жизни первопрестольной. Спросъ зрителей на первое представленіе былъ оченъ великъ и Дирекція, не измѣняя порядка продажи билетовъ, какъ она сдѣлала это для открытія Малаго театра, признала нужнымъ повторить первое представленіе, цѣликомъ, въ среду 7-го января, «желая доставить, какъ говорилось въ объявленіи, равное удовольствіе всѣмъ вообще жителямъ Москвы». Первое представленіе 11-го января закончилось первымъ же маскарадомъ въ Большомъ театрѣ, вслѣдствіе котораго отмѣненъ былъ назначенный на тотъ же день маскарадъ въ Благородномъ собраніи. Въ объявленіи маскарада значилось: «всѣ залы будутъ открыты, оркестры составленные изъ вокальной, инструментальной и полковой музыкъ. Цѣна ложамъ та же, что и въ спектакль, на которыя и получаютъ по 5 марокъ на каждую. За входъ въ залу по 1-му рублю серебромъ, гг. посѣтителей извѣщаютъ, что въ залахъ Императорскаго театра не дозволяется иначе быть въ шляпахъ, какъ тогда, когда имѣютъ на себѣ маску, или, по крайней мѣрѣ маскарадное платье, въ коемъ и безъ маски шляпу на головѣ имѣть не воспрещается. Неприличныя маски также впущены быть не могутъ. Пріѣздъ въ маскарадъ начнется въ 11 часовъ».

№ 5 «Московскихъ Вѣдомостей» 17-го января 1825 г. посвятилъ открытію Большого театра пространную и довольно высокопарную статью, отражавшую тѣмъ не менѣе отношеніе Московской публики къ совершившемуся театральному торжеству. Авторъ статьи говоритъ: «Есть событія въ Россіи, которыя быстротою и величіемъ изумляютъ современниковъ и представляются въ видѣ чудесъ отдаленному потомству. Такая мысль естественно рождается въ душѣ Россіянина при каждомъ происшествіи, приближающемъ отечество наше къ средѣ державъ Европейскихъ, славящихся вкусомъ и образованностью, такая мысль возникаетъ въ душѣ при взглядѣ на Большой Петровскій театръ, какъ фениксъ, изъ развалинъ возвысившій

стѣны свои въ новомъ блескѣ и великолѣпіи... Казалось въ день открытія сего театра свободныя искусства согласились торжествовать предъ глазами многочисленныхъ зрителей щастливое соединеніе свое прекрасными произведеніями. Поэзія, музыка, танцованье и живопись, дружественно, какъ дѣти одного семейства, дѣйствовали на зрѣніе, слухъ, воображеніе и сердце зрителя. Первая дань признательной публики обратилась на зодчаго сего зданія, коего трудолюбіе и геній соорудивъ убѣжище искусствамъ, въ немъ поставили себѣ прочный памятникъ... Между артистами, дѣйствовавшими въ прологѣ, появились въ первый разъ передъ публикою новые актеры, принадлежавшіе къ образующейся еще труппѣ Московскаго театра... Заключимъ, говоритъ авторъ, сердечнымъ желаніемъ славы Россійской сценѣ, какъ практическому училищу народной нравственности, предвидимъ ея успѣхи и вмѣстѣ съ поэтомъ обращаемся къ отечественнымъ дарованіямъ:

Придите! Здѣсь готовъ пѣвцамъ
Олтарь возвышенныя славы».

Данный 6-го января 1825 года прологъ «Торжество музъ» имѣлъ большой успѣхъ, благодаря музыкѣ Верстовскаго, а по предположенію Н. О. Финдейзена [365]) главнымъ образомъ благодаря прекрасному исполненію гимна Эрато, знаменитой пѣвицей Аделиной Каталани, вѣроятно спеціально приглашенной, для замѣны въ исполненіи этаго гимна, на первомъ представленіи, г-жи Филлисъ объявленной въ предварительной афишѣ. Къ заключенію о такой замѣнѣ приводитъ перечень исполнителей 1-го представленія «Торжества музъ», приложенный къ 1-му изданію этого пролога, отпечатанному въ 1824 г. въ Москвѣ, въ типографіи Августа Семена [366]). Весьма вѣроятное предположеніе Н. О. Финдейзена, къ сожалѣнію, не можетъ быть доказано документально, такъ какъ подлинники афишъ того времени не сохранились, единственная же (выше нами приведенная) рецензія о первомъ представленіи пролога, появившаяся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», не приводитъ фамилій дѣйствующихъ лицъ.

Самъ по себѣ текстъ пролога «Торжество музъ» не обладалъ особенными достоинствами, онъ былъ длиненъ, малосодержателенъ и скученъ. Авторъ пролога,

365) Н. О. Финдейзенъ. «Алексѣй Николаевичъ Верстовскій» (его жизнь и музыкальная дѣятельность. Матерьялы для исторіи Московскихъ театровъ) Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1896—1897 г. Приложеніе II. стр. 104.

366) Упомянутый перечень таковъ: «Геній Россіи — г. Мочаловъ; Аполлонъ — г. Лавровъ; Мельпомена — г-жа Борисова; Талія — г-жа Львова-Синецкая; Полигимнія — дѣвица Заневская; Эрато—г-жа Аделина Каталани; Терпихора—г-жа Гюлленъ-Соръ; Уранія — дѣвица Ребристова: Каліопа—дѣвица Н. Рѣпина; Кліо — г-жа Глушковская; Эвтерпа — г-жа Лобанова; народъ, участвующій въ хорахъ и составляющій балетъ».

М. Д. Дмитріевъ (племянникъ извѣстнаго поэта И. И. Дмитріева) какъ поэтъ, удостоился впослѣдствіи слѣдующей лестной эпитафіи А. Пушкина:

«Михайла Дмитріевъ умре,
«Считался онъ въ 9-мъ классѣ
«Былъ камеръ-юнкеръ при Дворѣ
«И камердинеръ на Парнассѣ».

Большіе размѣры залъ фойэ Большого театра дали Дирекція возможность утилизировать этотъ театръ для устройства концертовъ. Первый «большой вокальный и инструментальный концертъ» былъ данъ самой Дирекціей [367]), «въ одной изъ залъ Петровскаго театра», 15-го февраля 1825 г. Въ концертѣ принимали участіе г-жи Филлисъ и Вятроцынская и гг. Булаховъ, Лавровъ, Финагинъ, Амотовъ и Титовъ. На залы эти вскорѣ открылся спросъ и со стороны частной антрепризы. Уже 23-го и 24-го февраля 1825 г. зала была снята для представленій Механика Пинчипе Репото, а затѣмъ слѣдовалъ рядъ частныхъ концертовъ: 25-го февраля г. Сусмана и 5-го марта г. Морица Спринга.

Концерты въ это время охотно посѣщались въ Москвѣ и давались, кромѣ Большого театра, также и въ залѣ Благороднаго Собранія, несмотря на то, что спектакли Итальянской оперы, по прежнему продолжались въ театрѣ Апраксина на Знаменкѣ. Весною 1825 г. итальянская труппа антрепренеровъ Тебальдо и Изолини перенесла спектакли, по субботамъ, также на Большой театръ, гдѣ даны были по два представленія оперъ «Сорока воровка» и «Родосскій рыцарь подъ Аміеттой», музыка Мейерберга. Затѣмъ нѣсколько спектаклей Итальянской оперы даны были по субботамъ, также на Большомъ театрѣ, въ октябрѣ 1825 г.

Вообще, съ открытіемъ двухъ новыхъ театровъ, Москва оживилась и сезонъ 1825—1826 г. обѣщалъ много интереснаго для москвичей, но неожиданная смерть Императора Александра I, 19-го ноября въ Таганрогѣ [368]), послѣдовавшій за ней 9-ти мѣсячный трауръ и политическія декабрьскія событія затормозили начавшую развиваться Московскую театральную жизнь.

Въ первое время, по вступленіи на престолъ, Императоръ Николай I повидимому уклонялся отъ какого либо отношенія къ театральнымъ дѣламъ. 31-го декабря 1825 г. [369]) состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ «чтобы всѣ представленія по

[367]) «Московскія Вѣдомости» 1825 г. 11 февраля № 12.

[368]) Извѣстіе о смерти Императора Александра I достигла Москвы лишь 29-го ноября 1825 г. и еще на 28-го ноября былъ назначенъ спектакль Итальянской оперы.

[369]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Имп. Т. Журналъ Комитета 1826 г. № 7.

театральнымъ дѣламъ, требующимъ Высочайшаго разрѣшенія, были присылаемы къ князю А. Н. Голицыну въ запечатанныхъ пакетахъ, адресуя оныя на имя Его Императорскаго Величества въ Собственныя руки; прочія же дѣла по прежнему вносить въ Комитетъ Министровъ». Конецъ траура по Императорѣ Александрѣ I пришелся на іюль мѣсяцъ 1826 г. и совпалъ съ приготовленіями къ торжеству коронаціи Императора Николая I, но Императорскіе театры оставались закрытыми нѣкоторое время и съ окончаніемъ траура. Въ Москвѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, открылись лишь представленія частной итальянской оперы. 25-го іюля 1826 г. состоялся торжественный въѣздъ въ Москву Императора Николая Павловича, а спектакли Императорскихъ труппъ открылись только 16-го августа и то въ одномъ Маломъ театрѣ. Коронованіе Государя совершилось 22-го августа, но въ программу празднествъ не вошелъ торжественный спектакль. Большой театръ открылся лишь 12-го сентября и съ этого дня спектакли пошли обыкновеннымъ порядкомъ, по очереди, на обоихъ театрахъ. За время закрытія театровъ, по случаю траура, Высочайше утвержденнымъ журналомъ Комитета Министровъ, 31-го августа 1826 г., Московскимъ театрамъ было назначено пособіе въ размѣрѣ 19.000 р. въ мѣсяцъ. С.-Петербургскіе же театры получили на томъ же основаніи по 40.000 р. въ мѣсяцъ. Ходатайство Московской Дирекціи о назначеніи ей, кромѣ того, пособія въ 46.900 р., на возмѣщеніе убытковъ артистовъ, потерявшихъ за время траура бенефисы, было отклонено, съ предложеніемъ Московскому управленію театрами вознаградить артистовъ своими средствами [370]).

Какъ сказано выше, 22-го февраля 1824 года учрежденъ былъ новый Комитетъ по театральнымъ дѣламъ, входившій по нѣкоторымъ вопросамъ съ представленіями въ Комитетъ Министровъ. Въ этомъ театральномъ Комитетѣ преобладающее значеніе получилъ гр. Милорадовичъ. Между прочимъ, благодаря его вмѣшательству и его особому мнѣнію въ Комитетѣ Министровъ, удовлетворительно разрѣшился вопросъ объ артистахъ крѣпостного состоянія [371]). 21-го октября 1824 года Комитетъ Министровъ постановилъ: крѣпостнымъ людямъ, прослужившимъ при Московскихъ театрахъ 10 лѣтъ и пожелавшимъ оставить службу,—предоставить свободу и на будущее время всякую покупку крѣпостныхъ людей къ театру отмѣнить. «А если случится особый талантъ въ семъ состояніи, то Театральная Дирекція можетъ содѣйствовать ему получить увольненіе отъ помѣщика, и тогда условиться съ нимъ о времени службы, какъ съ вольнымъ человѣкомъ». Остальныхъ крѣпостныхъ, не пожелавшихъ отойти, Комитетъ рѣшилъ оставить на дальнѣйшей службѣ въ Дирекціи, въ качествѣ людей, свободнаго состоянія. Графъ Милорадовичъ, соглашаясь съ поста-

[370]) Архивъ Спб. Конторы И. Т. Сборн. Выс. Повелѣн. т. II, стр. 52.
[371]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки III, стр. 307.

новленіямъ Комитета Министровъ, «всѣхъ прежде купленныхъ и подаренныхъ Московскому театру людей обратить въ свободное состояніе», высказалъ необходимость: «тѣмъ изъ принадлежащихъ къ Московскому театру крѣпостнымъ, которые, прослужа болѣе 10 лѣтъ, сдѣлались неспособными къ службѣ при театрѣ и не пожелаютъ отойти отъ театра, но должны будутъ оставаться въ вѣдомствѣ Дирекціи на ея содержаніи», предоставить права артистовъ и какъ таковымъ, прослужившимъ 10 лѣтъ, назначить по Положенію 1809 г. пенсіи, въ размѣрѣ $^1/_2$ годового оклада жалованья. На упомянутомъ постановленіи Комитета Императоръ Александръ I, 30-го декабря 1824 года, положилъ слѣдующую резолюцію: «Согласенъ съ графомъ Милорадовичемъ». Однако постановленіе о томъ, чтобы «на будущее время всякую покупку крѣпостныхъ людей къ театру отмѣнить», имѣло примѣненіе лишь къ Московскимъ театрамъ, такъ какъ, позднѣе, встрѣчается свѣдѣніе о покупкѣ Директоромъ театровъ кн. Гагаринымъ, 9-го января 1830 года, съ Высочайшаго соизволенія, у коллежскаго секретаря Афросимова, 13 музыкантовъ для оркестровъ Императорскихъ театровъ, за 24.000 руб. изъ суммъ Кабинета Его Величества [372]).

Здѣсь кстати замѣтить, что еще гораздо ранѣе выяснился вопросъ о положеніи вольноотпущенныхъ, поступающихъ въ театральную службу. 8-го октября 1817 г. было Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта [373]), по которому постановлено: состоявшихъ въ то время «подъ театральнымъ начальствомъ артистовъ и другихъ служителей всего 72 человѣка (изъ нихъ въ Москвѣ 6 артистокъ и 4 служителя), поступившихъ въ театральное вѣдомство изъ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ, исключить изъ сихъ званій и оклада, буде кто въ ономъ состоитъ написаннымъ, а отпущенныхъ на волю помѣщиками людей, оставить свободными отъ избранія другого рода жизни, и всѣхъ ихъ числить единственно при Императорской театральной службѣ; на будущее же время постановить: дабы о всякомъ поступающемъ въ число штатныхъ актеровъ и другихъ служителей, изъ обязанныхъ платежу податей и имѣющихъ отъ общества своего надлежащее о несостояніи за нимъ никакихъ повинностей свидѣтельство, представляемо было Правительствующему Сенату, для исключенія его въ то же время изъ подушнаго оклада». Позднѣе же, а именно 31-го іюля 1823 года [374]), состоялся Высочайшій Указъ, по которому постановлено «правиломъ: 1) чтобы принимать въ службу Театральной Дирекціи изъ податныхъ состояній и изъ отпущенныхъ на волю такихъ токмо людей, кои окажутъ особливую къ должностямъ по части Театральной Дирекціи способность; 2) чтобы вмѣнить

[372]) Ibid стр. 332.
[373]) Полн. собр. зак. т. XXXIV, № 27186.
[374]) Ibid. т. XXXVIII, № 29559.

въ обязанность каждому изъ купцовъ и мѣщанъ и другихъ подобныхъ тому состояній, желающему поступить въ театральную службу, предварительно испросить отъ общества своего увольненіе и обезпечить платежъ податей до слѣдующей ревизіи; 3) чтобы каждый, вступившій въ службу Театральной Дирекціи изъ податнаго состоянія или изъ людей, отпущенныхъ на волю, въ артисты, или въ служители, непремѣнно выслужилъ при театрѣ 10-ти лѣтній срокъ. Буде же кто изъ нихъ прежде сего срока, по собственному желанію, или по усмотрѣнію начальства, изъ театральнаго вѣдомства выбудетъ, таковаго, если изъ уволенныхъ обществомъ, обращать въ первобытное состояніе съ платежемъ по прежнему податей, а подлежавшихъ избранію рода жизни немедленно записывать въ податное состояніе, какое сами изберутъ на основаніи законовъ. Сіи правила должны служить пополненіемъ помянутому Высочайше утвержденному въ 8-й день октября 1817 года мнѣнію Государственнаго Совѣта». Этимъ путемъ, только черезъ 13 лѣтъ, былъ болѣе или менѣе практично регулированъ вопросъ о мѣрахъ противъ уклоненія отъ податнаго состоянія отставныхъ артистовъ, которое еще въ 1810 году озабачивало Театральное управленіе и вело къ столкновеніямъ, подобнымъ выяснившемуся въ дѣлѣ актрисы Горбуновой (см. выше стр. 134).

Учрежденіе 22-го февраля 1824 года новаго Комитета, лишь для разработки театральной реформы, оставило Директора театровъ Майкова безъ указанія той власти, къ которой онъ долженъ обращаться за разрѣшеніемъ важныхъ текущихъ вопросовъ, выходящихъ изъ сферы его полномочій. Съ объясненіемъ своего затруднительнаго положенія Майковъ обратился въ новый Комитетъ, который, въ засѣданіи 14-го марта 1824 года [375]), постановилъ испросить Высочайшее соизволеніе, «чтобы на основаніи учрежденія бывшаго Комитета по театральнымъ дѣламъ, дозволить ему принимать и разрѣшать представленія г. Управляющаго Театральною Дирекціею на правахъ, по которымъ въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовалъ Комитетъ 1812 года». Ходатайство это тогда же удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Такимъ образомъ новый Комитетъ принялъ полномочія стараго, въ новомъ составѣ, съ тою лишь разницею, что во главѣ его сталъ гр. Милорадовичъ, вступившій въ непосредственное руководство театральнымъ дѣломъ въ Петербургѣ. Р. Зотовъ, близко стоявшій къ Комитету, въ качествѣ правителя канцеляріи Комитета, говоритъ объ этомъ учрежденіи такъ [376]): «съ самыхъ первыхъ дней существованія Комитета оказалось, что онъ весь сосредоточенъ въ лицѣ графа Милорадовича и что Директоръ театровъ вполнѣ въ его распоряженіи. Всѣ дѣйствія по управленію пред-

[375]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 305.
[376]) Р. Зотовъ. Театральныя воспоминанія, стр. 58.

ставлялись Комитету, но рѣшалъ ихъ одинъ графъ и въ случаѣ какихъ либо возраженій или замѣчаній прочихъ членовъ, объявлялъ Высочайшую волю, какъ Генералъ-губернаторъ облеченный довѣренностью Монарха».

Близко вникая вообще въ петербургскія театральныя дѣла, гр. Милорадовичъ исключительныя заботы и любовь проявлялъ къ театральной школѣ и въ особенности къ балетной труппѣ. Въ архивѣ сохранилось лично изданное гр. Милорадовичемъ распоряженіе, ограничивающее сценическую работу балетныхъ артистовъ, перваго амплуа, двумя спектаклями въ недѣлю. Гр. Милорадовичъ, какъ повѣствуетъ о немъ Р. Зотовъ, свободнѣе владѣлъ французскимъ языкомъ, чѣмъ русскимъ, а потому и приказанія свои писалъ по французски. Приводимъ здѣсь, текстъ этого распоряженія по балетной части С.-Петербургскихъ театровъ, изданнаго гр. Милорадовичемъ 19-го сентября 1825 года [377]).

«Il a été déjà érigé en règle que dans le courant d'une semaine il n'y ait plus de 2 ballets, on a porté aussi l'attention à ce que les personnages dansants se changent.

Cette attention bienfaisante était fondée en ce que l'art de la danse demande un exercice journalier et une étude chez soi; il faut se préparer au moindre pas, répétant en même temps aussi les grands ballets, pour ne pas oublier ou perdre l'habitude des anciens pas.

---

[377]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. И. Т. Дѣло 1825 г., № 139. Современный переводъ этого распоряженія на русскій языкъ таковъ:

«Уже правиломъ принято, чтобы въ теченіе недѣли не было болѣе 2-хъ балетовъ, также обращено было вниманіе и на то, чтобы дѣйствующія лица перемѣнялись.

Сіе благотворительное вниманіе основано было на томъ, что искусство танцовальное требуетъ ежедневнаго упражненія и ученія домашняго; къ наималѣйшему пà должно приготовляться, а между тѣмъ повторять и большіе балеты, дабы не забыть и не отстать отъ извѣстныхъ уже пà.

Сіе чрезмѣрно изнурительно и вліяніе имѣетъ и на здоровье, но изъ афишей вижу я, что тѣ же самыя лица, которыя танцовали въ продолженіи той же недѣли, танцуютъ и въ бенефисахъ.

Сіе несправедливо и въ противность предположенію уже разъ принятаго.

А по сему необходимо нужно обратить на сіе особое вниманіе какъ начальству, такъ и г. балетмейстеру Дидло, и по распоряженіямъ въ назначеніи танцевъ назначать такимъ образомъ, чтобы одно лицо болѣе двухъ разъ въ недѣлю уже не танцовало—лучше менѣе.

Учтивости въ отношеніи бенефисовъ неумѣстны тамъ, гдѣ здоровье страдаетъ.

Разумѣется, что сіе относится только къ однимъ лицамъ, занимающимъ первое аплуа, выпущеннымъ изъ школы и тѣмъ, кои прежде воспитывались школѣ.

Тѣ же, которые сами собою опредѣляются на службу, могутъ располагать по своему собственному убѣжденію.

Равномѣрно кордебале, который не имѣетъ надобности въ усиленныхъ приготовленіяхъ и упражненіяхъ».

Cela est extrêmement fatiguant et influe sur la santé, je vois cependant par les affiches, que les mêmes sujets, qui ont dansé dans le courant de la semaine, dansent aussi dans les bénéfices.

Ceci est injuste et contraire au réglement déjà une fois établi.

Il est donc indispensable, que la Direction et M-r le maître du ballet Didelot portent à ces égards une attention particulière, pour qu'en fixant et assortissant les danses, ils aient en vue, que le même personnage ne danse pas plus de deux fois par semaine, et moins encore mieux.

Les égards de politesse usités dans les bénéfices ne doivent pas avoir lieu—où la santé souffre.

Cela s'entend que ce réglement regarde seulement les sujets, qui occupent les premiers emplois et sont nouvellement sortis de l'école où ils ont été élevés.

Ce qui concerne les personnages, entrés au service d'eux mêmes, ils peuvent disposer de soi d'après leur propre volonté.

Egalement excepté le corps de ballet, qui n'a pas besoin de préparatifs».

Этотъ документъ рисуетъ между прочимъ ту попечительность Дирекціи, которая сопровождала воспитанниковъ школы въ ихъ дальнѣйшей служебной карьерѣ, преимущественно передъ артистами, ангажированными со стороны.

Въ составъ членовъ новаго Комитета вошли также оберъ-прокуроръ Сената, а впослѣдствіи сенаторъ, Арк. Ал. Столыпинъ и кн. Шаховской, о назначеніи котораго гр. Аракчеевъ сообщилъ гр. Милорадовичу еще 20-го февраля 1821 года, съ объясненіемъ, что кн. Шаховской вводится въ Комитетъ «для объясненія въ немъ дѣлъ» [378]), впослѣдствіи на кн. Шаховскаго было возложено, между прочимъ, составленіе правилъ и штата новаго управленія.

Разработка Комитетомъ положенія о театрахъ шла энергично. Результаты трудовъ Комитета были уже черезъ годъ отредактированы и 3-го мая 1825 года Высочайше утверждено «Постановленіе Императорской Театральной Дирекціи» [379]), состоящее изъ слѣдующихъ пяти частей:

1-я часть. Вступленіе, въ которомъ Высочайше учрежденный Комитетъ объясняетъ, что представляемый имъ проектъ составленъ согласно докладной запискѣ графа Милорадовича и въ основаніе проекта принято Высочайше утвержденное Положеніе 1809 года. Вступленіе высказываетъ увѣренность, что проектированный имъ «Комитетъ Главной Дирекціи, учрежденный надъ конторою и Директоромъ театровъ и составленный изъ членовъ, удостоенныхъ Высочайшей довѣренностью,

[378]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. И. Т. Дѣло 1824 г., № 6.

[379]) Полное собраніе законовъ, т. XL, № 30335.

долженъ непремѣнно ограничить расходы, водворить порядокъ, оградить начальство и подчиненныхъ отъ самоуправства, своеволія и посторонних вліяній, ободрить дарованія, возвысить и довести Императорскій театръ до совершенства, могущаго его сравнить со всѣми заведеніями, дѣлающими честь нашему вѣку и отечеству». Такимъ образомъ, вступленіе, рисуя свѣтлыя перспективы будущихъ, къ сожалѣнію на дѣлѣ неоправдавшихся, результатовъ дѣятельности Комитета Главной Дирекціи, въ то же время подчеркиваетъ недостатки прошлаго управленія Нарышкина и кн. Тюфякина. Ex ungue leonem. Чувствуется желчь пера кн. Шаховскаго, когда то обиженнаго кн. Тюфякинымъ и долго, благодаря ему, остававшагося не у дѣлъ.

2-я часть. «Постановленіе Комитета Главной Дирекціи», въ немъ опредѣлены:

1) правила Комитета, который имѣетъ высшее управленіе надъ всѣми частями С.-Петербургскихъ Императорскихъ театровъ, разсматриваетъ отчеты театральныхъ Конторъ обѣихъ столицъ и дѣйствуетъ на основаніи «особо данной» инструкціи;

2) Обязанности Комитета, состоящія въ главномъ надзорѣ за С.-Петербургскими Императорскими театрами;

3) Обязанность Директора, который, состоя предсѣдателемъ Театральной Конторы подчиненъ непосредственно Комитету и отвѣтствуетъ «за сохраненіе предписанныхъ правилъ и за всѣ упущенія по репертуарной и хозяйственной части». Значеніе должности Директора весьма умалено, онъ уже не назначается, какъ прежде, по непосредственному избранію Монарха, а избирается Комитетомъ изъ лицъ, имѣющихъ «нужныя познанія для управленія искусственною частью» и лишь утверждается Государемъ Императоромъ, по представленію Комитета.

4) Постановленія о Театральной Конторѣ, которая состоитъ изъ Директора и двухъ членовъ и дѣлится, какъ и по положенію 1809 г. на два отдѣленія: репертуарное и хозяйственное, сообразно этому и дѣлопроизводство Конторы дѣлится на два «повытья», съ «повытчикомъ» и двумя писцами въ каждомъ. Члены Конторы опредѣляются Комитетомъ Главной Дирекціи и представляются на утвержденіе Государя Императора;

5) Новыя пенсіонныя правила для артистовъ, по которымъ устанавливаются пенсіи русскимъ подданнымъ: а) За 20 лѣтъ службы, «съ должнымъ усердіемъ и ревностью», — полная, въ размѣрѣ оклада жалованья по контракту послѣдняго трехлѣтія, но не болѣе 4.000 р. При этомъ введенъ новый принципъ, которому суждено было долгое существованіе, до реформы 1882 г., а именно: артисты, получившіе пенсію, обязаны прослужить «*въ благодарность*» два года безъ жалованья, получая одну лишь пенсію; б) за 15 лѣтъ службы—пенсія въ размѣрѣ 2/3 оклада жалованья, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и полная и в) за

10 лѣтъ службы, при болѣзни и неспособности къ службѣ,—пенсія въ размѣрѣ $^1/_2$ оклада жалованья. Пенсіи артистамъ иностранцамъ установлены: а) за 18 лѣтъ службы—въ размѣрѣ $^1/_2$ оклада жалованья и б) за 12 лѣтъ службы—въ размѣрѣ $^1/_3$ оклада жалованья. Условіемъ полученія пенсіи иностранцами ставится принятіе русскаго подданства, до вступленія въ службу, что создало явное противорѣчіе, такъ какъ артистъ, принявшій русское подданство, тѣмъ самымъ юридически переставалъ быть иностранцемъ, а дѣлался русскимъ, иностраннаго происхожденія. Пенсіи, вообще, назначаются за непрерывную и безотлучную службу, въ теченіе опредѣленнаго срока. Постановленіемъ допущенъ пріемъ пенсіонеровъ вновь на службу Дирекціи, съ сохраненіемъ пенсіи, но безъ назначенія жалованья, которое замѣнено поспектакльной платой. Такимъ образомъ, въ положеніи 1825 г. впервые узаконяется теоретически справедливый институтъ поспектакльной платы, въ практическомъ примѣненіи, впослѣдствіи, принесшій много зла театральному дѣлу и хлопотъ Дирекціи;

6) Составъ Императорскихъ театровъ въ С.-Петербургѣ, ограниченный тремя труппами: русской, балетной и нѣмецкой, съ оркестрами при нихъ;

7) порядокъ дѣлопроизводства по денежной части и отчетности.

3-я часть. Правила внутренняго управленія Императорской Театральной Дирекціи. Правила переполнены руководящими объясненіями главнымъ образомъ по художественной части, принадлежащими, какъ надо думать, перу большого знатока театральнаго дѣла кн. А. А. Шаховскаго. Объясненія эти имѣютъ несомнѣнное историческое и практическое значеніе, даже и въ настоящее время, а потому мы останавливаемся на нихъ съ нѣкоторою подробностью. Въ правилахъ излагаются послѣдовательно, статьи:

1) обязанности должностныхъ лицъ и дѣлопроизводство Комитета и Конторы.

2) Порядокъ письмоводства въ Конторѣ.

3) Обязанности лицъ, принадлежащихъ къ 1-му отдѣленію Конторы, а именно: директора (или инспектора) музыки, вѣдающаго всѣ оркестры, штабъ-лекаря и экзекутора.

4) «О состояніи труппъ». По этой статьѣ всѣ артисты, раздѣлены на 4 степени: а) занимающихъ амплуа. б) «замѣняющихъ въ оныхъ» (dubles). в) играющихъ «приличія» (utilités) и г) вводныя лица (accessoires). Въ каждой труппѣ назначаются режиссеры. Статья излагаетъ ихъ обязанности, а также обязанности балетмейстеровъ и капельмейстеровъ. Относительно сценическихъ амплуа статья эта проводитъ болѣе прогрессивный взглядъ, чѣмъ положеніе 1809 года, а именно: «Въ комедіи, трагедіи и драмѣ амплуа раздѣляются и именуются по свойству

ролей. Въ оперѣ же, не столько по характерамъ дѣйствующихъ лицъ, какъ по музыкальнымъ ключамъ или способности голосовъ; ибо пѣніе, первенствуя въ оперѣ, дѣлаетъ драматическую часть не столь важною и авторы, жертвуя силою поэзіи и музыки, ведутъ легко разговорныя сцены и черезъ то роли дѣлаются не столь трудными, чтобы одинъ и тотъ же актеръ не могъ принаровиться къ разнымъ характерамъ, не требующимъ глубокаго вниманія и большой силы искусства. Въ водевиляхъ (которые, къ слову сказать, играли въ то время не малую роль въ репертуарѣ) амплуа означаются, какъ въ комедіи, ибо драматическая часть въ оныхъ первенствуетъ, а музыка придаетъ только живость куплетамъ, и потому водевильная труппа составляется изъ комическихъ и оперныхъ актеровъ, сообразно ихъ способностямъ. Въ балетахъ, родъ танцевъ, какъ то: серьезныхъ, полухарактерныхъ, пейзанскихъ, арабесковъ и комическихъ составляетъ амплуа дансеровъ, кромѣ пантомимныхъ ролей, которыя именуются, какъ въ драматическихъ труппахъ».

5) «О награжденіяхъ и взысканіяхъ». Опредѣленію нарушеній и взысканій предпослана слѣдующая мотивировка пенсій артистамъ, какъ высшей награды за службу: «Артистъ, занимающій амплуа, имѣетъ два средства къ достиженію до перваго оклада: первое, которымъ онъ обязанъ природѣ; второе, зависящее отъ него, т. е. если необыкновенное дарованіе, или не только долговременное и точное исполненіе своихъ обязанностей, но и пожертвованіе своимъ самолюбіемъ и временемъ для выгодъ Дирекціи и безостановочнаго теченія репертуара. Усердный артистъ, принимая на себя не принадлежащіе ему и низшіе амплуа, выучивая, въ замѣнъ другому, роли, не входящія въ его обязанность, и играя часто и безотговорочно, пользою, приносимою имъ театру, заслужитъ постепенно то воздаяніе, до котораго быстрѣе достигаетъ чрезвычайное дарованіе. Но никакой талантъ, какъ бы ни былъ онъ превосходенъ, не можетъ принести существенной пользы театру, если артистъ, имъ одаренный, доброю волею и усердіемъ не привлечетъ къ себѣ уваженія начальства и публики и не поддержитъ достоинства своего званія, чтобъ за долговременныя труды удостоиться Высочайшаго и вѣчнаго награжденія пенсіономъ». Шкала взысканій установлена въ такой послѣдовательности: а) выговоръ б) штрафъ отъ 3-хъ-дневнаго до 36-ти-дневнаго размѣра содержанія, в) арестъ, «или письменный по всѣмъ труппамъ выговоръ» и г) уничтоженіе контракта и исключеніе изъ службы.

6) «О составленіи репертуара». Въ этой статьѣ подробно излагается и мотивируется рядъ руководящихъ по репертуару предписаній, а именно: «Выборъ, разнообразіе, принаровленіе и правильный ходъ репертуара составляютъ сущность

и истинное хозяйство театровъ. Чтобы пріучить публику къ постоянному посѣщенію зрѣлищъ, сдѣлать оныя, такъ сказать, для нея необходимостью и тѣмъ самымъ превратить предположительный ходъ почти въ неизмѣнный, нужно слѣдующее: 1) чтобы для составленія репертуара піэсы избирались съ бо̀льшею предусмотрительностью; 2) чтобы спектакли, для избѣжанія утомительнаго единообразія, были представляемы очередью, ведущею одинъ родъ за другими и одну піэсу за другою (кромѣ новостей). 3) Чтобы составъ репертуара принаровлялся къ различнымъ вкусамъ жителей, предпочитающихъ одинъ родъ другому, и для того нужно, чтобы каждый день въ недѣлю былъ по возможности назначенъ: для комедій, трагедій, оперы, балета и пр. Симъ образомъ зритель, увѣренный заранѣе, что любимое имъ зрѣлище будетъ дано въ извѣстный день, располагаетъ потому свои дѣла, чтобы не лишить себя удовольствія, а тѣмъ самымъ и театръ постояннаго хода. 4) Чтобы репертуаръ былъ составленъ съ большою предусмотрительностью и изслѣдованіемъ возможностей и неудобствъ по всѣмъ частямъ, входящимъ въ составъ театральныхъ представленій, ибо произвольно назначаемая очередь спектаклей лишаетъ часто актеровъ времени къ изготовленію ролей, изнуряетъ дансеровъ и музыкантовъ, отнимаетъ у режиссеровъ, балетмейстеровъ и машинистовъ удобство поставить спектакли въ надлежащемъ видѣ; и зрителямъ, вмѣсто удовольствія, внушаетъ досаду, которая отохочиваетъ ихъ отъ театра. Ничто же не дѣлаетъ столь скораго вреда Театральнымъ Дирекціямъ, какъ частыя перемѣны въ извѣщенныхъ спектакляхъ, онѣ оскорбляютъ зрителей, заставляютъ винить Дирекцію въ неуваженіи къ публикѣ и въ слабомъ управленіи, а артистовъ—въ своевольствѣ и лѣности; и наконецъ лишаютъ театръ общей довѣренности и внушаютъ въ артистахъ безпечность и равнодушіе къ должности, которою не могутъ заниматься надежно и правильно. Конечно, и при самомъ дѣятельномъ и твердомъ управленіи, могутъ случаться необходимыя причины внезапной перемѣны спектаклей; но онѣ очень рѣдки и происходятъ по большей части: или отъ послабленія начальства къ нѣкоторымъ артистамъ, или отъ непомѣрнаго усилія въ составѣ репертуара; но благоразумное распредѣленіе трудовъ, давая нужный отдыхъ артистамъ, и Дирекція, имѣющая внушить имъ: что не театръ сдѣланъ для нихъ, но они существуютъ для театра, можетъ предупреждать сіи вредные и постыдные обманы публики.—Впрочемъ если бы и случилась крайняя необходимость въ перемѣнѣ возвѣщеннаго спектакля, то и тогда Дирекція обязана замѣнить оный не иначе, какъ лучшими піэсами, въ томъ же самомъ родѣ и отдавать отчетъ публикѣ въ причинѣ сей необходимой перемѣны, дабы она не причла нечаяннаго происшествія ея незаботливости. Дирекція Театровъ, изъ какихъ бы лицъ она ни была составлена,

существуетъ для доставленія благороднаго и полезнаго удовольствія публикѣ и обязана всѣми возможными угожденіями доказывать ей свое вниманіе».

Далѣе статья говоритъ о существенномъ вопросѣ т. н. «ансамбля» спектаклей, о которомъ упоминалъ еще дисциплинарный Уставъ Комитета 1783 г.

«Репертуаръ, душа театровъ, пишетъ авторъ положенія, усовершенствовывается и поддерживается: осторожнымъ выборомъ, вѣрнымъ изученіемъ, хорошею обстановкою и удовлетворительнымъ представленіемъ пьесъ, которыя зависятъ: отъ приличнаго распредѣленія ролей, достаточнаго времени къ изученію оныхъ и общаго содѣйствія всѣхъ персонажей».

Установленіе этихъ трехъ главныхъ элементовъ прочной постановки сценическаго дѣла: удачнаго распредѣленія ролей, хорошей срепетовки и ансамбля, дѣлая честь авторамъ положенія, сохранитъ вѣчное руководящее значеніе для всякаго серьезнаго театра.

«Одинъ или нѣсколько актеровъ, говорится далѣе, имѣющихъ отличное дарованіе, повременно привлекаютъ публику и доставляютъ Дирекціи нѣсколько полныхъ сборовъ, но, безъ хорошо составленнаго репертуара, не приносятъ еще пользы и чести. Тѣ театры, которые приманиваютъ зрителей только нѣсколькими отдѣльными дарованіями, выставляемыми ими на афиши, къ уничтоженію прочихъ артистовъ никогда и нигдѣ долго не процвѣтали. Они, полагая всю надежду свою на выставляемыхъ ими артистовъ, а не на достоинство пьесъ и исправность представленія оныхъ, впадаютъ по необходимости въ зависимость сихъ любимцевъ публики, покоряются ихъ своеволію, уничтожаютъ, въ угодность имъ, возникающія дарованія; составляютъ репертуаръ для удовлетворенія ихъ самолюбія и тѣмъ самымъ дѣйствуютъ противъ собственныхъ своихъ выгодъ. Не могши ихъ заставить играть, не только каждый спектакль, но и слишкомъ часто, чтобы не пресытить публику, ими только привлекаемую, они лишаютъ себя постоянныхъ сборовъ; и не бывши уже въ силахъ составить привлекательнаго репертуара изъ другихъ актеровъ, въ которыхъ оскорбленное самолюбіе родитъ хладнокровіе, убиваетъ усердіе и любовь къ искусству, безъ коихъ не можетъ быть общаго дѣйствія, необходимаго для успѣшнаго представленія піэсъ, Дирекція отъ капризовъ, болѣзни, или удаленія избалованныхъ талантовъ совершенно упадаетъ. Представленные въ парижскихъ журналахъ примѣры: 1) г-нъ Жоржъ, уничтожающій всѣхъ актеровъ Одеона и 2) Театра Пикарова [380]), процвѣтавшаго долгое время безъ отличныхъ дарованій, однимъ совершенствомъ общаго дѣйствія, служитъ неоспо-

[380]) Picard, Louis François (1769—1828). Драматическій писатель (80 пьесъ) и романистъ. Съ 1792 г. актеръ въ Comédie Française, съ 1800 г. директоръ театра Лувуа, иначе Théâtre

римымъ доказательствомъ, что честь и польза театра зависитъ единственно отъ репертуара, благоразумно составленнаго и тщательно исполняемаго. Однимъ умѣньемъ вести репертуаръ и возбуждать соревнованіе и усердіе артистовъ многіе антрепренеры (въ чужихъ краяхъ) обогатились отъ той же самой публики, того же театра и труппъ, которые были причиною раззоренія ихъ предшественниковъ. Неоспоримо, пламенная любовь къ искусству, жаръ и дѣятельность Директора необходимы для возвышенія театра, но они должны быть руководимы правилами, извлеченными изъ опытности, чтобы достигнуть желаемой цѣли». Послѣдняя тирада: также золотыя слова, которыя останутся справедливыми во всѣ времена и для каждаго серьезнаго театра!

По положенію, репертуаръ раздѣляется на три вида: 1) Общій—пьесы, выдержавшія нѣсколько представленій, 2) Текущій—новыя пьесы, или возобновляемыя по сезонному плану и 3) Запасный—лучшія классическія пьесы, много разъ игранныя. Запасный репертуаръ назначается «для благовиднаго замѣненія въ непредвидѣнномъ случаѣ возвѣщенныхъ представленій». Положеніе особенно подробно останавливается на текущемъ репертуарѣ. «При составленіи сего репертуара, говоритъ оно, должно наблюдать слѣдующее: 1) чтобы раздѣленіе новыхъ ролей было, сколь возможно, распространяемо на всю труппу, дабы, обременяя однихъ и тѣхъ же артистовъ, не отдаляло первыхъ представленій, которыя въ лѣтнее время могутъ улучшить сборы, а въ осеннее, бывъ играны въ началѣ карнавала, облегчатъ теченіе репертуара въ зиму, когда уже отъ умноженія спектаклей и хода бенефисовъ, изученіе новостей дѣлается крайне затруднительнымъ; 2) чтобы піэсы раздѣлялись на разные роды, сообразно настоящему теченію спектаклей, т. е. чтобы піэсы, даваемыя въ воскресные дни, были отдѣлены особымъ реестромъ и состояли: изъ волшебныхъ представленій и оперъ народныхъ или драмъ, привлекающихъ въ праздничное время купцовъ и ремесленниковъ и раздаваемы были по возможности для доставленія отдыха актерамъ, необходимо занимаемымъ въ высшемъ родѣ спектаклей. Чтобы большія комедіи, даваемыя съ водевилями, имѣли свой реэстръ и были представляемы первыми сюжетами, равно какъ и малыя комедіи хорошаго тона, оканчивающіе трагическое представленіе; чтобы оперныя представленія, сколько возможно, не занимали актеровъ, необходимыхъ для комедіи и трагедіи; и одни только водевили, по легкости своей, не наносящіе большого труда актерамъ, составлялись изъ обоихъ родовъ спектакля. Комедіи и оперные фарсы должны составить свое отдѣленіе, для святочныхъ, масляничныхъ или такихъ дней, когда Дирекція найдетъ нужнымъ дать

des Amis de la Patrie (1791—1808), преобразовавшагося впослѣдствіи въ Théâtre d'Odéon. Затѣмъ Пикаръ былъ директоромъ оперы, а съ 1816 г. вновь директоромъ Одеона.

два русскихъ спектакля на обоихъ нынѣ существующихъ театрахъ, или иногда для начала представленія новыхъ балетовъ. Сіи распредѣленія могутъ облегчить теченіе спектаклей и сдѣлать удобнымъ выборъ репертуара, составляемаго на каждую недѣлю, поставя очередь между піэсъ, для разнообразія спектаклей и удовлетворенія самолюбія актеровъ, играющихъ всѣ роли своего амплуа, дабы вознаградить хорошими дурные и авторовъ, любящихъ видѣть на сценѣ свои сочиненія не рѣже другихъ».

7) «О принятіи и постановленіи піэсъ», гдѣ излагается порядокъ разсмотрѣнія пьесъ въ Дирекціи и направленія ихъ въ общую цензуру. Пьесы предварительно разсматриваются Директоромъ или первымъ членомъ и, съ заключеніемъ ихъ, вносятся въ Комитетъ Главной Дирекціи. «Комитетъ же съ своей стороны, когда, по важности сочиненія, или содержанія піэсы, заблагоразсудить, приглашаетъ извѣстныхъ словесниковъ и первостепенныхъ актеровъ къ выслушанію новой піэсы и согласно съ дѣйствіемъ, которое она произведетъ надъ слушателями, дѣлаетъ свое заключеніе: о принятіи или возвращеніи автору его сочиненія». Такимъ образомъ Положеніемъ 1825 г. установлены 3 инстанціи для разсмотрѣнія пьесъ: 1-я инстанція—Директоръ, 2-я—коллегія *извѣстныхъ словесниковъ* и 3-я—Комитетъ Главной Дирекціи, по одобреніи котораго, пьеса направлялась въ общую цензуру. Вторая инстанція не была обязательной, она примѣнялась по усмотрѣнію Комитета лишь для пьесъ, «отличающихся важностью сочиненія или содержанія». Академическій порядокъ разсмотрѣнія пьесъ «въ собраніи словесниковъ» по тексту положенія 1825 г., примѣнялся лишь «для выслушанія новой пьесы», а рѣшеніе ставилъ Комитетъ согласно впечатлѣнію слушателей.

Первое собраніе для «чтенія и сужденія» пьесъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго постановленія 3-го мая 1825 г., состоялось въ 1 часъ пополудни 20-го ноября 1825 г. [381]). Къ разсмотрѣнію была внесена трагедія Катенина «Андромаха». Собраніе состоялось въ присутствіи членовъ Комитета: гр. Милорадовича, кн. В. В. Долгорукова и кн. А. А. Шаховскаго. Въ качествѣ «посѣтителей» въ собраніе были приглашены адмиралъ и министръ Народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ, П. М. Муравьевъ, д. с. с. П. М. Карабановъ, т. с. Юр. Алекс. Нелединскій-Мелецкій, В. А. Жуковскій, И. А. Крыловъ, Д. М. Княжевичъ, П. И. Соколовъ, О. В. Булгаринъ, В. И. Григоровичъ и А. Ѳ. Воейковъ и артисты С.-Петербургскихъ Императорскихъ театровъ: Семенова б., Колосова, Вальберхова, Каратыгинъ, Брянскій и Борецкій. Послѣдній явился, по назначенію автора, чтецомъ пьесы. Журналомъ Комитета того же 20-го ноября 1825 г. трагедія Катенина «Андромаха» была принята къ постановкѣ, такимъ образомъ, первое «собраніе»

[381]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Имп. Т. Журналъ Комитета Гл. Дир. 1825 г., № 3.

словесниковъ явилось какъ бы частнымъ предварительнымъ совѣщанiемъ при засѣданiи Комитета Главной Дирекцiи. Черезъ годъ по введенiи положенiя 3-го мая 1825 г., согласно Журналу Комитета 1-го марта 1826 г. [382]), собранiе словесниковъ было уполномочено на точное опредѣленiе достоинства пьесъ и «принятiе и возвращенiе ихъ авторамъ» стало производиться по баллотировкѣ. Составъ «посѣтителей» собранiя, какъ ихъ тогда называли, съ 1826 г. былъ таковъ: т. с. А. Н. Оленинъ, д. с. с. Карабановъ, ст. сов. Н. Ф. Остолоповъ (впослѣдствiи, Директоръ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ), А. З. Измаиловъ, И. А. Крыловъ, В. И. Григоровичъ, Ф. Д. Гемнихъ, М. З. Лобановъ, В. Н. Панаевъ и артисты: Каратыгинъ, Борецкiй (чтецъ собранiя) и Сосницкiй [383]).

Введенiемъ серьезной и компетентной художественно-литературной критики составители положенiя 1825 г. очевидно хотѣли очистить и усовершенствовать репертуаръ, но стремленiе къ художественной цензурѣ оказалось невыдержаннымъ, такъ какъ сущность истиннаго хозяйства театровъ признана Положенiемъ не только въ выборѣ репертуара, но и въ *принаровленiи* его ко вкусу публики. Здѣсь, уже не впервые, обнаруживается роковая неустойчивость Дирекцiи Императорскихъ театровъ въ установленiи принциповъ выбора репертуара и вѣчный разладъ между художественной и репертуарно-хозяйственной критикой пьесъ. Заключенiе о пѣлесообразности, удобопримѣнимости и выгодности постановки данной пьесы высказывается Директоромъ театра, непосредственно у дѣла стоящимъ и отвѣтственнымъ за успѣхъ репертуара и за равновѣсiе сборовъ съ расходами. Академическая же аттестацiя пьесъ, которой Положенiе 1825 г. повидимому даетъ рѣшающее значенiе, поручается приглашеннымъ со стороны словесникамъ, за результаты своего заключенiя не отвѣтственнымъ. Академичность этихъ словесниковъ на практикѣ заявила себя, вскорѣ же послѣ ихъ приглашенiя къ оцѣнкѣ пьесъ, попыткой установить извѣстныя рамки въ направленiи этой оцѣнки. Такъ напр. Журналомъ Комитета 12-го марта 1826 г. [384]) воспрещенъ «прiемъ на сцену трагедiй, писанныхъ бѣлыми стихами, которые, по мнѣнiю словесниковъ того времени, походя на худшую изъ прозъ—мѣрную, не терпимы ни въ какомъ драматическомъ сочиненiи». Надо думать, что такое рѣшенiе состоялось не безъ влiянiя А. Н. Оленина, неумолимаго классика, непризнававшаго, по отзыву Р. Зотова, за чертою французскаго классицизма, ничего хорошаго [385]).

---

[382]) В. П. Погожевъ. Ист. очерки, I, стр. 18.
[383]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Имп. Т. Журналъ Комитета Гл. Дир. 10-го iюня 1826 г.
[384]) В. П. Погожевъ. Историческiе очерки. I, стр. 20.
[385]) Р. Зотовъ. Театральныя воспоминанiя, стр. 57.

Положеніе 1825 г., далѣе, узаконивает даже прямое отступленіе отъ принциповъ художественнаго выбора репертуара, чисто въ хозяйственныхъ соображеніяхъ что, между прочимъ, видно изъ заключенія статьи «о принятіи и постановленіи піэсъ», гласящаго такъ: «для избѣжанія торопливости въ изученіи ролей и постановленія спектакля, которыя вредятъ ходу репертуара и хозяйственнымъ оборотамъ Дирекціи должно стараться—1) чтобы всѣ важныя пьесы, требующія отличнаго раченія и большихъ расходовъ, поступали въ ученіе при началѣ великаго поста, или въ теченіи лѣта, чтобы въ каждомъ родѣ могли изучаться и репетироваться по двѣ пьесы вдругъ, не мѣшая одна другой, 2) чтобы къ открытію послѣ великаго поста, каждый годъ, была изготовлена большая опера или великолѣпный спектакль въ томъ костюмѣ, который Дирекція имѣетъ нужду возобновить, и потому расходы на сіе представленіе хотя бы и были очень значительны, послужатъ въ пользу Дирекціи необходимымъ укомплектованіемъ гардероба». При веденіи въ то время спектаклей круглый годъ, являлась совершенно логичной забота Дирекціи объ освѣженіи репертуара и о муссированіи интереса его къ началу сравнительно мертваго лѣтняго сезона. Что же касается послѣдняго хозяйственнаго соображенія Дирекціи, то хотя оно и мало вяжется съ вышеприведенными принципіальными взглядами на душу театра—репертуаръ, тѣмъ не менѣе находитъ оправданіе въ особо экономичной системѣ тогдашняго монтировочнаго хозяйства, мало интересовавшагося исторической и этнографической правдой въ постановкахъ. Требовательность монтировки въ этомъ отношеніи, за рѣдкими исключеніями, еще въ 70-хъ годахъ XIX вѣка, скромно ограничивалась сортировкой костюмовъ по такъ называемымъ характерамъ: русскій, французскій, испанскій, турецкій, китайскій, пейзанскій, фантастическій и «разный», въ который входило все то, что не вошло въ предъидущіе.

Еще въ болѣе рѣзкое противорѣчіе, по вопросу «о предусмотрительности» въ выборѣ репертуара, впадаетъ Положеніе въ дальнѣйшей статьѣ «о бенефисахъ», по которой допускается, по представленію Конторы, постановка въ бенефисы артистовъ пьесъ «неудостоенныхъ Комитетомъ», если сочиненіе «*не вовсе безобразно*», и тутъ же признается возможность, что такая, не слишкомъ уже «безобразная» пьеса, не только будетъ повторена послѣ бенефиса, но даже съ успѣхомъ войдетъ въ репертуаръ.

Процессъ разсмотрѣнія пьесъ по Положенію 1825 г. и по позднѣйшему постановленію Комитета Главной Дирекціи 1-го марта 1826 г. [386]) обставленъ извѣстнымъ письменнымъ порядкомъ: краткимъ изложеніемъ сюжета пьесъ, выпиской

[386]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. I, стр. 17.

нѣкоторыхъ мѣстъ ея, характеризующихъ достоинство слога и мысли автора, изложеніемъ мнѣнія лица, разбиравшаго пьесу и наконецъ счетомъ голосовъ, при баллотировкѣ заключенія «собранія» извѣстныхъ словесниковъ и артистовъ, разсматривавшихъ пьесу. Надо думать, что трудъ словесниковъ и первостепенныхъ артистовъ, по участію въ собраніяхъ, былъ безвозмездный, такъ какъ нигдѣ не встрѣчается указаній на какое либо вознагражденіе означенныхъ лицъ.

Порядокъ разсмотрѣнія пьесъ, установленный Положеніемъ 1825 г. и Постановленіемъ Комитета Главной Дирекціи 1-го марта 1826 г. оставался дѣйствующимъ одинаково для Петербургскихъ и Московскихъ театровъ до 1851 г. и дальнѣйшее законоположеніе о театрахъ никакихъ измѣненій въ него до этого времени не вносили.

Достойно замѣчанія, что Дирекція Императорскихъ театровъ, въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія, широко привлекая корифеевъ современной литературы къ предварительной оцѣнкѣ представляемаго на Императорскую сцену репертуара, въ то же время ревниво оберегала эту сцену отъ публичной послѣдовательной критики. Для прессы того времени на Императорскіе театры было наложено тàбу, при которомъ она не могла касаться ни репертуара, ни игры артистовъ, ни, тѣмъ паче, дѣятельности театральной администраціи. Такъ продолжалось до времени управленія Императорскими театрами А. М. Гедеонова. Всѣ попытки къ снятію этого тàбу оставались безплодными. Памятникомъ подобной попытки можетъ служить, сохранившееся въ архивѣ, прошеніе издателя газеты «Сѣверная Пчела», Ѳ. В. Булгарина, представленное имъ 13-го марта 1825 г. [387]) въ Высочайше учрежденный Комитетъ Главной Дирекціи. Интересный текстъ этого прошенія, или, какъ назвалъ его Ѳ. В. Булгаринъ, «покорнѣйшая просьба», таковъ:

«Желая трудами своими принести пользу успѣхамъ драматическаго искусства въ Россіи и усовершенствованія таланта артистовъ, принимаю смѣлость всепокорнѣйше просить оный Комитетъ объ исходатайствованіи мнѣ разрѣшенія печатать въ издаваемой мною вмѣстѣ съ многими литераторами газетѣ: разборъ представляемыхъ на здѣшнихъ театрахъ пьесъ и сужденіе объ игрѣ актеровъ, со всѣми условіями и ограниченіями, какія только Комитету будетъ благоугодно опредѣлить въ своемъ позволеніи».

«Не имѣю надобности излагать предъ просвѣщенными членами сего Комитета выгодъ, проистекающихъ отъ театральной критики; извѣстно, что драматическое искусство во Франціи, Англіи, Италіи и Германіи преимущественно сему средству одолжено своими блистательными успѣхами. Всенародная критика есть единственное

[387]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Имп. Т. Дѣло 1825 г., № 51.

средство, чтобы актеръ узналъ мнѣніе публики о своихъ трудахъ, и чтобы превосходный артистъ получалъ должную ему награду. Сверхъ сей пользы Дирекція будетъ имѣть выгоду и въ отношеніи къ сборамъ: вниманіе публики будетъ обращаемо на новыя хорошія представленія и многія особы, которыя теперь не думаютъ посѣтить театры, въ то время будутъ возбуждены къ принятію участія въ семъ благородномъ увеселеніи».

«Безпристрастіе, благонамѣренность и тонъ благородный, веселый, не площадный, не педантскій—вотъ правила, которымъ я и сотрудники мои предполагаютъ себѣ при семъ занятіи [388]). Написанныя въ семъ же духѣ возраженія со стороны автора пьесы или артиста будутъ принимаемы безпрекословно. Всякая оскорбительная личность будетъ совершенно чужда симъ критикамъ. Придворные актеры не могутъ оскорбляться сужденіями о ихъ трудахъ, ибо литературные и художественные труды первыхъ въ Государствѣ особъ подвергаются критикѣ, коль скоро появляются въ публику и становятся нѣкоторымъ образомъ ея достояніемъ».

«Можетъ быть, что Комитету показалось бы изданіе особаго драматическаго журнала болѣе сообразнымъ съ цѣлію. На сіе осмѣливаюсь сдѣлать слѣдующія замѣчанія: 1) исключительно драматическій журналъ, будучи въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ театромъ, долженъ сдѣлаться или органомъ артистовъ и особъ, участвующихъ по репертуарной части, и черезъ то лишиться довѣрія публики, которая требуетъ безпристрастія, или вооружить противъ себя всѣхъ сихъ особъ и сдѣлаться предметомъ ихъ неудовольствія: средины въ семъ случаѣ держаться трудно, или, лучше сказать, невозможно. И самые актеры, въ томъ или другомъ случаѣ не будутъ вѣрить замѣчаніямъ, почитая оныя пристрастными или односторонними. 2) Драматическій журналъ ограниченъ будетъ кругомъ особъ, принимающихъ непосредственное и ежедневное участіе въ театрѣ (les habitués) и не войдетъ въ большую публику: онъ не можетъ держаться болѣе одного года. Примѣръ сему можно видѣть въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 года: въ семъ изданіи участвовали первѣйшіе наши таланты: А. С. Шишковъ, кн. А. А. Шаховской, И. А. Крыловъ, Л. И. Гнѣдичъ, А. А. Писаревъ; многія статьи онаго могли назваться классическими; въ нихъ въ первый разъ печатались превосходныя басни Крылова, но сей вѣстникъ продолжался одинъ только годъ. Помѣщеніемъ же театральныхъ критикъ въ прибавленіяхъ (feuilleton) журнала, имѣющаго большую, разнообразную публику, выписываемаго и частными лицами, и многими присутственными

[388]) Какъ далеко ушла впередъ отъ этихъ правилъ нѣкоторая доля современныхъ театральныхъ рецензій!

мѣстами, доставлено будетъ симъ сужденіямъ обширное поле, на которомъ произрастутъ для драматическаго искусства плоды пріятные и полезные».

«Сію покорнѣйшую мою просьбу, если бы Комитетъ не могъ самъ собою разрѣшить, прошу представить куда слѣдуетъ, по благоусмотрѣнію Комитета».

8) «О награжденіи авторовъ»: Постановленія этой статьи весьма близки къ Положенію 1809 года. «Награжденіе авторовъ, говоритъ статья, возбуждаетъ охоту въ людяхъ, не имѣющихъ большого состоянія, посвятить время и таланты для театра. Человѣкъ съ большимъ дарованіемъ, обязанный для доставленія себѣ содержанія заниматься службою или выгоднѣйшими оборотами, не можетъ предаться драматической словесности, если не надѣется получить за труды свои воздаянія удобнаго оградить его отъ бѣдности; и нельзя не думать, чтобы скудость платы за сочиненіе не была причиною бѣдности нашего театра въ хорошихъ сочинителяхъ; ибо изящныя искусства нигдѣ не возвышались любителями, удѣляющими для нихъ свои досуги, но истинными артистами, посвятившими единственно имъ всю свою жизнь и всѣ способности. И потому Дирекція обязана улучшить состояніе авторовъ и одобрить ихъ дарованія большими выгодами и почестями, чтобы чрезъ то хорошими сочиненіями возвысить свой театръ и дарованіями авторовъ поднять искусство актеровъ: ибо они, созидая новыя роли, сочиненныя для нихъ, могутъ дойти до совершенства, принадлежащаго однимъ подлинникамъ и невозможнаго для копій и рабскихъ подражаній. Итакъ воздаяніе авторамъ должно быть распространено по крайней мѣрѣ на двѣ столицы, т. е. чтобы права сочинившихъ для Московскаго театра не терялись въ С.-Петербургѣ, и сочинитель, получившій плату за трудъ свой здѣсь, не лишался оной въ Москвѣ, даже и по напечатаніи своей пьесы, какъ во Франціи, гдѣ всякій театръ платитъ сочинителю положенную часть изъ сбора съ его пьесъ во всю его жизнь, и даже 10 лѣтъ послѣ смерти автора его вдовѣ или прямымъ наслѣдникамъ. Но какъ въ Россіи, еще кромѣ двухъ столицъ, нѣтъ постоянныхъ публичныхъ театровъ, могущихъ удѣлять отъ доходовъ своихъ сочинителямъ, и потому плата отъ части сборовъ не можетъ имъ принести большихъ выгодъ, то, сообразуясь съ правилами, находящимися въ театральномъ постановленіи 1809 г.», Положеніе 1825 г. устанавливаетъ новыя нормы вознагражденія авторовъ и переводчиковъ, которыя мы, для удобства разсмотрѣнія, сводимъ здѣсь въ слѣдующей таблицѣ [389]).

1) *Оригинальныя драматическія сочиненія.*

а) въ стихахъ.

Большая пьеса въ 3-хъ д. и болѣе—полный сборъ 2-го представленія.

[389]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. II, стр. 154.

Большая пьеса въ 1-мъ д. — сборъ 3-го представленія, за вычетомъ дневныхъ расходовъ.

б) въ прозѣ.

Пьеса въ 4-хъ и 5-ти д.—2-й сборъ, за вычетомъ дневныхъ расходовъ.

» » 3-хъ д. —3-й сборъ, » » » »

» » 1-мъ д. —единовременное вознагражденіе отъ 500—700 р.

2) *Переводы драматическихъ произведеній.*

а) въ стихахъ.

Пьеса въ 4-хъ и 5-ти д.—2-й сборъ, за вычетомъ дневныхъ расходовъ.

» » 1-мъ д. —единовременное вознагражденіе отъ 500—700 р.

б) въ прозѣ.

Пьеса въ 3-хъ д. —единовременное вознагражденіе отъ 500—700 р.

» » 1-мъ и 2-хъ д. — » » » 200—300 р.

3) *Оригинальныя оперныя произведенія.*

а) Романтическая опера.

За поэму и музыку оперы, въ 2-хъ д. и болѣе — полный сборъ 2-го представленія.

За одну поэму въ стихахъ, въ 2-хъ д. и болѣе — единовременное вознагражденіе отъ 800—1.000 р.

За одну поэму въ прозѣ, въ 2-хъ д. и болѣе—единовременное вознагражденіе отъ 500—700 р.

За поэму съ прибранной музыкой (particio), въ 2-хъ д. и болѣе—сборъ съ 3-го представленія, за вычетомъ дневныхъ расходовъ.

б) Комическая опера.

За пьесу и музыку оперы, въ 1-мъ и 2-хъ д. — сборъ съ 3-го представленія, за вычетомъ дневныхъ расходовъ.

За одну пьесу—единовременное вознагражденіе отъ 300—500 р.

За пьесу съ particio » » » 500—700 р.

4) *Переводъ оперы* (либретто).

Большая въ стихахъ—единовременное вознагражденіе отъ 500—700 р.

Большая въ прозѣ — » » » 300—500 р.

Малая въ прозѣ — » » » 300—400 р.

«Сверхъ сего, говорится въ статьѣ, сочинители пьесъ, дѣлающихъ честь театру, могутъ получать, за многіе полезные труды, право безденежнаго входа въ

театръ и даже занятія въ немъ особо назначенныхъ мѣстъ (смотря по важности и чину сочинителя, какъ сказано далѣе). Подобныя права предоставляются всѣмъ отличнымъ драматическимъ сочинителямъ въ Германіи, Англіи и Франціи».

Говоря о вознагражденіи оригинальныхъ драматическихъ произведеній, единовременной выдачей отъ 500 до 700 рублей, положеніе прибавляетъ: «Пьесы, заимствованныя изъ иностраннаго театра и совершенно принаровленныя къ нашимъ нравамъ, или передѣланныя въ приличномъ видѣ, входятъ въ сію статью на меньшую плату».

Разница нормъ вознагражденія по положеніямъ 1809 и 1825 гг. сводится такимъ образомъ къ слѣдующему: а) вознагражденіе вообще и въ частности переводчикамъ пьесъ, возвышено; б) проведено различіе вознагражденія полнымъ сборомъ и сборомъ за вычетомъ вечеровыхъ расходовъ; в) вознагражденіе сборомъ 4-го представленія отмѣнено; г) введено дѣленіе оперы на романтическую и комическую; д) установлено вознагражденіе за оперное либретто съ прибранной къ нему музыкой (particio), и е) признано отличіе передѣлки отъ перевода пьесъ. Хотя положеніе не говоритъ въ этой статьѣ о даровомъ пріобрѣтеніи Дирекціей пьесъ, переданныхъ авторомъ бенефиціанту, но этотъ способъ полученія пьесъ, оформленный положеніемъ 1809 года, узаконенъ далѣе въ статьѣ «о бенефисахъ» того же положенія 1825 года, что плохо вяжется съ вышеприведенными теоретическими разсужденіями о выгодахъ авторовъ.

Повидимому, на практикѣ, правила авторскаго вознагражденія, по положенію 1825 года, точнаго примѣненія не имѣли, такъ напримѣръ, въ 1826 году, при пріемѣ оперы «Бѣланы» (перев. «La femme blanche»), переводчику К. А. Лобанову, вмѣсто вознагражденія по положенію, назначена $^1/_{10}$ часть сбора съ первыхъ 10 представленій, съ выдачей въ счетъ вознагражденія аванса въ 700 р., и это было сдѣлано по предложенію старшаго члена Комитета кн. Долгорукова [390]). Вообще этимъ правиламъ 1825 года не суждено было долгое примѣненіе: почти весь 1826 г. прошелъ въ траурѣ, по случаю кончины Императора Александра I, а въ ноябрѣ 1827 года было уже издано новое положеніе объ авторскомъ вознагражденіи.

9) «О постановленіи балетовъ». Эта статья подробно излагаетъ порядокъ составленія программъ балетовъ балетмейстерами и разсмотрѣнія программъ въ конторѣ, въ присутствіи директора музыки, капельмейстеровъ и представителей монтировочной части. Балеты рекомендуется ставить вмѣстѣ съ драматическими пьесами. «Постановленіе балетовъ, говоритъ положеніе, сопряженное съ важными расходами, могущими только окупиться большимъ успѣхомъ, отъ многократныхъ

[390]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки II, стр. 158.

и частыхъ представленій, требуютъ крайней осторожности, разборчивости, соображенія съ хозяйствомъ и вкусомъ публики и наиболѣе въ умѣренности продолженія балетовъ, чтобы имѣть средства, по мѣрѣ ослабленія балета, поддерживать его піэсами, любимыми публикою, или вновь поступившими на сцену, которыя бы занимали половину спектакля. Дирекція, какъ по опыту доказано, учащàя постановки новыхъ и длинныхъ балетовъ, доводитъ наконецъ до пресыщенія прихотливость публики и сей самый роскошный родъ спектаклей не привлéкаетъ уже множества зрителей, даже и въ новости неумѣренно учащаемыя. И потому должно положить правиломъ, чтобы не давать многихъ новыхъ балетовъ въ теченіе года, для хорошей постановки коихъ не достаетъ ни доходовъ Дирекціи, ни силъ артистовъ; но довольствоваться однимъ большимъ балетомъ, тщательно избраннымъ и сочиненнымъ, украшеннымъ всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ и даннымъ послѣ многихъ генеральныхъ пробъ съ большимъ раченіемъ, какъ выше сказано, въ приличное время и безъ утомленія артистовъ и публики длинотою представленія. Успѣхъ хорошо избраннаго и поставленнаго новаго балета даетъ Дирекціи средство усилить свои сборы въ осеннее время, учащая представленіе онаго до тѣхъ поръ, пока онъ еще привлекаетъ публику и продолжать существованіе на сценѣ хорошими піесами. Для зимняго же времени она удобно можетъ возобновить нѣкоторые изъ прежнихъ любимыхъ публикою балетовъ, приготовить, къ открытію театра послѣ Пасхи, новый демикарактерный балетъ и въ теченіе года, для поддержанія репертура, по удобству давать нѣсколько комическихъ балетовъ, отдѣльныхъ дивертиссементовъ и украшать танцами оперы и большіе спектакли, раздѣляя для оныхъ дансеровъ, по ихъ способностямъ, а потому безъ лишняго для нихъ утомленія». Первое представленіе новаго балета установлено непремѣнно на 30-е августа каждаго года.

10) «О бенефисахъ». Въ 14-ти параграфахъ этой статьи изложенъ порядокъ и условія назначенія, выбора и постановки бенефисныхъ спектаклей. Этому изложенію предпослано слѣдующее объясненіе вреда бенефисовъ, имѣющее, при одинаковой системѣ веденія репертуара, одно и то же значеніе для критики прошлой дѣятельности какъ Петербургскихъ, такъ и Московскихъ театровъ. «Чрезвычайное размноженіе бенефисовъ, представляющихъ мнимыя выгоды Дирекціи уменьшеніемъ расходовъ на жалованье, дѣлаетъ существенный вредъ: въ хозяйствѣ, дарованіи артистовъ, въ составленіи и ходѣ репертуара, главнаго ея богатства. Актеръ, обязанный ставить почти каждую недѣлю новый спектакль для себя и своихъ товарищей, притупляетъ сею торопливостью память, не можетъ ни обдумывать, ни обработывать со тщаніемъ своей роли, привыкаетъ къ небрежной игрѣ и къ неуваженію публики и оттого то почти всѣ піесы бенефисныя представляются

дурно, часто падаютъ, зрители недовольны и русская труппа заслуживаетъ нерѣдко худую славу; а Дирекція теряетъ довѣренность публики, которая съ неудовольствіемъ, видя дурно поставленный спектакль, отвыкаетъ отъ театра, а сборы часъ отъ часу слабѣютъ. Всякій годъ представлялось на нашемъ театрѣ множество новыхъ пьесъ, почти всѣ чудодѣйности иностранныхъ зрѣлищъ переведены на нашу бенефисную сцену; и казалось бы, что нашъ репертуаръ долженъ бы быть богаче всѣхъ прочихъ; но онъ не заключаетъ въ себѣ и пятой части съигранныхъ въ бенефисы, одинъ или два раза, пьесъ, отъ того, что онѣ по большей части падаютъ, или отъ худого выбора актеровъ, заботящихся больше о названіи, чѣмъ достоинствѣ сочиненія, или отъ неприличной постановки, небрежнаго представленія и невыгодной для Дирекціи раздачи ролей. И такъ она обязана употребить всѣ средства къ уничтоженію, по крайней мѣрѣ, половины бенефисовъ при возобновленіи контрактовъ, заплатою за оные деньгами, но сей расходъ скоро вознаградится истребленіемъ вышесказаннаго зла. Конечно, Дирекція должна, для достойнаго воздаянія отличныхъ талантовъ и для собственной своей выгоды, давать по одной русской труппѣ не менѣе 12 бенефисовъ, которые при благоразумномъ наблюденіи за выборомъ пьесъ, принесутъ ея репертуару и хозяйству важную пользу». Въ подробности правилъ этой статьи входитъ, между прочимъ, запрещеніе участія въ бенефисахъ тѣхъ, воспитывающихся въ училищѣ, молодыхъ артистовъ, которые подаютъ большія надежды. Очевидно въ этомъ отношеніи существовало злоупотребленіе, назначеніемъ такихъ молодыхъ силъ въ качествѣ приманки на бенефисные спектакли. Бенефисы, по прежнему, дѣлятся: на бенефисы по контракту и на бенефисы наградные, которые назначаются, за усердную службу, бывшимъ воспитанникамъ школы, не выслужившимъ еще 10 лѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ, что контракты съ молодыми артистами заключались, не ранѣе, какъ черезъ 10 лѣтъ послѣ выпуска изъ школы; затѣмъ, послѣ этой выслуги, бенефисы обусловливались самыми контрактами.

11) «О пробахъ». Здѣсь подробно излагается порядокъ производства считокъ, простыхъ и генеральныхъ репетицій. Разучиванію ролей предшествуютъ три считки, на первой авторъ (или его замѣститель) читаетъ передъ всѣми артистами пьесу «въ смыслѣ и тонѣ, въ которомъ она написана», на второй — читаютъ свои роли актеры въ присутствіи автора, дѣлающаго поправки; третья считка—дѣлается также по ролямъ, «чтобы согласить вѣрность разговора». Затѣмъ роли изучаются и идутъ репетиціи. На предпослѣдней репетиціи, передъ генеральной, «Директоръ приказываетъ актерамъ пробовать безъ суфлера, дабы увѣриться, что піеса выучена». Генеральныя репетиціи, непремѣнно оканчиваемыя къ 2 часамъ дня, производятся съ освѣщеніемъ,

декораціями, костюмами и всѣми принадлежностями, о чемъ извѣщается Директоромъ Комитетъ Главной Дирекціи «дабы члены онаго, а по согласію ихъ и посторонніи особы, извѣстныя своими познаніями и вкусомъ, могли видѣть и судить о дѣйствіи піесы и приличіи спектакля, и способствовать замѣчаніями своими къ бóльшему успѣху онаго». Надо думать, что на установленіе послѣдняго правила имѣлъ вліяніе хорошій примѣръ Медоксова театра въ Москвѣ.

12) «О спектакляхъ», съ подробнымъ изложеніемъ порядка приготовленія и исполненія спектаклей. Сроки приготовленія таковы: къ 4½ часамъ освѣщаются корридоры и входы и прибываютъ въ театръ машинисты, бутафоры и портные. Къ 5 часамъ съѣзжаются актеры. Въ 5 часовъ спускается люстра; въ 5¾ освѣщаются оркестръ и сцена, а къ 6 часамъ прибываютъ музыканты.

13) «О гардеробѣ». Въ статьѣ изложенъ порядокъ заготовленія, храненія и отчетности по гардеробу, находящемуся на отвѣтственности главнаго гардеробмейстера, а также порядокъ ревизіи гардероба и бутафорскихъ вещей, производимой въ великомъ посту. Общее завѣдываніе постройкой костюмовъ лежитъ на «костюмерѣ» или на «главномъ портномъ», покупка матеріаловъ — на членѣ по хозяйственной части, а общее завѣдываніе монтировочною частью—на членѣ по репертуарной части.

14) «О декораціяхъ и машинахъ», по отношенію которыхъ излагаются такія же предписанія, что и для гардероба, съ возложеніемъ отвѣтственности на перваго машиниста, который, впервые въ театральномъ законодательствѣ, называется «театрмейстеромъ». Установлена кромѣ того должность «машиниста-механика», изготовляющаго сценическія машины.

15) «Хозяйственная часть», въ которой излагаются обязанности членовъ и лицъ, принадлежащихъ ко 2-му отдѣленію конторы, а именно: смотрителей за домами, смотрителей за продажей билетовъ, капельдинеровъ и унтеръ-офицеровъ или инвалидовъ.

16) «О продажѣ и принятіи у входа билетовъ», гдѣ изложенъ также порядокъ абонемента, отличающійся, какъ и въ положеніи 1809 г., отъ московскаго. Абонементъ, между прочимъ, не допускается менѣе какъ на 50 спектаклей русскихъ или нѣмецкихъ. Статья эта не устанавливаетъ скидки цѣнъ на абонированныя мѣста, противъ цѣнъ вечеровой продажи.

17) «О домахъ и квартирахъ артистовъ». По этой статьѣ, всѣ артисты, въ отношеніи квартирнаго довольствія, раздѣлены на 3 класса: I классъ артисты, получающіе жалованья болѣе 4.000 р.—не имѣютъ права ни на квартиру, ни на квартирныя деньги; II классъ—артисты, «заключающіе контракты съ Дирекціей»—

получаютъ квартирныя деньги, «окладъ которыхъ не входитъ въ расчетъ пенсіоннаго»; при наличности свободныхъ квартиръ, они могутъ получать таковыя натурою и III классъ—молодые артисты, выпущенные изъ театральнаго училища—получаютъ квартиры натурою, «въ близости театровъ, для удобства къ исполненію ихъ должности и всегдашняго знанія Дирекціи о родѣ ихъ жизни, ибо, бывъ выпущены изъ школы очень молоды и безъ опытности въ свѣтѣ, они до времени должны быть подъ ея надзоромъ, дабы, увлеченные дурнымъ знакомствомъ и сосѣдствомъ, они не потеряли дарованій, образованныхъ попечительностью Дирекціи и не удалились отъ цѣли, для которой съ большими расходами основано и содержится театральное училище».

18) «О экипажахъ». На основаніи этой статьи, въ распоряженіе Дирекціи въ Петербургѣ назначено 30 экипажей, содержимыхъ по контракту подрядчикомъ и распредѣляемыхъ, для развозки артистовъ на службу, экзекуторомъ конторы.

IV часть. Правила управленія Нѣмецкаго театра, къ которому назначенъ особый Управляющій, подчиненный Директору.

V часть. «Образованіе театральнаго училища». Въ этомъ положеніи задачи училища въ Петербургѣ, комплектъ воспитывающихся (по 60 человѣкъ обоего пола), предметы обученія и распредѣленіе воспитанниковъ на четыре отдѣленія, опредѣлены одинаково съ положеніемъ 1809 года. Для воспитанниковъ, выпускаемыхъ на первыя амплуа, опредѣлено кромѣ жалованья, еще «назначеніе *поспектакльной* платы». Впервые введены «пансіонеры»—своекоштные, «съ заплатою ежегодно той суммы, какая на каждаго воспитанника полагается». По выпускѣ изъ училища, воспитанники обязаны 10-ти-лѣтней службой въ Дирекціи, а пансіонеры—пятилѣтней. По § 20-му «Образованія Театральнаго училища «возлагается на попеченіе Комитета Главной Дирекціи и Директора, чтобы воспитаніе и обученіе въ школѣ наукамъ, необходимымъ для всѣхъ образованныхъ людей, было таково, чтобы даже и тѣ изъ воспитывающихся въ школѣ, которые не будутъ имѣть способностей къ театральной службѣ, могли найти себѣ другія должности, доставляющія имъ безбѣдное состояніе, и благословятъ милосердіе благотворнаго Правительства, пекшагося о ихъ воспитаніи». «Образованіе» училища заключено изложеніемъ обязанностей должностныхъ лицъ и положеніемъ по экономической части, въ которомъ столовое содержаніе воспитанниковъ опредѣлено въ размѣрѣ 60 к. въ день на человѣка.

Кромѣ приведенныхъ Высочайше утвержденныхъ пяти положеній въ Архивѣ Дирекціи сохранились, оставшіеся безъ отмѣтки о Высочайшемъ утвержденіи, Штаты, подписанные графомъ Милорадовичемъ, кн. Голицынымъ, кн. В. Долгоруковымъ, гр. П. Кутайсовымъ и кн. Шаховскимъ. Штаты состоятъ изъ семи частей:

1) «Штаты канцеляріи Комитета Главной Дирекціи» (Правитель канцеляріи, контролеръ и 2 чиновника, съ общимъ содержаніемъ 5.300 рублей въ годъ), 2) «Штатъ Конторы С.-Петербургскихъ Театровъ» (Директоръ, 24 чиновника и 65 служителей, съ содержаніемъ 53.002 р. въ годъ), 3) «Штатъ декораціонной части» (13 лицъ, съ содержаніемъ 31.700 р. въ годъ), 4) «Штатъ гардеробной части» (36 лицъ, съ содержаніемъ 24.330 р. въ годъ), 5) «Штатъ театральной школы» (29 лицъ, содержаніе коихъ съ прочими расходами Школы—77.204 р. въ годъ), 6) «Штатъ балетной труппы» (на 155.600 р. и 7) «Штатъ нѣмецкой труппы» (на 97.300 р.).

Какъ видно изъ приведеннаго обзора, постановленіе 3-го мая 1825 года не касалось организаціи Московскаго театра, но Комитетъ Главной Дирекціи, немедленно по учрежденіи, проявилъ свою контрольную дѣятельность по отношенію къ Московской Дирекціи. Къ Московскому Генералъ-Губернатору было препровождено [391]) 12 печатныхъ экземпляровъ Постановленія 1825 г. и уже 15-го іюля 1825 г. [392]) Комитетъ требовалъ отъ Московской Дирекціи, въ дополненіе къ присланному ею балансу за 1824 годъ, представленія также и подробнаго отчета за этотъ годъ, а полученный изъ Москвы списокъ артистовъ, представляемыхъ къ пенсіону, препроводилъ на заключеніе Комитета Министровъ. Отчетъ Московской Дирекціи за 1824 г., 11-го сентября, 1825 г. [393]) былъ переданъ Комитетомъ Главной Дирекціи на ревизію контролера Комитета, который былъ обязанъ представить ему свои замѣчанія.

Въ общемъ, Высочайше утвержденныя постановленія 3-го мая 1825 г., за малымъ исключеніемъ, являются повтореніемъ положенія 1809 г., украшеннымъ лишь во многихъ частяхъ коментаріями теоретическаго характера, и также страдаютъ отсутствіемъ нормъ, опредѣляющихъ общественныя и служебныя права артистовъ. Должность Директора театровъ умалена въ своемъ значеніи, приближена къ должности Управляющаго Конторой и замѣнена Комитетомъ Главной Дирекціи, въ который, съ 3-го мая 1825 г., въ наличномъ составѣ, кромѣ кн. Голицына, преобразовался Комитетъ, Высочайше учрежденный для составленія положенія объ управленіи театрами.

Новое Положеніе 3-го мая 1825 г. повлекло большія перемѣны въ личномъ составѣ Петербургскаго театральнаго Управленія. Прежде всего, 30-го мая 1825 г. оставилъ свою должность правитель Канцеляріи бывшаго Комитета Р. Зотовъ и на его мѣсто въ новомъ Комитетѣ Главной Дирекціи былъ наз-

---

391) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Имп. Т. Журн. Ком. 1825 г., № 3.
392) Ibid.
393) Ibid.

наченъ чиновникъ X класса Отрѣшковъ [394]). Умаленіе значенія должности Директора С.-Петербургскихъ Императорскихъ театровъ, непосредственно подчиненнаго Комитету Главной Дирекціи, заставило и А. А. Майкова покинуть службу. 24-го іюня 1825 года гр. Милорадовичъ заявилъ Комитету, что исправляющій должность Директора Майковъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности и что онъ пригласилъ на его мѣсто «извѣстнаго своими познаніями по литературной и драматической части, а наиболѣе въ русской словесности, статскаго совѣтника Остолопова, состоящаго нынѣ предсѣдателемъ «Экономическаго комитета объ устройствѣ московскаго шоссе». 31-го августа 1825 г. [395]) состоялся Высочайшій Указъ объ увольненіи изъ Дирекціи Майкова и о назначеніи Директоромъ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ С. С. Остолопова. Но Остолоповъ, сдавая свою должность предсѣдателя шоссейнаго Экономическаго комитета, не сразу вступилъ въ исправленіе обязанностей Директора, которыя нѣкоторое время по прежнему исполнялъ А. А. Майковъ, получая и прежнее содержаніе 7.000 р., несмотря на то, что по новому штату оно опредѣлилось суммой 10.000 р., (изъ нихъ жалованья 6.000 р. и столовыхъ 4.000 р.) 14-го октября 1825 г. Майковъ подалъ въ Комитетъ записку, въ которой объяснялъ, что по разстроенному здоровью, «онъ никакими дѣлами заниматься болѣе по службѣ не можетъ» [396]), и Комитетъ постановилъ «препоручить, до прибытія г. с. с. Остолопова, управленіе должностью нынѣ состоящему члену Конторы Дирекціи по Хозяйственной части г. Гемнику». Наконецъ, 6-го октября 1825 г., [397]) с. с. Остолоповъ вступилъ въ должность Директора С.-Петербургскихъ театровъ, при чемъ принялъ на себя завѣдываніе и репертуарною частью, а должность перваго члена Конторы, по предложенію Комитета, была оставлена не замѣщенной [398]). Въ декабрѣ 1825 г. мѣсто скончавшагося старшаго члена Комитета, гр. Милорадовича, заступилъ кн. Долгоруковъ, а 23-го января 1826 г. [399]) въ составѣ Комитета, по представленію кн. Долгорукова, послѣдовали перемѣны, а именно: «для лучшаго устройства и порядка въ Театральномъ управленіи», какъ сказано въ Высочайшемъ Указѣ, членами Комитета назначены: сенаторъ гр. Кутайсовъ и д. с. с. кн. А. П. Гагаринъ, а кн. Шаховской уволенъ изъ состава Комитета. Это увольненіе кн. Шаховскаго, вскорѣ послѣ

---

394) Ibid.

395) Ibid. Дѣло 1825 г. № 141.

396) А. А. Майковъ (1761—1838) въ молодости занммался литературой, его перу принадлежатъ нѣсколько одъ и комедія: «Неудачный зговоръ, или помолвилъ да не женился».

397) Ibid. Журн. Комитета. 1825 г. № 3.

398) Ibid. Дѣло 1825 г. № 141.

399) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки III, стр. 314.

смерти его покровителя г. Милорадовича, состоялось, вѣроятно, не безъ вліянія кн. Тюфякина, который по словамъ Р. Зотова [400]), приходился близкимъ родственникомъ кн. В. В. Долгорукову. Этимъ закончилась продолжительная карьера кн. Шаховскаго, одного изъ талантливѣйшихъ и полезныхъ дѣятелей Петербургской театральной администраціи. Несомнѣнно, что и неожиданная смерть гр. Милорадовича 14-го декабря 1825 г. имѣла большое значеніе въ театрально-административномъ мірѣ. Описывая безвременную кончину гр. Милорадовича, Р. Зотовъ говоритъ: [401]) «я ушелъ вскорѣ оттуда изъ Конногвардейскаго манежа, гдѣ лежалъ раненый графъ, а г. Майковъ остался у графа, который написалъ еще о немъ двѣ строки къ Государю, ходатайствуя ему о пенсіи. Дѣйствительно, указъ, послѣдовавшій потомъ о пенсіи г. Майкову, начинался словами: «Во уваженіе ходатайства покойнаго графа Милорадовича и пр.».

1-го марта 1826 г. члены Комитета Главной Дирекціи распредѣлили [402]) между собою театральныя дѣла, съ тѣмъ, чтобы каждый членъ внесъ записку о способахъ усовершенствованія ввѣренныхъ имъ частей. Изъ чего видно, что за положеніемъ 1825 г. новый составъ Комитета не признавалъ особыхъ достоинствъ. Занятія распредѣлились такъ: старшій членъ кн. В. В. Долгоруковъ принялъ на себя всѣ письменныя дѣла Конторы, денежную часть, хозяйственную часть зданій и французскую труппу. Гр. П. И. Кутайсовъ—письменныя дѣла Комитета, разсмотрѣніе пьесъ, русскую и нѣмецкую труппу, дирекцію музыки, музыкальную и декораціонную часть школы и монтировочную часть; кн. А. П. Гагаринъ—балетную труппу, искусственную и хозяйственную часть школы и зданія театровъ.

Съ изданіемъ Постановленій 3-го мая 1825 г., законодательная разработка организаціи Императорскихъ театровъ не считалась еще законченной. Постановленія не коснулись устройства Московской Дирекціи, а отношенія ея къ Петербургской Дирекціи не признавались регулированными достаточно совершенно. Да и вообще, результаты кратковременнаго практическаго примѣненія Постановленій 1825 г., повидимому, не оправдали ожиданій законодателя. 23-го января 1826 г. [403]) состоялся Высочайшій Указъ Комитету Главной Дирекціи, по которому на членовъ его вновь возложено «устройство и приведеніе въ порядокъ театральнаго управленія». Московскій Генералъ-Губернаторъ кн. Голицынъ, 31-го марта 1826 г. [404])

[400]) Р. Зотовъ. Театральныя воспоминанія. стр. 59.
[401]) Ibid., стр. 70.
[402]) В. П. Погожевъ. Ист. очерки. III. стр. 315.
[403]) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. Имп. Т. Журналъ Комитета. 1827 г., № 11в.
[404]) Ibid. Журналъ Комитета. 1826 г. № 7а.

препроводилъ въ Комитетъ проектированныя имъ, сообразно Постановленіямъ 1825 г.: а) Постановленія и правила внутренняго управленія для Дирекціи Императорскаго Московскаго театра, б) Штатъ Московской Конторы, в) Балансъ прихода и расхода и д) Замѣчанія Московскаго Генералъ-Губернатора [405]). При этомъ кн. Голицынъ изъяснялъ, «что для доведенія театровъ Московсксй Дирекціи до слѣдуемаго изящества, необходимо сравненіе денежныхъ ея пособій съ С.-Петербургскою Дирекціею, тѣмъ болѣе, что дѣйствія ея, съ переходомъ на Петровскій театръ, по необходимости сдѣлались болѣе обширными, и безъ принятія нужныхъ средствъ, могутъ вовлечь ту Дирекцію въ разстройство». Поэтому Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ находилъ, «что одно предохранительное средство состоитъ въ испрошеніи единовременнаго вознагражденія, въ возвратъ расходовъ Дирекціи, сдѣланныхъ при перенесеніи дѣйствій своихъ на оба театра, но что гораздо вѣрнѣйшее средство было бы для прикрытія дефицитовъ исходатайствовать Всемилостивѣйшее повелѣніе объ ежегодномъ отпускѣ 60.000 р. для Московской Дирекціи».

«Въ исполненіе Высочайшаго Указа 23-го января 1826 года, какъ сказано въ Журналѣ Комитета, члены Комитета, приступили уже къ подробному разсмотрѣнію всѣхъ частей театральнаго вѣдомства, относящихся какъ до хозяйственныхъ его дѣйствій и оборотовъ, такъ равно и до возможнаго улучшенія существующаго постановленія Дирекціи: и какъ при томъ всѣ замѣчанія, клонящіяся къ сему улучшенію Комитетъ предполагаетъ преподнести на Высочайшее усмотрѣніе, то представленныя при отношеніи г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора постановленія и Штаты для Московской Дирекціи не прежде могутъ быть разсмотрѣны, какъ по полученіи соизволенія Его Императорскаго Величества, на имѣющее быть представленіе сего Комитета о предполагаемомъ и изыскиваемомъ улучшеніи театральнаго управленія». Комитетъ 7-го апрѣля 1826 г. [406]) постановилъ «предоставить старшему члену Комитету снестися о семъ съ г. Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ. Затѣмъ, позднѣе, тотъ же Комитетъ сообщилъ князю Голицину [407]), «что, по составленіи изыскиваемаго симъ Комитетомъ возможнаго улучшенія существующаго постановленія Дирекціи, избранныя имъ мѣры будутъ сообщены г-ну Московскому Военному Генералъ-Губернатору и что Комитетъ, признавая существующее отдѣленіе Московской Дирекціи полезнымъ, не упуститъ

[405]) Къ сожалѣнію, документы эти не сохранились въ Архивѣ. Извѣстно только, что впослѣдствіи они были переданы на разсмотрѣніе, состоявшаго при Министрѣ Импер. Двора к. с. Даромыжскаго.

[406]) Ibid. Журналъ Комитета. 1827 г. № 11 в.

[407]) Ibid. Журналъ Комитета 1826 г. № 7 б.

*

обстоятельства сего изъ виду, и при нынѣ изыскуемыхъ мѣрахъ улучшенія». Изъ этого надо заключить, что въ то время явилась уже тенденція къ возвращенію Московской Дирекціи по прежнему въ подчиненіе Петербургской, и что кн. Голицыну, въ его объясненіяхъ, приходилось возражать противъ доводовъ къ возсоединенію Дирекцій. На изысканіи этихъ мѣръ къ улучшенію, повидимому, и остановилась дѣятельность Комитета по разработкѣ положенія о Московскихъ театрахъ, впредь до учрежденія Министерства Императорскаго Двора и послѣдовавшаго затѣмъ выдѣленія Московскихъ театровъ изъ главнаго завѣдыванія Московскаго Генералъ-Губернатора.

Одновременно съ утвержденіемъ 3-го мая 1825 года Постановленія и правилъ внутренняго управленія Императорской театральной Дирекціи, послѣдовалъ актъ большой для театровъ важности—Высочайшій Указъ Комитету Министровъ [408]), по которому повелѣно: «сверхъ суммъ отпускаемыхъ на содержаніе театровъ въ обѣихъ столицахъ, прибавить ежегодно по 200.000 р. для каждой столицы, назначивъ въ число прибавочной суммы для С.-Петербургскихъ театровъ 100.000 р. изъ Государственнаго Казначейства и 100.000 р. изъ С.-Петербургскихо городовыхъ доходовъ, а для Московскаго театра всю прибавочную сумму изъ городскихъ доходовъ тамошней столицы». Этимъ актомъ, какъ мы уже сказали выше, разрѣшились хлопоты Московскаго Генералъ-Губернатора объ увеличеніи годоваго денежнаго отпуска на Московскіе театры, хотя и не въ томъ размѣрѣ, о которомъ онъ ходатайствовалъ.

Какъ мы упомянули ранѣе, Московскій Генералъ-Губернаторъ не вошелъ въ составъ Комитета Главной Дирекціи и высшимъ для Московскихъ театровъ учрежденіемъ являлся такимъ образомъ Комитетомъ Министровъ. Связь Московскаго театральнаго управленія съ Комитетомъ Главной Дирекціи заключалась лишь въ представленіи Комитету Московской Конторой годовыхъ отчетовъ. Это имѣло свои неудобства, ввиду которыхъ Генералъ-Губернаторъ кн. Голицынъ вошелъ въ 1826 г. со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ [409]), о назначеніи Директора Московскаго театра членомъ Комитета Главной Дирекціи, въ «уваженіе того, что Управленіе Московскаго театра, хотя и отдѣлено отъ С.-Петербургской Дирекціи, но тѣмъ не менѣе требуетъ по разнымъ предметамъ сношеній съ Комитетомъ Главной Дирекціи». Вопросъ былъ переданъ Комитету Министровъ, въ которомъ по этому поводу произошло разногласіе: предсѣдатель Департамента экономіи Государственнаго Совѣта отозвался, что Комитетъ Главной Дирекціи не долженъ имѣть вліянія

[408]) Полное Собр. Зак. Т. XL, 1826 г. № 30, 335.
[409]) В. П. Погожевъ, Историческіе очерки III, стр. 315.

на дѣла Московскаго театра, подчиненнаго Генералъ-Губернатору. Императоръ Николай I на докладѣ Комитета Министровъ, по этому поводу, разрѣшилъ разногласіе резолюціей: «Согласенъ съ представленіемъ Военнаго (слѣдуетъ понимать: Московскаго) Генералъ-Губернатора».

Назначеніе Директора Московскихъ театровъ членомъ Комитета, имѣло лишь формальное значеніе, такъ какъ участіе его въ дѣлахъ Комитета было ограничено однократнымъ пріѣздомъ въ Петербургъ, для внесенія въ Комитетъ годичныхъ отчетовъ и защитой, въ случаѣ нужды, распоряженій Генералъ-Губернатора, уже приведенныхъ въ исполненіе. Этой мѣрой, однако не былъ устраненъ естественно возникавшій антагонизмъ между Комитетомъ Главной Дирекціи и Московскимъ театральнымъ управленіемъ. Комитетъ, не сумѣвшій упорядочить финансовое положеніе Петербургскихъ театровъ, тѣмъ не менѣе съ большой критикой относился къ Московскимъ театральнымъ дѣламъ, несмотря на денежные остатки по Московской Дирекціи. Въ особенности же ревниво охранялъ Комитетъ Петербургскіе театры отъ всякаго рода невыгодныхъ для нихъ прецедентовъ въ мѣропріятіяхъ по Московскимъ театрамъ. Такъ напримѣръ Комитетъ Главной Дирекціи разсмотрѣвъ и изслѣдовавъ представленный членомъ Комитета Директоромъ Московскаго театра Камергеромъ Кокошкинымъ балансъ Московской Дирекціи за 1826 г. (съ 1-го марта 1826 г. по 1-е марта 1827 г.), постановилъ, между прочимъ, такое заключеніе [410]): «По нѣкоторымъ статьямъ Московскою Дирекціею употреблено въ расходъ менѣе, чѣмъ по предполагаемому штату исчислено и въ объясненіяхъ показываетъ, что сіе послѣдовало отъ того, что артисты еще не введены въ оклады по тому штату положенные. На сіе Комитетъ замѣтилъ г. Кокошкину, что чрезъ таковое введеніе въ окладъ, послѣдуетъ неминуемый недостатокъ и Московская Дирекція войдетъ въ долги, ибо по балансу новыхъ окладовъ, который представлялся отъ г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора кн. Д. В. Голицына показано дефицита болѣе 54.000 руб., несмотря на то, что Московская Дирекція по Высочайшему Указу 3-го мая 1825 г. получила равно вспомоществованіе къ ежегодному содержанію себя, какъ и С.-Петербургская, т. е. 200.000 р. г. Кокошкинъ на оное замѣчаніе объяснилъ, что означенный дефицитъ показываетъ недостатокъ средствъ на содержаніе Московской Дирекціи, и что по предмету введенія въ новые оклады соблюдается необходимая соразмѣрность. По сему предмету Комитетъ долгомъ поставляетъ замѣтить слѣдующее: По рѣдкому присутствію Высочайшаго Двора въ Москвѣ, тамошняя Дирекція имѣетъ совершенную удобность въ распоряженіяхъ своихъ слѣдовать потребностямъ однихъ только публичныхъ представленій,

410) Общ. Арх. М. И. Д. Д. Имп. Т. Журналъ Комитета, 1827 г. № 11 а.

въ чемъ она съ большою удобностью можетъ соображаться съ предоставленными ей средствами, не выходя изъ оныхъ ни мало; ибо въ случаяхъ экстраординарныхъ, если Дворъ изъ С.-Петербурга пріѣзжаетъ въ Москву, то обыкновенно отряжаются изъ С.-Петербургскаго театра туда отличнѣйшіе артисты, съ коими здѣшняя Дирекція уже и заключаетъ контракты на семъ основаніи. Буде же Московская Дирекція сравнитъ своихъ артистовъ въ окладахъ съ С.-Петербургскими; при имѣющейся въ Москвѣ вообще дешевизнѣ, противъ С.-Петербурга: то послѣдуетъ двойное неудобство, Московская Дирекція войдетъ въ дефицитъ, какъ выше сказано болѣе 54.000 руб. и вовлечетъ С.-Петербургскую въ таковое же разстройство, ибо здѣшніе артисты, дабы получить тѣ же оклады, какъ Московскіе, при тамошней дешевизнѣ, будутъ возвышать свои требованія, которыхъ тогда, по нуждѣ въ первыхъ артистахъ, неминуемо должно удовлетворить. Отъ сего казна никакой пользы не получитъ, но токмо годъ отъ года суммы, на театры отпускаемыя, будутъ возвышаться и требованія артистовъ выйдутъ изъ всѣхъ границъ». Но при этомъ Комитетъ самъ признавалъ, «что чрезъ выгодное дѣйствіе Московскихъ театровъ въ 1826 году по случаю бывшаго тамъ великаго съѣзда публики во время священнѣйшаго коронованія, за всѣмъ содержаніемъ Дирекціи и при уплатѣ всѣхъ долговъ прошедшихъ лѣтъ остается еще въ остаткѣ 20.239 р. 12½ к. Такимъ образомъ замѣчанія Комитета Главной Дирекціи по балансу Московскихъ театровъ за 1826 годъ сводились въ сущности къ возраженію противъ вновь проектированнаго кн. Голицынымъ штата артистической части, сравнивавшаго, повидимому, оклады Московскихъ артистовъ съ Петербургскими. Иначе говоря, Комитетъ высказывалъ, основательное опасеніе неблагопріятной для Петербургской Дирекціи конкурренціи Московскихъ театровъ въ ангажементѣ артистовъ. Эта, естественная при раздѣленіи Дирекцій, конкурренція, на вѣроятность которой въ свое время указывалъ еще А. Л. Нарышкинъ, не замедлила проявиться и вызвала впослѣдствіи рядъ мѣропріятій, стѣснявшихъ переходъ артистовъ изъ одной столицы въ другую.

Эпоха Комитетовъ, помимо изданія систематичныхъ Положеній по театральному дѣлу, богата частными распоряженіями, регулировавшими театральную жизнь.

Въ 1824 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, сообщенное гр. Милорадовичу гр. Аракчеевымъ, о томъ [411]), «дабы, впредь если будутъ проситься о принятіи въ театръ лица, имѣющія офицерскіе чины и желающіе поступить въ актеры, то не опредѣляя ихъ въ сіе званіе, испрашивать о томъ предварительно Высочайшее Государя Императора соизволеніе чрезъ Комитетъ гг. Министровъ, и чтобы Комитетъ, по дѣламъ театральнаго вѣдѣнія учрежденный, сдѣлалъ надлежащее распоряженіе».

411) Общій Арх. М. И. Дв. Д. И. Т. Дѣло 1824 г., № 20.

Распоряженіе это не оставалось мертвой буквой, такъ какъ при опредѣленіи въ 1820 году кол. рег. П. И. Медвѣдева актеромъ, кн. Голицынъ просилъ гр. Милорадовича исходатайствовать на то черезъ Комитетъ Высочайшее разрѣшеніе [412]). Позднѣе, 11-го октября 1827 года [413]), состоялось Высочайшее повелѣніе Императора Николая I, чтобы чиновники опредѣлялись въ артисты не иначе, какъ съ лишеніемъ чиновъ. Поводомъ къ такому повелѣнію послужило самовольное поступленіе губернскаго секретаря Соколова актеромъ въ Московскую драматическую труппу.

Въ 1822 году возникло преслѣдованіе массонскихъ ложъ въ Россіи, оно отразилось и въ театральныхъ сферахъ. Сперва, по предложенію гр. Кочубея, предполагалось отъ всѣхъ лицъ, состоящихъ на службѣ, отбирать подписки о томъ «что они не принадлежатъ къ массонскимъ ложамъ», но Императоръ Александръ I призналъ такую формулу подписки недостаточной и рескриптомъ отъ 1-го августа 1822 года повелѣлъ дополнить ее словами: «и обязываюсь впредь онымъ (т. е. массонскимъ ложамъ) не принадлежать и никакихъ сношеній съ ними не имѣть». Распоряженіе о такомъ Высочайшемъ повелѣніи сообщилъ Главному Директору Министръ Внутреннихъ дѣлъ графъ Кампенгаузенъ, 14-го августа 1822 года. 15-го сентября 1823 года [414]) въ должности Директора А. А. Майковъ препроводилъ въ особенную канцелярію Министерства Внутреннихъ дѣлъ соотвѣтствующія подписки о непринадлежности къ массонству, отобранныя отъ всѣхъ чиновниковъ и артистовъ Дирекціи.

Изъ распоряженій этой эпохи [415]), исходившихъ послѣ 1825 года, въ большинствѣ случаевъ непосредственно отъ Императора Николая I, надо отмѣтить слѣдующія: 26-го марта 1826 года воспрещены, въ теченіе Великаго поста, всякіе концерты, кромѣ духовныхъ. 2-го октября 1826 года приказано Комитетомъ, во избѣжаніе неудовольствій публики, объявлять въ афишахъ причины отмѣны спектаклей; 14-го ноября 1826 года Комитетъ рекомендовалъ избѣгать назначенія танцевъ въ драматическихъ спектакляхъ, чѣмъ, повидимому, злоупотребляли бенефиціанты, вводя въ пьесы, для повышенія сборовъ, балетные танцы, иногда въ прямое противорѣчіе съ сюжетомъ. Въ концѣ 1826 года и въ началѣ 1827 года послѣдовалъ цѣлый рядъ приказаній относительно времени спектаклей, начало которыхъ сперва установлено по прежнему въ 6½ часовъ вечера, а затѣмъ съ 7 часовъ вечера. Продолжительность бенефисныхъ спектаклей ограничена четырьмя часами.

412) Ibid. Дѣло 1825 г., № 52.
413) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 328.
414) Общ. Арх. М. И. Дв. Д. И. Т. Дѣло 1822 г., № 118.
415) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 327.

Къ 1826 года относится также запрещеніе курить табакъ въ театрахъ и вводить въ театры дѣтей моложе семи лѣтъ. Въ 1826 году Комитетъ установилъ 1-е марта срокомъ заключенія всѣхъ контрактовъ, «для постояннаго приведенія ихъ къ одному времени». 18-го сентября 1826 года Комитетъ установилъ для артистовъ «черную книгу», для «внесенія въ нее всѣхъ противозаконныхъ поступковъ артистовъ» и для соображеній въ будущемъ, при представленіи къ пенсіямъ. Позднѣе, уже 24-го іюля 1828 года, въ параллель къ этому распоряженію, была учреждена Комитетомъ «красная книга», «для внесенія въ оную, по опредѣленіямъ Комитета, именъ артистовъ, кои по службѣ отличаются особеннымъ усердіемъ, скорою переучкою ролей и прочимъ, относящимся до порядка службы и пользы Дирекціи».

Въ 1826 году Положеніе всего театральнаго управленія измѣнилось. 22-го августа 1826 года [416]) послѣдовало учрежденіе Министерства Императорскаго Двора. § 1-мъ этого учрежденія опредѣлено, что «Министръ Императорскаго Двора есть Главный начальникъ надъ всѣми придворными вѣдѣніями и Театральною Дирекціею». Съ учрежденіемъ этого министерства и Московское театральное управленіе вышло изъ вѣдѣнія Московскаго Генералъ-губернатора и поступило подъ главное начальство Министра Императорскаго Двора, которымъ былъ назначенъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій.

Такимъ образомъ съ конца 1826 года Московскіе театры вступили въ новый періодъ административной жизни.

Въ художественномъ отношеніи, какъ мы сказали уже ранѣе, эпоха Кокошкинскаго управленія Московскими театрами, подъ главнымъ завѣдываніемъ князя Д. В. Голицына, является одной изъ лучшихъ страницъ исторіи этихъ театровъ, временемъ расцвѣта крупныхъ Московскихъ драматическихъ талантовъ, какими явились: Павелъ Мочаловъ, Щепкинъ, Львова-Синецкая и проч. Но финансовое положеніе Московскихъ театровъ измѣнилось къ худшему, по сравненію съ эпохой Московскаго управленія. Хотя сбереженія по выполненіи бюджета еще не отошли въ область преданія, но грознымъ призракомъ въ дальнѣйшемъ существованіи Московскаго театра выдвигался наростающій въ будущемъ, изъ года въ годъ, дефицитъ.

Это и понятно: широкій розмахъ кн. Д. В. Голицына сказался на всемъ обиходѣ Московскаго театра, приблизившагося къ рамкамъ Петербургскаго. Съ 1825 года Московской дирекціи пришлось содержать, какъ и въ Петербургѣ, два крупныхъ театра, Большой и Малый, при ограниченномъ составѣ труппъ. Вслѣдствіе этого, эксплуатація двухъ театральныхъ залъ оказывалась доступной лишь поочередно на недѣлѣ, съ постановкой лишь въ рѣдкихъ случаяхъ спектаклей одновременно

[416]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 316.

на обоихъ театрахъ. Въ этомъ именно обстоятельствѣ, на которое косвенно указывалъ и кн. Д. В. Голицынъ, лежало объясненіе того, что прибавка къ штатному отпуску на театръ 200.000 рублей въ годъ изъ городскихъ суммъ не улучшила дѣла, не могла заштопать прорѣху въ театральномъ бюджетѣ, растянутую крупнымъ масштабомъ кн. Д. В. Голицына и Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Съ этого момента прорѣха становилась *хронической* и чѣмъ дальше, тѣмъ больше широкой.

Плодовитымъ зерномъ этой прорѣхи явился дефицитъ въ 54.000 рублей, завѣдомо предъявлявшійся Кокошкинымъ въ финансовомъ балансѣ Московскихъ театровъ этого времени.

Вотъ этотъ балансъ, составленный Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ къ 25 марта 1826 г. и явившійся вступительнымъ для вновь образованнаго Министерства Императорскаго Двора, принявшаго, въ августѣ 1826 года, въ свое завѣдываніе Императорскіе Московскіе театры [417]).

ПРИХОДЪ.

НАИМЕНОВАНІЕ СУММЪ.	ПО ШТАТУ.		
Изъ Московскаго уѣзднаго казначейства	140.000 р.	—	к.
Сборъ со спектаклей и маскарадовъ	300.000 »	—	»
Съ буфета и театральной типографіи	10.000 »	—	»
Итого	450.000 р.	—	к.
Да прибавочныхъ изъ Московской Городской шестигласной Думы	200.000 »	—	»
Всего	650.000 р.	—	к.

РАСХОДЪ.

ПРЕДМЕТЫ.			
Контора (въ томъ числѣ капельдинеры, инвалидная команда и прочіе служители	49.000 »	—	»
Россійская труппа	110.000 »	—	»
Балетная труппа	108.110 »	—	»
Оркестръ (въ томъ числѣ нотная контора)	83.175 »	—	»
Школа	59.547 »	50	»
Гардеробъ въ томъ числѣ жалованье 16.000; Собственно гардеробъ 25.000	41.000 »	—	»
Декораціи, въ томъ числѣ жалованье 27.000; Собственно декораціи 25.000	52.000 »	—	»

[417]) Общ. Арх. М. И. Д. Контроль М. Дѣло 1827 г. № 758.

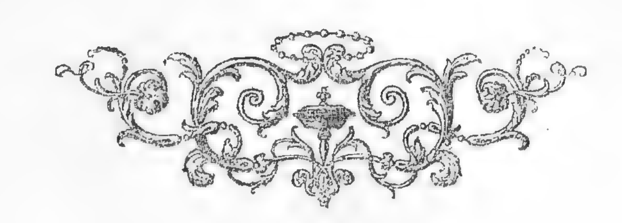
Наемъ домовъ и выдача квартирныхъ денегъ	60.000 р. — к.
Покупка дровъ и выдача деньгами	25.000 » — »
Экипажи и выдача экипажныхъ денегъ	26.880 » — »
Освѣщеніе	37.000 » — »
Экстренные расходы	22.000 » — »
Починка домовъ и чищеніе нечистотъ	3.500 » — »
Ремонтная сумма для обоихъ театровъ	10.000 » — »
Опекунскому Совѣту со сборовъ 10-я часть	30.000 » — »
Итого	704.606 р. 50 к.
Полагая въ приходѣ	650.000 » — »
Составитъ дефицитъ	54.000 р. — к.

Имѣя въ перспективѣ ежегодный дефицитъ въ 54.000 рублей, Московское театральное управленіе, тѣмъ не менѣе, къ августу 1827 года, располагало спеціальнымъ отчисленіемъ на покрытіе остатковъ стараго долга, образовавшагося еще въ 1808 году, въ суммѣ 15.485 р. 17³/₄ к., и дѣлало публикацію въ «Московскихъ вѣдомостяхъ» о вызовѣ кредиторовъ, «дабы они явились въ назначенный срокъ для полученія слѣдуемыхъ имъ отъ конторы денегъ». Эти долги 1808 года слагались изъ слѣдующихъ двухъ суммъ [418]).

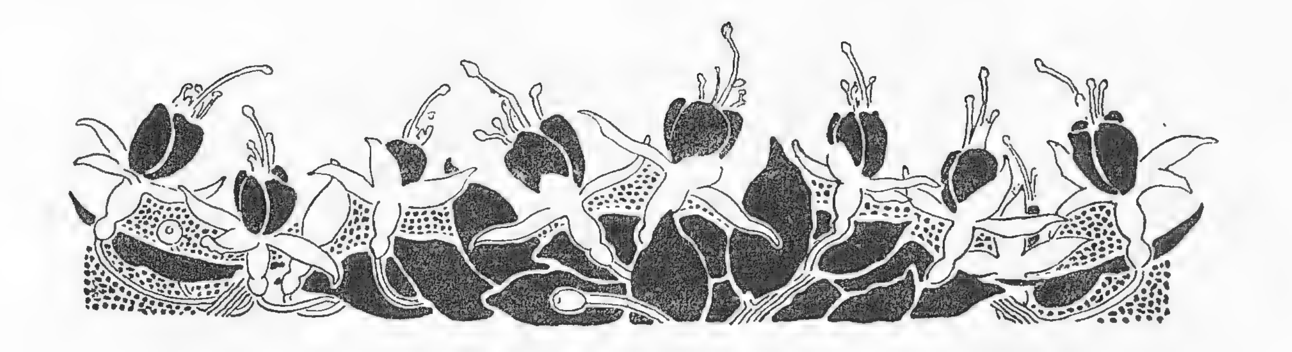
а) Неуплаченныя 35 лицамъ деньги за разные преимущественно монтировочные матеріалы	15.117 р. 70 к.
б) Невыданныя 13 лицамъ квартирныя деньги	367 » 47³/₄ »
Итого	15.485 р. 17³/₄ к.

В. П. Погожевъ.

До слѣд. книги.

418) Ibid. Дѣло 1827 г., № 757.

Къ біографіи Д. В. Аверкіева.

Наши свѣдѣнія о Дмитріи Васильевичѣ Аверкіевѣ относятся главнымъ образомъ къ 1865 г. Въ этомъ году Аверкіевъ написалъ трехъактную комедію-шутку «Серцеѣды» и кончилъ либретто къ оперѣ «Рогнѣда» А. Сѣрова. Комедія «Серцеѣды» не принадлежитъ къ числу удачныхъ произведеній Д. В. Самъ авторъ зналъ ей цѣну, когда впослѣдствіе исключилъ ее изъ собранія своихъ драматическихъ сочиненій [1]). Намъ довелось, благодаря любезности вдовы писателя С. В. Аверкіевой, прочесть піесу въ рукописи. Это обыкновенный фарсъ во вкусѣ Любишевскихъ водевилей, но съ претензіей на сатиру нравовъ. Содержаніе его сводится къ похожденіямъ трехъ шелопаевъ, желающихъ, но не умѣющихъ попасть въ сердцеѣды. Средства, которыми они пользуются при этомъ—(по существу нелѣпыя)—вскорѣ обнаруживаются и виновные терпятъ заслуженное наказаніе. Читая комедію, вполнѣ оправдываешь рѣшеніе Театрально-литературнаго комитета, отвергнувшаго піесу, за исключеніемъ отзыва о дарованіи автора, во всякомъ случаѣ преждевременнаго. Появленіе «Фрола Скобѣева», а затѣмъ «Каширской старины» блестяще доказало противное. Свое сужденіе о піесѣ Комитетъ выразилъ въ особомъ рапортѣ Предсѣдателя Комитета П. Юркевича на имя Министра Двора, графа В. Ѳ. Адлерберга: «По возвращеніи изъ дозволеннаго мнѣ отпуска, писалъ Юркевичъ, получилъ я отъ начальника Репертуарной части записку на имя Вашего Сіятельства, представленную г. Аверкіевымъ, относительно неодобренной къ представленію Театрально-Литературнымъ Комитетомъ комедіи его подъ названіемъ «Серцеѣды». Такъ какъ піеса эта читана была въ Комитетѣ во время моего отсутствія и тогда же возвращена автору, то я, не зная ея содержанія, не имѣлъ возможности представить на усмотрѣніе

[1]) «Драмы», изд. А. С. Суворина. Томъ I въ 1887, т. II и III въ 1896 г.

Вашего Сіятельства подробнаго о ней критическаго разбора.—Изъ составленнаго же журнала видно, что Комитетъ, большинствомъ шести голосовъ противъ трехъ, не одобрилъ комедію «Сердцеѣды» къ представленію. Впослѣдствіе авторъ представилъ въ Комитетъ записку, въ которой, доказывая достоинство своей піесы, настоятельно требовалъ допущенія ея на сцену. Комитетъ, выслушавъ эти объясненія, не нашелъ повода къ измѣненію своего мнѣнія о комедіи г. Аверкіева. Къ этому долгомъ поставляю присовокупить, что въ виду не имѣется никакихъ разумныхъ основаній по поводу піесы г. Аверкіева, усумниться въ безпристрастіи Комитета, который въ недавнее время одобрилъ двѣ піесы того же автора [1]). При бѣдности нашей драматической литературы, часто допускаются пьесы даже относительно слабыя, но имѣющія какой либо живой интересъ, чего, по отзывамъ членовъ Комитета, вовсе лишена комедія «Серцеѣды», содержаніе которой бѣдно, растянуто и утомительно и вообще обличаетъ въ авторѣ отсутствіе драматическаго дарованія. Такимъ образомъ, несмотря на усиленныя домогательства г. Аверкіева, не представляется основанія къ измѣненію заключенія о его піесѣ, тѣмъ болѣе, что параграфомъ 29-мъ правилъ, даннымъ въ руководство Комитету, постановлено: «Рѣшенія Комитета должны излагаться кратко, но точно и ясно въ протоколахъ, оставаясь не измѣненными и не подвергаясь аппеляціи». О всемъ вышеизложенномъ, долгомъ считаю почтительнѣйше донести Вашему Сіятельству» [2]). Судя по отсутствію дальнѣйшей переписки въ дѣлѣ, нужно полагать, что гр. Адлербергъ присоединился къ рѣшенію Комитета.

Другой эпизодъ, разыгравшійся нѣсколько позже, относился уже къ участію Д. В. Аверкіева въ составленіи либретто оперы «Рогнѣда». Какъ театральный критикъ «Голоса» и «Эпохи», Аверкіевъ не разъ посвящалъ свое вниманіе разбору произведеній Сѣрова, относясь къ нимъ неизмѣнно сочувственно. Это конечно сближало обоихъ художниковъ, и вѣроятно послужило поводомъ Сѣрову предложить однажды Аверкіеву написать текстъ для его новой оперы. Задача оказалась гораздо сложнѣе, чѣмъ это можно было думать. Въ своей автобіографической запискѣ, А. Н., говоря о постановкѣ «Рогнѣды» сознаетъ, что «музыка этой оперы, также какъ и музыка «Юдифи», складывалась *не по словамъ текста* [3]), еще не существовавшимъ, а по ситуаціямъ, ясно опредѣлившимся въ воображеніи автора. Оттого часто слова надобно было изобрѣтать подъ *готовую* [4]), или полуготовую

[1]) Какія пьесы? С. В. Аверкіева предполагаетъ здѣсь недоразумѣніе. Кромѣ «Серцеѣдовъ» и «Мамаева Побоища», въ 1865 г. у Д. В. пьесъ не было вовсе. «Слобода Неволя» закончена лишь въ 1866 г.

[2]) Общ. Архивъ Мин. Имп. Двора, оп. № 25—955, д. № 22—33, 1865 г.

[3]) Курсивъ оригинала.

[4]) Тоже.

музыку [1]). Этимъ объясняется, что въ произведеніи Аверкіева, въ общемъ довольно удачномъ, отсутствовала органическая связь отдѣльныхъ частей между собой, не было строго выработаннаго плана, руководящей идеи... По словамъ біографа Сѣрова, онъ «обыкновенно работалъ по утрамъ и создавалъ разныя сцены въ разбивку. Либретто «Рогнѣды» получилось необыкновенно пестрое и совершенно несвязанное логически; въ этомъ отношеніи опера можетъ смѣло считаться образцомъ музыкальной *не* драмы. Это просто пестрый спектакль, съ шествіями, охотой, колдуньей, идоломъ, скоморохами, странниками, балетомъ и убійствомъ. Оба элемента—язычники-кіевляне и мнимые, никогда не существовавшіе въ подобномъ видѣ, древніе христіане—не болѣе ни менѣе какъ претекстъ для всего этого пестраго спектакля. Сѣрову просто хотѣлось преподнести публикѣ эффектное зрѣлище, во вкусѣ Мейерберовскихъ оперъ... Вотъ почему основанная на ложной, неисторической канвѣ (такъ какъ одинъ фактъ или легенда о мести Рогнѣды еще не дали повода для созданія *музыкальной драмы*) «Рогнѣда» совершенно уступила простотѣ и строгому изяществу «Юдифи», планъ драмы которой начертанъ самимъ библейскимъ повѣствованіемъ» [2]). Такъ или иначе, но опера «Рогнѣда», а слѣдовательно и сюжетъ ея, имѣли выдающійся успѣхъ. Поставленная впервые 27-го октября 1865 г., она въ теченіе какихъ-нибудь двухъ слишкомъ мѣсяцевъ, дала автору, по собственному его сознанію, свыше двухъ тысячъ рублей «разовыхъ». Кромѣ того, въ февралѣ слѣдующаго года, состоялось Высочайшее повелѣніе, коимъ «во вниманіе къ отличному таланту и замѣчательнымъ музыкальнымъ произведеніямъ композитора статскаго совѣтника Александра Сѣрова», Всемилостивѣйше пожалованъ ему пенсіонъ «по тысячѣ рублей въ годъ изъ Кабинета Его Величества» [3]). Сѣровъ ликовалъ, и было чему: это была крупная побѣда русской музыки! Тѣмъ болѣе представляется страннымъ, что на фонѣ такого радостнаго настроенія могла разыграться исторія, имѣвшая основаніемъ денежные разсчеты съ человѣкомъ, содѣйствовавшимъ успѣху новой оперы. Нужно замѣтить, что Аверкіевъ составивъ либретто для «Рогнѣды», считалъ себя вправѣ получать поспектакльное вознагражденіе за свой трудъ. Сѣровъ зналъ это и не разувѣрялъ Д. В., но, когда пришло время ставить оперу, тогда обнаружилось, что Дирекція руководствуется совершенно особыми положеніями, по которымъ ею вознаграждается только авторъ музыки, авторъ же либретто имѣетъ дѣло исключительно съ композиторомъ. Такіе порядки возмутили Д. В.; со свойственною ему

[1]) *Н. Финдейзенъ.* А. Н. Сѣровъ. (Ежег. Имп. т. Сез. 1897—1898, кн. 3, стр. 86).
[2]) Тамъ-же.
[3]) *Н. Финдейзенъ.* А. Н. Сѣровъ (Ежег. Имп. т. Сез. 1897—1898, кн. 3, стр. 85.

горячностью, онъ составилъ докладную записку, гдѣ доказывалъ, что подобныя правила несправедливы, что они не соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ театральнаго искусства, что для него должно быть сдѣлано исключеніе и т. д. Записка эта была вручена Начальнику Репертуарной части, для передачи Министру, не получая отвѣта, Аверкіевъ самъ написалъ гр. Адлербергу: «Ваше Сіятельство! Рѣшаюсь безпокоить васъ по дѣлу о вознагражденіи меня, какъ автора либретто оперы «Рогнѣда». Я, какъ вы усмотрите изъ нижеслѣдующаго, принужденъ былъ вчера обратиться къ г. Начальнику Репертуара за категорическимъ отвѣтомъ и къ удивленію узналъ, что моя докладная записка по этому дѣлу, уже четыре мѣсяца тому поданная мною, до сихъ поръ не доложена Вашему Сіятельству. Вашему Сіятельству извѣстно, что по театральному положенію вознагражденіе отъ Дирекціи идетъ только автору музыки. Считая это правило не соотвѣтствующимъ современному развитію литературно-театральнаго дѣла, я, въ концѣ іюня, когда еще только составлялась смѣта о постановкѣ «Рогнѣды», подалъ г. Начальнику Репертуара докладную записку, гдѣ изложилъ свои права на вознагражденіе отъ Дирекціи. Этимъ дѣйствіемъ я ясно показалъ, что прошу объ исключеніи изъ общаго правила. Г. Начальникъ Репертуара отвѣчалъ, что безъ г. Директора театровъ онъ ничего не можетъ сдѣлать; я просилъ, по отсутствію г. Директора, доложить Вашему Сіятельству. Докладная записка моя принята и я остаюсь въ увѣренности, что заявленіе мое не будетъ упущено при соображеніи смѣтъ о постановкѣ оперъ. Если бы докладная записка моя была тогда не принята, я взялъ бы либретто обратно и тѣмъ дѣло бы и кончилось. Въ началѣ августа я имѣлъ счастіе видѣть Васъ лично и тогда же предупредить Ваше Сіятельство о поданной мною докладной запискѣ, заявивъ, что въ случаѣ отказа, я беру либретто назадъ. Я не осмѣлился вторично безпокоить Ваше Сіятельство, будучи вполнѣ увѣренъ, что докладная записка моя, при смѣтѣ о постановкѣ оперы, будетъ представлена на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства. Отвѣтъ—отрицательный—я получилъ нанняхъ отъ г. Директора, чрезъ г. Начальника Репертуара, т. е. когда, не принявъ въ соображеніе моего заявленія, оперу почти разучили. При передачѣ этого заявленія, г. Начальникъ Репертуара снова обѣщалъ мнѣ доложить объ этомъ Вашему Сіятельству. Вторично увѣренный въ правильномъ ходѣ дѣла, я былъ спокоенъ до вчерашняго дня, когда увидѣлъ на репертуарѣ оперу и узналъ отъ г. Начальника Репертуара, что Вашему Сіятельству не было даже сказано о моей просьбѣ. Я счелъ себя не вправѣ отказаться отъ моихъ словъ, сказанныхъ лично мною Вашему Сіятельству и написанныхъ въ вышесказанной докладной запискѣ, и просилъ дать мнѣ категорическій отвѣтъ до перваго представленія оперы, т. е. возвратить

мнѣ либретто или выдать требуемое вознагражденіе. Теперь обращаюсь къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшею просьбою защитить меня въ этомъ совершенно правильномъ и законно веденномъ мною дѣлѣ. Я такъ полагаюсь на справедливость Вашего Сіятельства, что не хочу прибѣгать ни къ какимъ другимъ средствамъ для защиты своихъ правъ. Примите увѣреніе и т. д. [1]). На этомъ письмѣ Адлербергъ собственноручно сдѣлалъ слѣдующую помѣтку: «Я господину Аверкіеву, когда онъ былъ у меня и словесно защищая свою претензію, категорично объявилъ, что по правиламъ установленнымъ какъ у насъ, такъ и вездѣ, плата отъ театральной Дирекціи, по условію, основанному по закону, производится только композитору музыки, котораго дѣло есть условиться съ авторомъ либретто, за которое Дирекція не обязана платить и къ этому я присовокупилъ, что онъ долженъ видѣться съ г. Сѣровымъ, котораго одного мы знаемъ. Это же я передалъ Начальнику Репертуара—на случай подачи г. Аверкіевымъ просьбы о вознагражденіи за либретто». Но повидимому и это мнѣніе Министра не было сообщено Д. В., ибо 14-го ноября онъ вновь обращается къ нему съ просьбой: «Ваше Сіятельство! Не сомнѣніе въ справедливости вашей, но стѣснительныя обстоятельства, въ которыя я поставленъ нерѣшеніемъ дѣла о выдачѣ мнѣ вознагражденія за либретто оперы «Рогнѣда», заставляютъ меня вторично обратиться къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшей просьбой. Я человѣкъ недостаточный, живу своимъ трудомъ,—и обнадеженный въ благопріятномъ для меня исходѣ дѣла, вслѣдствіе принятія моей докладной записки г. Начальникомъ Репертуарной части въ іюнѣ и послѣдующаго затѣмъ личнаго моего заявленія передъ Вашимъ Сіятельствомъ съ одной стороны, а съ другой постановкой оперы, несмотря на эти заявленія,—я отказался отъ предлагаемыхъ мнѣ литературныхъ работъ, дабы посвятить досугъ окончанію новой исторической драмы. Отвѣтъ Дирекціи послѣдовалъ тогда, когда я не могъ уже, безъ помощи законной власти, получить мое либретто обратно. Какъ вамъ извѣстно я предпочелъ обратиться къ справедливости Вашего Сіятельства, не прибѣгая къ посредству законной власти. Отказъ Дирекціи, для меня неожиданный, поставилъ меня въ критическое положеніе. Снова поручаю себя и свое дѣло Вашему Сіятельству, вашей добротѣ и справедливости, прошу принять и т. д.» [2]). Повидимому дѣло стало надоѣдать Министру. На письмѣ Аверкіева онъ сдѣлалъ такую надпись: «На поданномъ передъ симъ письмѣ, я помѣтилъ резолюцію, почему она не была ему объявлена?» Канцелярія объяснила, что резолюцію графа она поняла такъ, что «исполненіе оной», Министръ долженъ былъ «словесно поручить г. Начальнику

[1]) Общ. Арх. Мин. Имп. Дв., оп. № 23—955, д. № 26—39, 1865 г.
[2]) Тоже.

Репертуара». Адлербергъ разсердился. «Сказанное въ первой резолюціи, пишетъ онъ, о словесномъ объявленіи Начальникомъ по репертуарной части относится къ разговору, который былъ у меня съ г. Аверкіевымъ въ іюлѣ или августѣ мѣсяцѣ, а не къ представленной имъ въ концѣ октября запискѣ, на которое слѣдовало отвѣтить письменно, какъ въ резолюціи сказано». Въ этомъ духѣ и было написано Д. В. [1]). Такъ кончилась официальная часть дѣла, но была еще не официальная. С. В. Аверкіева мнѣ разсказывала, что въ сущности очень добрый и отзывчивый, Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ сочувствовалъ положенію ея мужа и несмотря на рѣзкій тонъ его писемъ, охотно вызвался ему помочь. По его совѣту, Аверкіевъ долженъ былъ поѣхать къ Сѣрову и попросить его написать Министру официальное письмо, въ которомъ, жалуясь на недостатокъ средствъ, онъ проситъ Министра сложить съ него уплату гонорара либреттисту. «Тогда мы будемъ имѣть законное право дать пособіе вашему мужу и конечно дадимъ его», сказалъ Адлербергъ.

Аверкіевъ такъ и сдѣлалъ, получилъ согласіе Сѣрова, но дѣло отъ этого не подвинулось. Изъ упрямства или другихъ причинъ, Сѣровъ обѣщаніе свое не исполнилъ и письмо не было послано. Возмущенный Аверкіевъ подалъ въ судъ жалобу на композитора, дѣло было назначено къ слушанію, но, явившись къ мировому, Д. В. неожиданно заявилъ, что претензій къ Сѣрову не имѣетъ и дѣло проситъ прекратить. Тѣмъ вся исторія и кончилась.

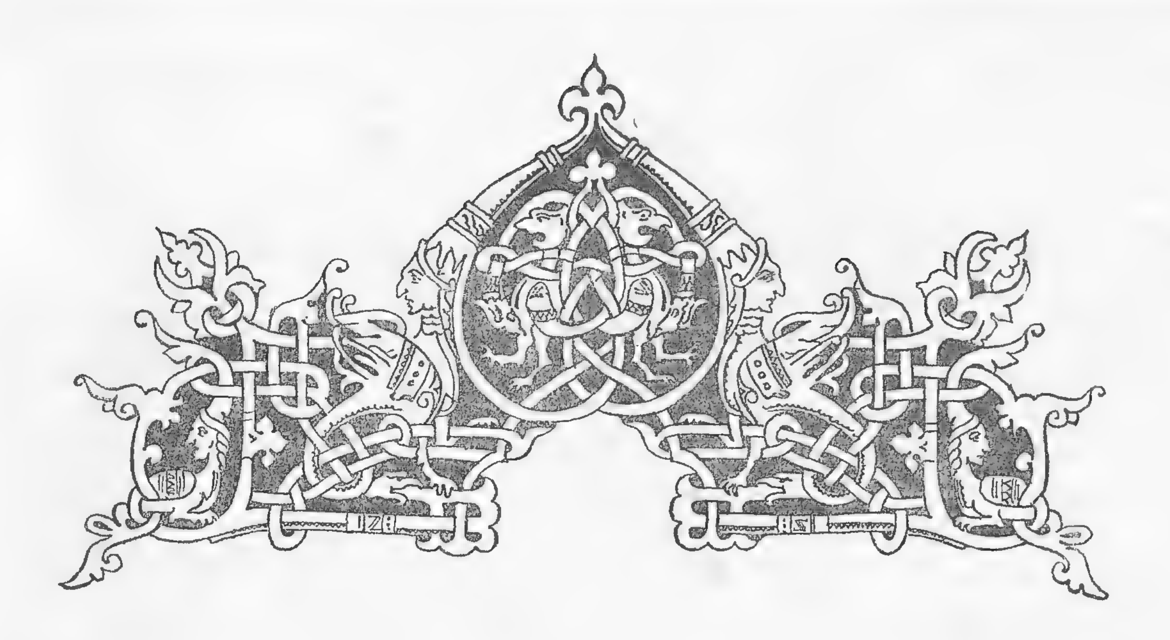
. . .

Въ заключеніе нѣсколько «справокъ», относящихся къ разнымъ періодамъ жизни покойнаго Д. В. По словамъ его жены, Аверкіевъ долгое время былъ подъ надзоромъ полиціи. С. В. объясняетъ, что это произошло совершенно неожиданно для Дмитрія Васильевича, который всегда чуждался революціонныхъ кружковъ. Правда, по выходѣ изъ университета въ 61—63 годахъ онъ участвовалъ въ знаменитыхъ студенческихъ безпорядкахъ, однако, больше въ качествѣ зрителя, чѣмъ дѣйствующаго лица. Его главная обязанность, по словамъ С. В., заключалась въ томъ, что онъ съ трибуны стаскивалъ за фалды слишкомъ завравшихся ораторовъ. Впрочемъ, если «надзоръ» и не особенно чувствовался, то вліяніе его всетаки мѣшало мирной дѣятельности Д. В. Благодаря ему, онъ не былъ принятъ преподавателемъ въ кадетскій корпусъ, а нѣсколько позже не утвержденъ редакторомъ «Всемірной Иллюстраціи». Освободилъ его отъ надзора Московскій Генералъ-губернаторъ кн. В. А. Долгоруковъ.

Баронъ **Н. В. Дризенъ.**

[1]) Общ. Арх. Мин. Имп. Дв., оп. № 22—955, д. № 26—39, 1865 г.

Д. В. Аверкіевъ и его отношенія къ театру.

† 5-го января 1905 г.

Дмитрій Васильевичъ Аверкіевъ родился въ Екатеринодарѣ, 30-го сентября 1836 года. Его предки принадлежали къ раскольникамъ Филипповскаго толка и бабка Дмитрія Васильевича была у нихъ даже «за попа». Отецъ его, крестьянинъ села Региматки, повѣнецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи, Василій Аверкіевъ, еще въ ранней молодости принялъ православіе. Очень скоро послѣ рожденія Д. В., онъ лишился жены, вслѣдствіе чего и отвезъ сына къ своему тестю, Дмитрію Ивановичу Самойлову, мценскому купцу, жившему въ Екатеринодарѣ. Семья, въ которую вступилъ Д. В., и въ которой провелъ дѣтство, была для того времени довольно образованная; она внимательно слѣдила за литературой и выписывала разные журналы и всякую, сколько-нибудь выдающуюся, новую книгу. По свидѣтельству Д. В., дѣдъ его былъ отличнымъ чтецомъ, въ особенности басенъ Крылова, и страстнымъ любителемъ театра, всегда отпускавшій въ долгъ лѣсъ для постройки театральнаго зданія актерамъ, заѣзжающимъ въ Екатеринодаръ, за что пользовался даровой ложей въ театрѣ, куда Д. В. вмѣстѣ съ нимъ сталъ ходить съ четырехъ-лѣтняго возраста.

Въ 1846 г., когда Дм. Вас. пошелъ десятый годъ, его отвезли въ Петербургъ къ другому дѣду, дядѣ отца, Якову Аверьяновичу (или Аверкіевичу, откуда происходитъ и фамилія драматурга) Региматскому (прозвище по деревнѣ), и помѣстили въ коммерческое училище, курсъ въ которомъ Д. В. окончилъ въ 1854 году, т. е. восемнадцати лѣтъ, съ золотой медалью. Затѣмъ въ слѣдующемъ году онъ поступилъ

своекоштнымъ студентомъ въ С.-Петербургскій университетъ по физико-математическому факультету, занимаясь въ немъ по преимуществу химіей, въ свободное время старательно изучалъ англійскій языкъ, чтобы читать въ подлинникѣ Шекспира. Разгоравшаяся съ годами страсть къ театру, заставила его, по окончаніи курса въ 1859 г. со степенью кандидата, примкнуть къ литературному кружку Аполлона Григорьева, критическія статьи котораго и взглядъ на искусство, въ особенности на театръ, имѣли непосредственное вліяніе на его міросозерцаніе, на убѣжденія и его литературное направленіе. А. Григорьевъ пригласилъ Д. В., начавшаго еще въ 1861 г. литературную работу въ «Русскомъ Инвалидѣ» Н. Г. Писаревскаго и въ «Сѣверной Пчелѣ» Усова, въ 1863 году въ число постоянныхъ сотрудниковъ, издаваемый Ѳ. Стелловскимъ, подъ его редакціею, еженедѣльной газеты «Якорь», гдѣ Аверкіевъ помѣстилъ цѣлый рядъ статей о петербургскомъ театрѣ, изъ которыхъ можетъ быть отмѣченъ его разборъ «Горькой судьбины» Писемскаго.

Затѣмъ, когда въ 1864 году началось изданіе «Эпохи», подъ редакціей М. М. Достоевскаго, Дм. Васильевичъ сталъ ревностнымъ сотрудникомъ этого журнала. «Не было журнала, гдѣ бы я писалъ такъ много и охотно, какъ въ «Эпохѣ», разсказываетъ Д. В. въ своемъ «Дневникѣ» (стр. 3). „Покойный Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій былъ первымъ изъ писателей предшествовавшаго поколѣнія, признавшимъ во мнѣ не только литературныя способности, но — horribile dictu — и художественный талантъ. Нѣкоторые изъ тамошнихъ («Эпохи») статей, обозначенныхъ моимъ именемъ, были написаны при ближайшемъ сотрудничествѣ Достоевскаго. Смѣю думать, что имѣю право считать его однимъ изъ своихъ литературныхъ учителей, и то, конечно, былъ самый талантливый, самый вліятельный и любимый мой учитель». Исканіе живой дѣйствительности, исканіе «почвы», какъ тогда выражались, уясненіе задачъ русскаго просвѣщенія и любовь къ искусству, неразрывная съ культомъ къ могущественнѣйшему его выраженію на русской почвѣ, въ лицѣ Пушкина—вотъ что дружило межъ собою сотрудниковъ «Эпохи». То былъ кружокъ людей разнаго возраста и воспитанія; кружокъ сплотившійся вокругъ Ѳедора Михайловича въ силу общности умственныхъ и нравственныхъ запросовъ и стремленій и любви къ искусству, выражавшейся по преимуществу въ культѣ Пушкина, чье имя тогда столь усердно позорилось журналистикой, самозвавшейся передовою. Многіе изъ мнѣній и взглядовъ, которые впослѣдствіе съ такимъ блескомъ и проповѣдническимъ жаромъ развивалъ Достоевскій какъ въ «Дневникѣ», такъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, были общимъ убѣжденіемъ кружка". Изъ статей, помѣщенныхъ Д. В. въ «Эпохѣ», можно указать на этюдъ—«Вильямъ Шекспиръ»,

по поводу его 300-лѣтняго юбилея, нѣсколько этюдовъ о русскомъ театрѣ, статью «А. А. Григовьевъ» и, наконецъ, на первое драматическое его произведеніе «Мамаево побоище», лѣтописное сказаніе. (Картины русской жизни XIV вѣка въ стихахъ). Одновременно Д. В. написалъ либретто для оперы А. Н. Сѣрова «Рогнѣда».

Въ 1866 году Д. В. помѣстилъ во «Всемірномъ трудѣ», Хана, драматическое произведеніе «Слобода Неволя», бывальщина въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ; а въ слѣдующіе два года, въ «Отечественныхъ Запискахъ», при С. С. Дудышкинѣ,—двѣ комедіи: «Лѣшій» и «Терентій, мужъ Данильевичъ» (1867 — 68 г.), сдѣлавшуюся впослѣдствіи одной изъ популярнѣйшихъ піесъ народныхъ театровъ. Въ продолженіе 1868—1870 г. велъ «Театральную хронику» въ газетѣ «Голосъ». Въ 1869 г. Г. Д. Гоппе предпринялъ изданіе большого иллюстрированнаго журнала «Всемірная. Иллюстрація» и пригласилъ Аверкіева завѣдывать редакціей; въ этомъ изданіи разбросано много статей его о театрѣ, о первыхъ шагахъ котораго Д. В. разсказываетъ въ своемъ «Дневникѣ» слѣдующіе небезынтересные подробности.

«При началѣ «Всемірной Иллюстраціи» я былъ приглашенъ Гоппе къ завѣдыванію литературнымъ отдѣломъ изданія. Нынѣ, когда, съ легкой руки покойнаго, у насъ расплодилось достаточное число иллюстрированныхъ изданій, не легко представить, какія затрудненія пришлось преодолѣть покойному Гоппе. Почти не было ни опытныхъ рисовальщиковъ, ни граверовъ, привычныхъ къ скорой работѣ. Первыя номера «Иллюстраціи» были сплошной перепечаткой одного изъ парижскихъ изданій [1]); гравюры печатались въ Парижѣ, а текстъ припечатывался къ нимъ въ Петербургѣ. На первыхъ же порахъ Гоппе удалось пріобрѣсти нѣсколько неизданныхъ гравюръ покойнаго Сѣрякова; для нихъ оставлялись въ Парижѣ бѣлыя полосы. Такое веденіе дѣла представляло великія неудобства. Далѣе, я обратилъ вниманіе Германа Дмитріевича на то обстоятельство, что его «Всемірная Иллюстрація» станетъ только тогда вполнѣ русской, а съ тѣмъ вмѣстѣ возбудитъ и вниманіе публики, когда начнетъ слѣдить за всѣми выдающимися явленіями нашей общественной жизни. Гоппе сразу призналъ справедливость нашего замѣчанія, и съ настойчивостью, его отличавшею, принялся за осуществленіе плана. Конечно, на первыхъ порахъ пришлось испытать не мало огорченій и разочарованій. Художники и граверы, не привычные къ срочной работѣ, вѣчно запаздывали, по отпечатаніи рисунка вдругъ обнаруживалось, напримѣръ, что шпаги у офицеровъ привѣшены съ правой стороны, оттого, что неопытный художникъ не сообразилъ, что

[1]) Аверкіевъ подразумѣваетъ L'Illustration — лучшій европейскій иллюстрированный журналъ, которому по мѣрѣ силъ старалась подражать „Иллюстрація" Гоппе. Въ этомъ похвальномъ подражаніи, была единственная заслуга русскаго органа.

*

въ печати правая сторона выйдетъ лѣвой, и наоборотъ. Не мало было также затрудненій съ печатаніемъ: типографіи наши также не были опытны въ дѣлѣ спѣшнаго и срочнаго оттискиванія гравюръ. Все это было побѣждено и, въ первый же годъ своего существованія, «Всемірная Иллюстрація» уже заняла почетное мѣсто среди иностранныхъ изданій въ томъ же родѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и упрочила свою будущность. Ставъ болѣе русской, «Иллюстрація» съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлалась и болѣе «всемірной». Печатаніе гравюръ въ Парижѣ было замѣнено выпискою клише изъ заграницы, отчего изданіе выиграло въ разнообразіи: явилась возможность заимствованія хорошихъ гравюръ изъ любой иллюстраціи. Вслѣдъ за тѣмъ въ заграничныхъ, преимущественно въ нѣмецкихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, появились русскія гравюры, выписанныя отъ Гоппе. Успѣхъ Гоппе былъ вполнѣ заслуженный: то не былъ просто личный успѣхъ издателя, но и успѣхъ дѣла».

Въ 1870 году Д. В. писалъ о театрѣ въ «Зарѣ» В. В. Кашпирева, гдѣ еще въ 1869 г. напечаталъ одну изъ лучшихъ и наиболѣе удачныхъ піесъ своихъ «Сказаніе о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и о стольничей Нардынъ-Нащокина дочери Аннушкѣ» фабула которой взята изъ старинной повѣсти XVII в. того же названія.

Написавъ комедію, разсказываетъ самъ Д. В. по поводу этой піесы, я отправился къ В. В. Самойлову, съ которымъ былъ знакомъ раньше. Самойлову, какъ и Эдельсону [1]), нравилась моя «Слобода Неволя» и онъ долго, но безуспѣшно хлопоталъ объ ея постановкѣ. Ему хотѣлось раньше «смерти» Грознаго (въ піесѣ гр. Толстого) изобразить его въ полномъ цвѣтѣ силъ. Но цензура нашла, что Грозный въ «Слободѣ» говоритъ не какъ царю подобаетъ, а по-мужицки [2]), а театрально-литературный комитетъ, что жестокость Грознаго въ піесѣ не оправдывается «государственной необходимостью»... «Фролъ» также полюбился Василію Васильевичу. Послѣ перваго же акта онъ рѣшилъ взять піесу себѣ на бенефисъ. Послѣ второго онъ усомнился, достаточно-ли онъ молодъ для «Фрола». Надо сказать, что въ первоначальной редакціи Фролъ являлся къ Нащокинымъ, согласно повѣсти, въ видѣ дѣвушки. Обстоятельство это для повѣсти существенное; но проистекающее изъ него послѣдствіе, по своей болѣе чѣмъ нескромности, немыслимо въ драмѣ. По окончаніи чтенія В. В. рѣшилъ, что онъ все-таки возьметъ піесу на бенефисъ, но будетъ играть Нардынъ-Нащокина, находя, что и эта роль отличная. Мы сѣли обѣдать. Покойная жена В. В., рожденная Бибикова, обратилась

[1]) Извѣстному критику.

[2]) Замѣчу мимоходомъ, что въ эти «мужицкія рѣчи» вошли почти дословно отрывки изъ писемъ царя къ кн. Курбскому.

къ нему съ вопросомъ: кто же будетъ играть Фрола? По ея мнѣнію, роль слѣдовало поручить г. Сазонову. В. В. не сразу отвѣчалъ на вопросъ. Онъ, очевидно, что-то обдумывалъ.

— Такъ кто же? Сазоновъ?—переспросила хозяйка.—Нѣтъ, я самъ. Авторъ сдѣлаетъ мнѣ небольшую уступку. Пусть Фролъ явится старухой, ворожеей. И покажется боярышнѣ въ зеркало. Подобная сцена есть, правда, въ Аблесимовскомъ «Мельникѣ». Да ничего: хорошее и украсть не грѣхъ.—Совѣтъ Василія Васильевича показался мнѣ дѣльнымъ. Онъ дѣлалъ роль Фрола доступной для большаго числа артистовъ; онъ устранялъ неудобство для Фрола вести всю сцену въ женскомъ платьѣ и самый приступъ къ сценѣ дѣлался болѣе свободнымъ. Что было хорошо для повѣсти, то и мнѣ самому являлось не совсѣмъ удобнымъ для драмы, но я недоумѣвалъ, какъ это устранить: В. В. просто открылъ ларчикъ.

В. В. Самойлова часто рисуютъ актеромъ строптивымъ, даже дерзкимъ съ актерами. Правда, бывали такіе актеры, которые послѣ смѣшиванья Самойлова съ грязью въ газетахъ, надумывались сами настрочить піеску и являлись къ нему съ требованіемъ играть въ ней роль. Понятно, что такихъ авторовъ В. В. не могъ встрѣчать съ распростертыми объятіями. Что до меня лично, то мнѣ ни раньше, ни позже не привелось видѣть актера, столь любезнаго и внимательнаго къ автору, какъ В. В. Самойловъ. Я былъ тогда молодымъ неопытнымъ драматургомъ, имѣвшимъ о постановкѣ піесъ понятія только «теоретическія», какъ принято говорить, или весьма поверхностныя, какъ слѣдовало бы выражаться. И вотъ, я получаю отъ Самойлова приглашеніе притти къ нему, чтобъ съ нимъ пройти роль. Конечно, не я съ нимъ, а онъ со мною проходилъ ее. Въ это утро я многому научился. В. В. обратилъ особое вниманіе на второй актъ, какъ самый важный въ роли: «кто его одолѣетъ, тому остальное не можетъ представить особыхъ затрудненій [1]). Онъ цѣлыхъ семь разъ прочелъ вслухъ сцену съ Аннушкой, съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе входя въ роль. Между прочимъ стихъ:

«А пожалѣла, значитъ полюбила»,

онъ разгорячась, прочелъ:

А! пожалѣла, значитъ полюбила.

— А что скажете? Вѣдь этакъ, пожалуй, лучше? Мнѣ оставалось взять карандашъ и поставить послѣ «а» восклицательный знакъ.

---

[1]) Мнѣ разсказывали, что въ Нижнемъ при первомъ представленіи „Фрола", актеръ не совладалъ со стихами во II актѣ; не долго думая, онъ потихоньку вырвалъ изъ режиссерской и суфлерской книжекъ 2-е дѣйствіе. Такъ піеса и шла. То-то публика, должно быть, негодовала на автора за безсмыслицу.

На репетиціяхъ Самойловъ явился такимъ режиссеромъ, какихъ я и не видывалъ. Я, впрочемъ, зналъ его съ этой стороны и раньше. Въ университетѣ, когда я былъ студентомъ, задумали сыграть «Ревизора». Я пристроился въ суфлеры, а В. В. былъ приглашенъ на двѣ или на три репетиціи въ качествѣ главнаго режиссера. Онъ показывалъ удивительно просто и понятливо, какъ слѣдуетъ играть. Между прочимъ онъ самъ исполнилъ за Хлестакова почти весь 4-й актъ и лучшаго Ивана Александровича я не видалъ. Особенно мнѣ запомнилось разнообразіе пріемовъ въ браньѣ взятокъ, съ каждымъ новымъ посѣтителемъ Хлестаковъ становился все развязнѣе и наглѣе, и сцена съ Бобчинскимъ и Добчинскимъ явилась его апогеемъ въ сказанномъ отношеніи.

На репетиціяхъ «Фрола» онъ буквально сыгралъ всѣ роли, придумывая за артистовъ и жесты, и движенія. Увы! далеко не всѣ артисты оказались ровно внимательны; нѣкоторые, удачно повторивъ указанное, забывали все къ слѣдующей же репетиціи. Тутъ я понялъ впервые всю несерьезность нашихъ репетицій для большинства артистовъ.

Черезъ день послѣ представленія, я утромъ зашелъ къ Самойлову.

— А вотъ прочтемте, что въ газетахъ пишутъ, сказалъ онъ.

Въ первой попавшейся статьѣ похвалялись многіе артисты, всѣ больше Самойлова, у котораго рецензентъ находилъ мало русскаго. А одна его гримировка, одни «желтыя кудри», съ какими красавцы являются въ сѣверныхъ пѣсняхъ и былинахъ, стоили восторженныхъ похвалъ.

— Ну, вотъ теперь вы видите, какъ они пишутъ, сказалъ Самойловъ. Всѣ, кромѣ меня, создали роли. Да вы были на репетиціяхъ, и знаете въ чемъ дѣло».

Около этого времени Д. В. помѣстилъ въ «Нивѣ» комедію въ одномъ дѣйствіи «Не шали съ огнемъ» для домашняго спектакля, поставленную впослѣдствіи съ успѣхомъ на Александринскомъ театрѣ, и передѣлалъ для русской сцены историческую картину въ 1 дѣйствіи Банвиля, «Король и Поэтъ». Въ 1871 г. Д. В. переѣзжаетъ въ Москву и дѣлается постояннымъ сотрудникомъ «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ въ 1875—1877 гг. имъ напечатаны три большія статьи: «Театральный вопросъ», «Театральные порядки» и «Московская драматургія» и много театральныхъ рецензій. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» помѣщались цѣлый рядъ статей его «о драмѣ», нѣсколько его піесъ и между прочимъ его драма «Каширская Старина», давшая ему громкую извѣстность, какъ драматургу.

Кромѣ вышеупомянутыхъ піесъ Д. В. написано «Непогрѣшимые», ком. въ стихахъ, «Изъ мрака къ свѣту» драма (передѣл. изъ романа Коллинза) и трагедіи: «Ульяна Вяземская», «Разрушенная невѣста», «Франческа Риминійская», «Тем-

ный и Шемяка», «Царевичъ Алексѣй», «Смерть Мессалины», «Теофано», «Трогирскій Воевода» и «Столичный слетокъ». Писать трагедіи вообще не легко и творчество въ этомъ родѣ драматическихъ формъ—даже независимо отъ того удачно ли оно, или слабо, талантливо, или не вполнѣ умѣло, — заслуживаетъ серьезнаго вниманія и сочувствія.

При мелочности и пошловатости содержанія и формъ нашей будничной жизни, въ которой современная драматургія почерпываетъ свои мотивы, трагедія, историческая и бытовая, какъ захватывающая человѣческія страсти и глубже, и сильнѣе, и изображая ихъ рельефнѣе, должна производить наиболѣе облагораживающее впечатлѣніе на зрителя и доставлять ему эстетическое наслажденіе. Исходя изъ этой точки зрѣнія, должно признать за Аверкіевымъ совершенно преимущественное положеніе передъ другими русскими драматическими писателями, нисколько, при этомъ не закрывая глазъ передъ тѣми недостатками, которыми вообще страдаютъ произведенія этого автора. На это преимущество ему даетъ право его глубокое и основательное изученіе Шекспира, обыкновенно поставляемое писателю въ вину воинствующею съ нимъ при жизни печатью. Со стороны умнаго и образованнаго драматическаго писателя весьма понятно было увлеченіе Шекспиромъ и вліяніе этого послѣдняго,—и видѣть въ этомъ одно подражаніе генію Шекспира, какъ склонны были думать многіе, было-бы весьма неосновательно, такъ какъ въ такомъ случаѣ каждаго драматическаго писателя, пишущаго трагедію, пришлось-бы обвинять въ точно такомъ же подражаніи,— пришлось бы обвинять въ этомъ и А. Толстого за его «Грознаго», «Царя Бориса» и «Ѳеодора», и прежде всѣхъ самого Пушкина, у котораго не только слѣды вліянія великаго драматурга очень ярки, но даже въ цѣлыхъ сценахъ виденъ сколокъ и подражаніе въ постройкѣ нѣкоторымъ сценамъ Шекспира. Главная суть недостатковъ творчества Аверкіева заключается въ томъ, что мало имѣть умъ и владѣть знаніемъ сцены, чтобы писать трагедію: нужна талантливость и весьма крупная, а покойный Д. В. былъ умный, начитанный критикъ и писатель, а не талантливый художникъ: отсюда вытекаетъ та дѣланность, и искусственность, холодъ, которымъ вѣетъ отъ его произведеній; мѣстами сказываются бѣднота и отсутствіе развивающагося дѣйствія [1]), происходящаго иногда даже за кулисами, очень часто замѣненнаго на сценѣ холоднымъ резонерствомъ: это общіе недостатки Аверкіева, какъ драматурга, очень часто грѣшившаго въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ противъ взгляда, высказаннаго имъ о сущ-

[1]) Одна «Каширская Старина» представляетъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе.

ности и задачѣ драмы, въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ помѣщенныхъ, имъ въ различныхъ изданіяхъ о театрѣ и въ его монографіи «О драмѣ».

Дѣйствіе равно необходимо какъ для драмы, такъ и для повѣсти, — писалъ онъ въ нихъ—но помимо извѣстнаго характера дѣйствія (комическаго или трагическаго), драма предполагаетъ еще особыя нѣкоторыя данныя, изъ коихъ все послѣдующее вытекаетъ непрерывной струей по законамъ вѣроятія или необходимости. Дѣйствіе въ драмѣ должно завязываться сразу, такъ сказать въ одной точкѣ; если нѣкоторыя лица вступаютъ въ общее дѣйствіе уже въ его разгарѣ,—то хотя бы это вступленіе и обусловливалось вполнѣ необходимостью или вѣроятіемъ, оно не годится для драмы, какъ скоро автору въ эпизодической сценѣ приходится объяснять ихъ неожиданное появленіе на сцену.

Въ повѣсти отдѣльныя дѣйствія могутъ быть разсказаны каждое особо: предуготовляющіе общее дѣйствіе эпизоды могутъ случиться въ различныя времена, или одновременно въ разныхъ мѣстахъ; такое обстоятельство ни мало не мѣшаетъ ходу повѣсти, представляющей всегда разсказъ о прошломъ.

Въ драмѣ-же дѣйствіе въ каждый свой моментъ рисуется какъ настоящее, всякая его пріостановка, всякое его разъясненіе, какъ бы оно кратко ни было, расхолаживаютъ впечатлѣніе.

Хотя Вольтеръ и утверждалъ, что въ пятиактной драмѣ безъ эпизодовъ обойтись невозможно, тѣмъ не менѣе эпизоды противны существу драматическаго изображенія; они должны быть не только кратки, но и сопровождаться усиленіемъ дѣйствія—какъ бы вознагражденіе за его недолгую пріостановку. Для драмы почти безразлично, въ какую эпоху происходитъ дѣйствіе; драма не можетъ входить въ подробности быта, и поневолѣ въ этомъ отношеніи ограничивается изображеніемъ общихъ чертъ. Иначе она запутается; мелкія подробности обременятъ ея ходъ, затормозятъ дѣйствіе, или же—если для изображенія будетъ взята какая-либо особенность, положимъ даже весьма характерная для избранной эпохи, но для насъ непонятная—зрители останутся къ ней холодны. Не того ищутъ они въ драмѣ: въ театръ ходятъ за тѣмъ, чтобъ смѣяться или плакать, а не за тѣмъ, чтобъ изучать характерныя особенности быта того или иного вѣка и народа.

Художникъ будетъ всегда правъ, относясь къ историческимъ лицамъ и событіямъ съ тою свободою, какую себѣ изначала усвоила въ этомъ отношеніи народная поэзія.

Историческій родъ повѣствованія — чуть ли не самый древній, современный возникновенію поэзіи. Былины, собранныя и художественно обработанныя Гомеромъ, имѣютъ своимъ предметомъ изображеніе историческихъ лицъ, отчасти даже

историческихъ событій. Слагатели нашихъ былинъ и пѣсенъ не справлялись съ мнѣніями историковъ, рисуя «Владимира Красное-Солнышко», или «Грознаго Царя», выводившаго измѣну изъ святорусской земли. О Грозномъ былина разсказываетъ даже факты, неизвѣстные изъ другихъ «историческихъ» источниковъ. Народное пѣснотворчество изображаетъ историческихъ лицъ, какъ ему любо, согласно со своимъ о нихъ воображеніемъ.

Историческое лицо, потому что оно «историческое», не перестаетъ быть живою личностью, и какъ таковая подлежитъ художественному изображенію.

Характеръ даннаго лица можетъ быть истолкованъ различно; всякій историкъ, однако, въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ извѣстныя данныя; порою онъ заподозриваетъ нѣкоторые факты только потому, что они несогласны съ его взглядомъ на характеръ лица; онъ не просто описываетъ событіе, онъ разъясняетъ его, ищетъ его смыслъ и значеніе. Художнику тоже событіе является какъ живое дѣло, будто имъ видѣнное, которое онъ можетъ разсказать или изобразить какъ бы происходящимъ воочію. Оба и ищутъ, и достигаютъ разнаго. Вы читаете въ романѣ рѣчи лица, слышите ихъ со сцены въ драмѣ и трагедіи, и вспоминаете, что они «историческія», что онѣ дѣйствительно произносились имъ; теперь смотрите: понятны ли онѣ въ устахъ человѣкъ, какимъ это «историческое» лицо рисуется въ художественномъ произведеніи; если да, если онѣ въ его устахъ звучатъ столь же свободно, какъ и иныя, явно придуманныя художникомъ рѣчи, то авторъ правъ; онъ если не вполнѣ, то во многомъ угадалъ характеръ лица, которое взялся изобразить. И почему художникъ долженъ въ своихъ «историческихъ» романахъ или драмахъ представлять только вымышленныя лица? Потому что «исторія» — предметъ знанія. Но и художество, по вѣрному опредѣленію Шопенгауера, есть особаго рода знаніе. Почему же художественный умъ не можетъ обнять въ цѣлости историческое лицо, досоздать его на основаніи извѣстныхъ данныхъ, когда и натуралисты, по остаткамъ отдѣльныхъ частей животныхъ и растеній, досоздаютъ ихъ полный образъ? Ставъ на подобную точку зрѣнія пришлось бы отвергнуть вообще художественное изображеніе живыхъ лицъ. Художникъ и въ современной жизни наблюдаетъ только отдѣльныя, часто разрозненныя черты быта или характера, и здѣсь ему приходится досоздавать; расплавлять отдѣльныя куски и отливать цѣльный образъ.

На то данъ ему художественный умъ, стремящійся не къ отвлеченному выводу, къ цѣлостному объятію предмета, къ его изображенію въ самомъ себѣ.

Конечно, выдумывать и сочинять нелѣпицы не слѣдуетъ; но этого не слѣ-

дуетъ дѣлать не только художникамъ, но и историкамъ. Вѣдь плохіе историки въ этомъ отношеніи грѣшатъ не менѣе плохихъ художниковъ».

Въ 1884 г. Дмитрій Васильевичъ предпринялъ еженедѣльное литературное изданіе «Дневникъ Писателя». Изданія, подобно настоящему, писалъ онъ въ первомъ выпускѣ «Дневника», гдѣ одно и то же лицо изображаетъ и сотрудниковъ, и редактора, и издателя, не составляютъ новости въ литературѣ. Съ легкой руки Аддисона въ прошломъ вѣкѣ они были въ ходу какъ заграницей, такъ и у насъ. Русскому читателю стоитъ вспомнить «Стародума», «Почту Духовъ», «Трутня», и прочая. Въ сущности, это самая простая и естественная форма собесѣдованія съ читателями. («Днев. Пис.» 1885 г. ст. 1). У насъ, лѣтъ десять назадъ, форма единоличнаго повременнаго изданія была возстановлена Ѳ. М. Достоевскимъ. Я осмѣлился послѣдовать его примѣру, и съ разрѣшенія вдовы покойнаго писателя выдавать въ свѣтъ свои мечты и думы подъ тѣмъ же заглавіемъ. Со времени гибели «Эпохи», въ моихъ литературныхъ скитальчествахъ, я, конечно. печатался въ органахъ всевозможныхъ взглядовъ и направленій, почему досужіе люди причисляли меня то къ славянофиламъ, то къ консерваторамъ, то чуть-ли не къ радикаламъ, смотря по тому, какое изъ писанныхъ прозвищъ казалось каждому изъ нихъ болѣе ругательнымъ. Никогда, впрочемъ, несмотря на всѣ страданія и уступки, я не могъ сдѣлаться ближайшимъ сотрудникомъ ни одного журнала. Постоянно я оказывался для редакторовъ чѣмъ-то въ родѣ козьихъ роговъ, которые по пословицѣ: ни въ коробъ, ни изъ короба, и мои затѣи всегда кончались тѣмъ, что я убѣждался все болѣе и болѣе, что прихожусь не ко двору, если не россійской словесности, то современной журналистикѣ. Ни въ одномъ органѣ я не находилъ той доли свободы, которая казалась мнѣ настоятельной потребностью. Немудрено, что я издавна мечталъ, предпринять что-либо въ родѣ «Дневника». Такая мысль улыбалась мнѣ, какъ драматургу. Мы, драматурги, народъ привычный становиться лицомъ къ лицу съ публикой, и думать, что вотъ сегодня меня ждетъ успѣхъ, или провалъ; наше дѣло вырабатываетъ не только талантъ, но и характеръ.

Утомленный ежемѣсячной, въ теченіе двухъ лѣтъ, бесѣдой съ читателями, и имѣя въ виду работы, требующія сосредоточеннаго вниманія (чего при ихъ единоличномъ періодическомъ изданіи достигнуть трудно), Д. В. въ 1887 г. пріостановилъ выпускъ своего «Дневника», въ которомъ кромѣ статей по общественнымъ вопросамъ, критическихъ и политическихъ, нѣсколькихъ его стихотвореній, повѣстей, драматическихъ произведеній («Купальская ночь»,—греза въ одномъ дѣйствіи, «Столичный слетокъ», трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, «Золотой дѣдъ», комедія въ

3-хъ дѣйствіяхъ, «Король и поэтъ», комедія въ одномъ дѣйствіи), былъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей о театрѣ.

А въ нашихъ театральныхъ замѣткахъ [1]) мы постоянно, писалъ онъ, въ нихъ обращали преимущественное вниманіе на важность достодолжнаго устройства режиссерскаго управленія. Эта мысль, какъ красная нить въ канаты англійскаго адмиралтейства, была вплетена во всѣ наши статьи. Мы говорили, что въ театрѣ необходимо художественное распорядительство; что безъ него даже труппы, обладающія несомнѣнными сценическими талантами (какъ напримѣръ обѣ теперешнія труппы Императорскихъ театровъ), не въ силахъ составить единаго цѣлаго, подобно тому, какъ самый прекрасный оркестръ ничего не значитъ безъ капельмейстера. Мы утверждали, что для правильнаго хода дѣла, театръ раньше всего долженъ твердо опредѣлить свой репертуаръ, то есть обозначить, какого именно рода піесы онъ намѣревается ставить и minimum ихъ литературнаго достоинства. Не всякая піеса, застрявшая по той или иной причинѣ на репертуарѣ, можетъ быть сочтена за репертуарную, особенно въ театрѣ такого высокаго положенія, какъ наши Императорскіе. Однихъ заглавій піесъ еще недостаточно для сужденія о благосостояніи репертуара того или иного театра. Было время, когда нѣкоторыя піесы Мольера и Шекспира были въ Маломъ театрѣ репертуарными піесами въ полномъ смыслѣ слова, мало того, составляли основу репертуара, были центромъ его тяготѣнія. Мы считаемъ нелишнимъ войти въ нѣкоторыя подробности о томъ времени, имѣя въ виду уяснить на живомъ примѣрѣ понятіе о репертуарѣ. То было время, когда во главѣ театра стояли Шумскій и Самаринъ; когда они были невольными распорядителями сцены. Такое распорядительство, конечно, отличалось всѣми неудобствами актерскаго самоуправленія, и было косвенною причиною упадка Малаго театра; тѣмъ не менѣе въ немъ были и хорошія стороны, о которыхъ стоитъ вспомнить. Главное его достоинство состояло именно въ поддержаніи по мѣрѣ возможности правильнаго понятія о репертуарѣ. Основой репертуара образцоваго театра должны быть прекрасныя литературныя произведенія, но дѣло должно состоять не въ однихъ громкихъ именахъ авторовъ; изъ литературнаго богатства слѣдуетъ выбрать тѣ піесы, которыя, при насущномъ составѣ труппы, могутъ итти образцово. Выборъ палъ на нѣсколько комедій Шекспира и Мольера. Изъ комедій Мольера чаще давались «Проказы Скапена», «Замужество», «Лучшій докторъ», «Школа мужей», «Тартюфъ», «Мнимый больной»; изъ Шекспира—«Укрощеніе строптивой», «Много шума изъ пустяковъ», «Виндзорскія проказницы», и «Двѣнадцатая ночь». Могутъ

[1]) Въ «Русскомъ Инвалидѣ», «Эпохѣ», «Якорѣ», «Всемірной Иллюстраціи», «Моск. Вѣдомостяхъ» и друг. изд.

сказать, что выборъ этотъ былъ нѣсколько эгоистическій; что въ названныхъ піесахъ лучшія роли приходились либо на долю Шумскаго, либо на долю Самарина. Отчасти—да. Но въ тоже время, въ этихъ піесахъ находилось дѣло для всей труппы, и у многихъ артистовъ въ нихъ были свои коронныя роли. Примѣръ вызывалъ подражанія. Появилась бенефисная мода на классическія піесы. Поставленныя наспѣхъ, онѣ терпѣли участь большинства бенефисныхъ новинокъ, то есть сдавались въ архивъ, не принося пользы репертуару. Онѣ ставились не для труппы, а ради отдѣльныхъ ролей. Между прочимъ и Самаринъ, и Шумскій были противъ постановки трагедій Шекспира потому, что считали ихъ не по силамъ труппы. И дѣйствительно постановка двухъ, трехъ трагедій доказала наглядно справедливость ихъ мнѣнія. Итакъ, въ понятіи о репертуарной піесѣ образцоваго театра, ея литературное достоинство связано самымъ тѣснымъ образомъ съ достодолжнымъ исполненіемъ. Хорошія піесы и помимо театра имѣютъ свое значеніе; значеніе театра никоимъ образомъ не можетъ быть измѣрено только заглавіемъ даваемыхъ въ немъ піесъ; театръ становится хорошимъ театромъ только тогда, когда въ немъ какъ слѣдуетъ исполняются хорошія піесы; именно піесы, а не отдѣльныя въ нихъ роли. Отдѣльныя роли, повторяемъ, исполняются хорошо и въ провинціи, и даже въ клубахъ. Усилія Шумскаго и Самарина тѣмъ-то и похвальны, что эти артисты сумѣли найти піесы, въ исполненіи коихъ съ блестящей стороны выказывались не только ихъ собственные таланты, но и силы всей труппы. Основа репертуара была найдена; Малый театръ пріобрѣталъ опредѣленную физіономію, какъ театръ комедіи. Выбранныя въ основу репертуара піесы были школой и для труппы, и для публики. Усилія названныхъ артистовъ не могли однако создать правильнаго репертуара, то есть соотвѣтствующаго его основному тону подбора піесъ: тому мѣшали и монополія, и бенефисы. Репертуарной піесой слѣдуетъ считать только такую, о достодолжномъ исполненіи которой режиссерское управленіе прилагаетъ особую заботу, стремясь къ тому, чтобъ каждое послѣдующее представленіе было лучше предыдущаго. Это ему даже вмѣнено въ обязанность.

Мало давать Шекспира и Мольера, ихъ слѣдуетъ давать достодолжнымъ образомъ. Иначе вмѣсто піесы публика увидитъ крошево, или почувствуетъ себя въ провинціи, куда пріѣхали два, три столичныхъ актера на гастроли. Между тѣмъ у насъ, когда піеса долго держится на репертуарѣ, съ нею случается слѣдующее. Нѣкогда она была поставлена болѣе или менѣе тщательно, роли были розданы по возможности правильно, приложено было стараніе, чтобъ піеса шла согласно. Извѣстное время піеса исполняется какъ слѣдуетъ; затѣмъ, по случаю заболѣванія или смерти нѣкоторыхъ исполнителей, ихъ роли передаются другимъ.

Такая передача совершается наспѣхъ, безъ особаго разсужденія о томъ, будетъ ли при ней нарушенъ ансамбль или нѣтъ, часто за два, за три дня до представленія. Порою, для пущей важности, о ней заранѣе возглашается въ газетахъ, которыя, прилагая списокъ распредѣленія ролей, не замѣчаютъ, что оно хуже стараго. Можно ли сказать, что піеса при этомъ остается репертуарной? Нѣтъ, она просто застряваетъ на репертуарѣ. У насъ, строго говоря, имѣется всего три піесы, которыя безспорно могутъ быть поставлены въ основу репертуара, именно: «Горе отъ ума», «Ревизоръ» и «Женитьба». Нашъ театръ, поэтому, никакъ не можетъ стать ни «домомъ» Грибоѣдова, ни «домомъ» Гоголя. Попытки ввести въ репертуаръ Пушкина доселѣ были неудачны; ни одна изъ постановокъ не оказалась на высотѣ задачи, но и съ Пушкинымъ основной репертуаръ окажется невеликъ. Въ силу такого обстоятельства нашему театру необходимо включить въ основной репертуаръ нѣсколько піесъ Шекспира, Мольера, Шиллера. Нельзя, однако, ставить безъ разбора и думы какое придется изъ произведеній этихъ свѣтилъ драматургіи. Ставить нужно только то, что окажется по силамъ труппы; что можетъ дѣйствительно стать основой репертуара. Суть не въ обиліи такихъ постановокъ, а въ ихъ доброкачественности. Иначе онѣ не принесутъ плода, а окажутся пустоцвѣтомъ, даже и не пышнымъ. Плодъ же онѣ дадутъ только въ томъ случаѣ, когда вся труппа найдетъ въ нихъ надлежащее дѣло; покажетъ свою способность исполнять какъ слѣдуетъ піесы, а не роли. Притомъ весь составъ репертуара долженъ соотвѣтствовать такой основѣ. А то мы нынче хотимъ возвыситься до Шекспира, а завтра плюхнемся въ подкаретную малограмотность.

Неразборчивый выборъ піесъ для постановокъ ведетъ къ тому, что наши «образцовые» театры не только не служатъ примѣромъ для частныхъ сценъ, но нерѣдко сами плетутся за ними. Мы говоримъ о постановкѣ піесъ уже игранныхъ на частныхъ сценахъ. Конечно, Императорскій театръ обязанъ быть, такъ сказать, хранилищемъ піесъ, имѣющихъ несомнѣнныя художественныя достоинства; весьма возможно, что піеса, ими обладающая, по той или другой случайности, будетъ первоначально поставлена на частной сценѣ; впослѣдствіи она, какъ произведеніе способное обогатить репертуаръ, можетъ быть возобновлена на сценѣ «образцоваго» театра, гдѣ (предполагается) первостепенные артисты своимъ исполненіемъ способны придать ей новый блескъ, уяснить для публики ея художественныя красоты. Такія возобновленія не рѣдки всюду, гдѣ имѣются «образцовыя» сцены, соотвѣтствующія по своему назначенію нашимъ Императорскимъ театрамъ. Выборъ піесъ для постановки, а тѣмъ болѣе для возобновленія, зависитъ всецѣло отъ дирекціи. Литературно-театральный комитетъ тутъ не причемъ. Да и что такое подобные

комитеты вообще? Нѣмецкіе критики справедливо считаютъ ихъ не болѣе, какъ ширмами дирекціи. Театральное Управленіе должно дѣйствовать прямо и открыто, умѣть сказать «да» или «нѣтъ»; но не всѣ управляющіе театромъ обладаютъ достаточнымъ для того мужествомъ. Ради прикрытія ихъ слабодушія и изобрѣтены комитеты. При ихъ помощи возможно избѣжать личнаго отказа. Въ случаяхъ когда по тѣмъ, или инымъ причинамъ будетъ признано необходимымъ учрежденіе литературнаго комитета при театрѣ, ему можетъ быть данъ голосъ только совѣщательный; чрезъ это театральное управленіе избавится по крайности отъ главнѣйшаго неудобства подобныхъ комитетовъ: невозможности поставить литературную піесу въ случаѣ ея забраковки. Впрочемъ, надлежащій распорядитель сцены и не пожелаетъ устройства литературныхъ ширмъ: онъ смѣло возьметъ дѣло въ свои руки. Вѣдь съ комитетомъ ли, или безъ комитета, все равно отвѣтственность за репертуаръ подаетъ на него. Когда Гейнрихъ Лаубе былъ приглашенъ директоромъ Вѣнскаго придворнаго театра,—мѣсто, соотвѣтствующее должности начальника режиссерскаго управленія въ нашихъ театрахъ—то онъ прямо поставилъ условіемъ, чтобъ выборъ піесъ для постановки и возобновленія зависѣлъ непосредственно отъ него. Составъ труппы долженъ быть принаровленъ къ репертуару, иначе она превращается въ болѣе или менѣе случайное полчище артистовъ, при чемъ только и выяснится на какія именно въ роли труппѣ имѣются артисты и на какія нѣтъ? У насъ распространено мнѣніе, что для составленія хорошей труппы достаточно пригласить талантливыхъ артистовъ, получившихъ уже бóльшую или меньшую извѣстность. И несмотря на подобную систему и многочисленные опыты въ этомъ отношеніи, труппы, всетаки, ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ не образовалось. Никогда и нигдѣ хорошая труппа не составлялась сама собою. Никто не сомнѣвается, надѣемся, что обѣ столичныя труппы обладаютъ прекрасными артистическими силами. Отчего же ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ труппы? Оттого, что сила труппы не въ отдѣльныхъ артистахъ, входящихъ въ ея составъ, а въ ея распорядителѣ. Бывшая московская труппа, напримѣръ, была труппа Верстовскаго. Въ ней была извѣстная цѣльность и послѣ Верстовскаго, пока были живы помнившіе его старики. Со смертью Шумскаго, понятіе о труппѣ пало. Самые лучшіе музыканты при плохомъ капельмейстерѣ окажутся неважнымъ оркестромъ; отличные солдаты проигрываютъ сраженіе при дурномъ военачальникѣ. То же и въ театрѣ. Распорядитель труппы долженъ обладать умѣньемъ распознавать не только таланты, но и ихъ особенности; изъ двухъ, трехъ артистовъ, занимающихъ одно и тоже амплуа, то-есть сродственныхъ по таланту, требуется для данной роли выбрать одного, къ кому она подходитъ болѣе другихъ. Того мало: распорядитель долженъ сумѣть найти дѣло для

всей труппы. У насъ въ модѣ жалобы на распущенность артистовъ, на отсутствіе въ ихъ средѣ дисциплины. Мы твердили не мало, и сново повторяемъ, что дисциплина зависитъ не отъ строгости, а отъ знаній начальника: дѣло боится мастера, а не кулака. Самое слово «дисциплина» понимается у насъ въ превратномъ смыслѣ, именно въ смыслѣ суровости, взыскательности, зависящей отъ характера, а не отъ таланта управителя. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что корень этого слова въ латинскомъ глаголѣ disco, означающемъ учить. Кто не умѣетъ руководить, тотъ не умѣетъ и взыскивать. Оттого-то у насъ въ театрѣ сегодня проповѣдуется, что артистамъ должна быть предоставлена полная свобода, хоть ничего не дѣлай, а на завтра возглашается, что они не болѣе какъ батраки, которыхъ дирекція можетъ обязать являться ежедневно въ театръ и торчать, хотя бы безъ дѣла, за кулисами отъ 10-ти до 3-хъ часовъ. Театральная критика можетъ быть только, такъ-сказать, художественной корректурой, да и то для тѣхъ только артистовъ, которые сами не прочь исправиться. Какъ люди разумные, они не требуютъ мелочнаго и дробнаго разбора своей игры; они понимаютъ критика съ двухъ словъ и либо отвергаютъ его замѣчанія, какъ несущественныя, либо соглашаются съ ними и «правятъ» свои роли. Эти артисты не обижаются даже за такую характеристику ихъ таланта, гдѣ указывается къ какимъ именно ролямъ они наиболѣе способны, зная, что всеобъемлющимъ сценическимъ художникомъ быть нельзя. Есть, однако, не малое число иного рода артистовъ. Бываютъ между ними и просто даровитые люди, и талантливые, и даже высокоталантливые, но у всѣхъ у нихъ одна несчастная черта: ихъ самолюбіе по крайности разъ въ двѣсти превышаетъ ихъ талантъ, какъ бы онъ ни былъ крупенъ.

Д. В. состоялъ также нѣсколько лѣтъ членомъ Литературно-Театральнаго Комитета и принималъ дѣятельное участіе вмѣстѣ съ Островскимъ въ работахъ Комиссіи по пересмотру Положенія объ «Императорскихъ Театрахъ». Смерть маститаго драматурга, нѣсколько лѣтъ не покидавшаго постели, благодаря злому недугу, ни для кого не было неожиданностью, но сошелъ онъ въ могилу при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ въ дни (9 января 1905 г.) типографскихъ забастовокъ; такъ что близкіе ему люди были лишены возможности оповѣстить черезъ газеты его друзей и почитателей о постигшей ихъ утратѣ. Но если Д. В. скончался въ неудобный моментъ и кончина его прошла незамѣтной, то его работы по литературѣ и драматургіи даютъ ему полное право занять почетное мѣсто въ исторіи русскаго Театра.

НЕКРОЛОГИ.

Германъ Августовичъ Ларошъ.

10-го января 1849 г. † 5-го октября 1904 г.

Г. А. Ларошъ родился въ Петербургѣ 10-го января 1849 г. Онъ принадлежалъ къ талантливой нѣмецкой семьи Ларошей. Къ членамъ этой семьи, между прочимъ, принадлежалъ знаменитый актеръ вѣнскаго Бургъ-театра Карлъ Ларошъ [1]). Отецъ Г. А. былъ учителемъ нѣмецкаго языка. Своимъ воспитаніемъ и блестящимъ всестороннимъ образованіемъ онъ исключительно обязанъ своей матери, Софьѣ Ѳеодоровнѣ, женщинѣ умной и образованной. Первоначальное музыкальное свое образованіе Ларошъ получилъ у извѣстнаго піаниста А. И. Дюбюка; отъ него перешелъ въ сентябрѣ 1862 года стипендіатомъ московскаго отдѣленія музыкальнаго

---

[1]) Карлъ Ларошъ († 11-го марта 1879 г. въ Вѣнѣ, 90-ти лѣтъ) старѣйшій артистъ вѣнскаго Бургъ-театра, принадлежавшій къ составу его труппы болѣе пятидесяти лѣтъ. Въ Берлинѣ, гдѣ онъ родился, знакомство съ Ифландомъ оказало большую поддержку таланту молодого Лароша, и когда отецъ его лишился значительной части своего состоянія, онъ не препятствовалъ поступить ему на сцену. Молодой Ларошъ съ большимъ успѣхомъ дебютировалъ въ Дрезденѣ, потомъ игралъ въ Данцигѣ, Кенигсбергѣ и Веймарѣ, гдѣ художественнымъ развитіемъ Лароша занялся Гете. Съ 1832 года онъ оставался въ Вѣнѣ. Онъ первый изъ актеровъ, получившій отъ императора дворянское достоинство.

